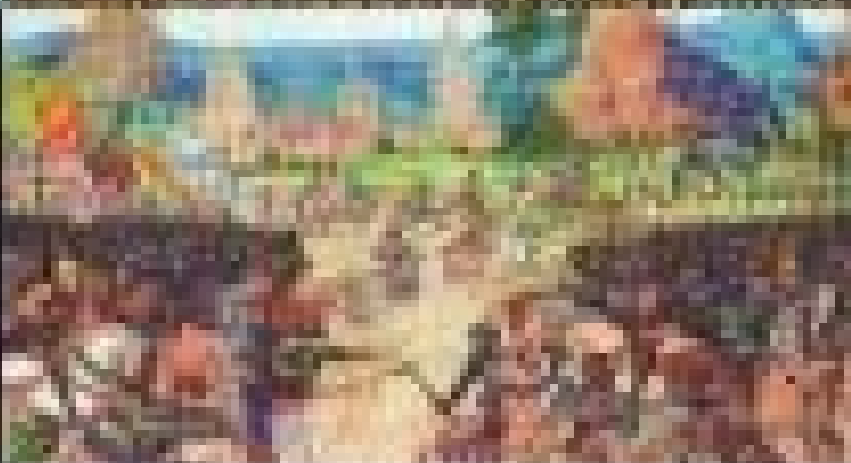
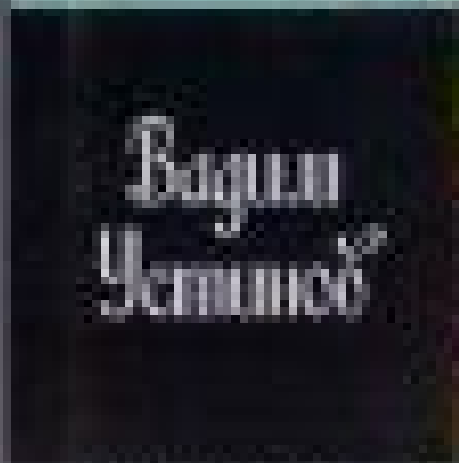

ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Вагил Устимов

ЧЕРНЫМ ПРИНЦ

ХЭЛ

Annotation

Эдуард Вудстокский (1330–1376), принц Уэльский, прозванный Чёрным Принцем — один из известнейших исторических деятелей средневековья. Сын и наследник короля Англии, победитель французов в битвах Столетней войны, он казался современникам воплощением истинного рыцаря, храброго и галантного. Скептически настроенные потомки увидели принца иначе — типичным феодалом, равнодушным к смерти и страданиям жертв его военных авантюр. О том, каким на самом деле был принц Эдуард, чем он выделялся среди современников, рассказывает книга историка Вадима Устинова — первая русскоязычная биография Чёрного Принца.

- [Чёрный Принц](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвёртая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвёртая](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвёртая](#)
 - [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
 - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ЭДУАРДА ВУДСТОКСКОГО,](#)
 - [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)

- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)

- [81](#)
 - [82](#)
 - [83](#)
 - [84](#)
 - [85](#)
 - [86](#)
 - [87](#)
 - [88](#)
 - [89](#)
 - [90](#)
 - [91](#)
 - [92](#)
 - [93](#)
 - [94](#)
 - [95](#)
 - [96](#)
 - [97](#)
 - [98](#)
 - [99](#)
 - [100](#)
 - [101](#)
 - [102](#)
 - [103](#)
 - [104](#)
 - [105](#)
-

Черный Принц

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1987

(1787)

Вади́л Усти́нов

ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2019

Предисловие

ПРИНЦ, КОТОРОГО НИКОГДА НЕ НАЗЫВАЛИ ЧЁРНЫМ

Мода на ниспровержение устоявшихся представлений об исторических событиях и персонах родилась не в наше время. Безусловно, порой свежий взгляд полезен: новые источники и новые знания способны помочь историку подобраться к истине ближе, чем это удавалось его предшественникам.

Однако помимо исследований, цель которых заключается в восстановлении опороченной репутации того или иного исторического персонажа, нередко предпринимаются и прямо противоположные попытки. Одним из тех, кому «повезло» стать объектом посмертных нападок, оказался знаменитый английский воин и полководец Эдуард Вудстокский, принц Уэльский и Аквитанский, больше известный по прозвищу Чёрный Принц.

Современники в основном говорили о нём как о талантливом полководце, блистательном образце рыцарственности, знатном лорде, весьма сведущем в охоте и «куртуазной любви», увлекавшемся пирами и турнирами. Другими словами, он представлял собой идеальный тип рыцаря и полностью соответствовал канонам, насаждавшимся в позднем средневековье определённого рода литературой, ярким примером которой является роман «Сэр Гавейн и Зелёный Рыцарь»^[1]. Герольд на службе сэра Джона Чандоса, верного сподвижника и близкого друга принца, описывал характер Эдуарда Вудстокского с очевидным пиететом:

Сей принц, рассказа моего герой,
Пленён с рожденья мыслью был одной:
Отвагу, верность, храбрость он считал
За истинно бесценный капитал.
И столь была в нём доблесть высока
И сила благородства велика,
Что, раз наметив в жизни верный путь,
Уже не помышлял с него свернуть —
Путь честности и правды торжество.

Воспитывали с детства так его¹ [2].

Историки в большинстве своём придерживаются традиционной трактовки характера Эдуарда Вудстокского до сих пор. Но представители высших классов британского общества в середине XIX века решили, что уровень достигнутой ими цивилизованности даёт им моральное право осуждать любые проявления средневекового варварства. Они были достаточно образованны, чтобы ознакомиться с документальной базой, и у них начали вызывать сомнения хвалебные оды, которые пелись принцу современными ему хронистами.

Ревизионистам Эдуард Вудстокский представлялся алчным, бессердечным, высокомерным аристократом, бездарным администратором и неумелым политиком. Помимо этих общих упрёков ему предъявлялось обвинение в крайней жестокости при осаде в 1370 году города Лимож, который был взят штурмом и разграблен, а 3000 жителей якобы безжалостно умерщвлены. В наставлении, произнесённом в июне 1852 года, каноник Кентерберийского собора Артур Пенрин Стэнли не только заявил о бессердечии Эдуарда Вудстокского, но и заподозрил его в сословном чванстве:

«Чёрный Принц, как и те, кто брал с него пример, проявлял рыцарственность, любезность и щедрость только к равным или к своим прямым вассалам, и не задумывался о том, как в принципе следует обращаться с представителями бедных, средних классов и с простолюдинами. Его мог тронуть вид захваченного в плен короля или храбрость трёх французских джентльменов, но уши его не слышали, а глаза не видели плача и стонов отцов, матерей и детей из беднейших горожан, которые не были связаны с ним законами чести и рыцарства»².

Инициативу священника подхватила Луиза Крейтон — автор исторических и философских книг, известный лидер британских суфражисток, активна боровшаяся за права женщин. В своей биографии Чёрного Принца она по сути лишь повторила главные тезисы из наставления Стэнли — правда, уже от себя снабдив их снисходительной ссылкой на средневековые нравы:

«Разграбление Лиможа демонстрирует нам тёмную сторону рыцарства. Мы не должны слишком уж винить за это Чёрного Принца. Принося в жертву своей мести невинных жителей целого города, он лишь действовал в духе того века, в котором он жил. Взгляды, в духе которых он воспитывался, не учили его уважать человеческую жизнь как таковую.

Достойные жалости страдания женщин и детей не вызывали у него таких же сильных эмоций, как отважное поведение латников в бою. Именно в этом и состояла суть рыцарства, все привлекательные стороны которого не могут заставить нас простить ему пренебрежение человеческими страданиями. Несомненно, это ужасное разграбление — позорное пятно на репутации Чёрного Принца; но вряд ли стоило надеяться на то, что он мог подняться над своим веком»³.

В средневековье гибель сотен мирных жителей во время штурма города не считалась чем-то из ряда вон выходящим, однако хладнокровное убийство 3000 горожан и тогда расценивалось как поступок возмутительный и позорный. К примеру, репутация Ричарда I Львиное Сердце была порядком подпорчена его решением казнить такое же количество пленных сарацинов в 1191 году после взятия Акры во время Третьего крестового похода. Благодаря доброхотам-энтузиастам разорение Лиможа оказалось чёрным пятном в биографии Эдуарда Вудстокского — правда, чуть ли не единственным. Именно поэтому для нас так важна эта, казалось бы, малозначительная осада, и мы в нашей книге уделим ей достаточно много внимания.

Естественно, источники XIV века немногочисленны и ненадёжны. Весьма часто они сознательно вводили читателя в заблуждение, искажали факты в угоду взглядам авторов или интересам их знатных покровителей. Не стоит забывать, что Англия и Франция находились тогда в напряжённом противостоянии, в которое было втянуто большинство стран Европы — это ещё больше усиливало политизированность большинства сочинений. Но хотя хронисты и поэты порой преувеличивали достоинства своих кумиров, отметить без разбору их свидетельства было бы неправильно — всё-таки они являлись очевидцами тех давних событий.

Подобно своему отцу королю Эдуарду III, принц сознательно стремился вести себя как герой рыцарского романа. Артуровские идеалы настолько прижились к английскому двору, что неминуемо должны были найти своё реальное воплощение. Это случилось, когда король создал некое подобие Круглого Стола, чуть позже трансформировавшееся в знаменитый орден Подвязки.

Принц на самом деле обладал множеством несомненных достоинств. От отца он унаследовал мощное телосложение и с успехом участвовал в турнирах. Будучи совсем юным, он мечом заработал себе репутацию храбреца — и это в век, когда доблестных рыцарей в любой стране было хоть отбавляй, а подвиги на поле боя считались делом совершенно обыденным. Кто, как не Эдуард Вудстокский, командовал английским

авангардом в одной из самых известных битв европейского средневековья — в 1346 году при Креси? Кто, как не он, уже во главе армии, разгромил во втором знаменитом сражении — при Пуатье в 1356 году — многократно превосходящие по численности войска противника и захватил в плен самого короля Франции?

Кто женился по любви в возрасте 31 года, с лёгкостью поломав хитроумные династические брачные схемы? Это был уникальный для того времени поступок, куда более смелый, чем пресловутое отречение короля Эдуарда VIII, который якобы предпочёл трону семейное счастье. Кто держал в Аквитании блестящий двор, вызывавший зависть всей Европы? Кто настолько успешно управлял своими имениями, что умудрялся покрывать за счёт доходов с них большую часть тех колоссальных военных расходов, которые возлагались королём на его плечи? Снова тот самый Эдуард Вудстокский, которому пытаются отказать даже в минимальных способностях администратора.

Принц вовсе не был неотёсанным драчуном и мотом. Он получил достаточно хорошее для того времени образование и при случае демонстрировал изящный вкус. Например, при проведении строительных работ в своих манорах Эдуард предпочитал пользоваться услугами знаменитого архитектора Генри Йевеле или мастера Хью из Сент-Олбенса^[3], далеко не последнего среди художников. Что касается его безудержных трат на доспехи, коней и драгоценности, то большая часть этого добра раздавалась в качестве наград и подарков сподвижникам.

Кстати сказать, своё грозное прозвище, так хорошо известное потомкам, при жизни Эдуард не носил. Оно намертво пристало к его персоне уже в более поздние времена, но когда и почему — доподлинно неизвестно, хотя на этот счёт существует несколько теорий. Вероятнее всего, впервые прозвище «Чёрный Принц» упомянул в 1540-х годах английский поэт и антиквар Джон Леланд, прозванный отцом английского краеведения и библиографии. В своей работе «Collectanea» («Коллекция»), представляющей собой антологию произведений более ранних авторов по британской истории, он использовал хронику доктора богословия и клирика Джона Уоркворта. Пересказывая её, Леланд писал: «Чёрный Принц (в тексте *Blake Prince*. — В. У.) выиграл битву с французами у Шовиньи. Чёрный Принц взял в плен короля Жана Французского и его сына Филиппа в битве при Пуатье»⁴. Вторично Леланд использовал это прозвище при изложении другой хроники — «*Eulogium historiarum*» XIV века, — но уже на латыни: «Там же (в битве при Креси. — В. У.) принц

Эдуард стал известен под именем Чёрного (в тексте *Nigri*)»⁵.

Интересно однако, что в оригинальных текстах хроники Уоркворта и «*Eulogium*», послуживших антиквару исходным материалом, нигде не встречается прозвища «Чёрный Принц». Отсутствует оно и в ещё более старой «Хронике Брута», изданной английским первопечатником Уильямом Кэкстоном, а затем скопированной Уорквортом. Но начало было положено: вслед за Леландом прозвище использовал Рафаэл Холинshed, английский хронист второй половины XVI века: «По достижении зрелости его обычно звали принц Эдуард, прозванием его также было Чёрный Принц»⁶. Поскольку работа Холиншеда послужила основным источником исторических знаний для Уильяма Шекспира, то великий драматург, ничтоже сумняшеся, и в этом последовал за своим наставником:

Припомним самый чёрный наш позор —
Проигранную битву при Креси,
Когда все принцы были взяты в плен
Рукой и чёрным именем Эдварда
Уэльского, что звался Чёрным Принцем⁷.

После того, как исторический факт оказался запечатлённым в творении мэтра английской драматургии, он вполне ожидаемо перешёл в категорию общеизвестных и не подлежащих сомнению.

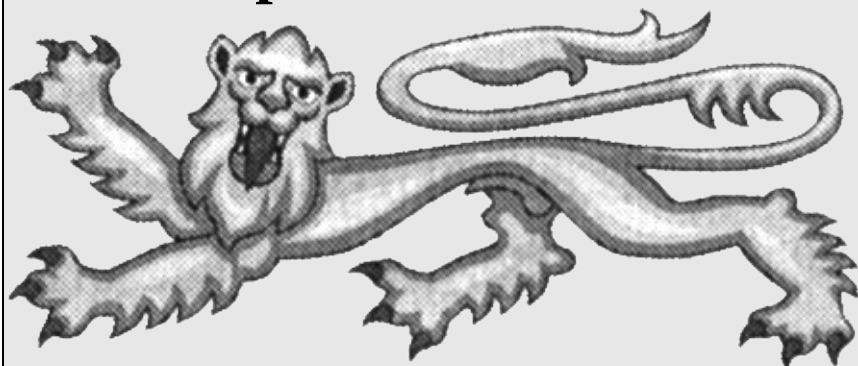
Существуют и альтернативные теории. Ряд учёных предполагают, что прозвище закрепилось за принцем Уэльским не в XVI столетии, а веком ранее — во времена правления короля Эдуарда IV, который взошёл на престол в 1461 году. Почему? Очень просто: некоторые хроники именуют Эдуардом IV самого принца — как бы предвосхищая его вступление на престол. К примеру, глава 185 упоминавшейся выше хроники «*Eulogium*» носит название «*Itinerarium Eduardi Quarti*» («Путешествие Эдуарда Четвёртого») и описывает поход принца на Бержерак и Перигор в 1356 году⁸. Точно так же флорентийский банкир и хронист Джованни Виллани называет принца Эдуардом IV, сыном короля Англии и принцем Уэльским⁹. Естественно, что после вступления на трон графа Марчского, получившего при коронации имя Эдуарда IV, могла возникнуть совершенно неприличная путаница. Поэтому из более поздних редакций хроник слово «Четвёртый» исчезло и вместо него появилось прозвище «Чёрный Принц».

Таким образом, ответ на вопрос: «когда?» — худо-бедно найден.

Остаётся выяснить: «за что?» На этот счёт высказано множество догадок. Большинство комментаторов склоняется к тому, что прозвище связано с чёрным цветом доспехов, которые якобы носил принц. Однако такое предположение абсолютно ничем не подкреплено — впрочем, как и все остальные. Согласно менее распространённой трактовке, это прозвище французского происхождения, а получил его принц за безжалостные набеги на земли Южной Франции и за блестящие победы в битвах, наводившие на врагов ужас. Наконец, некоторые исследователи поддерживают версию о том, что прозвище «Чёрный Принц» действительно порождено цветом доспехов, но скорее из-за традиции их живописного изображения, нежели из-за того, что Эдуард Вудстокский носил такие в реальной жизни¹⁰. Как бы то ни было, с уверенностью можно утверждать лишь одно — прозвище стало общепризнанным уже в XVI веке.

В заглавии этой книги Эдуард фигурирует именно как Чёрный Принц — таким образом мы отдаём дань многовековой традиции. Но по ходу повествования мы будем следовать исторической правде и именовать его так же, как современники — Эдуардом Вудстокским, графом Честерским, герцогом Корнуоллским и, наконец, принцем Уэльским и Аквитанским.

Часть первая

ЧЕСТНАЯ ЮНОСТЬ ВОИНА

Глава первая

НАСЛЕДНИК ПРЕСТОЛА

Конец первой четверти XIV века был далеко не самым безмятежным периодом в истории Англии. Дурное правление короля Эдуарда II Карнарвонского довело страну до весьма плачевного состояния. На севере приграничным областям угрожали шотландцы, значительная часть Ирландии была потеряна, от богатейшего французского наследства короля Генри II^[4], двумя столетиями ранее включавшего в себя Анжу, Мен, Турень, Бретань, Нормандию, Пуату и Аквитанию, остался только жалкий кусочек земли вокруг Бордо.

Изнутри страну раздирали гражданские смуты, двор погряз в интригах. Король отдавал решение важных вопросов на откуп своим фаворитам, которые беззастенчиво пользовались монаршим доверием для собственного обогащения. В конце концов взбалмошный Эдуард II был свергнут собственной женой, королевой Изабеллой, и её любовником Роджером де Мортимером^[5] — мятежником, бежавшим во Францию из заточения в Лондонском Тауэре. Изгнанники заручились поддержкой Вильгельма Геннегауского^[6], причём континентальная помощь была оплачена не только деньгами, но и помолвкой наследного принца Эдуарда с дочерью графа Филиппой. Справедливости ради надо отметить, что дети искренне полюбили друг друга. Видимо, насмотревшись в детстве безобразных сцен между родителями, наследник английского трона не хотел повторения печального опыта семейной жизни без любви. Так или иначе, глубокое чувство к Филиппе Геннегауской он пронёс через всю свою жизнь — по крайней мере, до тех пор, пока находился в здравом рассудке.

Парламент, собравшийся в Лондоне, 7 января 1327 года официально низложил Эдуарда II и провозгласил королём его сына, которому к тому времени исполнилось всего лишь 14 лет. По малолетству юного Эдуарда III страной должен был управлять регентский совет. Реальную власть, однако, прибрал к рукам организатор свержения незадачливого монарха Роджер, лорд Мортимер Уигморский, получивший титул графа Марчского. С явным сожалением современники констатировали:

«Король во время коронации был молод, в юном возрасте, и многие обиды были нанесены во время незаконного правления его отца, который доверял советникам, дававшим ему дурные советы вопреки здравому смыслу.

Это причинило большой вред королевству, королю, всем людям, и привело к гибели короля... Посему на коронации было решено, что королём из-за его юного возраста должны руководить двенадцать великих лордов Англии, без которых ничто не должно вершиться — а именно: архиепископ Кентерберийский, архиепископ Йоркский, епископ Уинчестерский и епископ Херефордский, граф Ланкастерский, дядья короля граф-маршал и граф Кентский, граф Саррейский, бароны сэр Томас Уэйк, сэр Генри Перси, сэр Оливер Ингэм и Джон Рос... Но порядок был вскоре нарушен, что принесло много бед и вреда всей Англии. Ибо король и все лорды, которые должны были им руководить, сами подпали под власть матери короля дамы Изабеллы и сэра Роджера де Мортимера»¹.

Никаких перемен к лучшему, на которые с приходом новых правителей надеялась вся страна от простолюдинов до знати, не случилось. Это было тем более прискорбно, что в ближайшее окружение королевы Изабеллы входило несколько вполне способных администраторов — например, Адам Орлтон, епископ Херефордский, или Генри де Бергерш, епископ Линкольнский. Внутреннюю и внешнюю политику государства практически единолично определял Роджер Мортимер, и она вызывала всеобщее недовольство. Фавориту небезосновательно вменялось в вину присвоение двух третей всех доходов страны, заключение на невыгодных условиях мира с Францией и Шотландией, бесстыдное выставление напоказ интимных отношений с королевой Изабеллой и, наконец, убийство низложенного короля, заточенного в замке Баркли.

Отстранённый от реальной власти, юный Эдуард III значительную часть времени посвящал делам семейным — 24 января 1328 года в Йоркском соборе он сочетался браком со своей любимой Филиппой Геннегауской. Полтора года спустя она забеременела, и Эдуард III решил её короновать. Торжественная церемония состоялась 4 марта 1330 года, а в апреле Филиппе был придан собственный двор, содержать который она должна была за счёт доходов с пожалованных ей владений.

Шумный и беспокойный Лондон, на протяжении всей английской истории бывший средоточием политических бурь, вряд ли был подходящим местом для женщины в положении. Поэтому заботливый муж отправил её в небольшой замок Вудсток, уютно расположившийся среди полей и королевских заповедных лесов Оксфордшира. Когда-то здесь, на берегу спокойной неширокой реки Глайм, стоял скромный охотничий домик, а затем на его месте король Генри II выстроил замок. К сожалению, до наших дней он не сохранился — как и многие другие старинные крепости, его безжалостно разрушили во время гражданской войны 1642–1651 годов.

В праздник святого Вита и святого Модеста, приходившийся на 15 июня 1330 года, Филиппа родила мальчика, которому впоследствии суждено было прославить мощь английского оружия на всю Европу. По традиции малыша назвали в честь отца, деда и прадеда, а прозвище своё он получил по месту рождения. Эдуард Вудстокский — именно под этим именем знали его современники.

*

Как только наследник появился на свет, фрейлина королевы Кэтрин Монтекьют спешно отправила гонцов — одного к королю, другого к номинальному главе регентского совета Генри Ланкастерскому^[7]. Получив ожидаемое, но от того не менее желанное известие, молодой король не скрывал своей радости. Он отдал приказ щедро наградить посланника: «Пожаловать Томасу Прайору, королевскому йомену, за радостные новости о рождении Эдуарда, первородного сына короля, ежегодный пенсион в 40 марок из казначейства пожизненно, либо пока он не получит равноценные земельные владения или ренту»².

Пришёл в восторг от сообщения и граф Ланкастерский, пожаловавший прибывшему к нему гонцу Питеру Эктону ежегодный пенсион в 10 марок за весть о рождении законного наследника трона. Слух об этом знаменательном событии мгновенно облетел всю Англию, несмотря на то, что в те времена новости доходили до отдалённых уголков страны с большим опозданием, если вообще доходили. Во всех церквах звонили колокола, а священники возносили благодарственные молитвы Господу.

Крестным отцом мальчика стал тот самый Генри де Бергерш, епископ Линкольнский, который в своё время поддержал бунт Роджера Мортимера и Изабеллы, за что получил от фаворита важнейший пост лорда верховного канцлера Англии. Однако симпатии опытного государственного деятеля были на стороне юного короля Эдуарда III и его семейства, а не всемогущего временщика графа Марчского.

Малыш рос здоровым и крепким, поэтому современники не сомневались, что королева Филиппа сама кормила сына грудью — существовало поверье, что силу ребёнок получает с материнским молоком. Однако вернее будет предположить, что своим завидным здоровьем Эдуард Вудстокский был обязан генам предков, поскольку Филиппа сына не вскармливала, да и не собиралась этого делать. В Оксфорд, находившийся

всего в 15 километрах от Вудстока, послали за кормилицей для младенца, а также за нянькой, которая должна была качать его колыбель. Это доподлинно известно из более поздних бухгалтерских записей в расходной книге Эдуарда Вудстокского, щедро вознаградившего женщин за их заботы. Обе они получили пенсию: кормилица Джоанна из Оксфорда в размере 10 фунтов в год, а нянька Матильда Пламптон — шесть фунтов, 13 шиллингов и четыре пенса. Но и после этого принц, умевший на деле доказывать благодарность верным слугам, не забывал про своих первых служанок, время от времени отправляя им щедрые подарки. Например, в 1357 году им было отдано следующее распоряжение: «Приказ Генри Блейкборну, клерку и казначею двора принца, проследить, чтобы бочка вина была доставлена Джоанне из Оксфорда, когда-то кормилице принца, в качестве дара от принца»³.

С момента своего рождения мальчик считался графом Честерским. Таков был титул старшего сына короля Англии в течение почти ста лет — с тех пор как король Генри III Уинчестерский^[8] пожаловал им своего наследника. Графство, расположенное на северо-западе страны, издревле пользовалось привилегиями палатината, то есть представляло собой практически независимую область, владелец которой обладал в её пределах властью, равной королевской. Эта земля была населена воинственными жителями, закалёнными многовековой борьбой с соседними валлийскими племенами. Много выходцев из графства подвизалось впоследствии при дворе принца, составляя значительную часть его дружины. Чеширцами были соратники и самые доверенные слуги принца — профессиональные воины Хью Калвели и Роберт Ноллз, а также будущий сенешаль Руэрга сэра Томас Уэтенхолл. Именно в этом графстве Эдуард набирал свои экспедиционные отряды для нескольких кампаний.

Но всё это было делом будущего. А пока до своего совершеннолетия мальчик не имел права даже самостоятельно управлять землями и получать с них доходы. Королевский совет назначил арендатора, который взял на себя заботы об имуществе графа Честерского и выплачивал ему содержание, покрывавшее личные расходы графа и его придворных: «Пожалована на содержание двора Эдуарда, королевского сына, ежегодная сумма в 500 марок из 1000 марок, выплачиваемых Оливером де Ингэмом, судьёй Честера, за аренду этого графства. Указанному Оливеру поручается выплатить их хранителю гардероба принца»⁴.

На самом деле, к тому времени Эдуард Вудстокский ещё не обзавёлся собственным двором — ведь он был несмышлёным грудным младенцем и

находился на попечении матери, королевы Филиппы, которой и причиталась, вероятно, некоторая часть с доходов сына. Но, несмотря на свой возраст, малыш сразу после рождения начал оказывать серьезнейшее влияние на развитие событий в Англии.

Рождение наследника коренным образом изменило поведение Эдуарда III и его друзей. До этого и король, и регентский совет покорно следовали в русле политики фактического правителя страны Роджера Мортимера, безропотно выполняя его указания. Но под личиной покорности многие магнаты скрывали недовольство своим зависимым положением. И больше всех тяготился навязанной ему неприглядной ролью статиста при властолюбивом временщике номинальный глава регентского совета Генри Кривая Шея. Граф Ланкастерский чувствовал себя тем более неудобно, что его жизни грозила серьезная опасность. Годом ранее он уже предпринял попытку избавить Англию от Мортимера, подняв мятеж. Однако заговор провалился, и его вдохновитель чудом сохранил жизнь, отделавшись уплатой огромного штрафа в 11 тысяч фунтов.

Граф Марчский ничего не забыл и ничего не простил. Он хорошо понимал, что угроза его положению исходит прежде всего от близких родственников короля, которые имели куда больше прав на доступ к государственному кормилу, чем он. Фаворит уже добился казни Эдмунда графа Кентского^[9], обвинив его в измене без веских доказательств и заставив без памяти влюблённую Изабеллу повлиять на Эдуарда III, под давлением матери утвердившего приговор. Будучи двоюродным дядей короля, да к тому же официальным регентом королевства, Генри Кривая Шея не без оснований полагал, что он — следующий в очереди на плаху.

Граф Ланкастерский не хотел упускать подходящего момента: по его мнению, после рождения наследника Эдуард III не должен был долее терпеть около себя закусившего удила любовника Изабеллы. Действительно, теперь король считал себя полностью состоявшимся мужчиной, не нуждающимся в материнской опеке. Через пару месяцев, в ноябре ему исполнялось 18 лет — то есть он становился совершеннолетним. Граф Ланкастерский всемерно укреплял желание Эдуарда III покончить с правлением Мортимера. Он заручился поддержкой двух самых близких к королю людей — его воспитателя и лорда хранителя малой печати Ричарда Бери, а также Уильяма лорда Монтекьюта^[10]. Эти двое без труда убедили короля участвовать в заговоре.

В октябре 1330 года королевскому совету было приказано собраться в Ноттингеме. Роджер Мортимер, как будто чувствуя угрозу, держался крайне

осторожно. Он с королевой Изабеллой остановился в неприступном замке на западной окраине города, где устроил свою временную резиденцию. Однако констебль замка сэр Уильям Эланд показал своему другу лорду Монтекьюту тайный ход. Во главе небольшой группы рыцарей Эдуард III ворвался в покои фаворита и арестовал его, несмотря на мольбы и протесты королевы-матери. Под сильным конвоем Мортимера препроводили в Лондон и осудили на смерть как предателя. Обширные владения Изабеллы и графа Марчского отошли короне.

После казни Роджера Мортимера большинство его приверженцев попали в опалу. Впрочем, вскоре король восстановил многих из них в прежних должностях, хотя и не приближал их к себе. Этой участи избежали лишь единицы — в частности, Адам Орлтон, епископ Херефордский, и Генри де Бергерш, епископ Линкольнский, который был крёстным Эдуарда Вудстокского. Во власть пришли новые люди — верные слуги и друзья короля, рискнувшие выступить вместе с ним против всемогущего фаворита: Уильям лорд Монтекьют, Уильям лорд Клинтон, а также сын главы регентского совета Генри Гросмонтский.

Невольный катализатор заговора, малыш Эдуард Вудстокский, выиграл от падения Мортимера едва ли не больше непосредственных участников Komplota. С 25 февраля 1331 года на его содержание направлялась уже не часть доходов графства Честерского, как раньше, а все поступления без изъятия. Распоряжалась ими его мать Филиппа Геннегауская, а не назначенный арендатор, хотя баннерета^[11] Оливера Ингэма никто не осмелился бы упрекнуть в безответственном отношении к своим обязанностям.

Участие мальчика в большой политике на этом не кончилось, пусть выступал он в ней пока что не субъектом, а лишь объектом. Ещё не умея говорить и едва-едва научившись ходить, Эдуард Вудстокский вновь оказался в центре интриг — правда, на этот раз дипломатических. Не успели закончиться пышные празднества, устроенные в честь его первого дня рождения, а королевский совет уже начал обсуждать планы по заключению брачного союза между наследником английского трона и представительницей королевской семьи Франции — для налаживания отношений с могучей континентальной державой. В июле 1331 года за Ла-Манш отправились послы, уполномоченные вести переговоры о женитьбе графа Честерского. Параллельно 15 июля король отослал из Линкольна письма своим представителям в Юго-Западной Франции — сенешалю Гаскони и коннетаблю Бордо, — извещая их о предпринятых шагах: «Заявляем и подтверждаем, что между нами и высокороднейшим принцем

государем Филиппом, славным королём Франции, было достигнуто соглашение о помолвке и браке между нашим перворождённым сыном Эдуардом и дочерью упомянутого короля Франции»⁵.

Переговоры тянулись годами без какого-либо видимого результата. Представители сторон постоянно отвлекались на другие темы — так, в ноябре 1331 года возникла идея организации крестового похода, которая немедленно была включена в обсуждение. Что касается помолвки принца, то тут дело никак не могло сдвинуться с мёртвой точки. Впрочем, оно и не являлось первостепенным для переговорщиков, поскольку брачные соглашения обычно только сопровождали межгосударственные договоры в качестве довольно-таки ненадёжной гарантии их исполнения. Так сама по себе угасла первая попытка женить Эдуарда Вудстокского — но далеко не последняя, ибо подобные матримониальные шаги впоследствии предпринимались снова и снова, когда того требовала дипломатия.

*

Хотя наследник английского трона считался графом Честерским с момента своего рождения, его официальная инвеститура (вступление в должность) состоялась только 18 марта 1333 года. Сама церемония была по большому счёту простой формальностью, но последовавшие за ней акты носили куда более практический характер. Они сформировали административный аппарат графства, в который вошли люди, пользовавшиеся безоговорочным доверием короля и составившие первый двор Эдуарда Вудстокского. Гувернёром мальчика был назначен сэр Николас де Ла Беш, стюардом — Гийом де Сент-Омер, прибывший в Англию из Геннегау в свите королевы Филиппы. Его жена Елизавета стала наставницей графа Честерского. Должность казначея получил Джон Бёрнэм, придворного портного — Уильям Страттон. У малыша появился даже особый слуга, ответственный за раздачу милостыни и пожертвований. В главе двора наследника был поставлен Бартоломью де Бергерш, брат его крёстного отца епископа Линкольнского.

Хотя Эдуард Вудстокский обрёл свой апанаж, а также собственных слуг и чиновников, он не обосновался в графстве Честерском, как это можно было ожидать. Его по-прежнему опекала мать, которая решила остаться в тихом и спокойном Вудстоке с сыном и двумя дочерьми, появившимися на свет вслед за ним — годовалой Изабелью и новорождённой Джоанной. Своего венценосного отца мальчик видел

нечасто, поскольку дела заставляли того постоянно путешествовать по стране, а перенёсшая третьи роды подряд королева нуждалась в покое и не видела особой необходимости следовать за мужем по всей Англии, передавая на это время детей в чужие руки.

Эдуард Вудстокский скучал по отцу. Однако на природе, в пасторальном уголке Оксфордшира ему жилось куда лучше, чем в шумном, многолюдном и грязном Лондоне или же в Йорке, временно ставшем военной столицей. Эдуард III прилагал немалые усилия, чтобы компенсировать провалы политики Роджера Мортимера, фактически потерявшего Шотландию. В 1332 году король отправился в экспедицию против северных соседей и 12 августа одержал победу при Даплин-Муре, возведя на шотландский трон Эдуарда Балиола. Новый правитель был всего лишь марионеткой в руках англичан, поэтому беспрекословно признал себя вассалом Эдуарда III. Но долго удерживать власть ему не удалось — он был низложен шотландцами, посадившими на трон малолетнего Дэвида II Брюса. Это вызвало вторую экспедицию, в которой англичане 19 июля 1333 года вновь разгромили врагов в битве при Халидон-Хилле и захватили пограничную крепость Берик. Дэвид II бежал в поисках убежища во Францию.

Французский король Филипп VI Счастливый не мог упустить такого предлога для вмешательства во внутренние дела своих извечных врагов. Он немедленно заявил, что Шотландия — его верный союзник, и её интересы необходимо учитывать во всех договорах, касающихся Аквитании. Таким образом Филипп попытался обеспечить врагу зеркальное неудобство: для него самого герцогство Аквитанское было такой же занозой, как Шотландия для Англии.

К 1335 году отношения с Францией испортились настолько, что король Эдуард III начал всерьёз опасаться вторжения с континента. Он приказал отправить своего наследника подальше от морского побережья — в Ноттингемский замок. Эта древняя крепость была построена по приказу Уильяма I Завоевателя^[12] на плоской вершине скалы, возвышавшейся над речкой Лин — небольшим притоком Трента. Именно в этом замке заговорщики пятью годами ранее схватили всесильного фаворита королевы Роджера Мортимера.

Кортеж Эдуарда Вудстокского неспешно двинулся в Ноттингем. Сопровождавшие мальчика слуги, похоже, никуда особо не торопились и стремились получить от путешествия максимум удовольствия. Отчасти по этой причине граф Честерский надолго задержался в Питерборо. За время пребывания в городе его служащие успели не только заказать, но и

получить из весьма отдалённого Йорка кое-какие необходимые для вояжа вещи, отсутствовавшие в Вудстоке:

«Охранная грамота выдана до дня святого Петра в оковах Джону де Пойнтону, которому поручено стюардом и казначеем Эдуарда графа Честерского, королевского сына, доставить некоторые вещи, приобретённые в Йорке, графу в Питерборо»⁶.

В конце концов, такое явное небрежение королевскими приказами вывело из себя Эдуарда III, который направил придворным сына повторное послание, содержавшее строгий приказ поторапливаться:

«Гийому де Сент-Омеру, стюарду, а также мастеру Дж. де Бернэму, казначею двора Эдуарда графа Честерского, королевского сына. Приказываем доставить указанного графа со всем его двором в Ноттингемский замок со всей возможной поспешностью, поскольку, из-за дошедших до короля новостей касательно состояния его королевства, он желает, чтобы граф был отправлен в безопасное место и оставался там до дальнейших распоряжений»⁷.

В Ноттингем Эдуард Вудстокский с сёстрами прибыл только в конце лета. Там же, в кругу своих придворных, через четыре месяца он справил Рождество. Мальчик оставался под неусыпным надзором Гийома и Елизаветы де Сент-Омер до весны 1336 года, когда король решил, что сыну пора приступить к более серьёзным занятиям и начинать по мере сил приобщаться к политической жизни страны. К этому времени Эдуард III сумел взять под контроль большую часть Лоуланда^[13], включая крепости Роксборо, Эдинбург, Пёрт и Стерлинг. Он уже не опасался войны на два фронта и надеялся, что сможет отразить любую попытку французов высадиться в Англии.

Стремясь быстрее воплотить свою идею в жизнь, король приказал наследнику, не мешкая, прибыть в Лондон. Так кончилось беззаботное детство Эдуарда Вудстокского под нестрогой опекой гувернёров, ибо чета Сент-Омеров, исполнявшая обязанности скорее нянек, чем наставников, получила расчёт: «Пожаловано Гийому де Сент-Омеру и Елизавете, его жене за их бескорыстную службу королю, а именно за постоянное пребывание с его сыном Эдуардом графом Честерским и его дочерьми, ежегодно 25 фунтов из казначейства пожизненно, или же пока они не получат равноценную земельную собственность пожизненно»⁸.

Сент-Омеры по-прежнему оставались в ближайшем окружении Эдуарда Вудстокского, но только вот учителя ему были теперь назначены другие. Будь на то его воля, мальчик с удовольствием оставался бы в

Ноттингеме или Вудстоке под их крылом — подальше от Лондона, который ему совсем не нравился, хотя бывал он в столице лишь короткими наездами. Но с королевским приказом не поспоришь.

И вот граф Честерский уже появился на первом в своей жизни рыцарском турнире в специально сшитой для этого случая роскошной мантии. Знать королевства и простые лондонцы с энтузиазмом приветствовали шестилетнего наследника английского трона, которого многие имели счастье лицезреть впервые.

*

Отношения с Францией становились всё более и более натянутыми, при дворе короля всё чаще заговаривали о грядущей войне. Сам Эдуард III также не исключал подобного развития событий и, предвосхищая их, решил укрепить лояльность своего ближайшего окружения, а заодно отблагодарить рыцарей, поддержавших заговор против Роджера де Мортимера и отличившихся в войнах против шотландцев. Генри Гросмонтский стал графом Дербийским, Уильям Монтекьют — графом Солсберийским, Уильям Клинтон — графом Хантингдонским. Получили высокие титулы ещё три непосредственных участника тех событий: Роберт де Аффорд был возведён в достоинство графа Саффолкского, Уильям Боэн — графа Нортхэмптонского, а Хью де Одли — графа Глостерского. Помимо естественного выражения признательности и желания покрепче привязать к себе бравых вояк, король преследовал ещё одну, может быть, даже более важную цель — он хотел обеспечить будущих капитанов своей армии собственными средствами для первоначального найма и содержания воинских отрядов.

Однако самый блестящий титул получил тот, от кого Эдуард III совершенно не ожидал в ближайшем будущем какой-либо военной помощи: его сын был ещё слишком мал для того, чтобы вести солдат в поход. Тем не менее, именно ему достался беспрецедентно щедрый дар. Осенью 1336 года скончался от лихорадки бездетный младший брат короля Джон Элтемский, граф Корнуоллский. Его обширный лен был возведён в ранг герцогства и пожалован наследнику трона. До тех пор в иерархии английского королевства герцогских титулов ещё не было, самым высоким считался графский. Таким образом, Эдуард, граф Честерский, с 9 февраля 1337 года стал ещё и герцогом Корнуоллским. Пышная церемония, сопровождавшая инвеституру, традиционно включала в себя посвящение в

рыцари двадцати четырёх юношей из самых благородных семейств.

Сразу после того, как Эдуард Вудстокский получил новый лен, выяснилось, что финансовые дела Корнуолла находились в весьма запутанном состоянии. Новоявленный герцог, правда, имел неоспоримое и нераздельное право на всё, что выбрасывалось морем после кораблекрушений на побережье герцогства. Но ведь не эта экзотическая привилегия служила основным источником дохода — таковым являлись оловянные копи. Однако оказалось, что значительная часть прибыли от них в размере 1000 марок ежегодно была отписана в пользу Уильяма Монтекьюта, графа Солсберийского. То есть, как минимум треть финансовых поступлений утекала мимо герцогской казны. И это не всё: Томас Уэст, пожизненно назначенный на должность хранителя рудников Девона, требовал, чтобы ему по-прежнему продолжали выплачивать ежегодное жалование в размере 100 фунтов — в полном согласии с королевским обещанием.

Обо всём этом Эдуард III как-то не подумал, когда жаловал наследнику герцогство. Да и сам он не брезговал зачерпнуть при случае полной горстью из такого богатого источника, как Корнуолл. Например, спустя полгода после инвеституры сына король неожиданно отдал такой приказ: «Погасить... торговцам из компании Барди задолженность в 7200 фунтов из доходов от добычи олова в этом графстве... несмотря на королевское пожалование рудников и земель в графстве Корнуолл Эдуарду, его старшему сыну. Ибо король уже ранее был должен указанным торговцам 7200 фунтов, которые они предоставили по просьбе королевы Изабеллы и которые король обещал добросовестно им вернуть»⁹.

Конечно, герцогу Корнуоллскому по малолетству не было до финансовых вопросов никакого дела, однако король всё-таки посчитал необходимым компенсировать ему потери из других источников. Он передал в распоряжение наследника доходы от городов Эксетер в графстве Девоншир и Уолингфорд в Беркшире, а также от манора Мер в графстве Уилтшир.

*

Вместо четы Сент-Омеров воспитанием подросшего наследника трона теперь занимался опытный наставник — Уолтер Бёрли, занимавший до этого должность подателя милостыни у королевы Филиппы. Он был лучшим другом Ричарда Бери, воспитателя короля Эдуарда III, но тёплое

местечко при особе герцога Корнуоллского получил не только благодаря своим обширнейшим связям. Бёрли являлся выдающимся учёным — схоластом и логиком, светилом Оксфордского университета. Ему приписывается авторство более 50 работ. Интересно, что именно благодаря этому наставничеству увидел свет его самый известный труд — «Книга о жизни и нравах философов», содержащая около 120 коротких жизнеописаний философов и поэтов с кратким изложением их взглядов и представляющая таким образом популярно изложенную историю философии. Вне всякого сомнения, эта книга писалась именно для Эдуарда Вудстокского, хотя другие работы Бёрли — в частности, комментарии к Аристотелю — вряд ли предназначались его подопечному, который был слишком мал, чтобы должным образом их осмыслить.

Можно смело распрощаться с мифом о том, что Эдуард был всего лишь полуграмотным воякой. Благодаря своему учителю он получил систематическое и глубокое по тем временам образование, пусть даже впоследствии книги не особо его привлекали. Программа обучения включала в себя чтение, письмо, арифметику и латынь — все те предметы, знание которых было необходимо для государственного деятеля.

Нужно отметить, что со времён нормандского завоевания разные сословия Англии в прямом смысле говорили на разных языках. Учёные, клирики и судейские чиновники использовали латынь, знать предпочитала нормандско-французский, а англосаксонский оставался средством общения большинства — то есть простонародья. Однако именно в те годы наиболее активно шёл процесс их смешения: обогащённый нормандскими и латинскими словами саксонский, теперь уже английский, язык становился общим для англичан. Эдуарду III хватило мудрости этому не препятствовать и даже способствовать, но его сын пока ещё обучался всем трём языкам.

Науки Эдуард постигал вместе с родственником учителя Саймоном Бёрли и Роджером Мортимером, внуком казнённого фаворита, которые с тех пор стали его близкими друзьями. Учение давалось мальчику легко, и спустя некоторое время о нём вполне можно было сказать словами знаменитого английского поэта Джеффри Чосера, который писал про некоего королевского сына так:

Изрядно песни складывать умел,
Умел читать он, рисовать, писать,
На копьях биться, ловко танцевать¹⁰.

Стих Чосера применим к Эдуарду Вудстокскому полностью, до последней строчки. Герцог Корнуоллский не только постигал науки и овладевал умениями, необходимыми блестящему аристократу и придворному — король серьёзно и осознанно готовил сына к военной стезе. Мальчик любил оружие и лично владел солидным арсеналом — в частности, у него был полный доспех с запасным шлемом-бацинетом и парусиновая палатка с центральным столбом. Вся амуниция, несмотря на свой небольшой размер, ни в коем разе не была игрушечной, а представляла собой настоящее боевое снаряжение, как у взрослых.

Король стремился вырастить из наследника настоящего рыцаря — доблестного солдата в дни войны, блестящего кавалера в дни мира. Поэтому Эдуард Вудстокский с малолетства купался в роскоши и приучился воспринимать окружающее его великолепие как норму. Для мальчика приобретались редкие украшения и одежды, за которыми порой приходилось посылать в другие страны. Несмотря на то, что герцог Корнуоллский имел собственные источники доходов, для него порой не жалели денег и из королевской казны. К примеру, в 1336 году королём был отдан такой приказ: «Казначёу, баронам казначейства и камергерам. Приказываю выдать королевскому клерку Паоло де Монтефьоре 2000 марок дополнительно к той сумме, которую он уже должен казначейству по своему последнему счёту. Ибо Паоло имеет поручение от короля — купить за рубежом и доставить без задержки различные вещи в пределах суммы в 2000 марок для надобностей королевы Филиппы и Эдуарда, графа Честерского, королевского сына»¹¹.

Одевался Эдуард Вудстокский роскошно. Он носил алые шляпы, расшитые серебряными розами. Его широкий пояс был усеян 37 эмалированными бляшками и 234 жемчужинами. Апартаменты, которых у Эдуарда было несколько, включая городской дом в Лондоне, украшали искусно изготовленные гобелены с изображением роз, русалок, а также гербов самого герцога Корнуоллского.

*

По воле отца с раннего детства Эдуарду Вудстокскому приходилось принимать активное участие в государственных делах. Он часто выступал в качестве официального представителя короля на всевозможных торжественных церемониях. Так, в конце 1337 года именно ему было поручено возглавить делегацию по приёму важных послов: Бертрана де

Монфавеза, кардинала-дьякона Санта-Мария-ин-Аквиро, и Педро Гомеса Баррозо де Сотомайора, камерлинга коллегии кардиналов. Папа Бенедикт XII^[14] возложил на этих прелатов сложную задачу — предотвратить назревавшую войну между Францией и Англией. Облачённый в новую мантию из пурпурного бархата и алую шляпу с нашитым жемчугом, специально изготовленную для этого случая, Эдуард Вудстокский возглавлял пышную приветственную процессию из представителей высшей знати. Он встретил папских посланников в миле от лондонских ворот, а затем сопровождал их в столицу до самой дворцовой лестницы, где кардиналов ожидал король. На тот момент визит дипломатов, отряжённых Святым Престолом, не позволил разразиться войне, хотя переговорщиками они были не самыми умелыми. Однако глубинные противоречия между Англией и Францией никуда не исчезли. Рано или поздно они должны были перерасти в открытое противостояние.

История конфликта восходит к нормандскому завоеванию. В 1066 году Гийом Бастард вторгся в Англию и силой захватил английский престол. Завоеватель угодил в западню, из которой не было выхода: с одной стороны, он стал сувереном островной страны, но с другой остался вассалом французского короля за Нормандию. С течением времени двойственность положения английских монархов только усиливалась, ибо их континентальные владения разрастались. Так, королю Генри II, основателю Анжуйской династии, во Франции принадлежали также Анжу, Мэн, Пуату, Гиень (Аквитания) и Гасконь, его претензии распространялись на Тулузу и Бретань. Возник редкий и очень интересный казус, когда король-вассал оказался куда сильнее, чем король-сюзерен. Однако нормы феодального права оказались ценным оружием в руках слабейшего. Это доказал Филипп II Огюст, конфисковав в 1204 году Нормандию у Джона Безземельного^[15].

Попытка всесторонне урегулировать отношения между двумя государями была предпринята в 1259 году, когда Луи IX Святой и Генри III Уинчестерский заключили так называемый Парижский договор. Согласно его условиям претензии английских королей на Нормандию, Мэн, Анжу и Пуату аннулировались. Одновременно подтверждались их права на Бордо, Байонну и Гасконь, выступавшие в качестве вассальных ленов, дающих держателю титул пэра Франции.

Однако это соглашение, призванное раз и навсегда разрешить все проблемы, на деле оказалось внутренне противоречивым. Мин, угрожавших его исполнению, в тексте было заложено предостаточно.

Например, по французскому феодальному праву любой вассал мог обжаловать решение своего сеньора перед королём. Таким образом, всякий гасконский дворянин, недовольный каким-либо актом английского монарха, имел возможность подать протест непосредственно в Париж. И эта уловка с успехом использовалась в качестве неотразимого оружия против Лондона, так как служила помехой эффективному управлению Гиенью и основательно подрывала авторитет королей Англии. Неудивительно, что последние постоянно искали способ установить полный суверенитет над своими континентальными владениями, а французские короли всеми силами стремились не дать им выскользнуть из теней феодального права.

При всех своих недостатках, Парижский договор всё же худо-бедно сдерживал конфронтацию в течение почти трети века, пока в 1293 году Филипп Красивый не узрел реальной возможности силой поставить точку в территориально-политическом споре, конфисковав Аквитанию. Поводом послужило незначительное столкновение, в котором оказались замешаны моряки английских Пяти портов^[16], Гиени и Нормандии. Последовавшая затем пятилетняя война закончилась новым Парижским договором 1303 года. И опять спорные моменты не были окончательно решены, а границы Гиени формально не зафиксированы. В последующие двадцать лет с английской стороны предпринимались безуспешные попытки уточнить условия договора, а с французской — получить недвусмысленный оммаж^[17] от английского короля. Неустойчивый мир в любой момент мог смениться открытыми военными действиями с самыми серьёзными последствиями. К примеру, незначительная пограничная стычка, вылившаяся в так называемую «войну Сен-Сардо», привела к попытке конфискации Гиени. Хотя фактически все остались при своих, но будущий король Эдуард III, носивший тогда титул герцога Аквитанского, вынужден был принести-таки формальный оммаж за свои владения.

Итак, многовековое противостояние закончилось пока что в пользу Франции — она была на коне, Англия подверглась очевидному унижению. Затем последовал ещё один удар по самолюбию английского владыки. В 1328 году умер Шарль IV — впервые за три столетия король не оставил после себя прямого наследника мужского пола. В число его возможных преемников входили внучатый племянник Шарль Злой, король Наварры, племянник Эдуард III Английский и кузен Филипп, граф де Валуа. Естественно, пэры Франции сделали единственно возможным для себя выбор и 29 мая 1328 года короновали Филиппа VI. Вслед за этим состоялся

третий акт позора: Эдуард Английский прибыл в Париж и 30 марта 1331 года принёс своему сопернику оммаж за герцогство Аквитанское. На этот раз церемониал не допускал никаких двойных толкований — вассалитет за заморские территории был полным:

«Король Англии герцог Гиеньский должен поместить руки между рук короля Франции, чей представитель затем обращается к королю Англии и герцогу Гиеньскому с такими словами: “Месье^[18], становитесь ли вы вассалом короля Франции, как герцог Гиеньский и пэр Франции, и обещаете ли вы хранить ему верность и лояльность?” И упомянутый король и герцог за себя и своих наследников Гиени должен ответить: “Да”. Тогда король Франции принимает вассальную клятву упомянутого короля Англии и его верность с поцелуем мира, храня его права»¹².

После такого многократного унижения даже самые отъявленные оптимисты не могли питать надежд на длительный мир между королевствами. Сторонники дружественных отношений с Францией полностью потеряли своё влияние после отстранения от власти Роджера Мортимера и Изабеллы. Эдуарда III бесило, что Филипп VI беззастенчиво пользовался преимуществами своего положения. Английские бароны как один стояли за войну.

В 1337 году французский король в очередной раз объявил о конфискации Гиени. Предлогом послужило на первый взгляд незначительное событие. Робер д'Артуа, бывший друг Филиппа VI, превратился в его злейшего врага из-за земельных споров и был изгнан из Франции. Он нашёл убежище при английском дворе, что было расценено как прямое нарушение вассальных обязательств. Король Филипп 24 мая 1337 года приказал сенешалю Перигора захватить Аквитанию, а бальи Амьена получил указание взять Понтье. Вот так на практике в очередной раз подтвердилась губительность двойственного статуса английского короля, который мог рассматриваться в качестве непослушного вассала всякий раз, когда вступали в конфликт интересы государственной политики Англии и Франции.

Глава вторая

ХРАНИТЕЛЬ АНГЛИИ

Война казалась делом решённым. Оммажи, принесённые в 1329 и 1331 годах, были аннулированы под предлогом того, что клятвы давались по принуждению. Английские законники пошли ещё дальше и поставили под сомнение само право короля Филиппа VI занимать трон. Эдуард III выдвинул собственные претензии на корону Франции, и его юристы подтвердили их обоснованность. Сомнительно, чтобы английский король на том этапе действительно желал захватить престол соседней страны — вероятно, он использовал эту претензию в качестве сильного дипломатического хода, равно как и в пропагандистских целях.

События разворачивались стремительно, их водоворот затянул и малолетнего герцога Корнуоллского. Про игры с товарищами пришлось забыть и с головой окунуться во взрослые дела. Король, отбывая за Ла-Манш для поиска союзников на континенте, возложил 11 июля 1338 года на сына обязанности хранителя Англии:

«Король всем — привет.

Знайте, что по совету и с согласия прелатов, графов, баронов и знатных людей, а также общин нашего королевства для обороны и спасения нашего королевства и других владений нашей короны, а также для решения некоторых других вопросов к нашей и нашего королевства пользе мы должны в ближайшее время лично отбыть в земли, лежащие за морем. Наиболее всего мы лелеем в своём сердце заботу о мире — чтобы в наше отсутствие он столь же нерушимо соблюдался, как и в нашем присутствии, чтобы правосудие оказывалось каждому из истцов, принёсших жалобу. Не сомневаясь в преданности дорогого и верного Эдуарда, герцога Корнуоллского и графа Честерского, нашего первородного сына, мы полностью ему доверяем и назначаем хранителем вышеуказанного нашего королевства, а также временным владельцем всех наших держаний в указанном королевстве на то время, пока мы пребываем в заморских землях или же до новых наших распоряжений. Мы доводим до сведения всех и каждого — до архиепископов, епископов, аббатов, приоров, графов, баронов, рыцарей, общин, шерифов, свободных людей, бейлифов, священников и всех других наших верноподданных — что отныне они обязаны вышеупомянутому герцогу как защитнику нашего указанного королевства всем тем, чем полагается служить персоне, занимающей это

место — поддержкой вооружённой силой, участием в его совете и оказанием прочей помощи»¹³.

С этого момента все государственные акты подписывал исключительно Эдуард Вудстокский, именовавшийся громким титулом *Custos Angliae* — «хранитель Англии». Номинально он стал правителем страны на время отсутствия короля. Рядом с ним не осталось никого из близких родственников: мать и сёстры также отбыли во Фландрию, поскольку Эдуард III придавал большое значение связям Филиппы Геннегауской и намеревался использовать их в своих целях. В помощь юному хранителю был назначен совет, который возглавил многоопытный политик и дипломат, примас^[19] всей Англии Джон де Стратфорд, архиепископ Кентерберийский.

На протяжении 1338 года Эдуард Вудстокский жил, как правило, в Лондонском Тауэре. Рядом с ним всегда находились его ближайшие советники — Ричард ФицАлан, граф Эранделский по прозвищу Коническая Шляпа, Уильям Клинтон, граф Хантингдонский, и Ральф, лорд Невилл Рэбийский. В окружении хранителя серьёзно опасались вторжения французов. Угроза стала реальностью в марте, когда французские рейдеры при поддержке испанцев атаковали город Портсмут на южном побережье страны. По настоянию членов совета герцог Корнуоллский распорядился принять меры для защиты Лондона. В частности, 20 июля он издал приказ укрепить гарнизон Тауэра, состоявший из двадцати латников и пятидесяти лучников, а также усилить частокколами оборонительные сооружения крепости.

С 26 июля по 2 августа Эдуард председательствовал в Великом совете — представительном собрании прелатов и лордов, приглашаемых королём для обсуждения важных государственных проблем. На сей раз, вопреки традиции, в нём участвовали ещё и представители общин: часто из-за такого необычного состава его ошибочно принимают за сессию Парламента. Однако хранитель просто вынужден был призвать на заседание Великого совета купцов, недостойных такой привилегии по своему рангу: «Мы приказываем и строго предписываем прибыть в Нортхэмптон в понедельник, следующий за праздником Св. Петра в оковах, четырём торговцам из лучших от каждого нашего графства, независимо от вольностей последнего, чтобы держать совет с хранителем нашего королевства и с канцлером, а также с другими членами нашего совета»¹⁴.

С представителями купеческого сословия предстояло обсудить некоторые щекотливые вопросы, в решении которых никто помимо них

помочь не мог. Королю Эдуарду III во Фландрии срочно требовались деньги для, скажем так, мотивации союзников. Он запрашивал такую сумму, какую собрать в короткие сроки было практически невозможно без повышения налогов. Этот вопрос относился к компетенции Парламента, который хранитель созывать не хотел, ибо дополнительные сборы вряд ли нашли бы поддержку общин и почти наверняка вызвали возмущения по всей стране, ещё не заболевшей патриотической лихорадкой и наслаждавшейся относительно мирной жизнью.

Тем не менее, с согласия представителей влиятельных купеческих гильдий новая повинность была введена, пусть и весьма хитрым способом — в натуральном виде. Каждой общине вменялось в обязанность предоставить для нужд короны определённое количество мешков шерсти пропорционально размеру налогов, установленных для неё Парламентом. Отвертеться от подати было невозможно — даже если у какой-то общины шерсти не было в принципе, ей приходилось покупать её на стороне и затем передавать сборщикам.

*

Французские рейдеры продолжали бесчинствовать. 8 сентября они взяли замок Комет на Гернси, втором по величине острове в проливе Ла-Манш. Затем флот адмиралов Николя Беюше и Юга Кьере захватил коги «Кристофер», «Эдуард» и ещё три английских корабля, гружёных шерстью. Это произошло у зеландского острова Валхерен 21 сентября. Моряков, попавших в плен, французы попросту убили.

По рекомендации королевского совета хранитель 27 сентября 1338 года отдал приказ двум флотам под командованием адмирала Севера и адмирала Запада выйти в море, найти и уничтожить врага. Однако шкиперы, уставшие от того, что их корабли постоянно подвергаются реквизиции, выполняли приказы неохотно. Не получив достойного отпора, 5 октября французы высадились уже непосредственно на побережье Англии у Саутхемптона и нанесли городу большой ущерб. Никто не сомневался, что обнаглевшие рейдеры могут атаковать даже столицу. Поэтому в октябре Эдуард Вудстокский приказал городским властям Лондона забить сваи в дно Темзы, чтобы воспрепятствовать проходу вражеских кораблей.

Гонцы непрерывно сновали через Ла-Манш, доставляя в Англию письма от короля и королевы с требованием денег и отвозя назад на

континент послания, содержавшие отчаянные оправдания и попытки объяснить, почему необходимые средства собрать никак не возможно. Эдуард Вудстокский писал 21 октября 1338 года Филиппе Геннегауской:

«Моя дражайшая и глубокоуважаемая леди, примите мои смиренные уверения в искреннем расположении к Вашему высочеству, которые я приношу со всей почтительностью и прошу Вашего благословения. Глубокоуважаемая леди, меня успокоили известия, что с Вами всё хорошо, и я молю Бога, чтобы он в своей милости ещё долго хранил Вас. И, моя дражайшая леди, по поводу того, что Вы недавно наказывали мне в своих письмах — а именно, что я должен принять со всей поспешностью все возможные меры для отправки денег и шерсти милорду королю, находящемуся за пределами его королевства Англия. Вам будет утешительно знать, глубокоуважаемая леди, что я вместе с членами совета милорда постарался выполнить Ваши приказы. Последняя партия шерсти полностью собрана и будет отправлена ему так быстро, как только возможно, а также и все деньги. Но никакой другой помощи никакими средствами собрать более не удастся, о чём я уже писал ему в своих предыдущих письмах. Моя глубокоуважаемая леди, да хранит Вас Святой Дух»¹⁵.

Естественно, текст письма был составлен канцелярией хранителя, однако можно с уверенностью предположить, что мальчик был прекрасно знаком с содержанием послания, под которым стояла его подпись, и понимал суть проблемы.

В начале следующего 1339 года Эдуард Вудстокский покинул опостылевший ему Лондонский Тауэр и проживал главным образом в Вестминстере или Виндзоре. Иногда он позволял себе кратковременный отдых в манорах Беркемстед или Кеннингтон — оба поместья достались ему в качестве дополнения к герцогству Корнуоллскому. Однако надолго расслабляться ему не позволяла напряжённая ситуация в Ла-Манше. Весной французы предприняли новую серию набегов на побережье Англии, открывшуюся 24 марта вторжением в Харидж. Хранитель со своим советом ещё раз продумал тактику оборонительных действий. Охрана кентского побережья была поручена констеблю Дуврского замка графу Хантингдонскому, сассекского — графу Саррейскому, хемпширского — графу Эранделскому. Ветеран шотландских войн Джон де Вер, граф Оксфордский, отвечал за защиту Лондона и побережья Эссекса. Сам восьмилетний Эдуард Вудстокский номинально командовал резервной армией.

Принятые шаги принесли свои плоды. Нападения на Саутхемптон и

некоторые другие порты южного побережья были отбиты. Врагам не дали закрепиться на острове Уайт. Правда, город Плимут 20 мая был всё-таки сожжён: пожилой Хью Кортней, граф Девонский, которому исполнилось уже 62 года, немного замешкался. Однако, в конце концов, опытный вояка смог отогнать захватчиков, потерявших в бою 500 человек убитыми. Так же успешно были предотвращены попытки французов высадиться в Дувре и Фолкстоне, хотя неприятелю удалось при этом сжечь Хестингс.

Как и ранее, отражение рейдов было лишь одной из двух задач, которые приходилось решать Эдуарду Вудстокскому и его совету. Ещё более важной проблемой оставался поиск денежных средств. По сравнению с 1338 годом, когда королю и королеве приходилось лично писать сыну о крайней финансовой нужде, положение лишь усугубилось. Союзники Эдуарда III — император Людвиг Баварский, герцог Брабантский, герцог Гельдернский, маркграф Юлихский, граф Геннегауский и целая толпа владетельных государей помельче — требовали платы за поддержку. Огромные суммы, переходившие в руки жадных немецких князей, истощили английскую казну. Не смогло поправить дела даже вмешательство казначейства в святая святых — торговлю шерстью. Ценное сырьё покупалось на внутреннем рынке по искусственно заниженным ценам и отправлялось во Фландрию, где им рассчитывались по гигантским долгам короля.

Основными кредиторами Эдуарда III выступали крупные итальянские банковские компании Барди и Перуцци, только в 1338 году ссудившие ему более 70 тысяч фунтов. Поэтому представители этих банков были окружены особой заботой со стороны герцога Корнуоллского, который распорядился задабривать их всеми возможными способами. В частности, именно они оказались на первых местах в списке тех, кому дарились зимние одежды из личного гардероба Эдуарда Вудстокского.

*

Король Эдуард III опасался, что промедление с началом военных действий приведёт к тому, что его ненадёжные союзники просто-напросто разбегутся, несмотря на выплаченные им деньги. Помимо этого, его сильно беспокоили успехи французов в Аквитании. Поэтому он решил начать кампанию в сентябре 1339 года и двинул свою армию вглубь Франции. Король Филипп VI выступил ему навстречу. Дальнейший ход военных действий Эдуард III очень подробно, хотя и весьма тенденциозно, изложил

в просторном письме своему наследнику:

«Нашему дорогому сыну, их высокопреосвященствам Джону, милостью Божией архиепископу Кентерберийскому, и Ричарду, епископу Лондонскому, Уильяму де Ла Зушу, нашему казначею, и прочим из нашего совета в Англии — привет. О причинах нашей столь долгой задержки в Брабанте мы уже сообщали вам прежде, они хорошо известны каждому из вас. Скучная помощь из нашего королевства приходила с запозданием, и сия задержка была нам весьма тяжела — потому и люди наши пребывали в нужде, и союзники наши были неспешны в делах.

Наши посланники, принуждённые столь долго ожидать кардиналов и членов совета Франции, чтобы вести переговоры о мире, не принесли нам никаких других предложений помимо того, что мы не должны владеть ни единой пядью земли в королевстве Франция. И наш кузен Филипп поклялся, как нам о том донесли, что мы и единого дня не проведём с нашим войском во Франции, ибо он даст нам бой. Мы, всегда храня веру в Господа и в наше право, явились пред союзниками нашими, и безусловно продемонстрировали им, что долее бесполезно ждать мы не намерены, но выступаем на защиту наших прав, надеясь на милосердие Господне. И они, понимая, что на них падёт бесчестье, буде они останутся позади нас, согласились следовать с нами. Лишь день был даден всем, чтобы подготовиться к выступлению во Францию в означенный срок, и мы вовремя явились на место сбора, и союзники вслед за нами.

В понедельник, в канун дня святого Матфея мы выступили из Валансьена и в тот же день предали огню Камбрези. Мы разорjali его всю последующую неделю, так что земля эта была полностью опустошена — и посеvy, и скот, и прочее добро. В следующую субботу мы прибыли в Маркуэн, лежащий между Камбре и Францией, и в тот же день начали жечь земли Франции. И услышали мы, что упомянутый сир Филипп приближается к нам, двигаясь в Перонну через Нуайон. Мы направили свой путь далее, наши люди сжигали и разрушали всё на двенадцать или четырнадцать лиг вокруг. В субботу перед святым Лукой мы переправились через воды Уазы, остановились и расположились там в воскресенье. В этот день наши союзники явились пред нами и заявили, что их припасы почти истощились, что зима близка, что они не могут медлить, но должны будут выступить в обратный путь, как только припасы закончатся. На самом деле они говорили, что запасы провизии столь малы, из опасения, что наш упомянутый кузен безотлагательно даст нам бой. Утром в понедельник пришли письма сеньору Югу Женевскому от мэтра арбалетчиков Франции^[20], в которых последний передавал королю Англии желание

короля Франции дать бой на позиции, не укреплённой лесом, болотом либо водой, в грядущий четверг. На следующий день, разорив всё вокруг, мы покинули лагерь.

В среду к упомянутому сеньору Югу снова явились вестники с письмами от короля Богемии и герцога Лотарингского с их привешенными печатями. В них подтверждалось, что всё сказанное упомянутым мэтром арбалетчиков от имени короля Франции относительно боя остаётся в силе. Ознакомившись с этими письмами, мы на следующий день двинулись, не мешкая, на Фламандри, где провели всю пятницу. Вечером были схвачены три шпиона и допрошены по отдельности, и все они согласно показали, что упомянутый Филипп даст нам бой в субботу, и что он находится в полутора лье от нас.

В субботу за четверть часа до рассвета мы встали в поле и заняли позиции в месте, удобном и для нас, и для него, чтобы сразиться. Ранним утром мы захватили нескольких разведчиков, которые показали, что их авангард находится перед нашими позициями и в боевом строю движется на нас. Новости достигли нашего войска, и хотя наши союзники прежде действовали достаточно вяло, их лояльность без сомнения укрепилась — теперь они были готовы драться. В то же время один из наших разведчиков, рыцарь из Германии, был схвачен, а он видел наше расположение и рассказал о нём врагу. Тогда он (король Филипп. — *В. У.*) отвёл свой авангард и приказал укрепить лагерь, и они вырыли вокруг него траншеи, и срубили большие деревья, чтобы перекрыть подходы.

Весь день мы провели на ногах в боевых порядках, но когда время начало подходить к вечерне, то союзникам нашим стало очевидно, что мы ждали довольно; и мы оседлали коней и выступили к Авену, что в полутора лье от нашего упомянутого кузена, и дали ему знать, что мы будем ждать его там всё воскресенье, что мы и сделали. И более вестей ему мы не посылали, за исключением субботних, когда мы сели на коней и отошли с позиций, а он думал, что мы двинулись на него. И он в такой спешке укреплял свои позиции, что тысяча всадников утонула в болотах во время перехода, так как двигались один за другим. В воскресенье нашими людьми был захвачен сирде Фаньоль. Утром в понедельник мы получили известие, что упомянутый сир Филипп и все его союзники рассеялись и в большой спешке отошли. После этого и наши союзники долее не собирались следовать за нами.

Касательно того, что должно быть сделано, мы будем держать совет с ними в Антверпене завтра в день святого Мартина. Затем оттуда мы пришлём вам известие безотлагательно, как только сможем»¹⁶.

Совершенно очевидно, что Эдуард III пытался хотя бы перед сыном и советниками создать видимость тактической победы там, где он потерпел явную неудачу, пусть и не по своей вине. Англичане действительно заняли сильную позицию недалеко от пикардийской деревеньки Ла-Капель, и Филипп VI поэтому решил их не атаковать. Он приказал авангарду отступить к основным силам и также заняться обустройством своих позиций. Французские военачальники громко укоряли своего короля за трусливое поведение, уличая в нежелании отомстить за причинённый англичанами ущерб. Тем не менее, Филипп выбрал абсолютно правильную тактику. Эдуард III это понял и, в свою очередь, не стал атаковать превосходящую по численности неприятельскую армию. «Великое стояние» закончилось бесславно: сначала отступили германские союзники, затем отошли и сами англичане. А ведь если бы не выдержка, продемонстрированная Филиппом VI, битва при Ла-Капели обернулась бы для французов катастрофой.

Эдуард III вернулся в Англию 21 февраля 1340 года, оставив в качестве гарантов выплаты своих долгов жену Филиппу Геннегаускую, дочерей Изабель и Джоанну, годовалого сына Лайонела, а также графов Дербийского и Солсберийского. В тот же день Эдуард Вудстокский с облегчением сложил с себя обязанности хранителя королевства.

*

Поход не принёс Эдуарду III славы, зато обошёлся в астрономическую сумму — 386 465,12 фунтов! Только личное обращение короля к Парламенту помогло добиться согласия от лордов и общин на сбор средств, требуемых для покрытия долгов. Но они пошли навстречу королевской просьбе не просто так: впервые в истории Англии согласие Парламента на введение дополнительного налогообложения было поставлено в зависимость от реформ, которые должны были обеспечить эффективный контроль над королевскими расходами.

Тем не менее необходимую сумму собрать не удалось. К концу весны 1340 года казна предполагала получить 100 тысяч фунтов, но реальные поступления составили всего какие-то жалкие 15 тысяч — и то к осени. Сбор летнего налога с зерновых и шерсти в двенадцати графствах был полностью сорван. Хронист с грустью писал: «Лорды в каждом городе, где эти товары должны быть собраны и обложены налогом, несли за то ответственность перед королём, а он получал налог и распорядился им по

собственному усмотрению и желанию. И если то, что я знаю, правда, то по этой причине душевная любовь народа превратилась в ненависть, молитвы простых людей — в проклятия, ибо простые люди сильно страдали»¹⁷.

Тем не менее, при огромном бюджетном дефиците казначейство всё-таки изыскало возможность погасить долги Эдуарда Вудстокского. Он влез в них, исполняя обязанности хранителя королевства — доходов с собственных владений ему, естественно, не хватило. Правда, выплаченная ему сумма была каплей в море — всего тысяча фунтов.

Сам герцог Корнуоллский, в восторге от полученной, наконец, свободы, постарался как можно скорее забыть утомительные сидения в кругу советников и долгие обсуждения государственных дел. Последние полтора года они поглощали большую часть его времени, хотя на должности хранителя мальчик в основном исполнял роль статиста. Он сбежал в свой манор Байфлит, затерянный между холмов графства Сарри, где вёл себя подобно своим сверстникам — шалил, играл, занимался фехтованием с друзьями. Эдуард Вудстокский пристрастился тут к способу проведения досуга, весьма почитавшемуся английской знатью. При полном одобрении родителей и друзей он постиг всю прелесть азартных игр. Так, 2 мая мальчик проиграл 12 пенсов Джону Чандосу, который был старше его на десяток лет, но с которым он крепко сдружился.

Однако счастливое и беззаботное время пролетело для принца весьма быстро, поскольку его отцу не сиделось в Англии. Присутствие Эдуарда III срочно требовалось на континенте, где он, несмотря на все финансовые трудности, собирался начать новую кампанию. Король преуспел в создании нового альянса с фламандцами и их вождём Якобом ван Артевельде, получившим от сограждан прозвища Мудрец и Гентский Подстрекатель. Этот богатый купец возглавил антифранцузские силы, и Луи де Дампьер, граф Фландрский, хранивший верность Филиппу VI, вынужден был бежать из собственных владений. Горожане Гента и Антверпена, взявшие власть в свои руки, стремились обеспечить беспрепятственный завоз английской шерсти, от которой зависела ткацкая промышленность их страны. Поэтому они готовы были оказывать Эдуарду III всё возможное содействие в его планах.

Такого случая король Англии упустить не мог. Чтобы избавить фламандцев от позорного обвинения в измене прежнему сюзерену Филиппу VI, он торжественно огласил свои претензии на французский трон и даже послал за их подтверждением к папе Бенедикту XII в Авиньон. Одновременно английский монарх продолжил активные поиски союзников. В качестве одной из приманок он активно использовал то, что его

наследник Эдуард Вудстокский так и не вступил в брак с дочерью французского короля: «Иоганну, герцогу Лотарингскому, Брабантскому и Лимбургскому, маркграфу Священной Римской империи, даётся согласие на брак королевского сына герцога Корнуоллского и Маргариты, дочери указанного Иоганна. Если свадьба не состоится, то приданое будет возмещено в двойном размере»¹⁸.

Эдуарда Вудстокского вторая попытка его женить волновала мало — предполагаемый брак в чистом виде был политической декларацией, как и требование короны Франции. Король с лёгким сердцем отказался бы от претензий на неё в обмен на полный суверенитет над теми территориями, которые он считал своими. Как минимум, эти земли включали в себя всё герцогство Аквитанское в границах 1307 года — не только окрестности Бордо, Ланды и долину Адур, но также Сентонж, южную часть Перигора и Ажене. Как максимум, при удачном розыгрыше партии, в которой согласие на женитьбу сына также было немаловажным ходом, он мог получить ещё Керси, Руэрг, Пуату и Лимузен, потерянные Англией в конце XIII века.

На Троицу, 20 мая, король отправился в Ипсуич, откуда планировал отплыть на континент. Однако разведчики донесли, что огромный французский флот под командованием адмиралов Николя Беюше и Юга Кьере собрался в Ла-Манше, чтобы предотвратить высадку англичан и при случае атаковать побережье самой Англии. К французским судам присоединились также нанятые в Генуе галеры Эгидио Боканегры по прозвищу Чёрная Борода. Против намерения Эдуарда III отплыть с небольшой флотилией в 40 кораблей твёрдо возражал архиепископ Кентерберийский. Прелата поддержали адмирал Севера Роберт Морли и фламандский наёмник капитан Ян Краббе, сражавшийся прежде на стороне шотландцев, но ныне хранивший верность англичанам. Все они настаивали на том, что подобное предприятие было слишком рискованным. Вскоре пришло подтверждение донесений шпионов из Ипра и Брюгге. Король решил временно отложить экспедицию и начал собирать большой флот.

В это время Эдуард Вудстокский находился в Кеннингтоне. Именно туда гонец доставил известие о прибытии в Англию одного из главных континентальных союзников — Вильгельма маркграфа Юлихского^[21], которого король пожаловал титулом графа Кембриджского. Собственно, на торжественный обряд, посвящённый этому событию, Вильгельм и явился. Эдуард Вудстокский на церемонию не поехал, но приказал отправить маркграфу от себя подарок — золочёную чашу парижской работы.

Два дня длились торжества, балы и обеды. Когда гости разъехались, Эдуард III вторично объявил своего сына и наследника хранителем королевства, подписав 27 мая 1340 года указ: «Мы, полностью полагаясь на лояльность возлюбленного и верного Эдуарда, герцога Корнуоллского и графа Честерского, нашего первородного сына, назначаем его хранителем как указанного королевства нашего Англия, так и титула нашего королевского до тех пор, пока мы обретаемся в указанных землях за пределами нашего королевства»¹⁹.

На следующий день король назначил главными советниками хранителя Джона де Стратфорда, архиепископа Кентерберийского, и Уильяма Клинтон, графа Хантингдонского. В состав совета вошёл Ральф лорд Невилл Рэбийский, вместе с двумя вышепоименованными сановниками уже исполнявший эти обязанности, а также Генри, лорд Перси, и Томас, лорд Уэйк — в прошлом участники заговора против Роджера Мортимера.

Начало июня Эдуард Вудстокский провёл — редкий случай! — с отцом в Бейбвеллском приорстве, что расположено возле славного города Бери-Сент-Эдмунде, куда они не преминули наведаться. Король и наследник возложили щедрые дары к гробнице святого Эдмунда и реликвиям, хранившимся в главном бенедиктинском аббатстве города, помолясь за успех экспедиции. Неделю спустя Эдуард вместе с отцом прибыл в Холбрук — деревеньку, стоящую возле удобной бухты в устье реки Стауэр недалеко от места её впадения в Оруэлл и Северное море. Именно там собирался сильный английский флот, в состав которого должны были войти от 120 до 160 судов.

*

Наконец, экспедиция была полностью готова, и отцу с сыном пришла пора прощаться. Утром 22 июня Эдуард Вудстокский сел в шлюпку, которая отвезла его на флагманский корабль. В тот же день флот покинул берега Англии, а юный хранитель королевства со своей свитой отправился в Лондон по прямой дороге через Колчестер, Челмсфорд и Краундон. Его крайне беспокоила судьба короля, которому угрожала встреча с мощным французским флотом. Поэтому по пути он позаботился о том, чтобы получить любое известие от отца в кратчайшие сроки. Для этого Эдуард оставил двух гонцов с резвыми конями — Джона Дэгнета в Харидже и Роджера Поупа в Орфорде — и строго-настрого приказал им стрелой нестись в Лондон, как только из-за моря придёт королевское послание.

Ждать хранителю пришлось недолго. В своём неспешном путешествии он ещё не добрался до столицы, остановившись 28 июня на ночлег в Уолтэмском аббатстве, совсем недалеко от Лондона. Там его и застало первое письмо от Эдуарда III, в котором король подробно описывал сыну победу над французским флотом в морском сражении при Слейсе, произошедшем 24 июня:

«Дражайший сын, мы полагаем, что вы будете рады получить от нас добрые вести, и [узнать], что произошло с нами после того, как мы оставили Англию. Да будет вам известно, что после того, как мы в четверг покинули порт на Оруэлле, мы плыли весь день и всю последующую ночь. В пятницу в полуденный час мы подошли к берегу Фландрии у Бланкенберге, где перед нами предстал флот наших врагов, который собрался в порту Звин. Поскольку отлив не позволял нам приблизиться к ним, мы оставались на месте всю ночь. В субботу, в день святого Иоанна, вскоре после полуденного часа вместе с приливом мы вошли в указанный порт с именем Господа на устах и с уверенностью в правоте нашего дела атаковали наших врагов. Они выстроили свои корабли в очень сильный боевой порядок и весьма благородно защищались весь этот день и последующую ночь. Однако Господь своей чудесной силой даровал нам победу над нашими врагами, за что мы благодарим Его столь истово, сколь это возможно.

И мы должны вам сказать, что кораблей, галер и больших барж у наших врагов было числом сто девяносто, и все они были захвачены — за исключением всего лишь 24 судов, которым удалось ускользнуть. Позже некоторые из них были захвачены в море. Число латников и других солдат [у врага] составляло 35 тысяч. Как мы думаем, 5000 из них бежали, а остальные, по словам пленников, погибли мёртвыми во многих местах на побережье Фландрии. Помимо этого, мы отбили назад все наши корабли — а именно “Кристофер” и другие — которые были ранее потеряны у Мидделбурга. Также в этом бою нами были захвачены три или четыре корабля такого же размера, как “Кристофер”. Фламандцы всей душой желали прийти к нам на помощь в битве с самого её начала и до самого конца.

Таким образом, Господь явил бесконечную милость свою, за которую мы и все наши друзья обязаны вознести ему благодарность. Мы намереваемся оставаться на реке, пока не достигнем определённых договорённостей с нашими союзниками и прочими нашими друзьями во Фландрии о том, как действовать далее. Дражайший сын, да пребудет Господь вашим хранителем!»²⁰

Письмо содержало приписку, согласно которой его следовало немедленно распространить как можно шире по всей Англии. Юный хранитель немедля передал королевское послание архиепископу Кентерберийскому с просьбой разослать копии по приходам, чтобы священники ознакомили с его содержанием как можно большее число королевских подданных.

Эдуард Вудстокский обратил внимание на то, что отец весьма скупно говорил о своём вкладе в победу. А между тем, король сражался в самом пекле, подвергая свою жизнь нешуточной опасности. Он даже был ранен в бедро французским адмиралом Беюше, а корабль с его гардеробом был захвачен неприятелем. Поэтому хранитель приказал отслужить благодарственную мессу в честь великого триумфа, который, по убеждению короля, был бы невозможен без божьей помощи.

Политический резонанс битвы при Слейсе был грандиозным. Первая серьёзная победа англичан со всей очевидностью продемонстрировала, что ограниченность материальных и людских ресурсов Англии по сравнению с теми, которыми располагала Франция, не обязательно станет решающим аргументом в войне. Талант полководца, отвага солдат, превосходство лучников над арбалетчиками — все эти факторы вполне способны склонить чашу весов в пользу Англии, что и было продемонстрировано в тяжелейшем морском сражении.

Французы потерпели страшный разгром. Только шесть галер под командованием Эгидио Боканегры сумели ускользнуть от англичан, воспользовавшись преимуществом в скорости и манёвренности. Адмирал Юг Кьере погиб в бою, второй адмирал Николя Беюше попал в плен и был повешен на рее за свои прежние пиратские рейды у побережья Англии. Однако, несмотря на ощутимый удар, нанесённый англичанами по моральному духу врага, до полной победы на море было очень далеко. Французы не прекратили своих нападений на торговые суда в Северном море и Ла-Манше. Их корабли продолжали также переправлять вооружённые отряды в Шотландию.

*

Несмотря на то, что Эдуарду Вудстокскому только-только исполнилось 10 лет, он в меру своих сил действительно исполнял обязанности хранителя Англии, а не выступал в роли куклы, которой напоказ публике управляет кукловод. В течение всего лета 1340 года герцог Корнуоллский совершал

деловые поездки по стране, не удаляясь при этом далеко от Лондона. Обычно его сопровождали не только советники и придворные, но также шут, прозывавшийся Джоном из Элтема, и менестрель, игравший на небольшом переносном органе.

Отцовские письма не отличались разнообразием и содержали, как правило, требование! прислать денег. Они заставляли Эдуарда Вудстокского то в Озни, то в Эншеме, то в Уолингфорде или Рединге. Он постоянно встречался с иностранными посланниками, которые стремились заручиться расположением хранителя, преподнося ему многочисленные подарки — то серую верховую лошадь, то белых зайцев в качестве домашних животных. Соответственно, в его бухгалтерских книгах скрупулёзно отмечались суммы, истраченные на ответные дары.

В стране было очень беспокойно. Эдуард Вудстокский утвердил решение королевского совета о начале сбора принудительного займа в размере 20 000 мешков шерсти, распределённого между всеми графствами согласно определённым квотам. По всему королевству разъезжали уполномоченные комиссары, повсеместно встречавшие яростное сопротивление. Итог оказался плачевным — к 20 августа не было собрано почти ничего. На склады поступило лишь 854 мешка шерсти, причём две трети из них предоставил Лондон. Хранитель продолжал регулярно получать письма от Эдуарда III, занятого осадой Турне, и тут же знакомил с ними советников. Послания короля становились всё более и более несдержанными, хотя совет делал всё, что было в человеческих силах для удовлетворения требований разгневанного монарха. «На ковёр» в Вестминстер вызывались чиновники из графств, с которых жёстко требовали отчёта. Но не помогали ни увещевания, ни запугивания. Линкольнширцы прятали шерсть на укреплённых складах, у которых выставляли вооружённую охрану, чтобы защитить их от королевских сборщиков. В Эссексе вспыхнуло восстание — местное население сопротивлялось комиссарам с оружием в руках. В Сомерсете коллекторы также подверглись вооружённому нападению и были перебиты. Хранитель и его советники посылали Эдуарду III нерадостные отчёты.

В попытках как-то наладить сбор шерстяного займа Эдуард Вудстокский 1 сентября отправился в Солсбери. Там он пожертвовал марку на алтарь Богородицы в кафедральном соборе, молясь об успехе военного предприятия отца. Затем герцог Корнуоллский посетил Андовер и вернулся в Лондон только к середине октября. Пробыв там несколько дней, он перебрался в Уолингфорд, а потом в Рединг. Путешествовать по стране его заставляли не только государственные дела, но и то, что любимая

резиденция Беркемстед обветшала и пришла в совершенную негодность для постоянного проживания. Там полным ходом шли ремонтные работы.

Спокойно наблюдать за разрушением знаменитого замка Эдуард Вудстокский не мог, поэтому тратил на него деньги, несмотря на оскудение казны. Впервые на этом месте ещё в 1070 году возвёл простое укрепление Робер де Мортень 1-й граф Корнуоллский, единоутробный брат и соратник Уильяма Завоевателя. Тогда оно представляло собой типичный нормандский *Motte-and-bailey* с мощной главной башней^[22]. В период своего расцвета замок окружали два рва с водой. Их пополнял канал, подведённый с северной стороны и подходивший прямо к каменному барбакану. От барбакана через первый ров был перекинут подъёмный мост, упиравшийся во вторые ворота. Через внутренний ров вёл ещё один подъёмный мост. Во внутреннем и внешнем дворах размещались часовня, апартаменты, мастерские, конюшни, пивоварня, а также складские и хозяйственные помещения. К каменной трёхъярусной башне по склону насыпного холма высотой 12 метров вела крутая лестница, защищённая стенами.

Уильям, сын Робера де Мортеня, восстал против короля Генри I Боклерка, но его бунт был подавлен, сам он оказался в заточении в Лондонском Тауэре, а Беркемстед был разрушен. Спустя несколько лет на том же самом холме Ранульф, канцлер Генри I, возвёл новый деревянный замок, а в 1155 году лорд-канцлер Томас Бекет приказал вновь построить каменные укрепления. В декабре 1216 года Беркемстед осадил французский принц Луи^[23], ненадолго занявший английский трон по приглашению мятежных баронов. Обороной замка командовал немецкий наёмник Валеран. В течение двадцати дней на защитников обрушивался град камней из требюше и в конце концов воины гарнизона были принуждены сдаться. Поражённые их доблестным сопротивлением французы позволили им покинуть замок с почётом, сохранив свободу и оружие. В 1225 году лежавший в руинах Беркемстед был подарен Ричарду, графу Корнуоллскому, который полностью восстановил его, пристроил западную башню и часовню. При короле Эдуарде I замок отошёл короне и без должной заботы постепенно разрушался. Когда он попал, наконец, в руки Эдуарда Вудстокского, ремонт был необходим срочно — даже по главной башне прошла трещина от фундамента до самой крыши.

Конечно, 750 фунтов, заплаченные герцогом Корнуоллским за реконструкцию Беркемстеда, были каплей в море по сравнению с долгами, накопленными его отцом. Казна не могла долее выполнять свои

обязательства перед союзниками, и проанглийская коалиция бесславно распалась. Эдуард III был вынужден подписать в Эплешене мир, условия которого были унижительны для Англии. Она потеряла графство Понтье и значительную часть герцогства Аквитанского. Пали последние стратегические опорные пункты в Ажене и даже остров Гернси, которым издавна владели англичане, перешёл под власть французов.

Одновременно ощутимые потери страна понесла и на своих северных рубежах. Оживившиеся в отсутствие короля шотландцы не бездействовали: если в 1337 году англичане контролировали всю низинную часть Шотландии к югу от реки Форт, а также графство Файф, то к концу 1340 года они с трудом удерживали только пограничные крепости Берик, Роксборо, Джедборо и Лохмабен, а кроме того замки Стерлинг и Эдинбург. Впрочем, последний также недолго оставался в их руках — он был отбит отрядами Уильяма Дугласа, лорда Лиддсдейла, в апреле 1341 года.

*

До крайней степени раздражённый обрушившимися на него неудачами, король Эдуард III с женой и небольшим отрядом тайно оплыл из Гента и неожиданно для всех высадился в Лондонском Тауэре в ночь на 30 ноября 1340 года. Хранителя в Лондоне не было, и крепость стояла, погруженная в темноту. Король беспрепятственно прошёл через неохраняемые ворота, и лишь во дворе его встретил помощник констебля, который приветствовал своего повелителя, преклонив колена.

Сходу, особо ни в чём не разбираясь, Эдуард III обвинил советников, помогавших его сыну управлять Англией, в бездействии и финансовых злоупотреблениях. Всех высших должностных лиц немедленно вызвали для объяснений прямо из кроватей. По прибытии в Тауэр они были схвачены и заперты по отдельности в разных помещениях для последующего допроса. В один миг потеряли должности почти все члены совета при хранителе королевства Эдуарде Вудстокском, а также констебль Тауэра сэр Николас де Ла Беш, лорд-мэр Лондона сэр Эндрю Обри, главный судья Суда общегражданских исков сэр Джон Стонор, хранитель архивов Джон Сент-Пол, Томас, лорд Уэйк, сэр Джон Молинз, финансисты Уильям и Ричард Поулы и Джон Палтни, а также клерки канцелярии и казначейства. Лорд верховный канцлер Роберт Стратфорд, епископ Чичестерский, и лорд верховный казначей Роджер Нортборо, епископ Ковентрийский, предстали пред гневные королевские очи только на

рассвете и также были немедленно отстранены от своих светских должностей. Джон Стратфорд, архиепископ Кентерберийский, предпочёл до поры не показываться на глаза разъярённому самодержцу.

В своём раже Эдуард III не покарал лишь сына. Во-первых, он не хотел ставить под сомнение авторитет хранителя Англии, а во-вторых, даже в приступе ярости осознавал, что спрашивать надо не с десятилетнего ребёнка, а с его советников. Да и сами попавшие в немилость придворные не пытались прикрыться именем герцога Корнуоллского или переложить на него хотя бы часть вины. Архиепископ Кентерберийский, к примеру, в своей тщательно составленной защитительной речи, по пунктам опровергавшей королевские обвинения в дурном управлении и даже государственной измене, ни словом не упомянул об Эдуарде Вудстокском.

Сам же наследник престола, сложив с себя обязанности хранителя королевства, не сильно беспокоился об отцовском судилище. Он всей душой отдался развлечениям, которых был лишён в течение полугода. Самыми излюбленными среди них по-прежнему были азартные игры. Обосновавшись в маноре Шин, расположенном в пригороде Лондона, он играл в кости со своими друзьями, а однажды состязался с самой королевой Филиппой и, между прочим, спустил немалую по тем временам сумму в 37 шиллингов, хотя обычный его проигрыш в среднем составлял сумму гораздо меньшую — примерно 12 пенсов.

Страсть к игре, зародившаяся у юного Эдуарда Вудстокского под влиянием Джона Чандоса, могла поспорить лишь с его тягой к роскошным вещам и одеждам. Герцога Корнуоллского отнюдь не вдохновлял пример экономного графа Эранделского, который всю свою жизнь слыл богачом и после смерти оставил наследникам 60 тысяч фунтов наличными. Эдуард редко отказывал себе в удовольствии приобрести приглянувшиеся драгоценности или дорогое снаряжение. Например, в конце 1340 года он купил серебряный с позолотой кубок за 113 шиллингов четыре пенса и седло для своего боевого коня за 21 шиллинг. Третьим увлечением юного герцога была соколиная охота, на которую он также не жалел денег. Так, 5 декабря того же года он щедро одарил сокольничих за дрессировку ловчих ястребов.

Но было бы в корне неверным считать, что Эдуард Вудстокский, избавившись от бремени государственных дел, исключительно играл, транжирил деньги и охотился. Нет, в списке его предпочтений были и гораздо более почтенные занятия, которые занимали всё больше и больше времени, постепенно оттесняя на второй план беззаботные развлечения. В начале ноября в окружении Эдуарда вновь появился его друг Джон Чандос.

Весьма вероятно, что рыцарь участвовал во французской экспедиции и в битве при Слейсе, но вернулся в Англию немного раньше короля. По его руководством герцог Корнуоллский немедленно возобновил рыцарские упражнения. Для наследника престола были приобретены длинный налuch и колчан для стрел, а также футляр для одного из его шлемов. Одновременно Эдуард продолжал учиться, предположительно в Оксфордском университете, ибо его мать выказывала постоянную и глубокую заинтересованность в развитии этого учебного заведения.

Ещё одним занятием, к которому Эдуард Вудстокский подходил со всей серьёзностью, было посещение рыцарских турниров. В этом он полностью разделял пристрастия своего отца. Можно, конечно, считать, что турниры были скорее развлечением, забавой, нежели серьёзным и важным делом. Однако для обоих Эдуардов они являлись, прежде всего, необходимым атрибутом рыцарства как образа мышления и образа жизни, воспетого в многочисленных романах, всё больше уходящего в историю и посему нуждавшегося в поддержке и пропаганде.

После Рождества, в самом начале 1341 года, мальчик присутствовал на турнире в Рединге, а 2 февраля наблюдал за состязаниями, устроенными в честь группы гасконских дворян, посвящённых королём Англии в рыцари. С высокого помоста он глядел 11 февраля 1342 года в Данстебле на бои, в которых приняло участие 230 рыцарей. В их числе как простой воин сражался сам повелитель Англии, а вокруг бились великие магнаты — графы Дербийский, Уорикский, Нортхэмптонский, Пемброкский, Оксфордский и Саффолкский. На глазах Эдуарда Вудстокского 14 апреля в Нортхэмптоне многие рыцари, вышедшие на ристалище, получили тяжёлые раны, много коней было убито. А 9 мая в Элтеме на турнире, устроенном в честь Вильгельма II Геннегауского, его родного дяди, сам виновник торжества был ранен в руку. По малолетству герцог Корнуоллский не мог ещё принимать участия в рыцарских забавах, но жадно наблюдал за рыцарскими подвигами, не пропуская ни одного состязания и предвкушая тот момент, когда ему самому позволят сразиться на турнире.

Спустя некоторое время гнев короля утих. Он помирился с архиепископом Кентерберийским, пытался задобрить лордов, отказывался от введения новых налогов для успокоения общин. В результате ему удалось добиться согласия Парламента на субсидию в размере 30 тысяч мешков шерсти, которой он намеревался заткнуть самые опасные дыры в бюджете.

Примерно тем же был озабочен и Эдуард Вудстокский, только в

масштабах собственного домена. Два срока, в течение которых он исполнял обязанности хранителя Англии, ввергли его в долги, пусть и не столь катастрофические. Дела наследника удалось уладить сравнительно просто. Король дополнительно пожаловал сыну маноры в Нортхэмптоне, Дорсете и Девоне, а также указом от 28 апреля 1341 года даровал ему право на вывоз некоторого количества шерсти: «Поскольку его сын Эдуард, герцог Корнуоллский и граф Честерский обязан выплатить известные крупные суммы различным лицам, король предоставил ему лицензию — через своих поверенных доставить 80 мешков шерсти, а именно, 40 мешков в порт Лондона и 40 мешков в порт Бостона, и переправить их во Фландрию после уплаты таможенных сборов и субсидий в размере 40 шиллингов с каждого мешка»²¹.

Разобравшись с финансами, Эдуард Вудстокский занялся укреплением своего управленческого аппарата. На службу герцогу Корнуоллскому с готовностью переходили весьма известные и опытные люди, услуги которых стоили недёшево, особенно если они ради Эдуарда отказывались от доходной королевской службы, как высокопоставленный клерк Питер де Гилдсборо: «Мы получили распоряжение Эдуарда герцога Корнуоллского и графа Честерского, подписанное в маноре Байфлит 24 мая в 16-й год правления Эдуарда III о назначении Питера Гилдсборо, его (короля. — В. У.) клерка, на должность контролёра оловянных рудников герцогства пожизненно. В подтверждение данного назначения упомянутый Питер отказался от пожалования, сделанного недавно королём, назначившим его пожизненно на должность главного весовщика ^[24] казначейства»²².

Прожжённый финансист трезво взвесил все плюсы и минусы от смены хозяина, и не прогадал, ибо под крылом Эдуарда Вудстокского его карьера пошла в гору.

*

Очередным военным предприятием короля Эдуарда III против Франции стал поход в Бретань, где спор о наследовании герцогства после смерти бездетного Жана III Доброго открыл возможность для внешнего вмешательства. Претендентами на титул выступали двое представителей боковых ветвей дома де Дрё — Жан де Монфор, поддерживаемый англичанами, и Шарль де Блуа ^[25], ставленник французов.

Первоначально Эдуард III предполагал отправить на континент

сначала авангард под командованием выходца из Геннегау капитана Уолтера де Мэнни, а следом за ним — основные силы с Уильямом Бозном, графом Нортхэмптонским, и Робером д'Артуа, графом де Бомон-ле-Роже. Однако подготовка экспедиции затянулась так сильно, что король решил, в конце концов, возглавить её лично. Он отплыл из Сандвича в начале октября 1342 года. Эдуард Вудстокский провожал отца до самого порта, где и был в третий раз назначен хранителем Англии.

Поначалу кампания развивалась более чем успешно. Англичане захватили значительную часть территории Бретани и осадили город Ванн. Оттуда король 5 декабря отправил Эдуарду Вудстокскому длинный и очень подробный отчёт обо всём, что произошло за два месяца. Помимо этого, хранитель обнаружил в отцовском послании традиционное требование денег и указание ознакомиться с его содержанием архиепископа Кентерберийского и королевский совет, временно перешедший на службу хранителю королевства:

«Дражайший и возлюбленный сын, мы хорошо знаем, что сильно вы желаете услышать хорошие новости о нас и наших делах. Мы сообщаем вам, что при отправлении этого письма мы были здоровы телом, хвала Господу, и желали бы услышать и узнать то же самое о вас.

Дражайший сын, вот что произошло с нами после нашего отбытия из Англии. Сообщаем вам, что мы предприняли большой рейд по герцогству Бретонскому, в каковой стране привели к покорности многие добрые города и крепости, в их числе город Плоермель, замок и город Малетруа, замок и город Редон — и всё это были добрые и крепкие города. И знайте, что сир де Клиссон, один из величайших воинов Пуату, и четыре других барона — а именно, сир де Лиак, сир де Машекуль, сир де Рец, сир де Риё — и другие рыцари, а также их города и крепости, стоящие прямо на границе Франции и нашего герцогства Гасконь, принуждены нами к миру. Это большое достижение нашей кампании. Ещё перед написанием этого письма мы направили в Нант нашего кузена графа Нортхэмптонского, графа Уорикского, лорда Хью Ле Деспенсера и множество других баннеретов с четырьмя сотнями латников, чтобы они совершили там то, что требуется. И после их отбытия мы получили известие, что сир де Клиссон и упомянутые бароны примкнули к ним с большим числом латников в помощь нашему упомянутому кузену и его отряду. К моменту отправки этого письма мы не имеем сведений об их деяниях, но надеемся, что вскоре с Божьей помощью получим хорошие известия.

Дорогой сын, знайте, что по совету и рекомендации опытнейших наших воинов мы осадили город Ванн, один из лучших городов Бретани

после города Нант. Это поможет нам подчинить эту землю и удерживать её в повиновении. Ибо нас уведомили, что, выступив далее без гарантий относительно этого города, мы никоим образом не сможем удержать те земли, которые предались нам. Кроме того, указанный город стоит на море и хорошо защищён, и если мы получим его, это станет большой победой в нашей войне. И знайте, дорогой сын, что сеньор Луи де Пуатье, граф де Валантинуа — капитан этого города, и говорят, что с ним находятся добрые солдаты. Тем не менее, мы надеемся, что с помощью силы Господней мы получим нужный результат, ибо по вступлении нашем в эти земли Господь, да славится имя Его! послал нам хорошее начало и достаточно успехов до сегодня. Земля тут очень богата зерном и мясом.

Но ныне, дорогой сын, надлежит вам поторопить нашего канцлера и нашего казначея с отправкой денег для нас, ибо они хорошо знают состояние наших дел. Дорогой сын, знайте, что на третий день, как мы расположились для указанной осады, к нам прибыли аббат и служитель от кардиналов с их письмами, в которых от нас требовалось выслать им охранные грамоты, дабы они могли явиться к нам. Они заявили, что по получении грамот смогут быть у нас через восемь дней. Мы собрали совет, чтобы ответить указанным посланцам и передать им наши охранные грамоты для кардиналов, дабы те могли прийти в город Малетруа, что в тридцати лье от нас, который был нам недавно сдан и приведён нами к миру. Но в наши намерения по разным причинам не входит, чтобы они подошли ближе к нашему войску, чем указанный город Малетруа. И знайте, что независимо от обстоятельств в наши намерения входит с Божьей помощью склонить свой слух к разумным доводам, если таковые будут нам представлены. Тем не менее, хотя кардиналы будут допущены к нам, у нас нет намерений отложить хотя бы на один день наши планы, поскольку мы хорошо помним о задержках, которые у нас случались прежде из-за переговоров как с ними, так и с прочими.

Дорогой сын, по завершении осады или другого предприятия, которое может вас заинтересовать, мы тотчас отправим вам сообщение, как только найдётся гонец. Дорогой сын, покажите эти письма архиепископу Кентерберийскому и тем членам нашего совета, которые находятся с вами. Дорогой сын, да хранит вас Господь! Заверено нашей малой печатью, при осаде города Ванн, в канун дня святого Николая.

Дражайший сын, уже после написания этого письма пришло известие, что наш кузен Нортхэмптонский и граф Уорикский, лорд Хью Де Деспенсер и другие баннереты и их отряд осадили город Нант. Они надеются с помощью Господа быстро довести осаду до конца»²³.

Хотя король выразил в своём письме твёрдое намерение не отступать от намеченных планов и недвусмысленное желание подчинить английскому влиянию всю Бретань, появление сильной французской армии в начале года склонило его к переговорам. Кампания закончилась перемирием, подписанным в Малетруа 19 января 1343 года, а 2 марта Эдуард III благополучно вернулся в Англию.

*

Третий и последний период, когда Эдуард Вудстокский исполнял обязанности хранителя королевства, прошёл относительно спокойно, без особых происшествий. Герцог Корнуоллский не был обременён неотложными государственными делами. Лишь единственный раз ему пришлось председательствовать на совете в Вестминстере, состоявшемся 14 декабря. После этого он удалился из Лондона и спокойно проживал в своих любимых манорах — возрождённом Беркемстеде, Кеннингтоне и Байфлите.

Встретив вернувшегося в Англию отца, Эдуард Вудстокский отправился вместе с ним в сопровождении небольшой свиты в пешее паломничество к святыням Кентербери, Глостера и Уолсингема. Затем они поспешили в Вестминстер, где 28 апреля открывалась сессия Парламента, на которой герцогу Корнуоллскому требовалось присутствовать всенепременно. Минувшим летом он достиг возраста, в котором наследник трона возводился в достоинство принца Уэльского, и задержка была связана только с отсутствием короля, который воевал в Бретани.

Впервые этот титул получил Эдуард II Карнарвонский в бытность наследником престола. Красивая, но абсолютно недостоверная легенда гласила: воинственный король Эдуард I, огнём и мечом покорявший Уэльс, пообещал в обмен на подчинение дать валлийской знати правителя, родившегося в их стране и не говорившего ни слова по-английски. Он обманул местных вождей, даровав титул принца Уэльского своему старшему сыну, только что рождённому в валлийском замке Карнарвон и, естественно, не умевшего говорить ни на английском, ни на любом другом языке. С тех пор наследник трона традиционно получал этот титул по достижении 13-летнего возраста, расставаясь с ним при коронации.

Формальная инвеститура Эдуарда Вудстокского состоялась 12 мая. На его голову была возложена золотая корона, на палец надето золотое кольцо, в руку вложен серебряный жезл. С этого момента Эдуард носил три титула

— он был принцем Уэльским, герцогом Корнуоллским и графом Честерским. Во вновь обретённом княжестве наследник трона пользовался королевскими прерогативами — по крайней мере, на той территории, которая была веком ранее завоёвана его прадедом королём Эдуардом I, ибо горная часть по-прежнему находилась в руках вождей местных кланов. Королевскому клерку Уильяму Эмелдону были немедленно даны два важных поручения. Во-первых — подготовить все документы по передаче земель новому владельцу, во-вторых — провести тщательную инспекцию княжества для выяснения его обороноспособности: французского вторжения опасались и на западном побережье.

Княжество Уэльс было самым ценным бриллиантом в короне принца, но оно так и не стало для него столь же родным, как Честер или Корнуолл — за всю свою жизнь он ни разу не пересёк его границ. Тем не менее, Эдуард с готовностью пользовался ресурсами Уэльса — здесь он набирал лучников и копейщиков для своих военных кампаний, которых на его долю выпало немало. Йомены Уэльской марки были превосходно подготовленными солдатами, закалёнными в стычках с горцами, многие из них великолепно владели длинным луком — самым грозным оружием того времени.

Расширение владений потребовало увеличения административного аппарата, и надо сказать, у принца не было проблем с набором людей. Талантливый финансист Питер Гилдсборо, который ещё в 1342 году решился перейти на службу к Эдуарду, покинув королевское казначейство, получил ответственную должность хранителя казны принца и генерального управляющего его доменом. Управляющим двора остался проверенный советник Бартоломью де Бергерш-старший, стюардом Эдуард назначил Томаса Пейтевина. В его свите состояли знаменитые рыцари сэры Джон Чандос и сэры Роберт Брэдстон. Среди придворных и слуг числились шкипер личного корабля принца, трубач, сторожа, лакеи и кухонная прислуга — в общей сложности около 120 человек.

Детские забавы и игры были забыты. Принцу Уэльскому пришлось вести образ жизни, типичный для высокородного дворянина. Что это значило в реальности? Он трапезничал дважды в день, если этот день, конечно, не выпадал на праздник — первый раз спустя несколько часов после восхода солнца, второй — незадолго перед сном. Для высоких гостей у него всегда стояли наготове вино со специями, пирожные и засахаренные фрукты, которыми можно было в случае необходимости перекусить и самому.

Эдуард Вудстокский не должен был пренебрегать принятыми в

высшем свете развлечениями — травлей быков собаками, петушиными боями, борьбой силачей, метанием железных прутьев, игрой в ручной мяч или футбол, соревнованиями по стрельбе из лука. Как и прочие аристократы, он танцевал на балах, участвовал в маскарадах, смотрел пантомимы и мистерии, наслаждался искусством жонглёров и песнями менестрелей. Но по-прежнему больше всего ему радовали сердце рыцарские турниры, тем более, что его отец Эдуард III организовывал их часто, с великой пышностью и изобретательностью, превращая в незабываемое зрелище. Несколько лет очевидцы вспоминали турнир, прошедший в середине лета 1343 года в Смитфилде, когда король вышел на ристалище, переодетый папой, в сопровождении дюжины рыцарей, обряженных кардиналами. Зачинщики вызывали на бой любого желающего. Больше всех в тех состязаниях отличился Томас де Бошан, граф Уорикский. Затем турниры следовали нескончаемой чередой до самого ноября, перемежаясь выездами на охоту. День всех святых принц Уэльский отпраздновал с отцом и храбрыми рыцарями в Лонг-Мелфорде, а на Рождество вся весёлая компания перебралась в Норидж.

Кульминацией этой безудержной круговерти рыцарских потех стал совершенно особенный турнир. Даже подготовка к нему велась гораздо тщательнее, чем обычно — о грядущем состязании объявили заранее по всему христианскому миру, оповестили все европейские дворы. Турнир начался в Виндзоре 19 января 1344 года. На него явились знаменитые рыцари и известные бойцы. Со всей Англии в сопровождении многочисленных и пышно разодетых свит съехались знатные дамы. Праздник открылся в главном зале замка большим банкетом, устроенным именно для представительниц слабого пола. В центре внимание, естественно оказались две королевы — действующая Филиппа и вдовствующая Изабелла, а также два французских рыцаря — единственные мужчины, допущенные в этот цветник. Принц Уэльский пировал вместе с английскими графами, баронами и рыцарями в специально сооружённых около замка павильонах. Вечером дамы и кавалеры встретились на танцах.

На следующий день король и его партия из девятнадцати рыцарей вышел на поле. Герольды объявили, что они готовы принять в течение трёх дней любой вызов. Когда поединки закончились, победителем турнира был признан сам Эдуард III — не из лести или низкопоклонства, а за его доблесть и удачу, которая неизменно сопутствовала ему в стычках. Казалось бы, праздник близился к концу, но неожиданно король преподнёс всем сюрприз. Он приказал никому не разъезжаться, но оставаться в замке до следующего дня, особенно это касалось принца Уэльского. На

удивлённый вопрос сына, что он задумал, Эдуард III ответил коротко: «Великое дело».

Рано утром Эдуард Вудстокский облачился в парадные одежды и присоединился к свите короля и королевы. Они направились в часовню Виндзорского замка, где их уже ждали лорд верховный стюард Англии Генри Кривая Шея, граф Ланкастерский, лорд маршал^[26] Уильям Монтекьют, граф Солсберийский, и другие могущественнейшие лорды. После мессы король поклялся на Евангелии, что в ближайшее же время найдёт Круглый Стол легендарного короля Артура, и за него усядутся рыцари числом в три сотни. Наследник престола, высшие государственные сановники, а за ними графы Дербийский, Солсберийский, Уорикский, Эранделский и Пемброкский произнесли клятву участвовать в королевской затее. Днём проведения первого собрания рыцарей Круглого Стола была избрана Троица следующего года, и это не случайно: как уверяли романы, именно на этот праздник ко двору Артура собирались его рыцари.

Под грохот барабанов и пение труб принц Уэльский и все, присутствовавшие в часовне, отправились в главный зал Виндзорского замка, где были накрыты столы для роскошного пира, который затянулся до поздней ночи. По домам благородные рыцари и дамы разъехались только на следующий день.

*

Хотя перемирие, заключённое в Малетруа, действовало до Михайлова дня^[27] 1346 года, дипломатические позиции Англии ослабли вслед за крахом большинства её военных альянсов. Эдуард III понимал, что Франция не преминет воспользоваться своими преимуществами, и что новый виток войны неизбежен. Знал об этом и Эдуард Вудстокский. Он заранее взял с отца обещание взять его в экспедицию и начал активно готовиться к первой в своей жизни военной кампании. Принц Уэльский приказал доставить ему из своих владений весьма крупные суммы и отправил с ними Питера Гилдсборо в Брабант с приказом купить 32 боевых коня, главным образом *дестриэ* и *курсье*^[28]. Также в Ирландии его слуги приобрели лошадей не для сражений — нескольких пони и небольшую изящную лошадку по кличке Уилифрид для самого Эдуарда.

Переговоры с целью заключить более долгосрочный мир, начавшиеся после долгих проволочек в Авиньоне в октябре 1344 года, с треском

провалились. Уже традиционно каждая делегация прибыла с инструкциями, заведомо неприемлемыми для противной стороны. Англичане продолжали требовать французский трон для своего короля, а французы отказывались даже обсуждать этот вопрос. С другой стороны, французские посланники готовы были пойти на некоторые территориальные уступки в отношении границ Гиени и вернуть провинции, отвоёванные в «войне Сен-Сардо», но лишь с условием, что герцогство получит статус феодального лена, пожалованного королём Франции. Соответственно, это было абсолютно неприемлемо ни для англичан, ни для гасконцев — особенно для гасконцев, которые небезосновательно опасались усиления французского давления. Ведь Англия находилась далеко за морем и была в основном поглощена своими проблемами, а Франция располагалась тут, под боком, и подчинение Гиени считала одной из приоритетных задач.

После неудачи переговоров король Франции незамедлительно продемонстрировал англичанам слабость их позиции, причём не самым дипломатическим путём. Жан, герцог Нормандский, старший сын Филиппа VI, был пожалован титулом герцога Гиеньского в нарушение всех прав короля Англии. То, что это не простой ритуальный жест, выяснилось очень быстро — настойчивому Жану удалось получить присягу верности от многих сеньоров, владевших землями на севере и востоке Гиени. Эдуарду III не оставалось другого выхода, кроме как показательно отреагировать на подчёркнуто недружественный шаг. Он отозвал из Аквитании сенешаля Николаса де Ла Беша, который был всего лишь мирным управляющим, и послал туда наместником воина — Генри Гросмонтского графа Дербийского. В августе 1345 года тот получил в своё распоряжение сильную армию и приказ начать боевые действия.

Параллельно Эдуард III подготовил ещё более чувствительный удар по самолюбию Филиппа VI, вполне адекватный оскорблению, нанесённому французским королём. Во дворце Ламбет, лондонской резиденции архиепископа Кентерберийского, бретонский претендент Жан де Монфор 20 мая 1345 года признал Эдуарда III королём Франции и принёс ему вассальную присягу за герцогство Бретонское. Чуть позже подобную клятву дал и Жоффруа д'Аркур, виконт де Сен-Совер по прозвищу Хромой, один из самых могущественных сеньоров Нормандии. В середине июня бретонским наместником был назначен Уильям Боэн, граф Нортхэмптонский, который отправился с небольшой армией в Бретань, а отряд под командованием сэра Томаса де Феррерса тем временем отплыл освободить Нормандские острова.

Эдуарду Вудстокскому вновь пришлось играть роль приманки для континентальных владетелей, с которыми его отец хотел возродить союзы. Однако в этот, третий по счёту раз, у принца Уэльского были серьёзные основания опасаться, что дело будет доведено до логического завершения. Сэр Нил Лоринг и Майкл Нортборо отправились к папскому двору за диспенсацией, необходимой для заключения брака принца с Маргаретой, дочерью Яна III, герцога Брабантского и Лимбургского. В сопроводительном послании король писал:

«Святейшему отцу Клименту, Божьей милостью понтифику Святой Римской и Вселенской церкви. Эдуард, Божьей милостью король Англии и Франции и лорд Ирландии, припадает к Вашим благословенным ногам... Мы молимся за Вас, уповая на диспенсацию для брака между нашим дражайшим первородным сыном принцем Уэльским, герцогом Корнуоллским, графом Честерским и прекрасной дочерью славного герцога Брабантского, несмотря на третью степень их родства»²⁴.

Папа Климент VI, впрочем, всеми силами затягивал решение вопроса, поскольку его симпатии находились на стороне правившего Францией дома Валуа. Он не выносил ни положительного, ни отрицательного решения. Тогда Эдуард III отправил ему второе письмо, в котором явственно звучали нотки нетерпения и даже скрытой угрозы:

«Папе — король и пр. Святая Римская церковь иногда прощает грехи, особенно в тяжёлые времена. В другие времена апостольскому престолу сделать это сложнее. Однако Тот, чьим викарием вы являетесь, сказал: “Стучите, и отворят вам”^[29]. О диспенсации на брак между нашим перворождённым сыном Эдуардом принцем Уэльским, герцогом Корнуоллским и графом Честерским и прекрасной дочерью славного герцога Брабантского, о котором уж договорено, несмотря на третью степень родства, мы просили Ваше святейшество несколько раз. Мы и дальше будем возносить свои молитвы и продолжать с упорством стучаться в двери вашего милосердия, умоляя о помощи»²⁵.

И на этот раз ответа из Авиньона король не дождался. Однако если папа надеялся таким образом погасить или хотя бы отложить войну, успеха он не добился.

*

В конце июня Эдуард Вудстокский прибыл в Сандвич, где должен был

присоединиться к армии и вместе с ней отправиться во Фландрию — единственную страну из могущественной когда-то коалиции, сохранившую верность союзу с Англией. Принцу недавно исполнилось 15 лет, и с точки зрения современников он достиг того возраста, когда юноша становится мужчиной и воином. Эдуард был силён, отважен, энергичен, переполнен жаждой сражений и славы. Его сопровождали придворные, в том числе Гийом де Сент-Омер, Эдмунд Уонси, Ричард де Ла Бер, Роланд Дениз, а также главный повар Ричард Рейвен: опасный заморский поход, считал Эдуард, вовсе не повод отказываться от вкусной пищи.

Армия численностью более 2000 человек погрузилась на 300 судов. Флот вышел из гавани Сандвича во второй половине дня 3 июля, это было воскресенье, и направился к Слейсу, куда подошёл два дня спустя. Туда же прибыл из Гента лидер фламандцев Якоб ван Артевельде, верный союзник англичан, чтобы обсудить детали предстоящей кампании. Несколько дней длились празднества, юный принц получил достаточно возможностей, чтобы показать себя во всей красе и своим рыцарским поведением без малейшего намёка на рисовку завоевать уважение делегации фламандцев.

Французы считали, что на встрече Эдуарда Ши Артевельде непременно должны были обсуждаться самые зловещие планы — будто бы речь у них шла о том, что фламандцы согласны принять принца Уэльского в качестве правителя Фландрии вместо их исконного господина Луи де Дампьера, который бежал от восставших горожан и укрылся в Париже. Эти слухи весьма отдалённо соответствовали действительности, ибо в Слейсе действительно шли жаркие дискуссии о сюзеренитете над графством, но совсем в другом аспекте. В результате долгих обсуждений свет увидела весьма бестолковая и беззубая хартия, обнародованная 19 июля. В ней заявлялось, что Эдуард III, как король Франции и сюзерен Фландрии, любезно примет графа Луи, несмотря на его враждебное поведение в прошлом, но с одним условием — тот должен принести ему оммаж. Впечатление такое, что этим бессмысленным документом стороны хотели прикрыть выявившиеся у них принципиальные разногласия. Таким образом, принц Уэльский не стал правителем Фландрии — и, скорее всего, ему такой вариант никто не предлагал.

Тем временем Якоб ван Артевельде был вынужден спешно вернуться в Гент, где был убит во время уличных беспорядков. Гибель союзника поломала все планы Эдуарда III, поскольку фламандские города, занятые производством сукна, сильно зависели от английской шерсти, но их жители временно пришли в полное замешательство. А сохранившая присутствие духа знать имела в большинстве своём профранцузскую ориентацию и по-

прежнему считала своим сеньором изгнанного графа де Дампьера. Поэтому на какое-то время Фландрия перестала быть безопасной базой для английских войск, хотя в целом англо-фламандский альянс благополучно пережил эту неприятность.

Эдуард Вудстокский, следуя примеру отца, отплыл из Слейса сразу же после получения известия о смерти Артевельде. Летняя гроза заставила корабли повернуть на север, и на рассвете 26 июля часть английского флота вошла в Даунс — удобный рейд между песчаной 16-километровой банкой Гудвин-Сэндз и восточным побережьем Кента. Остальные суда рассеялись по юго-западной оконечности Северного моря и поодиночке находили путь домой в течение ещё нескольких дней. Так бесславно окончилась первая военная экспедиция Эдуарда Вудстокского, где ему ни разу не удалось даже обнажить меч. Впрочем, его вины в этом не было.

Вскоре принц получил приглашение на заседание королевского совета. Он спешно отправился в Вестминстер, где советники восемь дней подряд обсуждали, как оправдать провал фландрской экспедиции и как дальше вести себя с Францией. Их решение не отличалось оригинальностью — они настаивали на подготовке новой кампании и отправке подкреплений английским войскам в Бретань и Гиень. Шерифам графств были разосланы велеречивые письма, в которых им давались инструкции, как вести разъяснительную работу с населением: во-первых, англо-фламандский альянс крепок как никогда, во-вторых, поспешное возвращение армии вызвано исключительно внезапно налетевшей бурей, нарушившей победоносные планы вторжения во Францию.

Одновременно все магнаты получили распоряжение начать набор военных отрядов. В числе первых такой приказ пришёл принцу Уэльскому. Он отнёсся к исполнению своих обязанностей гораздо ревностнее, чем сам король. Разосланные им уполномоченные по рекрутскому набору начали работать незамедлительно — уже с 29 сентября. К концу октября принц намеревался лично привести снаряженный им отряд в Портсмут, назначенный местом сбора. Однако Эдуарду Вудстокскому опять не суждено было испытать свои силы в военном походе. Совершенно неожиданно он получил королевское предписание явиться не в Портсмут, а в Вестминстер на заседание совета. Там принц узнал о кончине Жана де Монфора. После неудачной осады Кемпера ставленник англичан тяжело заболел и 26 сентября умер, оставив после себя пятилетнего сына, также носившего имя Жан. Теперь этому мальчику предстояло сыграть роль знамени, под прикрытием которого англичане могли распространять своё влияние на Бретань.

Советники сошлись во мнении, что экспедиция на континент так или иначе необходима, однако начинать её немедленно ввиду наступающей зимы по меньшей мере неумно. Кампанию решили отложить на следующий год — Столетняя война, как и большинство войн средневековья, протекала без лишней спешки.

*

Первые приказы о сборе судов королевская канцелярия разослала 1 января 1346 года. В них говорилось, что флот должен собраться в Портсмуте до 16 февраля. Однако сильные штормы затрудняли прибрежное судоходство: непогода заперла большинство кораблей в портах, а те, кто отважился всё-таки выйти в море, были сбиты с курса и изрядно потрепаны бурей. Поэтому дату сбора король счёл необходимым перенести сначала на март, затем на середину Великого поста, и, наконец, на 30 апреля.

Военные приготовления сопровождались изрядной шумихой, целенаправленно поднятой вокруг экспедиции: духовенству вменялось в обязанность организовать шествия и молитвы за здоровье короля, а провинциалу Ордена доминиканцев и приору францисканского аббатства Святого Августина в Лондоне 15 марта было поручено изложить народу суть претензий Эдуарда III на корону Франции — просто, доходчиво и авторитетно.

Снова была пушена в ход неоднократно использовавшаяся наживка — брак с принцем Уэльским. На этот раз обольщению подвергся король Португалии: «Даны полномочия сэру Роберту де Стрэттону, канонику Чичестерскому, и знатоку законов мастеру Ричарду де Саэму на ведение переговоров о браке между Эдуардом, принцем Уэльским, и Леонорой, дочерью Афонсу, короля Португалии и Алгарве. Подобным же образом надлежит договориться, чтобы Леонора прибыла в Англию, а также о том месте, в которое она должна прибыть»²⁶.

Воспользовавшись тем, что экспедиция была отложена на 1346 год, Эдуард Вудстокский позаботился о подарках к грядущему Рождеству. Широта души не позволяла ему обойти кого-либо своим вниманием. Поэтому список адресатов был длинен, а роскошь даров ошеломляла. Принц не забыл никого — ни родственников, ни придворных, ни слуг:

«Золотая чаша эмалированная, весом в четыре марки^[30], купленная 24 июня; новогодний подарок королю... Золотая пряжка с большим рубином

сверху и двумя маленькими ниже, двумя маленькими изумрудами в верхней части и одним большим в нижней, двумя алмазами по сторонам, и шестью жемчужинами тремя группами с двумя алмазами посредине — для леди Изабелы, сестры принца. Пряжка с изображением Мадонны, один матовый рубин сверху с тремя алмазами вокруг, двумя жемчужинами на двух выступах и двумя изумрудами по бокам пряжки, с одним матовым рубином внизу, и шестью жемчужинами тремя группами (в центр каждой из которых включён большой изумруд) около указанного рубина — для леди Джоанны, сестры принца»²⁷.

Бартоломью де Бергерш-старший получил брошь с тремя матовыми рубинами и тремя сапфирами, сэр Джон Чандос — круглую золотую пряжку с тремя маленькими жемчужинами и золотыми изображениями козлов и льва. Для остальных друзей принц приготовил золотые кольца с алмазами. Даже придворный цирюльник не был забыт — ему достался драгоценный кубок. Но самую большую заботу Эдуард проявил о своей матери Филиппе Геннегауской — ей он преподнёс роскошное новое платье, в качестве украшений к которому прилагались четыре дюжины золотых кнопок, две горностаевые шкурки и большая брошь с тремя матовыми рубинами и изумрудом.

Расточительство, конечно, было свойственно Эдуарду Вудстокскому. Однако стоит обратить внимание — в основном он тратил деньги не на себя, а на людей из своего ближнего окружения, как и следовало поступать настоящему рыцарю. И приближённые в ответ платили ему искренней привязанностью и любовью. Из нескончаемого перечня рождественских подарков себе Эдуард оставил лишь два жемчужных кольца с выгравированным на них личным девизом *Ich diene* — «Я служу», и золотое кольцо с алмазами.

Как бы ни был щедр принц по отношению к друзьям и родным, львиная доля его расходов, естественно, пришлась отнюдь не на подарки. Снаряжение воинского отряда, так и не потребовавшегося осенью, который сначала пришлось распустить, а затем вновь собрать зимой и держать в готовности до середины весны, обошлось ему недёшево. Эдуард Вудстокский влез в такие серьёзные долги, что они вызвали тревогу даже у короля. Он приказал сыну перед отправлением в поход составить завещание и позаботиться о займодавцах, ибо кампания ожидалась опасная: «Распоряжение Эдуарду принцу Уэльскому составить завещание, чтобы обеспечить выплату крупных долгов, сделанных во время подготовки к отправлению вместе с королём в заморские земли — на

случай, если он умрёт, не расплатившись с какими-либо долгами»²⁸.

Повинуясь королевскому приказу, Эдуард Вудстокский уладил все текущие дела, после чего совершил паломничество в храм Пресвятой Богородицы в Уолсингеме, по пути завернув и в аббатство Бери-Сент-Эдмундс. Затем он вернулся в Лондон, откуда водным путём отбыл в Кентербери. Он плыл по Темзе на одном судне с отцом, коротая с ним время за игрой в кости. Из Кентербери оба Эдуарда, наконец, направились напрямиком к месту сбора флота — в Портсмут.

Глава третья

КАМПАНИЯ КРЕСИ

Англичане особо не пытались хранить подготовку экспедиции в секрете, да и масштабы её были таковы, что французам, конечно же, вскоре стало известно о грядущем вторжении. Но планы Эдуарда III были слишком неопределёнными для того, чтобы принять эффективные контрмеры. О точном месте назначения флота знал лишь принц Уэльский, да ближайшие советники короля, а защищать северное побережье на всём его протяжении французы не могли. Своими первыми шагами Эдуард III запутал неприятеля ещё больше. В июне 1346 года во Фландрию прибыли сэр Хью Хестингс, сэр Джон Молинз и Джон, лорд Молтраверс, с 250 лучниками и некоторым числом латников. К ним присоединились вспомогательные отряды, предоставленные несколькими фламандскими городами. Знаменитый английский капитан Томас Дэгуорт выступил в Бретани против поддерживаемого французами бретонского претендента Шарля де Блуа и разгромил его войско 9 июня 1346 года в битве под Сен-Поль-де-Леоном. Ричард Тотшем с гарнизоном Ла-Рош-Деръена ворвался в Ланьон и разграбил город.

Эдуард Вудстокский со своим отрядом 28 июня погрузился на корабль в Портсмуте. Несколько дней подряд погода препятствовала движению флота, но затем ему удалось поймать юго-восточный ветер, проплыть вдоль северного побережья острова Уайт и бросить якорь в небольшой гавани около селения Ярмут. Здесь принц, страдая от скуки, провёл несколько дней, пока его отец дожидался остальных судов, разбросанных стихией по всему Соуленту от Портсмута до скал Нидлз^[31]. Когда, наконец, весь флот собрался у Ярмута, между английскими военачальниками начались споры о том, где же во Франции всё-таки следует высадить армию. Наиболее предпочтительным местом многие считали Гиень, и король стал постепенно склоняться к такому решению. Однако 8 июля задул северо-западный ветер, поставив крест на планах перехода в Аквитанию. Дебаты разгорелись с новой силой, но Эдуард III прекратил их, приказав возвращаться в Портсмут. Неутихающий ветер не давал кораблям выйти в море ни 9, ни 10 июля. Наконец, 11-го числа он ослаб и сменился на западный; воспользовавшись этим экспедиция добралась до Сент-Хеленс — деревушки на восточной оконечности острова Уайт.

Здесь принц опять участвовал в военном совете, окончательно разрешившем все сомнения и определившем точку высадки. Впрочем, для всех остальных она оставалась секретом: шкиперы судов получили запечатанные приказы, которые можно было вскрыть только в том случае, если корабль потерял из виду флагмана. Тысяча судов различного тоннажа и размера взяла курс на побережье Нормандии. С попутным ветром и благоприятным приливом Ла-Манш удалось пересечь за день, и утром 12 июля флот встал на якорь в гавани города Сен-Ва-ла-Уг. Не исключено, что на выбор места высадки оказал серьёзное влияние нормандский сеньор Жоффруа д'Аркур, виконт де Сен-Совер. Изгнанный из своих владений королём Франции, он бежал в Англию и принёс клятву верности Эдуарду III, но не терял надежды вернуться и восстановить своё влияние в Нормандии. Преследуя в первую очередь собственные цели, д'Аркур мог убедить короля начать вторжение именно с полуострова Котантен.

Выставить мощные заслоны по всему побережью Филипп VI физически не мог, а нанятый им ещё в январе флот из генуэзских галер добрался к тому времени только до Ла-Рошели. Поэтому высадка англичан не встретила никакого сопротивления. Принц с разочарованием узнал, что здесь сражения не будет, поскольку небольшой отряд генуэзских наёмников покинул Сен-Ва-ла-Уг три дня назад из-за того, что городские власти не выплатили ему положенного жалования. Единственным, кто мог оказать хоть какое-то сопротивление, был Робер Бертран^[32], призвавший под свои знамёна местное дворянство и ополчение, но сумевший собрать лишь 300 человек. Со своими жалкими силами он предусмотрительно отступил, когда выяснилось, что ему противостоит мощная армия во главе с королём и наследником престола.

Английское войско, преодолевшее все трудности и пересёкшее Ла-Манш, действительно представляло собой грозную силу. Его точная численность неизвестна — обычное дело, когда речь заходит о средневековых армиях. Наиболее вероятно, что в Сен-Ва-ла-Уге высадилось в общей сложности около 10 тысяч воинов. Эдуард Вудстокский привёл с собой 11 баннеретов, 102 рыцарей-бакалавров, 264 латника, 384 конных лучника и 582 пехотинца — всего 1343 воинов²⁹. Впрочем, некоторая часть из этой свиты могла быть нанята позднее.

Сойдя в полдень 12 июля 1346 года на берег, принц поспешил подняться на прибрежный холм, чтобы осмотреть окрестности. Там уже стоял его отец в окружении своих рыцарей. Прямо тут, на холме состоялась церемония, которой король решил отметить начало военной карьеры своего

старшего сына: он посвятил Эдуарда Вудстокского в рыцари. Согласно обычаю, одновременно рыцарские шпоры получили ещё несколько знатных молодых дворян, в том числе Ричард де Ла Бер, состоявший в свите принца и сопровождавший его во Фландрию в 1345 году.

Сам Эдуард Вудстокский также посвятил в рыцари трёх своих друзей. Первым стал восемнадцатилетний Уильям Монтекьют, 2-й граф Солсберийский, унаследовавший титул от своего отца, умершего двумя годами ранее. Вторым — Роджер Мортимер, внук печально известного графа Марчского, фаворита королевы Изабеллы. Семнадцатилетний юноша, воспитывавшийся с принцем и пользовавшийся его покровительством, постепенно возвращал себе доверие короля и вместе с ним конфискованные у деда родовые владения. Третьим был Уильям, лорд Рос, дворянин с шотландской границы.

Столь поспешное пожалование Эдуарду Вудстокскому рыцарских шпор было не случайным. Во-первых, молодому лорду предстояло в ближайшие дни принять командование над крупным армейским подразделением. Во-вторых, по поводу посвящения первородного сына короля в рыцари согласно феодальному праву все вассалы обязаны были выплатить казне немалые суммы. С помощью этих средств Эдуард III надеялся частично окупить затраты на экспедицию. В своих письмах домой участвовавшие в кампании лорды прямо писали об этом:

«Благородным духовным пэрам — архиепископам, аббатам, приорам, а также благородным мужам графам, баронам и всем остальным, заседающим в Парламенте нашего господина короля в Вестминстере... Шлют вам привет и уверения в дружбе епископ Даремский, графы Нортхэмптонский, Эранделский, Уорикский, Оксфордский и Саффолкский, а также Хью Ле Деспенсер лорд Гламорган и Морганног, от себя и от других английских вельмож, пребывающих в здешних краях. Мы были свидетелями того, как наш господин король прибыл в Уг в Нормандии и посвятил в рыцари сына своего принца Уэльского. И посему он должен получить помощь королевства, положенную по этому поводу (как всем известно), в размере 40 шиллингов с каждого рыцарского лена»³⁰.

*

Как выяснили разведчики, Сен-Ва-ла-Уг покинули не только генуэзцы — из города бежали вообще все жители. Более того, опустели деревни и усадьбы на 30 километров вокруг. Английские солдаты, войдя в город,

немедленно приступили к грабежу брошенных зданий. Начались пожары, из-за которых принц Уэльский со своей свитой вынужден был расположиться на ночлег в небольшой деревне Морсалин, находившейся в трёх километрах от гавани. Там же ночевал и его отец.

Высадка большой армии заняла много времени. Пока корабли разгружались, отряд под командованием Томаса, графа Уорикского, и Ральфа, лорда Стаффорда, на нескольких небольших судах атаковал с моря город Барфлер, расположенный в десяти километрах к северу от Сен-Ва-ла-Уга. Принц Уэльский был страшно огорчён, что король не послал его в эту вылазку, и ему не удалось своими глазами увидеть знаменитый город, откуда три столетия назад, в 1066 году, отправился на завоевание Англии флот его далёкого предка Гийома Бастарда — основателя Нормандской королевской династии.

Подплыв к Барфлеру, англичане обнаружили, что город также частично оставлен жителями. В гавани они обнаружили девять хорошо вооружённых французских военных кораблей, на палубах которых были сооружены носовая и кормовая башни для стрелков. С ходу атаковав их, англичане сожгли неприятельские суда. Затем солдаты разграбили город и предали его огню. Рейдеры захватили множество пленных, а трофеев им досталось столько, что они решили брать только золото, серебро и драгоценные камни. Даже роскошные меха и богатая одежда с презрением выбрасывались в уличную пыль.

В течение трёх последующих дней были предприняты ещё как минимум три рейда. Пользуясь возникшей во время высадки неразберихой, английские солдаты без приказа покидали расположение армии и совершали набеги на окрестности, без нужды восстанавливая против себя местное население. В войске хватало отъявленных мерзавцев, пытавшихся участием в походе искупить свои преступления. Чтобы прекратить бесчинства, Эдуарду III пришлось отдать строгий приказ, запрещающий поджигать города и усадьбы, грабить церкви и святыни, убивать и калечить стариков, женщин и детей. Тому, кто поймает нарушителя приказа с поличным и доставит его к королю, была обещана немалая награда в 40 шиллингов. Тем не менее, принятые меры не помогли: грабежи и насилия продолжались на протяжении всей кампании.

Наконец, высадка была полностью завершена, кони отдохнули после плавания, на несколько дней был заготовлен провиант. Перед тем, как направить войско вглубь страны, Эдуард III приказал своему советнику Бартоломью де Бергершу-старшему написать архиепископу Кентерберийскому письмо с подробным изложением всех событий,

произошедших с момента отплытия экспедиции из Англии. Бергерш исполнил королевскую волю и подвёл итог первым дням кампании, благоразумно закамouflировав грабительские рейды под боевые операции, — он знал, что его письмо будет использоваться в пропагандистских целях и зачитываться по всей стране в местах скопления народа:

«Ваше высокопреосвященство, мой наипочтеннейший сеньор! Я знаю, как вы были бы рады получить новости о монсеньоре короле и о нашем флоте. Я счастлив сообщить вам, что король, снарядив все корабли и загрузив их провиантом на две недели, желал поначалу отправиться в Гасконь. Он отплыл этим путём, намереваясь миновать Нидлз у оконечности острова Уайт и затем следовать далее по Ла-Маншу. Но ветер был столь неблагоприятным, что он никакими силами не мог удерживать этот курс, несмотря на то, что ждал в течение долгого времени, не пошлёт ли Господь ему хорошую погоду для прохода вдоль Ла-Манша. Однако Господь не снизошёл к его молитвам, и он не смог придерживаться намеченного курса. Тогда он повернул туда, куда вёл его Господь, и благополучно прибыл со всем флотом в ту часть Нормандии, которая зовётся Котантеном, в среду, перед днём Св. Маргариты, то есть 12 июля.

По прибытии монсеньор принц был посвящён в рыцари, а вместе с ним Монтекьют, Мортимер, Рос и многие другие. Город Барфлер был взят. Монсеньор Уорик вступил в перестрелку с противником, и одержал в этот день победу с честью; монсеньор Джон Бошан и многие другие рыцари и сквайры вступали в схватки с врагами, как в набегах, так и прочим образом, и эти предприятия занимали всё время. Латники этой земли отступили в замки и укреплённые города, а все простые люди перешли на сторону короля.

Это все новости на данный момент, сир, кроме того, что король со своей армией двинулся вглубь страны, чтобы укрепить свои права завоеванием, да ниспошлёт ему Господь свою милость. Писано в Ла-Уге 12 июля^[33]»³¹.

Англичане плохо ориентировались в незнакомой местности, поэтому король поставил проводником нормандского рыцаря Жоффруа д'Аркура, родовые владения которого располагались как раз на полуострове Котантен. Король разделил армию на три колонны, чтобы ей легче было решать вопросы снабжения продовольствием. Принц Уэльский получил под своё командование авангард. В качестве главных помощников и советчиков с ним отправлялись графы Нортхэмптонский и Уорикский. Отрядами командовали Бартоломью де Бергерш-старший, его зять Джон Моэн, Джон де Вердон, бывший лорд-канцлер Англии Роберт Буршье,

командир с многолетним опытом шотландских и фландрских войн сэр Томас Агтред, Джон лорд Фиц-Уолтер, сэр Уильям Кёрдстон, Уильям Сент-Аменд, и сэр Роджер Сей. Помимо этих воинов в совет принца входили сэр Ричард де Ла Бер и сэр Ричард Стаффорд, впоследствии получившие при его дворе должности камергера и стюарда. Центральной колонной командовал сам король Эдуард III. Арьергард возглавляли воинственный прелат Томас Хэтфилд, князь-епископ Даремский^[34], а также графы Саффолкский, Эранделский и Хантингдонский.

*

Армия оставила Сен-Ва-ла-Уг 18 июля, прошла маршем через лес и к ночи вышла к торговому городу Валонь. Жители добровольно открыли городские и замковые ворота, умоляя Эдуарда III о пощаде. Король обещал оказать им своё покровительство и запретил солдатам устраивать поджоги и чинить притеснения обывателям. Ночь принц Уэльский провёл в доме, принадлежавшем епископу Кутаисскому, а его отец остановился в резиденции герцога Нормандского.

Утром следующего дня армия продолжила движение на юг. Несмотря на королевский приказ, деревни вдоль пути её следования пылали, был предан огню и город Монтебур — дисциплина в отдельных отрядах явно хромала. На следующий ночлег часть армии остановилась в Сен-Комдю-Мон, часть — в Куани, примерно пятью километрами западнее. Там стало известно, что разрушен мост через реку Дув, отделявшую англичан от города Карантан. Разведчики не смогли найти ни одного брода, поскольку земли вокруг реки были сильно заболочены и через топи вела лишь узкая дамба. Выручили плотники, которые за одну ночь сумели восстановить мост, и армия благополучно добралась до Карантана. Описывая город, член королевского совета Майкл Нортборо отмечал, что он был столь же большим, как Лестер, и в нём англичане нашли немалые запасы еды и вина. Правда, значительная часть продовольствия была уничтожена по вине солдат, которые вновь пренебрегли королевским приказом и подожгли город. Потеря провизии была делом серьёзным, ибо не на каждом привале англичане могли найти пищу и вино в достаточном количестве. Эдуард III приказал наказывать организаторов несанкционированных поджогов так же строго, как и мародёров.

Никакого сопротивления в Карантане армия не встретила. Даже гарнизон замка, согласно французским хроникам, сложил оружие без боя и

открыл ворота, не дожидаясь штурма. Более того, после ухода англичан командиры сдавшегося гарнизона взяли на себя управление городом от имени Эдуарда III. Так продолжалось до тех пор, пока к Карантану не подошёл сильный французский отряд, арестовавший изменников и доставивший их в Париж, где предатели были обезглавлены.

Англичане двигались дальше на юг. Очередной длинный переход закончился вечером 21 июля в деревушке Пон-Эбер. Первым на место прибыл авангард под командованием Эдуарда Вудстокского. Ему донесли, что мост через реку Вир также разрушен жителями близлежащего города Сен-Ло. Имея уже подобный опыт, он отдал приказ немедленно восстановить переправу, что его люди и сделали в тот же вечер. Принц хотел переправиться на противоположный берег до наступления темноты, но прежде выслал вперёд разведчиков. Они донесли, что в окрестностях были замечены вражеские войска под командованием Робера Бертрана. В связи с этим король запретил Эдуарду Вудстокскому с его авангардом форсировать Вир до рассвета, а в случае нападения приказал занять боевые позиции на близлежащем холме.

Столкновение казалось неминуемым, поэтому с утра принц, как было принято, перед сражением посвятил несколько своих воинов в рыцари — в частности, шпоры получил Генри, старший сын Бартоломью лорда Бергерша. Однако Бертран и его солдаты, на которых была возложена защита Сен-Ло, ночью неожиданно оставили город и отступили по направлению к Кану. В результате Сен-Ло был захвачен без сопротивления, и в нём англичане снова нашли много съестных припасов, а также более тысячи бочек вина.

Эдуард III не то, чтобы опасался стычек с неприятелем, но явно не хотел растрачивать по пустякам свои силы, ибо пополнить их было негде. На рассвете 23 июля он повёл армию к большому цистерцианскому аббатству в Ториньи. Эдуард Вудстокский с авангардом шёл впереди войска. Прибыв на место назначения, он разведал, что неподалёку расположились крупные силы неприятеля, и немедленно отрядил гонца к отцу. Король развернул армию на восток к Кормолену, и принцу пришлось спешно нагонять основные силы. Оставляя Ториньи, англичане подожгли городок. Наутро после ночёвки был предан огню и Кормолен. На пути к Кану английская армия целенаправленно разрушала и сжигала всё, что находилось в радиусе 25 километров. Подойдя к Кану, король расположился станом у Фонтене-ле-Пенеля, в то время как арьергард находился в Мопертюи. Принц встал ближе всех к городу, в Шё.

Кан был важным центром западной Нормандии, вторым по величине

городом герцогства после Руана. Принцу, взиравшему из лагеря на его стены, казалось, что он больше любого города Англии — за исключением, конечно, Лондона. Кан стоял на равнине в долине реки Орн, и у него не было никакой естественной защиты, кроме этой мелкой речушки. Эдуард Вудстокский окинул взглядом городские укрепления — они представляли собой деревянные стены и ров, а также низкую каменную стену с той стороны, где к городу подходили болота. Наиболее существенным фортификационным сооружением оказался мощный замок на северной окраине, воздвигнутый в XI веке всё тем же Гийомом Бастардом. В предместьях на противоположных сторонах стояли два аббатства — мужское Святого Стефана и женское Святой Троицы, — окружённые собственными стенами.

Город обороняло несколько сотен генуэзских стрелков — вероятно, тех самых, что отступили из Сен-Ва-ла-Уга. Кроме них гарнизон составляли нормандские рыцари и латники, которым помогало местное ополчение. Командовали этим войском Рауль де Бриенн, граф д'Э, коннетабль Франции, и Жан де Мелён, граф де Танкарвиль, великий камергер. Общее количество защитников города по самым щедрым оценкам не превышало 1500 человек. Английские войска значительно превосходили противника числом, и единственной, хоть и слабой надеждой французов была мощная цитадель. Тем не менее, командиры гарнизона с самого начала вели себя весьма дерзко. Не желая напрасного кровопролития, Эдуард III послал в город 25 июля августинского монаха Джеффри из Молдена. Посланник передал предложение короля: если защитники сложат оружие, он гарантирует неприкосновенность людей и их имущества. Вопреки всем правилам ведения переговоров, председательствовавший на военном совете Гийом Бертран, епископ Байёский, приходившийся родным братом Роберу VII, приказал схватить парламентёра, заковать в цепи и бросить в подземелье замка.

*

На рассвете 26 июля Эдуард Вудстокский подал сигнал остальным отрядам о том, что он начал штурм, приказав поджечь место своей ночёвки. Принц подошёл к городу с северо-востока, а войска короля одновременно приблизились к городским укреплениям с запада. У принца было намного меньше солдат, чем у короля. Чтобы скрыть это и ввести противника в заблуждение, он приказал возникшим и другим людям из лагерной прислуги

следовать за бойцами. Окраины города были заняты безо всякого сопротивления, и принц сделал своей штаб-квартирой аббатство Святой Троицы. Этот женский бенедиктинский монастырь, основанный в XI веке, был знаменит тем, что в нём находилось захоронение Матильды Фландрской, супруги Гийома Бастарда. К 8 часам утра солдаты немного передохнули, были накормлены и напоены. Король также нашёл для себя подходящую усадьбу в пригороде, в то время как арьергард разместился за пределами предместий. Пока его люди отдыхали, Эдуард Вудстокский провёл совещание с опытными капитанами — графами Уорикским и Нортхэмптонским. Он понимал, что в условиях городского боя советоваться с ними будет некогда, и решения принимать ему придётся самому.

Французы отступили на остров Сен-Жан. Возможно, при желании этому можно подобрать и какие-то тактические обоснования, но не следует множить сущее без необходимости. Скорее всего, графы д'Э и де Танкарвиль были вынуждены выполнить требования командиров городского ополчения, дома которых располагались как раз на этом острове. Около 200 латников и 100 галуэских арбалетчиков под командованием епископа Байёского остались защищать замок. На мостах, ведущих к острову, были возведены баррикады, которые находились к тому же под охраной тридцати кораблей и барж, стоявших на реке Орн.

Штурм начался неожиданно для французов. Отряд принца стремительным броском захватил незащищённые восточные ворота. Латники и лучники прорвались через городские улицы и вышли к реке беспорядочной толпой атаковав баррикаду перед мостом возле церкви Святого Петра. Завязалась рукопашная схватка. Французские солдаты и поддерживавшие их горожане набились на мост, но сойти с него не могли, так как путь перегораживали англичане, к которым постепенно подтягивались подкрепления. Эдуард III, чьи отряды находились на другом конце города, не успевал прийти на помощь и поэтому приказал принцу отступить. Тот, однако, проигнорировал приказ и вместе со своими капитанами бросился в самое пекло сражения.

Английские и валлийские лучники и копейщики пытались прорваться на остров, в то время как с баржей и лодок их яростно обстреливали вражеские арбалетчики. Тогда атакующие напали на лодки, часть их сожгли, а часть захватили, и по ним смогли перебраться через обмелевшую реку на остров. Обойдя таким образом защитников моста, они атаковали их с тыла. В последовавшей мясорубке лишь небольшому числу французов удалось прорваться в старый город и найти убежище в замке. Среди этих

счастливи́чиков оказался Робер Бертран. Остальным повезло куда меньше. Рауль де Бриенн, граф д'Э, сдался в плен. Узнав в рядах неприятеля сэра Томаса де Холанда^[35], коннетабль отдал ему свой меч. О судьбе ещё одного французского капитана Жана де Мелёна в своём письме архиепископу Кентерберийскому поведал Бартоломью де Бергерш-старший: «А камергер Танкарвильский был взят [рыцарем]-бакалавром милорда принца, поэтому он стал пленником милорда»³².

Английские хронисты утверждали, что всего в плен попало 95 дворян и богатых горожан, а общие потери французов составили не то 2500, не то 5000 человек, не считая тех, кто бежал в окрестные поля и был убит там. При этом Майкл Нортборо заявлял, что у англичан из благородного сословия погиб лишь один оруженосец. В это верится с трудом, ибо французы сопротивлялись отчаянно и потери атакующих должны быть куда более серьёзными. Кан подвергся безжалостному разграблению, однако случаев поджигательства замечено не было, и все дома остались целыми, кроме нескольких, сожжённых во время боя. Духовник короля Ричард Уинкли писал, что город был «ободран до голых стен»³³. К тому времени у англичан накопилось огромное количество трофеев. Ведь не только армия занималась грабежами, но и те 200 кораблей, которые сначала шли из Сен-Ва-ла-Уга к Шербуру, а затем следовали за Эдуардом III вдоль побережья до Уистреама, расположенного в 12 километрах к северо-востоку от Кана. Флот на своём пути уничтожил более ста неприятельских судов, в том числе 61 военный корабль.

Английские суда были перегружены, и значительная доля находившихся на них богатств принадлежала принцу Уэльскому. На совете было решено отправить флот в Англию. Вместе с военной добычей через Ла-Манш отправились и пленники, отданные под надзор графа Хантингдонского, который заболел и не мог участвовать в экспедиции. В их числе находился граф Танкарвильский. Он был заточен в Уолингфордском замке, где пробыл до конца 1348 года, пока принц не получил за него выкуп. Деньги выплачивались по весьма сложной схеме: пленник заложил несколько своих имений нормандскому аббатству, которое переслало 6000 фунтов Эдуарду III, и уже король передал их принцу.

Воспользовавшись оказией, на уходящих в Англию кораблях бежали подальше от боевых действий несколько проходимцев. По крайней мере об одном таком нерадивом слуге Эдуарда Вудстокского, самовольно покинувшем армию после взятия Кана, достоверно известно из документа, составленного королевской канцелярией:

«Сим предписано Ричарду де Хастангу, Ричарду де Уитакру, Уильяму де Пейто и Уильяму де Хэмптону наложить арест на имущество Уильяма сына Генри де Брея Хинтонского, который тайно вернулся в Англию, оставив службу Эдуарда принца Уэльского, из-под Кана с деньгами, добром и драгоценностями, принадлежавшими принцу и его людям и слугам, без позволения короля или принца, и который ныне скрывается там — в чём стюард принца Ричард Стаффорд заверил короля своим словом. Доставить его и изъятое добро на совет в Вестминстер, чтобы он держал ответ по упомянутым выше и прочим обвинениям, каковой [ответ] затем следует довести до сведения короля, а также удостоверить перед королём происхождение и стоимость [изъятого] добра»³⁴.

К сожалению, даже в свите принца состояли не только рыцари *sans peur et sans reproche* — без страха и упрёка. Встречались там и паршивые овцы, которые, правда, всего стада не портили.

*

В следующие пять дней войска отдыхали, а в Англию был послан приказ о вербовке 1200 лучников в восточных и юго-восточных графствах, а также о доставке 2450 луков и 6300 связок стрел. В ожидании серьёзных столкновений принц также вызвал из своих владений подкрепления:

«Приказ мастеру Джону де Бёрнему-младшему во исполнение распоряжения, данного Роджеру де Нопвеллу, заместителю судьи Честера. Отправить принцу 100 лучших из 300 лучников графств Честер и Флинт, которых было приказано набрать недавно — так, чтобы они были в Сандвиче в первое воскресенье после Успения. Выплатить упомянутым лучникам по 6 пенсов в день в качестве платы с момента их ухода из графства Честер и до прибытия в Сандвич, и чтобы они были одеты, как одеты другие лучники принца. И выплатить их командиру сэру Уильяму де Брертону по два шиллинга в день. Необходимо всемерно постараться, чтобы это были действительно лучшие из 300 лучников. Им следует приказать, чтобы они делали как можно более длинные переходы, ибо скоро день отплытия»³⁵.

Воспользовавшись тем, что армия стояла лагерем, принц Уэльский счёл своим долгом сопроводить отца на могилу своего предка в девятом колене Гийома Бастарда, герцога Нормандского, мечом добывшего себе английскую корону. Неугомонный воитель был похоронен в том самом

бenedиктинском аббатстве Святого Стефана, которое располагалось в предместьях Кана.

Король Эдуард III колебался — двигаться на Париж или на Руан. Какое-то время для принятия решения у него оставалось, поскольку оба города находились от Кана примерно в одном направлении. Войска снялись с лагеря 31 июля.

Они снова разбились на несколько колонн, одной из которых, естественно, командовал принц Уэльский. Местами первого ночлега были избраны Троарн и Аржанс, отстоящие друг от друга на шесть километров. На следующий вечер принц разбил лагерь в Леопарти, а король остановился в Рюмениле. 2 августа войско вступило в город Лизьё, где его уже поджидали два кардинала, специально посланные папой для организации мирных переговоров между Эдуардом III и Филиппом VI. От них англичане впервые узнали о военных приготовлениях французского короля — ведь до сих пор боевые действия со стороны врага велись только силами местного дворянства и ополчения. На переговоры с кардиналами было впустую потеряно два дня — Эдуард Вудстокский изначально считал эти прелиминарии абсолютно бесполезными и бесперспективными.

Английская армия покинула Лизьё утром 4 августа и продолжила марш на восток. Через два дня она остановилась в окрестностях Бриона, и король созвал военный совет: тянуть дальше с выбором цели было невозможно, ибо дороги на Руан и Париж тут расходились. Посовещавшись со своими капитанами, Эдуард III решил всё-таки штурмовать Руан. Войско повернуло на северо-восток, и на следующий день 7 августа принц Уэльский в сопровождении свиты въехал в Эльбёф-сюр-Сен. Этот город, в древности носивший имя Эльбовиум, принадлежал преданному стороннику французского короля Жану IV, графу д'Аркуру, капитану Руана, старшему брату английского маршала Жоффруа д'Аркура, виконта де Сен-Совер.

Эдуард III не представлял себе, где могла находиться армия Филиппа VI, о которой ему рассказали кардиналы. Он надеялся успеть и взять Руан без сопротивления, пока город оставался без защиты. Но Филипп не терял времени даром. Известие о высадке англичан достигло его ушей 16 июля. Всю последующую неделю он провёл в окрестностях Парижа, собирая войска. Уже 22 или 23 июля король отправился в аббатство Сен-Дени, чтобы взять там знамя Франции — орифламму. К 25 июля у него было достаточно войск, чтобы выступить против неприятеля.

Главной целью Филиппа VI на том этапе стало предотвращение захвата Руана, поэтому он выступил вниз по Сене так быстро, как только

смог, а запоздавшие отряды нагоняли его уже на марше. В место назначения французская армия прибыла, когда англичане ещё ночевали в Лизьё. Разведчики Филиппа внимательно следили за передвижениями англичан, и король в любой момент был готов броситься на защиту Парижа, если бы англичане вдруг изменили свои намерения и свернули на юго-восток, к столице.

*

Когда Эдуард III подошёл к Руану, он первым делом выслал на разведку Жоффруа д'Аркура, который должен был неплохо ориентироваться во владениях родного брата. Д'Аркур выяснил, что французская армия уже вошла в город и разрушила мост через Сену. Таким образом, о лобовом штурме столицы Нормандии пришлось забыть. Эдуард III вновь оказался перед дилеммой — то ли попытаться опередить Филиппа VI и атаковать незащищённый Париж, то ли переправиться через Сену и двинуться на соединение с фламандскими союзниками в Пикардию.

Для выполнения любого из этих планов армия должна была двигаться вглубь страны по южному берегу реки в поисках переправы — на участке от Руана до Парижа мосты были перекинuty только в Пон-де-л'Арше, Верноне, Манте, Мёлане и Пуасси. Первым делом англичане предприняли попытку взять Пон-де-л'Арш, но тот был слишком хорошо укреплён и защищён. Филипп VI также покинул Руан и шёл параллельным курсом, внимательно наблюдая за неприятелем с другого берега, чтобы пресечь возможные попытки переправиться. Чтобы оторваться от неприятеля, англичане избрали далее самый прямой маршрут, срезая все глубокие изгибы Сены. Они следовали вдоль её притока Эр через города Лери и Водрёй, сожгли Лувье, Гайон и 9 августа подошли к Вернону. С налёта город взять не удалось: англичане не смогли продвинуться дальше пригородов.

На следующий день принц Уэльский стал свидетелем отчаянно храброго, но совершенно бессмысленного с военной точки зрения подвига стаффордширского баннерета Роберта де Феррерса, младшего сына Джона, лорда Феррерса Чартлейского. Найдя на берегу лодку, отважный рыцарь переправился через Сену с малым отрядом и подступил к крепости Ла-Рош-Гийон. Считалось, что эту цитадель взять штурмом невозможно, а известная поговорка того времени гласила: «Когда замок Гийон падёт, увянут королевские лилии»³⁶. На деле оказалось, что судьба замка не так

сильно была связана с судьбой французской монархии. Командир гарнизона впал в заблуждение и решил, что под стенами — лишь передовой отряд мощной английской армии. Поэтому он предпочёл сдаться. Сэр Роберт взял в плен, согласно некоторым данным, до 40 латников, но тут же на месте освободил их под клятвенное обещание внести выкуп, а затем на той же лодке вернулся обратно, на южный берег реки.

На ночлег колонна принца встала в Муссо, а королевские войска — западнее, во Френеце. Туда к Эдуарду III вновь явились кардиналы с очередными предложениями Филиппа VI по поводу мирного договора. Французский король предлагал сопернику всю Аквитанию, но в качестве вассального держания. Скрепить договор он предлагал брачным союзом между обоими королевскими домами. Естественно, такое предложение было снова отвергнуто.

Между тем, французская армия всё-таки опередила англичан и заняла Мант — третий город с мостом через Сену. Эдуард III был вынужден обойти его стороной. До Парижа оставалось уже совсем немного — около 50 километров, и нужно было срочно найти способ форсировать реку. К четвёртому мосту первым привёл свою колонну Эдуард Вудстокский. Дойдя до Мёлана, принц приказал отряду во главе с графами Уорикским и Нортхэмптонским прощупать силы противника и определить, возможна ли переправа в этом городе. Когда графы добрались до моста, то обнаружили, что его защищает мощная башня с сильным гарнизоном. С верхних этажей на англичан посыпались оскорбления, после чего завязалась ожесточённая перестрелка. Несколько человек было ранено арбалетными болтами, и в результате Уорик и Нортхэмптону пришлось отойти ни с чем. Филипп VI со своей армией 13 августа вернулся в Париж.

Утром того же дня Эдуард Вудстокский без сопротивления занял Пуасси — последнее перед столицей место, где имелась переправа. Тут он обнаружил, что мост разрушен. Принц со свитой разместился в старом королевском дворце, его отец — в новом. Там же, в городе стоял женский доминиканский монастырь, настоятельницей которого была сестра французского короля Изабелла де Валуа — ей посчастливилось покинуть город ещё до подхода английской армии. Немедленно начались работы по восстановлению переправы. К полудню плотники принца перекинули через разрушенный пролёт балку двадцати метров длиной и тридцати сантиметров шириной. Не очень удобный мост, однако к моменту, когда на северном берегу показался французский отряд, по этой балке успело перебраться достаточное количество английских солдат, чтобы оказать

сопротивление: в стычке ими было поднято 25 баннеров. Французы яростно атаковали, но были отбиты и обратились в бегство, бросив два десятка телег с амуницией и провизией.

К 14 августа временный деревянный мост был достроен, по нему могли пройти кони и повозки. А на следующий день в Пуасси неожиданно прибыл Юг де Вьен, архиепископ Безансонский. Он привёз от короля Франции, стоявшего севернее Парижа в знаменитом аббатстве Сен-Дени, формальный вызов на бой. Филипп VI предлагал двум армиям встретиться между 17 и 22 августа к северо-западу от столицы, у Понтуаза, или же на юге — между Сен-Жермен-де-Пре и Вожираром. Эдуард III предпочёл ничего не отвечать на полученное письмо, и отправил отряды опустошать южные окрестности Парижа. Английские вояки при этом сожгли два королевских дворца в Монжуа и в Сен-Жермен-ан-Ле, а также несколько небольших городков, среди которых оказались Сен-Клу и Нёйи, расположенные практически у самых ворот столицы.

*

Английский король всеми силами стремился создать у неприятеля впечатление, что собирается идти на юг, в Гиень. Он даже послал отряд, который должен был разорить все деревни в направлении города Шартр. Этот манёвр вполне удался — обманутый Филипп VI перевёл свои войска на южный берег Сены в Сен-Жермен-де-Пре. Добившись своего, 16 августа Эдуард III сжёг Пуасси, где стоял лагерь, пощадив при этом, правда, доминиканский монастырь. Армия благополучно переправилась через Сену и двинулась на север. Она вновь разделилась: колонна принца Уэльского шла в авангарде, немного опережая основные силы армии. Вечером первого дня северного марша Эдуард Вудстокский остановился в Гризи-ле-Платр, пройдя 25 километров. На следующий день он расположился на ночлег в Весенкуре, а его отец встал в двух километрах юго-западнее — в Отее.

Из Отея король Эдуард III, наконец, соизволил ответить на полученный им двумя днями ранее вызов от Филиппа VI. Сейчас, когда его армия оторвалась от французской на безопасное расстояние, он задним числом сделал вид, что принял вызов и даже выказал наигранное возмущение тем, что напрасно три дня ожидал неприятеля в Пуасси.

Этим письмом король выдал истинное местоположение своей армии. Узнав, что англичане находятся недалеко от города Бове, Филипп VI

ринулся вдогонку. Его свежая и отдохнувшая армия, усиленная контингентами королей Богемии и Майорки^[36], была способна выдержать длинные переходы. Английские же войска задерживала необходимость добывать провизию и неудержимое желание пограбить окрестные города и сёла.

Бове, известный своим грандиозным, хотя и недостроенным собором Святого Петра с самыми высокими в мире готическими хорами, находился всего в пяти километрах к северу от лагеря Эдуарда Вудстокского. Принц не устоял перед соблазном напасть на богатый город. Его не смущали ни крепкие стены, ни сильный гарнизон. От своих намерений он отказался только после получения строгого приказа от короля, категорически запретившего штурм. Однако это не помешало Эдуарду всё-таки сжечь пригороды. Он велел своим солдатам ни в коем случае не трогать аббатство, но разгорячённые вояки ослушались своего командира, и это было их большой ошибкой: принц распорядился немедленно повесить тех, кто осмелился поджечь монастырь.

Несмотря на задержку у Бове, Эдуард Вудстокский по-прежнему двигался впереди остальной армии. Ночь 18 августа он провёл в Мийи, а король — в Труассере. На следующий день 19 августа отряды принца разорили городок Удей и несколько окрестных деревень. Из-за этого он немного отстал от отца и расположился на ночлег в Гранвиле, юго-западнее королевского лагеря в аббатстве Соммре. Во время марша 20 августа пути колонн принца и короля пересеклись, и к вечеру 20 августа принц Уэльский остановился в Мольян-Дрёй, а Эдуард III — западнее, в Кам-ан-Амьенуа. Арьергард сильно отстал от них, поскольку весь день провёл, осаждая Пуа и упорно игнорируя приказы короля оставить город в покое и догонять основные силы.

За эти дни армия Филиппа VI догнала англичан. Двигаясь параллельным курсом на расстоянии примерно в 25 километров к востоку, она вошла в Амьен, где в неё влился большой отряд местного ополчения. Окрестности города были опустошены по приказу короля Франции, а мосты через Сомму разрушены до самого Абвиля.

Двадцать второго августа король приказал Эдуарду Вудстокскому захватить какую-нибудь переправу через Сомму. Принц отправил на это задание сильный отряд под командованием графа Уорикского. Сначала англичане сунулись было к деревеньке Ангест, затем попытались установить контроль над мостом в Пон-Реми. Там они понесли тяжёлые потери, нарвавшись на достойный отпор ополченцев, усиленных кавалеристами и лучниками короля Богемии и бывшего союзника англичан

Иоганна Геннегауского, сеньора Нордвейка, приходившегося родным дядей королеве Филиппе.

*

Располагавший численным преимуществом Филипп VI решил перейти к активным действиям и выступил к месту дислокации врага как раз тогда, когда все три колонны английской армии соединилась в Эрене. Разведчики своевременно донесли Эдуарду III о приближении французов, и он повёл войско на запад, подальше от реки и в обход гарнизона в Абвиле. Англичане сумели немного оторваться от преследователей и 23 августа вышли к городу Уазмон. Оборону там держали только местные сеньоры, чьи отряды были моментально разгромлены, а сам город разграблен.

Английской армии во что бы то ни стало нужно было переправиться на правый берег Соммы где-нибудь между Абвилем и морем. Всё говорило о том, что эта задача невыполнима, но неожиданно Эдуард III узнал о приливном бросе через мелкое устье реки. Традиционно считалось, что его местонахождение выдал королю пленник по имени Гобен Агас в обмен на свободу и награду в сто золотых экю. Однако другие источники полагали, что источником полезной информации стал оруженосец Оливера Гистеля, фламандского рыцаря на английской службе. Ещё более интересная версия изложена в хронике цистерцианского аббатства Мо в Йоркшире, где говорилось следующее: «И тут королю Эдуарду рассказал некий йоркширец родом из местечка Растон близ Наффертона, который 16 лет жил в тех краях^[37], о бросе у городов Сен-Валери и вышеупомянутого Кротуа, где во время морского отлива можно было успешно переправиться»³⁷.

Впрочем, кто бы ни рассказал англичанам о бросе, переправить по нему целую армию было нелегко. Это обстоятельство крайне беспокоило Эдуарда III: «Благородный король не спал всю ночь и поднялся в полночь, и прозвучала его труба. Когда всё было готово, лари и узлы погружены, слуги сели на лошадей, он оставил их на попечении пажа и его товарищей, а сам выступил через земли Вимё и к восходу солнца пришёл к бросу под названием Белое Пятно^[38]. Однако было настолько очевидно, что из-за морских волн там не пройти, что ему пришлось подождать вопреки настроению его людей»³⁸.

Начался отлив. Английская армия форсировала реку 24 августа около 9

часов утра. Это было настолько рискованным предприятием, что Майкл Нортборо, перебивавшийся на правый берег Соммы по броду вместе с войсками, считал, что там никогда прежде не переправлялись такие массы людей. Сам Эдуард III в послании к Томасу Люси писал, что тысяча человек перешла один за другим там, где обычно проходили лишь трое или четверо. Хронист из Мо добавил от себя, что переправа заняла всего лишь час, а король со своей свитой форсировал реку на полтора-два километра ближе к морю, чем основные силы.

Естественно, Филипп VI предполагал, что враг попытается проскочить между Абвилем и морем, поэтому приказал рыцарю Годемару дю Фэ провести разведку по правому берегу реки, а сам пошёл по следам неприятельской армии. Годемар обнаружил англичан как раз в тот момент, когда они начали форсировать Сомму. Его отряд сильно уступал по численности врагу — по недостоверным данным в него входило примерно 500 латников, некоторое количество генуэзских арбалетчиков и 3000 пехотинцев, многие из которых были спешно набраны в близлежащих городах.

Если бы он подоспел чуть раньше, то смог бы, вероятно, воспрепятствовать переправе. Однако передовой отряд колонны принца Уэльского под командованием графа Нортхэмптонского, Хью Ле Деспенсера и Рейнолда де Кобэма уже добрался до твёрдой земли и вступил в бой с врагом. Постепенно подтягивались основные силы армии, завершившие переправу, и к тому времени, когда реку преодолел арьергард, сражение уже закончилось. В ожесточённой схватке французы потерпели тяжёлое поражение. По оценкам англичан они потеряли до 2000 человек, из них 300 генуэзцев.

Когда последние отряды армии Эдуарда III вступали на правый берег, на левом берегу показался авангард войска Филиппа VI, который шёл быстрым маршем из Абвиля. Французы подоспели слишком поздно, чтобы поймать врага в ловушку. Продолжать погоню они также не могли, поскольку начался прилив, поэтому сочли за благо вернуться назад в Абвиль.

*

Первым делом англичанам необходимо было пополнить запасы провизии, которые закончились ещё в Уазмоне. Эта задача была поручена отряду Хью Ле Деспенсера, который с энтузиазмом принялся грабить

близлежащие города Ноэль-сюр-Мер и Ле-Кротуа, а также захватил большое коровье стадо. На следующий день 25 августа, выпавший на праздник святого Луи, англичане пересекли лес Креси, и разбили лагерь около одноимённой деревушки. В XIV веке обширный лес, покрывавший территорию от берегов Соммы выше Абвиля до долины реки Оти, составлял часть домена графов де Понтье. Этот титул английской короне принесла Леонора Кастильская, жена Эдуарда I Длинного. Короли Англии носили его вплоть до конфискации, объявленной Филиппом VI, которую англичане, впрочем, не признали.

Французы оставались в Абвиле. Ни одна из сторон до вечера не двинулась с места, хотя французская армия вполне могла подойти вплотную к врагу, а английская — сделать ещё один переход навстречу фламандским союзникам. Вероятно, итальянский хронист Джованни Виллани был прав, когда предполагал, что англичане решили выбрать хорошую позицию, укрепиться и ждать там атаки противника, поскольку были не в состоянии совершать быстрые марши из-за недостатка припасов и изношенности обуви³⁹. Филипп VI тоже знал это и предпочёл не торопиться, а более тщательно подготовиться к сражению.

К тому моменту армия Эдуарда ми насчитывала, вероятно, около 8500 человек. Некоторые хроники говорили о 14 и даже 20 тысячах, что маловероятно. Треть войска составляли рыцари и латники, остальные были лучниками и пехотинцами. Подавляющая часть воинов прибыла из Англии, на что прямо указывал хронист Жан ле Бель: «И знайте, что все они были англичане и валлийцы, кроме шести германских лучников, среди которых был Рассе Маскуриель^[39], а имён остальных я не знаю»⁴⁰.

Армия действительно устала, поскольку за минувший месяц прошла без малого 500 километров, поэтому небольшая передышка, которую она получила, оказалась весьма кстати. Утром 26 августа военачальники собрались на совещание и составили план боя, хотя врага ещё не было в поле зрения. Эдуард III без спешки выбирал позицию, которая обеспечивала наилучшие оборонительные возможности. Он расположил свои войска к северу от деревни Креси на небольшом холме над местечком, которое сейчас называется Валле-о-Клер. Они были разделены на три баталии^[40], по составу более или менее совпадающие с колоннами, которыми двигалась на протяжении всей кампании.

Авангардом по-прежнему командовал Эдуард Вудстокский принц Уэльский, советниками которого служили графы Уорикский и Оксфордский. В ту же баталию был включён цвет английской знати. Под

знамёна наследника трона встали сэр Рейнолд де Кобэм Стербороский, сэр Роберт де Холанд, Ральф, лорд Стаффорд, Роджер де Ла Варр, Бартоломью де Бергерш-старший, сэр Роберт Невилл Хорнбийский, сэр Роберт Буршье, Уильям, лорд Лэтимер и сэр Джон Чандос^[41]. Здесь же находился нормандец Жоффруа д'Аркур. Авангард занял позиции поперёк дороги, по которой ожидался подход французов.

Баталия под командованием графа Нортхэмптонского встала чуть севернее, а баталия короля выстроилась немного позади других, исполняя роль резерва. Рыцари и латники спешили, оставив коней в лагере на правом фланге позиций, в качестве защиты окружённых повозками. По фронту были выкопаны ямы, чтобы затруднить атаку французским рыцарям — здесь пригодился опыт, перенятый у шотландцев в битве при Баннокберне. В качестве дополнительной меры предосторожности из срубленных деревьев были устроены завалы, блокирующие подступы к флангам. Англичане располагали также некоторым количеством артиллерии.

Как стояли лучники, которым предстояло сыграть важную роль в сражении, до сих пор остаётся вопросом дискуссионным. Джеффри Бейкер, писавший свою «Хронику Гальфрида Ле Бейкера из Суинбрука» примерно в 1358 году, пользовался свидетельствами участников боя и считал, что лучники размещались по флангам армии, а не вперемешку с латниками. Фруассар туманно повествовал о построении в виде «бороны». В принципе, оба свидетельства можно привести к общему знаменателю, если предположить, что лучники стояли по флангам каждой баталии, немного развернувшись к центру для обеспечения перекрёстного огня. Однако это лишь ничем не подтверждённые догадки.

Армия Филиппа VI покинула Абвиль утром. В неё, помимо французских отрядов, входили контингенты из Богемии, Испании и Лотарингии. Кроме того, значительную силу представляли наёмники — в частности, генуэзские арбалетчики. Общую численность войска французов установить ещё труднее, чем размер английской армии. Сам Эдуард III считал, что в ней было 12 тысяч латников. Виллани, который получил информацию, похоже, от участвовавших в сражении генуэзцев, оценивал число арбалетчиков в 60 00⁴¹. Если считать ещё и пехоту, то под началом Филиппа VI могло находиться до 25 тысяч человек, однако эти цифры, вероятно, преувеличены.

Французы двигались вдоль восточного края леса Креси к старой римской дороге, идущей от Амьена к Монтрею. Армия выступила в поход,

не соблюдая чёткого построения, а на подходе к англичанам её строй ещё более смешался и растянулся на несколько километров. Дойдя до деревушки Сен-Рикье, Филипп VI направил рыцарей под командованием швейцарца Анри ле Муэна на рекогносцировку. В этот отряд входили королевский знаменосец, Миль де Нуайе, Жан де Бомон и Генрих фон Мюнх Базельский. Разведчики донесли, что англичане заняли укреплённую позицию между Креси и Вадикуром.

Большинство французских командиров считало, что следует устроить привал и ждать следующего утра, когда подтянутся отставшая пехота и обоз, и вся армия сможет выстроиться в боевые порядки. В принципе с этим были согласны и советники Филиппа — в частности, Иоганн Геннегауский считал, что нужно продолжить движение к северу, обойти с востока английские позиции, встать лагерем у Лабруа на реке Оти и дать уставшим войскам отдых. Но часть капитанов была уверена в победе — англичане ещё не заслужили весомой репутации как воины, а рыцари Франции считались лучшими бойцами в христианском мире. Кроме того, в их памяти свежо ещё было чувство унижения, вызванное тем, что при Биронфосе в 1339-м, при Бувине в 1340-м, или при Плоэрмеле в 1342-м им приходилось стоять в бездействии перед уступавшими по численности боевыми порядками врага и не атаковать, пусть даже такая тактика была абсолютно оправданна.

*

Невысокая воинская репутация самого Филиппа VI не позволила ему прислушаться к советам более опытных и осторожных военачальников и в очередной раз отказаться от наступления на стоящих перед ним англичан — тогда его авторитет упал бы недопустимо низко. Оказавшись в безвыходной ситуации, король дал приказ к атаке, не дожидаясь подхода отставших отрядов.

Французская армия, несмотря на немалый боевой опыт многих воинов и даже целых отрядов, находившихся в её составе, не имела серьёзных навыков по координации действий во время сражения. Вероятнее всего, она шла на врага четырьмя баталиями. В качестве авангарда выступали генуэзские арбалетчики, которыми командовали Карло Гримальди и Антонио Дориа. Сразу за итальянскими наёмниками двигались конные баталии. Одну из них возглавляли Иоганн, король Богемии, и его сын Карл. Другая шла в бой под командованием королевского брата Шарля, графа

д'Алансона^[42]. Однако кто из них был первым, кто вторым — из дошедших до нас источников понять трудно. Возможно даже, что они следовали параллельно друг другу. Третью баталию вёл сам Филипп VI вместе с королём Майорки и Иоганном Геннегауским. Отряды пехотинцев, набранные в городах северной Франции, по мере прибытия к месту сражения присоединялись к этим формированиям.

Какими бы обстоятельствами ни была вызвана первая атака французов, она оказалась весьма беспорядочной. Около пяти часов вечера генуэзцы под рёв труб и бой барабанов двинулись вперёд на позиции авангарда, которым командовал принц Уэльский. Подойдя на расстояние выстрела к неприятелю, арбалетчики открыли огонь. Английские лучники ответили, и в этом состязании преимущество оказалось на их стороне. У генуэзцев было мало щитов-павезов и тяжёлых болтов, так как они находились в обозе, далеко отставшем от армии, в то время как англичане не испытывали недостатка в стрелах. Кроме того, арбалетчики атаковали правый фланг английской армии и оказались таким образом напротив укрепления из повозок, на которых были установлены бомбарды. Урона эта примитивная артиллерия нанесла не так много, гораздо важнее оказался психологический эффект от её грохота и порохового дыма.

Под ливнем обрушившихся стрел генуэзцы обратились в бегство и столкнулись с наступавшими латниками графа д'Алансона, которые врезались в их ряды, топча пехотинцев. Не имея представления о том, что произошло на линии столкновения, рыцари заподозрили наёмников в предательстве или, по меньшей мере, трусости. Оказавшись между двух армий, поражаемые с одной стороны стрелами англичан, а с другой — копытами и мечами французской кавалерии, арбалетчики понесли огромные потери.

На баталию Эдуарда Вудстокского налетела первая волна атакующих латников. Основной удар пришёлся туда, где развевался штандарт принца, выдавая врагу местоположение королевского сына. Боевые порядки французов были сильно расстроены во время прорыва через толпу собственных арбалетчиков и преодоления препятствий, устроенных англичанами по фронту. Когда атакующие попали в зону досягаемости лучников, град стрел обрушился на всадников и их коней. Люди и лошади валились на землю, затрудняя движение вперёд задним рядам. Лишь немногие смогли достичь того места, где в окружении сподвижников стоял Эдуард Вудстокский. Кругом раздавались боевые крики: «Сент-Джордж!» и «Монжуа Сен-Дени» — ибо только так и можно было отличить друзей от врагов. Принцу удалось отбить первый натиск сравнительно легко, хотя в

одной хронике и утверждалось, что граф д'Алансон, сам будучи смертельно раненым, сумел сбить штандарт Эдуарда.

Затем на баталию принца налетела вторая волна французской кавалерии, и закипел серьёзный бой. Шестнадцатилетний Эдуард Вудстокский находился в самой гуще сражения и выделялся даже среди опытных и закалённых воинов своей неутомимостью. Несмотря на блестящие навыки владения оружием, положение наследника трона было весьма опасным. Фламандский хронист говорит, что принца едва не захватил в плен Иоганн Геннегауский. В какой-то момент от мощного удара Эдуард покачнулся и опустился на одно колено. На помощь ему поспешили сэр Томас Дэниел и знаменосец сэр Ричард ФицСаймон, который отложил штандарт и встал над принцем, выхватив меч для защиты своего командира. Втроём они сумели отразить нападение, и над авангардом английского войска снова поднялся штандарт Эдуарда Вудстокского с серебряной бахромой и гербами Франции и Англии.

Несколько лет спустя после битвы при Креси родилась история, которую включил в свою хронику Фруассар. Якобы в разгар боя, когда жизнь принца висела на волоске, к Эдуарду III был послан гонец с просьбой о помощи. В ответ король заявил: «Мессир Томас, мой сын мёртв, сбит с ног или столь тяжело ранен, что не может защищаться? Мессир Томас, вернитесь к нему или к тому, кто вас послал, и скажите от моего имени, чтобы сегодня ко мне более не присылали и не ожидали, что я приду — пусть случится то, что должно. И передайте, что я хочу дать возможность мальчику заслужить шпоры. Я решил так, что если Господь пожелает, то вся слава и честь сего дня достанутся ему и тем, чьему попечению я его вверил»⁴².

Во время второго штурма английских позиций погиб слепой Иоганн Богемский. Когда рыцари свиты сказали ему, что передовая баталия французов бежала, и призвали последовать их примеру, король гордо отверг это предложение. Он приказал слугам взять под уздцы его коня и отвести его в самую гущу боя. Там он пал, а его окружение было перебито.

Постепенно пыл врагов угас, Эдуард Вудстокский и его люди смогли перевести дух, опираясь на своё оружие. Так они стояли в свете угасающего дня и ждали следующей атаки. Вся тяжесть сражения фактически легла на плечи принца Уэльского и его соратников, поскольку они стояли на линии главного удара. Королевской баталии и арьергарду дел оставалось немного — разве что регулярно поставлять подкрепления принцу, чтобы он мог держать строй.

Битва продолжалась до темноты, но каждую последующую атаку

французов — английские хронисты утверждали, что их было в общей сложности пятнадцать — ждала та же судьба, что и предыдущие. Вынужденные пробираться по телам павших воинов и коней, выкашиваемые перекрёстным огнём английских лучников, латники упорно стремились туда, где на склоне холма развевался штандарт принца. Части из них удавалось добраться до позиций неприятеля, где их встречали сталью и отбрасывали назад. Разбитые кавалеристы бежали с поля боя, за ними, поддавшись панике, устремлялась пехота.

Когда французские атаки окончательно выдохлись, английским латникам подвели из тыла коней. Началось преследование отдельных уцелевших в сражении групп неприятельских воинов. За всадниками устремились лучники. Там, где во время сражения был тыл французов, англичане наткнулись на небольшой отряд, состоявший из ополчения города Орлеана и королевской свиты, сплотившейся вокруг Филиппа VI. Завязался жестокий бой. Французский король был ранен стрелой в лицо, под ним пали два коня, его знаменосец был убит. В конце концов, Филиппа убедили оставить поле боя, и он бежал вместе с Иоганном Геннегауским к находившемуся неподалёку замку Лабруа, оттуда в Дуллан, и затем в Амьен. Королевский штандарт и орифламма остались валяться на поле боя.

После бегства французского короля Эдуард III, вовсе не уверенный, что неприятель окончательно разгромлен, установил вокруг лагеря крепкую стражу на случай внезапного нападения. Нормандский хронист писал, что он приказал также сложить деревья в мельницу, стоявшую недалеко от поля боя, и поджечь её, соорудив импровизированный гигантский факел, всю ночь освещавший окрестности.

Как выяснилось, опасения Эдуарда III были вполне обоснованными. На рассвете 27 августа большой французский отряд численностью в 2000 человек неведомо откуда появился ввиду английских позиций. Это были припозднившиеся ополченцы из Нормандии и Пикардии в сопровождении некоторого количества латников под командованием Рудольфа Храброго, герцога Лотарингского. Сражаться с ними вновь выпало на долю принца Уэльского, графов Нортхэмптонского и Уорикского. Французы совершенно не были готовы к бою и приняли всадников, неожиданно возникших перед ними из утреннего тумана, за товарищей по оружию. В результате принц с соратниками быстро разгромил неприятельский отряд.

Вот теперь англичане с полным правом могли праздновать победу. Герольды прошли по полю битвы и ближайшим окрестностям, подсчитывая павших. По их сведениям со стороны англичан погибло всего 200 воинов, в том числе 40 латников. Потери французов были гораздо больше — герольды насчитали 1542 тела рыцарей и латников на склоне холма перед позициями принца Уэльского, и ещё несколько сотен на близлежащих полях. Простым пехотинцам и арбалетчикам счёт не вёлся. Естественно, достоверность этих подсчётов вызывает определённые сомнения — потери французов кажутся основательно завышенными, а англичан заниженными.

В течение воскресенья 27 августа были опознаны павшие в бою представители высшей знати. Среди них оказались Иоганн Слепой, король Богемии, брат французского короля Шарль, граф д'Алансон, племянник короля Луи де Шатийон-Блуа, граф де Блуа, Жан, граф д'Аркур, женатый на племяннице короля Рудольф, герцог Лотарингский, Луи де Дампьер, граф Фландрский, и многие другие.

Несмотря на некоторую эйфорию, простительную молодому дворянину, впервые участвовавшему в кровопролитном бою и, пусть номинально, но командовавшему авангардом, Эдуард Вудстокский был непритворно огорчён гибелью такого славного рыцаря, как Иоганн Слепой. И когда над телом короля Богемии Эдуард III испытующе спросил сына, нашёл ли он сражение неплохим развлечением, тот с грустью промолчал. Он был не одинок в своей скорби — король Англии также испытывал чувство уважения к павшему, который был стар годами, но оставался до конца жизни достойным и храбрым воином, учтивым с пленными. Между прочим, граф Саффолкский был обязан ему жизнью: когда французы захватили его в 1340 году во Фландрии, Филипп VI поначалу собирался отрубить пленнику голову, но сохранил графу жизнь исключительно по просьбе Иоганна Богемского.

Торжественная заупокойная месса по мёртвому королю была отслужена воинственным прелатом Томасом Хэтфилдом, князь-епископом Даремским, только-только снявшим боевые доспехи. Именно в честь Богемца принц Уэльский выбрал себе бейдж в виде страусовых перьев, как отметил в своём манускрипте врач принца Джон Ардерн: «Эдуард, старший сын Эдуарда, короля Англии, носил такое же перо на шлеме, и досталось ему это перо от короля Богемии, которого он убил при Креси во Франции. И принял он перо, называемое страусовым, потому, что сей благороднейший король носил его на своём шлеме»⁴³.

Сражение при Креси увенчалось вне всякого сомнения блестящей

победой, благодаря которой Эдуард Вудстокский заслужил прочную репутацию доблестного воина. Именно его баталия приняла на себя всю тяжесть боя, а сам он находился в месте, где кипела самая жаркая схватка. Конечно, большая часть стратегических моментов была разработана королём и его советниками ещё до боя, и победу англичан стоит отнести главным образом на счёт этих приготовлений. Но без мужества и твёрдости Эдуарда самые детальные и мудрые планы могли пойти прахом. Исход битвы не был бы столь благоприятным для Англии, если бы не удивительная стойкость принца и его рыцарей.

Эдуард Вудстокский продемонстрировал, что он достоин славы своих предков, от которых унаследовал большую физическую силу и выносливость. Его прадед Эдуард I как-то на турнире в Шалоне в 1279 году поднял с коня вооружённого рыцаря. Дед Эдуард II, хотя и не принимал участия в состязаниях и войнах, был не последним силачом. Его отец Эдуард III также прославился и на турнирах, и в боях. После битвы при Креси за Эдуардом Вудстокским прочно закрепилась не только репутация блестящего придворного щёголя, но и бесстрашного рыцаря. Именно таким он изображён в средневековой английской поэме «Расчётливость и Расточительство»^[43] под видом посланника короля, отправленного к двум враждебным армиям.

Король подозвал величаво воина взмахом руки,
Знатнейшего рыцаря в свите, не ведавшего поражений:
«Тебе я пожаловал шпоры, преданность зная твою;
Немедленно в путь отправляйся, волю мою объяви.
Скажи тем свирепым солдатам, строем на поле стоящим,
Что я не велю им сражаться, насмерть сходитьсь друг с другом:
Ведь первый удар нанесённый битву начнёт непременно».
«Мой лорд, — отвечал ему воин, — верен тебе я до смерти».
С холма зашагал он поспешно, лишь задержавшись немного,
Желая предстать пред войсками в рыцарском полном доспехе.
Металлом одел свои ноги, скрыв их по самые бёдра,
В блестящие латы облёк он грудь и живот очень ловко,
Надел превосходные наручи из полированной стали,
Кирасу с застёжками сзади, торс защитивши надёжно.
Затем он накинул тунику, тканью прикрывши железо —
Большие гербы украшали спину и грудь у туники,
На них с превеликим искусством вышит был образ трёх крыльев,
Отстроченных нитью златою. В те времена его знал я —

Хотя он и был очень молод, острым умом отличался,
Из сверстников разумом с ним никто бы не смог потягаться⁴⁴.

*

Битва при Креси не только принесла Эдуарду Вудстокскому заслуженную славу, но обогатила его бесценным военным опытом. Принц в полной мере сумел оценить преподанный урок и блестяще его усвоить, что сослужило ему в последующие годы великолепную службу.

Тактика, которую успешно применил в сражении Эдуард III, была хорошо известна англичанам со времён Шотландских войн. Преимущество хорошо подготовленных оборонительных позиций и правильного использования лучников в сочетании со спешенными латниками помогло устоять против французских кавалерийских атак. Но принц понял, что неслыханный триумф при Креси объяснялся не только этим единственным фактором. Немаловажное значение имела дисциплинированность английской армии. Все вольности, которые солдаты позволяли себе на марше, в боевом строю моментально прекращались. В хрониках упоминается единственный факт пренебрежения приказом в пылу сражения, да и то в его достоверности можно усомниться: «И были там убиты две тысячи французов и множество пехотинцев, а единственным англичанином, который яростно устремился на [вражеские] боевые порядки, оказался неопытный солдат Эмери Роксли»⁴⁵.

Почему это свидетельство вызывает сомнение? Очень просто — такой безрассудный порыв должен был неминуемо закончиться для воина гибелью. Однако спустя несколько лет этот самый Эмери неожиданно появляется в казначейском перечне участников французской кампании, причём там говорится о его дальнейшей военной карьере: «Эмерик де Роксли, который служил в свите Ричарда графа Эранделского в момент прибытия короля в Уг в Нормандии, и позднее в битве при Креси и при осаде Кале»⁴⁶.

Армии, стоящей в обороне, гораздо легче было обеспечить эффективную связь между отрядами. Свидетельством тому, что англичане действительно смогли её наладить, могла служить своевременная отправка королём резервов и подкреплений принцу. Что, кстати, резко контрастировало с неспособностью французов элементарно

скоординировать свои атаки.

Помимо опыта, полученного от непосредственного участия в крупном сражении, принцу Уэльскому посчастливилось присутствовать на военных советах, в которых участвовали опытнейшие воины. А в таких ветеранах у англичан недостатка не было: к примеру, графы Уорикский, Эранделский, Оксфордский и Саффолкский служили в шотландских и фландрских кампаниях 1333–1345 годов. Граф Нортхэмптонский воевал в Шотландии, Фландрии и Бретани, причём в 1342 году при Морле он воспользовался весьма похожей тактикой. Спешенные латники и лучники в оборонительной позиции помогли ему тогда устоять против значительно превосходящей по силам французской армии.

Собственно говоря, и у Филиппа VI были опытные военачальники. Так, одним из величайших воинов своего времени считался Иоганн Богемский. Он сражался в Литве в 1328, 1329, 1337 и 1345 годах, в Италии в 1330 и 1331 годах, и во всех битвах ему сопутствовал успех. Но при Креси он был уже в преклонных летах и потерял зрение.

Сам король Филипп VI также имел боевой опыт. Его кампания 1328 года закончилась победой при Касселе над ополчением фламандских городов. Это был, вероятно, один из последних случаев, когда традиционная кавалерийская атака рыцарей решила исход сражения. Возможно, она и внушила французскому королю необоснованное доверие к подобной тактике. С другой стороны, король сознательно выбрал немедленное наступление как меньшее из двух зол, поскольку знать не простила бы ему колебаний и промедлений. Большинство французских хронистов считало, что инициировал гибельную атаку сам Филипп, и конкретно в этом случае дело было совсем не в пренебрежении рыцарей к дисциплине. Хотя в целом французы действительно дрались так, как будто сошли со страниц куртуазных романов, где ценилось в основном личное геройство воина. В то же время англичане полагались на такие прозаические детали, как организация и тактика. Но итогом сражения стал парадокс: юного принца Эдуарда при Креси превозносили именно за его личное боевое мастерство — то есть именно за то качество, которое поднималось на щит французским рыцарством.

Глава четвёртая

ОСАДА КАЛЕ

Теперь Эдуарду III был открыт путь на север. Он мог беспрепятственно двигаться на встречу со своими союзниками-фламандцами, не опасаясь удара в спину, и вновь установить контакт с Англией, что было крайне необходимым, ибо его армия срочно нуждалась в провианте. Тем не менее, весь следующий день 27 августа он провёл на поле боя в знак победы, как положено по традиции. Затем король с принцем отправились в цистерцианское аббатство Валуар у деревушки Ментене, где состоялись торжественные похороны павших в бою французских принцев. Эдуард Вудстокский явился на церемонию в чёрных траурных одеждах. За ним стояли все командиры английской армии.

Купаясь в лучах заслуженной славы, принц не забыл тех, благодаря кому он уцелел в бою, и не замедлил вознаградить своих рыцарей: «Пожизненное пожалование Ричарду ФицСаймону в знак расположения принца к нему, в размере 20 фунтов ежегодно из доходов Уолингфорда, каковые должны передаваться констеблем или откупщиком Уолингфорда равными долями на Пасху и на Михайлов день. С правом накладывать арест в обеспечение долга на имущество манора Бенсингтон для обеспечения своевременных платежей в случае задержки ренты по какому-либо поводу»⁴⁷.

Однако Эдуарду Вудстокскому показалось, что за спасение его жизни рыцарь достоин более щедрой награды, и некоторое время спустя он добавил ещё один дар: «Приказ сэру Питеру де Лейси, клерку и генеральному казначею, выплатить [рыцарю]-бакалавру принца сэру Ричарду ФицСаймону в качестве дара от принца 100 марок, которые принц повелел сэру Питеру де Гилдсборо уплатить ему (ФицСаймону. — В. У.) как вознаграждение за труды на службе принца во время последней экспедиции»⁴⁸.

Точно так же принц посчитал необходимым отблагодарить и второго героя Креси. В счетах камергера графства Честерского под 1347—48 годами появилась запись следующего содержания: «Выплачено сэру Томасу Дэниелу, рыцарю, по приказу лорда из доходов манора Фродшем 13 фунтов 6 шиллингов 8 пенсов. Упомянутому же сэру Томасу в дар от принца Уэльского 666 фунтов 13 шиллингов 4 пенса»⁴⁹. И снова принц не

ограничился одним только денежным вознаграждением, добавив к нему кое-что посущественнее: «Пожаловано [рыцарю]-бакалавру принца сэру Томасу Дэниелу за добрую службу в войне, равно как за пленение камергера де Танкарвиля, переданного принцу, так и за подъём баннера принца в битве при Креси, 40 марок ежегодно за счёт манора принца Фродшем в графстве Честер — равными долями на Благовещение и на Михайлов день, пока ему и его наследникам не будет дарована земля с доходом 20 фунтов ежегодно в качестве держания в удобном месте»⁵⁰.

Только 30 августа армия возобновила движение на север. Англичане продолжали методично опустошать и жечь окрестности. Они разорили предместья Монтрея-сюр-Мер, Эздана и Этапля. 1 сентября принц ночевал в Нёшателе, 3 сентября — в Виссане. В каждом из них его колонна задерживалась по целому дню. Армия шла на Кале. В те времена это был всего лишь незначительный приморский городок в графстве Артуа. Песчаное побережье и неудобная, занесённая илом естественная гавань не привлекали мореходов. В городе обитало порядка 8000 жителей, основными занятиями которых были рыболовство и пиратство.

Однако это не значит, что Кале был совсем не важен для французских королей. Напротив, город являлся главной крепостью на границе с Фландрией. Его укрепления, воздвигнутые ещё в XIII веке графами Булонскими, всегда поддерживались в прекрасном состоянии. Они состояли из двойной стены и двух заполненных водой рвов. Подходы с северо-запада охранялись мощным замком, имевшим собственную оборонительную систему рвов и стен. Гавань, расположенную к северу, от города отделяли также стена, ров и длинная низкая укреплённая дамба.

Теперь, когда фламандцы вступили в союз с англичанами, опасность над приграничным городом нависла нешуточная. Шпионы постоянно доносили французскому королю о неприятельских планах по захвату Кале. Поэтому с начала года в городе находился сильный гарнизон, склады заполнялись провизией, порохом и снарядами для метательных орудий. В июле и августе были предприняты дополнительные меры по укреплению города: в помощь гарнизону прибыли известные рыцари — бургундец Жан де Вьен и Ангерран де Бодо, уроженец Артуа. С 14 августа 1346 года командование принял на себя лично Жан дю Фоссе, заместитель губернатора графства.

Когда английская армия показалась под стенами Кале, её численность вряд ли превышала 7000 человек. Солдаты были измотаны длительным походом и страдали от недостатка провизии. Майкл Нортборо писал: «С тех пор, как мы оставили Кан, мы питались подножным кормом, наши

люди испытывали большие трудности и сильный ущерб, однако, хвала Господу, мы не понесли от этого потерь. Но сейчас мы находимся в таком бедственном положении, что полагаемся только на снабжение свежей пищей»⁵¹.

Но всё равно подошедшее войско, состоявшее из закалённых в боях ветеранов, оставалось грозной силой. Что же касается проблем со снабжением, что Эдуард III был решительно настроен решить их как можно скорее. Едва выйдя к побережью, он наладил контакт с флотом и первым делом послал в Лондон приказ немедленно доставить продовольствие.

Ждать пришлось недолго — вскоре к Кале прибыл флот под командованием сэра Джона Монтгомери, который доставил англичанам подкрепления и припасы. Теперь можно было заняться организацией регулярной осады.

*

В средневековье существовало лишь три способа взять осаждённый город. Во-первых, можно было штурмовать стены. Во-вторых, разрушить укрепления и ворваться в проломы. В-третьих, вынудить защитников сдаться, моря их голодом. Мощь укреплений Кале была такова, что всерьёз рассматривать первый путь не имело смысла. Болотистая местность, простиравшаяся вокруг городских стен на несколько километров, пересечённая многочисленными речушками и дамбами, делала невозможным сооружение подкопа для подрыва стен или установку тяжёлых осадных машин. Кроме того, опытные командиры осаждённых приказали укрепить наиболее уязвимые участки стен циновками и мешками с хворостом, чтобы ослабить удары метательных снарядов. Эдуарду III оставался лишь третий способ — принудить город к сдаче голодом. Но и это сделать было не так легко, поскольку Кале стоял у моря, а населяли его искусные рыболовы. Так что для успеха осады требовалось как минимум установить морскую блокаду — благо с прибытием флота Монтгомери средства для этого были.

Принц Уэльский расположился в базовом лагере, который был выстроен в километре к югу от городских стен — на островке твёрдой суши, столь редком для этих мест. Лагерь стоял прямо на дамбе, по которой шла дорога из Булони в Гравелин. Он быстро разрастался, застраиваясь лёгкими хижинами из хвороста и соломы. Появились в нём и более капитальные срубы, в одном из которых поселился Эдуард Вудстокский.

Через весьма короткое время поселение стало настолько большим, что получило собственное имя — Вильнёв-ле-Арди (Смелый новый городок) или «Английский Кале». Оно стало достаточно благоустроенным, чтобы в нём могли жить благородные дамы, и на Михайлов день принц встречал в лагере свою мать — королева Филиппа не желала терпеть разлуку с Эдуардом III и пересекла Ла-Манш, чтобы воссоединиться с мужем и сыном в расположении английской армии.

Зима прошла достаточно спокойно, масштабных военных действий не предпринималось — король Филипп VI не подавал о себе никаких вестей. Эдуард Вудстокский не участвовал ни в штурмах, ни в набегах, хотя другие английские капитаны не бездействовали. Когда похолодало достаточно сильно, чтобы гаги через болота подмёрзли и могли выдержать вес вооружённого всадника, граф Уорикский напал на замок Ам, расположенный примерно в семи километрах от Кале. Перебравшись через окружавший крепость ров по льду, его отряд сумел захватить стены, после чего замок был без жалости сожжён. Одновременно граф Нортхэмптонский атаковал близлежащий город Теруан.

Большая скученность людей в осадном лагере способствовала распространению болезней. В марте заболел и сам Эдуард Вудстокский, причём настолько серьёзно, что пришлось послать в Англию за его личным лекарем:

«Приказ сэру Питеру де Лейси, клерку принца и генеральному казначею, выплатить лекарю принца мастеру Уильяму Блэкуотеру положенные ему 63 шиллинга 4 пенса, как это следует из предъявленного им счёта с печатью Уильяма де Нортуэлла, хранителя гардероба принца. А также [выплатить] 100 шиллингов авансом в счёт его содержания, чтобы он немедленно прибыл к принцу, как приказано»⁵².

Второй напастью, поразившей английскую армию, стало дезертирство — солдаты не привыкли к скуке лагерной жизни и к отсутствию возможностей для грабежей. Всё это привело к тому, что королю снова потребовались подкрепления. В марте 1347 года Эдуард Вудстокский послал гонца в Уэльс:

«Приказ Роджеру Тромуну, заместителю судьи Северного Уэльса. Набрать, испытать и снарядить со всей поспешностью 100 валлийцев, половину из них лучников, а другую половину — копейщиков. И назначить Риса ап Роппорта их командиром, и прислать их срочно в Кале, чтобы они прибыли сюда самое позднее ко дню Входа Господня в Иерусалим. Ибо до принца дошли слухи, что его враги во Франции готовятся атаковать как короля, так и его самого большими силами. И он должен иметь больше

войск, чем имеет сейчас, чтобы устоять против их злобы и перейти в наступление в наступающем сезоне. Камергеру Северного Уэльса приказано одеть людей подобно тому, как одевали им подобных до сих пор, и выплатить им содержание за 16 дней, на каковые деньги они с лёгкостью доберутся до Кале. Все, кто будет бунтовать против этого приказа, должны быть арестованы и брошены в тюрьму впредь до следующего распоряжения, а Роджер должен отчитаться перед советом принца в Лондоне к указанной выше дате о том, что им сделано, и представить список имён набранных им рекрутов. Таков же приказ Ричарду де Хофу, шерифу Флинта: отобрать и прислать 100 валлийцев, как было сказано выше»⁵³.

Второе послание в тот же день было отправлено в Честер:

«Приказ [рыцарю]-бакалавру принца сэру Томасу Дэниерсу прибыть к принцу со всей поспешностью в Кале в соответствии с этим предписанием, и отобрать и привести с собой за счёт принца 100 лучших лучников, которых он только сможет отыскать, с тем, чтобы прибыть к принцу самое позднее в день Входа Господня в Иерусалим. Камергеру Честера приказано одеть указанных лучников и выплатить им содержание за 14 дней, необходимое для прибытия к принцу... А именно — сэру Томасу по 2 шиллинга в день и каждому из лучников по 6 пенсов в день»⁵⁴.

Принц Уэльский также озаботился возобновлением контрактов с теми рыцарями и лордами, срок службы которых истёк. Среди них оказались Лоуренс де Хестингс граф Пемброкский, Хью Ле Деспенсер, Роджер де Мортимер, Бартоломью де Бергерш-младший, а также ещё семь баннеретов и двенадцать рыцарей. С ними подписывались типовые соглашения либо на полгода, либо на год по такому образцу:

«Контракт, свидетельствующий о том, что сэр Джон де Уиллубли-сын с пятью латниками остаётся с принцем на целый год начиная с 1 мая 21-го года правления Эдуарда III. Он пойдёт на войну, куда бы принц его ни послал — как за море, так и на этом берегу, за исключением того, чтобы оставаться в тылу принца с гарнизоном города, замка или укрепления против его воли. Он должен обязательно присутствовать при дворе, когда прочие бакалавры трапезничают в зале. И когда другие получают съестные припасы или денежное содержание, он должен получить их для себя и оруженосца. Ему должна быть выдана компенсация за транспортировку припасов, если они доставляются ему, как прочим. Его оруженосцы содержатся за его собственный счёт, он получает на них обычное содержание от короля»⁵⁵.

Из Гаскони, где базировалась армия под командованием Генри Гросмонтского, графа Ланкастерского, сына Кривой Шеи, принц вызвал к себе сэра Уолтера Мэнни. Но, хотя рыцарь и получил по странным обычаям того времени охранную грамоту от короля Франции для путешествия в Кале, до места назначения он не добрался — по дороге его схватили французы. Эдуард Вудстокский был возмущён подобным коварством до глубины души и немедленно отдал приказ об ответных мерах, выразившихся в ужесточении содержания графа де Танкарвиля, оставшегося пленником в Уолингфордском замке:

«Приказ приставу принца Уильяму де Уэламу — по получении сведений, что он позволяет пленнику принца камергеру Танкарвилю, который был недавно передан под его ответственность, пребывать к своему удовольствию на свободе. За сию | поблажку) принцу не было воздано должное: он узнал, что сэр Уолтер Мэнни, который должен был с охранной грамотой от Филиппа де Валуа прибыть к принцу через Францию, а также следовавшие с ним прочие рыцари и оруженосцы схвачены изменнически по приказу упомянутого Филиппа и заключены в Париже к вечному позору французов. Приставу следует вместе с сэром Эдмундом де Кендалом обеспечить надёжную охрану упомянутого камергера, не позволяя ему выходить куда бы то ни было за пределы Уолингфордского замка, и следить, чтобы впредь он каждую ночь спал в замковой башне, и быть с ним рядом. Принц приказывает констеблю подготовить камеры и проследить за изготовлением ключей и прочих запоров»⁵⁶.

Неизвестно, подействовали на Филиппа VI принятые Эдуардом Вудстокским меры, или же он решил не вызывать недовольства французских рыцарей своим неблагородным поступком, но сэр Уолтер Мэнни вскоре был освобождён и без дальнейших приключений прибыл в лагерь принца Уэльского.

*

Ко второй половине апреля 1347 года Кале был полностью блокирован — последнему большому французскому конвою с продовольствием удалось пробиться к городу в начале месяца. Правда, и после этого предпринимались попытки прорваться через ряды осаждавших. Так, французы попробовали доставить провиант в Кале на плоскодонных баржах по мелководью вдоль самого берега, где не могли плавать английские корабли с более глубокой осадкой. Но они были перехвачены

отрядом графа Нортхэмптонского, а после этого рейда у входа в гавань англичане возвели большую сторожевую башню.

Затем французы ещё раз попытались прорваться в город на 44 кораблях 25 июня, но об этом заблаговременно узнали англичане. Графы Нортхэмптонский и Пемброкский поднялись на корабли с большим количеством лучников и поджидали неприятельскую эскадру в засаде. Враг показался в поле их зрения тем же вечером. После короткой перестрелки генуэзские галеры, игравшие роль конвоя, бежали в море. Суда с грузом оказались брошены на произвол судьбы; некоторым из них удалось ускользнуть, выбросив продовольствие за борт, но большая часть пристала к берегу, где была захвачена англичанами. Сразу после этого разгрома эскадры командир гарнизона Жан де Вьен отправил гонца к Филиппу VI с письмом, где красочно описывал бедственное положение осаждённых:

«Но, дражайший и грозный сеньор, знайте, что хотя все люди в безопасности и в хорошем состоянии духа, город тяжело страдает от недостатка зерна, вина и мяса. Знайте, что здесь нет ничего, чего мы не пробовали бы есть — даже собак, кошек и лошадей, ибо никаких других съестных припасов в городе не найти, и нам скоро придётся есть человеческую плоть. Ранее я писал, что буду удерживать город до тех пор, пока у нас есть продовольствие. Теперь мы в том положении, когда нам есть нечего. И мы порешили меж собой, что если мы не получим вскорости помощи, то устроим вылазку, чтобы выжить или погибнуть в сражении. Ибо для нас лучше умереть с честью в бою, чем поедать друг друга»⁵⁷.

Посланец был схвачен англичанами, которые таким образом узнали о лишениях, испытываемых защитниками Кале. Тем не менее французы продолжали сопротивляться. Ввиду страшного дефицита провианта воины гарнизона выгнали за городские стены около 500 человек — стариков, женщин и детей, которые физически не могли участвовать в защите города и являлись «бесполезными ртами». Их судьба описывалась по-разному. Современник событий фламандец Жан ле Бель хвалил благородство Эдуарда III, накормившего несчастных, выдавшего каждому по четыре шиллинга и разрешившего им идти своей дорогой⁵⁸. А английский хронист Генри Найтон, живший несколько позже, считал, что они все погибли жалкой смертью на ничейной земле между двумя армиями⁵⁹.

Филипп VI не мог оставить жителей Кале без поддержки и собрал в Эдене, лежавшем в 80 километрах к югу, достаточно сильную армию. Она подошла к осаждённому городу 27 июля 1347 года и расположилась лагерем на противоположной от городка англичан стороне болота. В это же

время на помощь Эдуарду III прибыл большой отряд фламандцев Вильгельма I, маркграфа Юлихского. Принц Уэльский был уверен, что в ближайшее время состоится большое сражение, но его надеждам ещё раз отличиться в бою не суждено было сбыться. Разведчики доложили Филиппу VI, что неприятельская армия велика, хорошо вооружена и занимает выгодную позицию. Эти донесения заставили французского короля отложить атаку. Чтобы выиграть время, он в который уже раз послал двух кардиналов с письмами, адресованными английским командирам, в которых им предлагалось вступить в переговоры. Прелаты заверяли, что французская сторона готова пойти на серьёзные уступки. К великому разочарованию принца Уэльского, его отец поручил графам Ланкастерскому и Нортхэмптонскому принять участие в этой встрече, которая больше напоминала комедию.

На ничейной полосе между армиями были установлены две палатки. Английская делегация состояла из Ланкастера, Нортхэмптона, Бартоломью Бергерша-старшего, Рейнолда де Кобэма, Уолтера Мэнни и маркграфа Юлихского. Французов представляли великий камергер Пьер, герцог де Бурбон, Готье VI, граф де Бриенн, Жан I де Нель, сир д'Оффемон, канцлер Гийом Флоте и Жоффруа де Шарни, сеньор де Лире^[44]. Переговоры не заладились с самого начала, поскольку французы, вопреки здравому смыслу и уверениям кардиналов, настаивали на снятии осады Кале как предварительном условии. Английские представители в ответ заявили, что не имеют полномочий принимать такое решение, ибо могут обсуждать лишь общие условия мира. В конце концов, французская делегация с большой неохотой предложила компенсировать отказ от дальнейших военных действий возвращением английской короне всех владений, которые были у неё на континенте во времена Эдуарда I, включая Понтье, — но, опять же, на условиях вассального держания. Естественно, что Эдуарда III ничуть не тронула подобная «щедрость» — к вящему удовлетворению принца, изначально считавшего эти переговоры пустой тратой времени.

*

Тем не менее бесплодные попытки найти компромисс с взаимоисключающих позиций продолжались до 31 июля. Вечером этого дня Филипп VI решил сменить курс и сыграть на рыцарских струнах в душах врагов. Он предложил двум армиям сразиться на открытой

местности, которую должна выбрать комиссия, куда вошли бы по четыре представителя от каждой стороны. Занимавшему сильную позицию Эдуарду III было глупо соглашаться на такую авантюру, но и отказаться без урона для своей чести он не мог. Скрепя сердце Эдуард выдал охранные грамоты четырём французским рыцарям, чтобы они прибыли в расположение английской армии, откуда затем отправились бы в сопровождении такого же числа англичан на поиск подходящего для боя места.

Но неуместная настойчивость французов избавила Эдуарда III от неудобной ситуации: упрямые галлы вновь попытались поставить телегу впереди лошади и добиться, чтобы осада была снята до сражения. Это дало английскому королю повод отказаться от предварительной договорённости. Встреча представителей 1 августа не состоялась, а перед рассветом следующего дня Филипп VI снялся с лагеря, сжёг палатки и поспешно отступил.

Впрочем, Джованни Виллани излагал события несколько иначе. Он заявил, что 2 августа король Франции вывел свои войска на поле и расположил их для сражения:

«Королю Англии пришлось вооружить и выстроить своих солдат в лагере, но он не хотел выходить на бой. И он послал королю Франции сообщение, в котором заявлял, что сначала возьмёт Кале, а затем, если у того ещё сохранится желание сражаться, они могут пойти во Фландрию, где он будет готов к бою. Король Франции не хотел принимать предложение идти воевать во Фландрии, поскольку среди фламандцев было множество мятежников и его врагов. Видя, что ему не удастся принудить врага к бою и помочь Кале иначе, как подвергнув себя огромной опасности, он ушёл со всем своим войском. Он отошёл на шесть лиг за первый день, а на следующий день вернулся в Париж, оставив своих латников для охраны границ, стяжав тем самым не много чести и понеся серьёзные убытки»⁶⁰.

Имевший уже боевой опыт Эдуард Вудстокский видел, что французы, потрясённые неожиданным манёвром своего короля, который они считали проявлением очевидной трусости, были неправы. Принц отдавал должное полководческим способностям Филиппа VI, который не бросил своих людей в атаку на сильное неприятельское войско, засевшее в хорошо укрепленном лагере. Недавний урок, полученный французским королём при Креси, где он чуть было не лишился свободы и даже жизни, настоятельно подсказывал ему единственно возможное решение — любым способом выманить англичан в открытое поле и разбить их там. Когда стало ясно, что враг на хитрости не купится, Филиппу VI не оставалось

ничего, кроме как отступить. Что он, собственно, и сделал.

За развитием событий с беспокойством наблюдали жители Кале, собравшиеся на высоких городских стенах. В ночь прибытия армии Филиппа VI они размахивали флагами, жгли огни, били в барабаны и играли в трубы. Следующей ночью энтузиазма и радости у горожан поубавилось. На третью ночь они зажгли лишь маленький факел, который упал в ров, и спустили флаги — это был сигнал королю Филиппу VI, что они больше не могут держаться и готовы сдаться врагу.

В субботу 4 августа, через два дня после отступления французской армии, ворота города отворились. Из них на низкорослой кляче выехал Жан де Вьен с верёвкой на шее. Капитан Кале был готов принять ещё более смиренный вид и выйти пешком, однако он с трудом стоял на ногах из-за голода и тяжёлой болезни. За ним следовали рыцари и лучшие горожане — также пешком, с верёвками на шеях. Процессия приблизилась к холму, на котором восседал Эдуард III. Рядом с отцом стоял принц Уэльский и молча наблюдал, как Жан де Вьен протягивает королю свой обнажённый меч, а также ключи от города и меч мира, символизировавший власть над Кале. Приняв эти знаки покорности, Эдуард III согласился сохранить жизнь горожанам. Жан де Вьен и несколько представителей знати были отосланы пленниками в Англию. Горожан-французов изгнали, а Кале стал английским владением. Фламандцы требовали разрушить крепость, но король, наоборот, приказал починить укрепления и завезти поселенцев, на вербованных по всей Англии.

Подобное мягкое обхождение с неприятелем, оказывавшим активное сопротивление в течение долгих одиннадцати месяцев, не слишком-то характерно для того кровавого времени. Поэтому многие хронисты подозревали, что на самом деле Эдуард III готовился жестоко расправиться с жителями Кале. Одни утверждали, что и знати, и простым горожанам поголовно угрожало повешение, и спасло их только заступничество королевы Филиппы⁶¹. Другие считали, что горожане получили пощаду благодаря вмешательству кардиналов⁶². Так или иначе, но жизни их не лишили, и вряд ли стоит сомневаться, что это произошло по решению короля, который никогда не отличался свирепым нравом — возможно, сказалось также умиротворяющее влияние жены и сына, не считавшего избиение безоружных буржуа рыцарским деянием.

Эдуард Вудстокский, с удовлетворением проследив за благополучной развязкой, занялся подготовкой своего отряда к патрулированию окрестностей города: король приказал очистить их от многочисленных

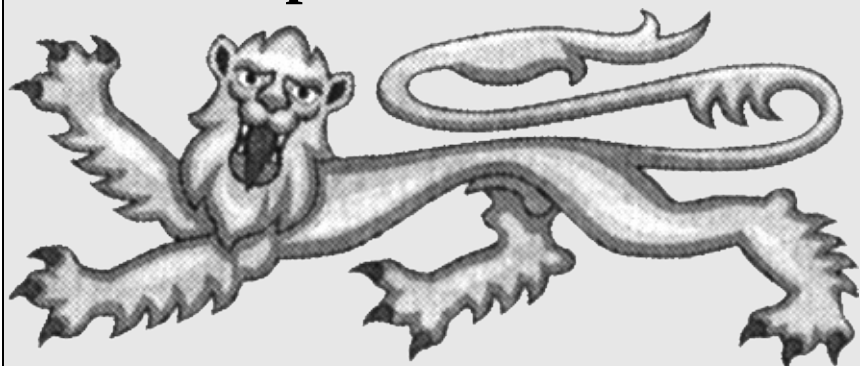
банд грабителей и мародёров, расплодившихся за время осады. Другие капитаны отправились в более глубокие рейды по территории Франции. Несмотря на поражение в бою при Креси и бесславное отступление от осаждённого Кале, французы не потеряли окончательно способности к сопротивлению. В начале сентября 1347 года большой отряд графа Уорикского, разорявший окрестности Сент-Омера, был разгромлен гарнизоном, предпринявшим вылазку при поддержке городского ополчения. Примерно в это же время на флот из десяти судов, плывший из Англии в Кале с конями и грузом хлеба, напал капитан Маро из Булони, известный пират. Он утопил половину кораблей, а остальные захватил.

Военная кампания длилась пятнадцать месяцев. Силы и ресурсы англичан были на исходе. Накапливалась физическая усталость, истощились финансы. Поэтому очередная инициатива кардиналов по организации мирных переговоров была встречена благосклонно обеими сторонами. Переговоры были краткими: только 25 сентября графы Ланкастерский и Хантингдонский получили необходимые полномочия, а уже вечером 28 сентября было подписано перемирие.

Эдуард Вудстокский покинул Кале 12 октября 1347 года на одном корабле с отцом и матерью. Одновременно с ними домой отправилась и значительная часть армии. Плавание выдалось трудным: корабли попали в бурю, часть их отбилась от общего строя и долго блуждала по морю. Принц оказался в числе тех немногих, кому повезло — уже 14 октября он сошёл на берег в лондонском порту.

Его возвращение прошло тихо, безо всякой помпы, хотя ему было чем гордиться. Сложно также переоценить ценность того багажа знаний, который получил Эдуард Вудстокский. Он участвовал во всех основных видах боевых действий — рейдах, стычках, осадах и генеральных сражениях. Опытные соратники по оружию и доблестные противники признали его отважным воином и храбрым командиром. Слава юного рыцаря соперничала со славой его отца и со славой Генри Гросмонтского, графа Ланкастерского, чьи успехи в Гиени были весьма впечатляющими.

Часть вторая

СИЯЮЩАЯ СЛАВА ПОЛКОВОДЦА

Глава первая

ОРДЕН ПОДВЯЗКИ

Кампания оказалась далеко не такой прибыльной, как надеялся Эдуард III. Конечно, отдельные удачливые бойцы сумели сколотить себе немалые состояния, но общие размеры выкупов и трофеев, пришедшихся на долю короля, не окупили его расходов на войну. И уж тем более они не могли покрыть стоимость параллельно проводившихся Генри Ланкастерским операций в Аквитании.

Эдуарду Вудстокскому за кампанию Креси в общей сложности причиталось свыше 50 тысяч фунтов. При этом предполагалось, что значительную часть затрат он возьмёт на себя. В результате принцу было единоразово выплачено казначейством 22 302 фунта в качестве возмещения задолженностей по организации и проведению экспедиции, и кое-какие дополнительные средства поступили с отсрочкой — в течение следующих четырёх с половиной лет. Так, с запозданием он получил своё собственное жалование за три месяца из тех одиннадцати, что заняла осада Кале, а также выплаты на содержание сопровождавших его лордов — в общей сложности ещё 13 тысяч фунтов.

Поскольку Эдуард Вудстокский внёс свою лепту в финансирование похода, его владения были освобождены от очередных военных поборов. Об этом недвусмысленно свидетельствовали королевские распоряжения, сделанные в 1348 году: «Казначею и судьям суда казначейства. По запросу, сделанному Эдуардом, принцем Уэльским, приказываем отменить Вестминстерские постановления в отношении взимания десятины и пятнадцатой доли с земель, товаров и движимого имущества, которые он держит лично в разных частях Англии. Освободить принца и сборщиков от необходимости взимать указанные десятину и пятнадцатую долю»¹.

Однако особо ретивые коллекторы не обратили должного внимания на королевский приказ, а может быть, они просто не успели с ним ознакомиться до своего отъезда на места из крупных городов, где этот приказ зачитывался. Поэтому вслед за первым распоряжением немедленно вышло уточнение, сделанное в более жёсткой форме: «Для сборщиков десятины и пятнадцатой доли в графстве Сарри, согласно недавнему распоряжению. Приказываем отменить взимание десятины и пятнадцатой доли с товаров Эдуарда, принца Уэльского, герцога Корнуоллского и графа

Честерского, в городах Байфлит, Уэйбридж, Уизли, Кеннингтон, Воксол, а также в других местах этого графства, находящихся в его личном владении. Немедленно прекратить сбор и без задержек вернуть то, что уже было собрано»².

Но льготы, пожалованные королём Эдуарду Вудстокскому, не спасли его бюджет, который сводился с заметным дефицитом. Принцу пришлось прибегнуть к изысканию новых источников дохода. Одним из способов, которым он, надо сказать, охотно пользовался, было взимание штрафов. В своих владениях Эдуард обладал правами верховного судьи, и чем больше средств ему требовалось, тем чаще собирались судебные комиссии. Крупные суммы таким способом собрать было затруднительно, но на покрытие расходов прошлого денег принцу хватало, а бремя текущих затрат с наступлением перемирия облегчилось.

Активные военные действия на какое-то время действительно прекратились и наступила пора дипломатической игры, подковёрной борьбы и бумажных сражений. К такого рода занятиям Эдуард Вудстокский большого влечения не испытывал. А между тем, ситуация для Англии не демонстрировала тенденций к улучшению. После гибели при Креси Луи де Дампьера, сражавшегося на стороне французов, титулы графов Фландрского, Неверского и Ретельского перешли к его сыну Луи II де Мале. Ровесник Эдуарда Вудстокского, он по настоятельному требованию фламандских торговых гильдий должен был стать ещё и его зятем — жениться на сестре принца, пятнадцатилетней Изабелы. Однако юный граф вовсе не желал вступать в союз с врагами, убившими отца, но напротив, пылал мезтью. Он бежал из Фландрии ко двору французского короля, и в июле женился на Маргарете — той самой дочери герцога Брабантского, брак которой с принцем Уэльским уже несколько лет пытался устроить Эдуард III, ведя бесплодные переговоры о диспенсации с папой Климентом VI.

Победа в битве при Креси, как это ни странно, лишила Англию ещё одного потенциального союзника — императора. В 1348 году трон Священной Римской империи получил Карл Богемский, сын слепого Иоганна Люксембургского, доблестно сражавшийся против англичан. Естественно, что с этим человеком — в отличие от его предшественника Людвиг Баварского, пусть и не отличавшегося постоянством и верностью — Эдуард III вряд ли мог о чём-то договориться, даже если бы очень захотел. Впрочем, никакого желания сблизиться с новым императором король Англии и не демонстрировал.

В конечном итоге крахом закончились дипломатические усилия

Эдуарда III на Пиренеях. Как мы помним, у него были планы женить Эдуарда Вудстокского на Леоноре, младшей дочери Афонсу IV, короля Португалии. Все детали брачного союза были согласованы, но из-за проволочек с отправкой посланцев в Лиссабон произошёл крайне досадный казус — Леонора была выдана замуж за Педро IV короля Арагона, как раз перед тем, как прибыли английские послы, уполномоченные подписать договор.

Неудача сразу с двумя брачными союзами совершенно не расстроила Эдуарда Вудстокского. Он не испытывал нежных чувств ни к одной из этих девиц и вряд ли хоть единожды лично встречался с ними. Конечно, если бы переговоры увенчались успехом, принц не противился бы воле отца — всё-таки дело государственное. Но судьба распорядилась так, что ему не пришлось совершать над собой насилия.

Если к династическим играм Эдуард Вудстокский выказывал полное равнодушие, то в делах, касавшихся войны и мира, он участвовал более активно. Срок перемирия с Францией истекал осенью 1348 года — требовалось или продлить его действие, или заключать новый, более прочный мир. Принц заседал в королевском совете, обсуждавшем дальнейшие шаги в отношении давнего неприятеля, и там его мнение имело немалый вес. В результате Англия не пошла на уступки французам и не подписала долгосрочного мира. Вместо этого 13 ноября было заключено соглашение о пролонгации перемирия на десять месяцев.

В конце того же месяца Эдуард Вудстокский сопровождал отца в Кале, где всё-таки удалось организовать переговоры с Луи де Мале, графом Фландрским. Неуступчивый граф на удивление быстро согласился подписать мирный договор, и в начале декабря принц Уэльский вернулся в Англию.

*

После взятия Кале король Эдуард III решил поразить христианскую Европу самыми великолепными рыцарскими состязаниями за всё время своего правления. Его с энтузиазмом поддержала английская знать. Огромные суммы тратились на специальные бейджи и парадные одеяния. Заслужив рыцарские шпоры, принц Уэльский также получил право выходить на ристалище и с энтузиазмом этим пользовался. В апреле 1347 года он сражался на турнире в Линкольне плечом к плечу с Генри Гросмонтским, графом Ланкастерским, который незадолго до этого прибыл

в Англию из Гиени и вскорости готовился вновь отбыть за Ла-Манш. В Личфилде в апреле 1348 года Эдуард Вудстокский бился в рядах прославленных рыцарей рядом с отцом.

Виндзорским турниром 24 июня 1348 года было отмечено истечение сорокадневного срока, необходимого для очищения королевы Филиппы после рождения её седьмого сына Уильяма. Принц стал крёстным отцом младшего брата и по этому поводу подарил кормилице ребёнка серебряную чашу и кувшин плюс ещё по одной драгоценной чаше каждой из трёх девушек, охранявших колыбель младенца. Перед самым турниром он преподнёс матери роскошный подарок — *курсье* по имени Базан де Бург.

В виндзорских состязаниях участвовало несколько французских дворян, находившихся в английском плену — Шарль де Блуа, сир де Майенн, Рауль де Бриенн, граф д'Э, и Жан де Мелён, граф де Танкарвиль. Выходил на арену и Дэвид II, король Шотландии, вторгшийся в 1346 году в Англию для поддержки своих союзников французов и разбитый в битве при Невиллз-Кроссе Ральфом, лордом Невиллом Рэбийским. Интересно, что итоговую победу за доблесть в поединках присудили как раз иностранцу — графу д'Э.

По окончании турнира все участники, включая пленников, в течение нескольких недель охотились в Кларендоне и других королевских заповедных лесах. Принца Уэльского повсюду сопровождала большая свита и множество слуг, которым он пожаловал роскошные одеяния и украшения: «Приказ сэру Питеру де Лейси, клерку принца и хранителю большого гардероба доставить йоменам принца и сокольничим Уильяму де Уигтону и Джону ле Фоконеру, йоменам и главным сокольничим Эдмунду Фоконеру, Томасу Фоконеру и Хэнкину Фоконеру^[45], а также ловчим Питеру, Джону и Джону ткани для изготовления одежды, пригодной для охоты в этом сезоне и сообразной их положению»³.

Для Кентерберийского турнира принц приказал выковать восемь доспехов и украсить их гербом одного из своих рыцарей — сэра Стивена Косинггона, которому было поручено возглавить партию бойцов. В неё вошли прославленные воители графы Ланкастерский и Саффолкский, Джон Грей, Джон Бошан, сэр Роберт де Морли, сэр Джон Чандос и Роджер Бошан.

На турнире в Бери-Сент-Эдмундс принц пожаловал одному из своих менестрелей *дестриэ* по кличке Морел де Бергерш, другим — четыре трубы из позолоченного серебра с эмалью, купленные у графа д'Э. Судя по сохранившимся и далеко не полным счетам, Эдуард Вудстокский, не

скупясь, дарил друзьям и слугам ювелирные изделия, коней, собак и соколов. Да и в прочем себя не ограничивал. Лимиты его ставок в азартных играх, которые он по-прежнему обожал, неуклонно росли. Поэтому ему время от времени требовались наличные для расплаты с партнёрами, в числе которых был и его собственный отец, также не считавший этот вид досуга зазорным: «23 декабря через Джона де Хенкстуорта — 15 фунтов. В тот же день через Генри де Блейкборна — 40 фунтов. Также через Генри де Блейкборна на игру с королём в Сандвиче в тот же день — 105 фунтов»⁴.

Просадить одним махом 100 с лишним фунтов — дело серьёзное. Ведь годовой доход, выразившийся в такой сумме, получал «рыцарь, который считался обеспеченным и доблестным представителем своего сословия»⁵, в то время как простой бакалавр довольствовался всего лишь 40 фунтами ежегодно.

Роскошный образ жизни, который вёл Эдуард Вудстокский, ничем не отличался от *modus vivendi* прочих представителей английской высшей знати — за исключением того, что в отличие от них принц не был замечен в разврате. А именно безнравственность, наряду с демонстративной расточительностью высших слоёв общества, навлекла на себя резко критические комментарии со стороны тех, кто считал себя совестью нации. Особенный гнев эти пороки вызывали, естественно, у хронистов-монахов. Так, Джон из Рединга, францисканец, теолог и схоласт, непримиримый оппонент Уильяма Оккамского, возмущался: «С тех пор минуло уж 18 лет, как англичане, потеряв рассудок, стали подражать уроженцам Геннегау, ежегодно меняющим фасоны своих уродливых одежд, и надолго экстравагантности ради забросили честные старые платья... В своей одежде и обуви они больше стали похожи на демонов и истязателей, чем на человеческие существа»⁶.

Аббат цистерцианского монастыря Мо Томас Бартон всей душой поддерживал протесты церкви против рыцарских турниров и писал о многочисленных празднествах 1348 года, как о главной причине, вызвавшей эпидемию чумы, которая вскоре поразила Европу: «Перед тем как мор охватил Англию и прочие пределы, лорды и рыцари королевства Англия не чувствовали никакого раскаяния, в разных городах и деревнях королевства устраивали турниры и поединки, приглашали туда дам, матрон и других знатных женщин. И вряд ли там была хоть одна дама или матрона в сопровождении своего мужа — они предавались разврату, впустую растрачивая время»⁷.

Каноник августинского Лестерского аббатства Святой Марии,

церковный историк Генри Найтон также не обошёл своим вниманием эту тему: «В то время возникли слухи и сильный народный вопль из-за того, что почти везде, где проводились турниры, присутствовало множество женщин, как будто они принимали участие в соревнованиях. Они были одеты в разнообразные и прекрасные пышные мужские одежды, и было их числом до сорока, а иногда и до пятидесяти — прелестных, хотя и не лучших в целом королевстве. Они носили двуцветные котты — половина одного цвета и половина другого — с короткими капюшонами, длинные концы которых были обмотаны вокруг их голов наподобие веревок, а также пояса, отделанные серебром и золотом. И они также носили ножи, обычно называемые “кинжалами”, в мешочках, перекинутых через животы пониже пупка. И они выезжали на ристалище не иначе как на *дестриэ* или других столь же превосходно убранных лошадях. И так они растрачивали впустую свои богатства, и бесчестили собственные тела развесёлым распутным поведением, о чём во весь голос говорили в народе. Они не боялись Бога, не стыдились укоров уважаемых людей, как будто освободились от оков семейного целомудрия и сдержанности»⁸.

Обличительный пыл францисканца, цистерцианца и августинца вряд ли мог вызвать сочувствие у Эдуарда Вудстокского, полностью одобрявшего как сами турниры, так и роскошь, с которой они обставлялись. Но грозные филиппики хронистов оказались весьма полезными для нас, далёких потомков, ибо позволили в деталях узнать, как одевалась прекрасная половина человечества для участия в торжествах.

*

В красочном вихре празднований не осталось незамеченным событие, которое стало заметной вехой не только в жизни Эдуарда Вудстокского и не только в истории Англии — но, без сомнения, и в европейской истории. В год 1348-й был основан старейший рыцарский орден — Благороднейший орден Подвязки.

К сожалению, оригинал орденского статута до наших дней не сохранился, и приходится пользоваться изложением этого документа, сделанным гораздо позже — в XVII веке: «Во славу Господа всемогущего, святой Марии Преславной Девы и святого Георгия Мученика наш верховный повелитель Эдуард Третий, король Англии, в год своего царствования двадцать третий* учредил и основал это братство, или военный орден, в своём замке Виндзор следующим порядком. Прежде

всего, в указанное товарищество, или превосходнейший орден, вошли его старший сын принц Уэльский, герцог Ланкастерский^[46] ^[47], граф Уорикский, капталь де Бюш, граф Стаффордский, граф Солсберийский, сэр Мортимер, сэр Джон Лайл, сэр Бартоломью Бергерш-сын, сэр Джон де Бошан, сэр де Моэн, сэр Хью де Кортней, сэр Томас де Холанд, сэр Джон де Грей, сэр Ричард де ФицСаймон, сэр Майлз Стэплтон, сэр Томас Уэйд, сэр Хью Ротгсли, сэр Нил Лоринг, сэр Джон Чандос, сэр Джеймс Одди, сэр Ото де Холанд, сэр Генрих Эм, сир Санше д'Абришикур и сэр Уолтер Пейвли»⁹.

Таким образом, первыми рыцарями новоявленного ордена стали сам Эдуард III, его героический старший сын и знаменитый полководец граф Ланкастерский, в жилах которого также текла кровь Анжуйской династии. Остальные члены-основатели также зарекомендовали себя в кровопролитных сражениях Бретонской и Шотландской кампаний, при Слейсе, при Креси и во время осады Кале. Первоначально помимо короля и принца в орден входили двадцать четыре человека, очень дружных между собой. Большинство из них состояло во время последней экспедиции в свите либо Эдуарда III, либо Эдуарда Вудстокского.

В число рыцарей-основателей вошли и три иностранца. Жан де Грайи, капталь де Бюш, являлся признанным лидером проанглийски настроенных дворян Гиени. Санше, сеньор д'Абришикур, был выходцем из известной пикардийской семьи, также сплотившей вокруг себя сторонников Англии в этом регионе. Брабантец Генрих Эм зарекомендовал себя отличным воином как в боях с французами, так и на турнирах.

Тем не менее принцип формирования орденского братства остаётся до конца не понятным — многим доблестным рыцарям пришлось долгие годы ждать вакансий, а некоторые так и не дождались этого — к примеру, Джон де Вер, граф Оксфордский, ближайший сподвижник Эдуарда III и принца Уэльского. Ясно лишь одно: орден создавался с целью объединить молодых талантливых рыцарей, которые должны были стать надёжной опорой и самому королю, конечно, но в первую очередь — юному Эдуарду Вудстокскому, чей талант военачальника и тяга к военным предприятиям к тому времени для всех были вполне очевидны.

Тем не менее в статуте ордена главное внимание уделялось отнюдь не мирским, но духовным делам. Рыцари обязаны были жертвовать на заупокойные мессы: «Решено, что члены превосходнейшего ордена, как только им станет известно о смерти кого-либо из их товарищей, должны оплатить мессы по душе умершего. И король должен оплатить 800 месс,

принц Уэльский — 700, каждый герцог — по 600, каждый граф — по 300, каждый барон — по 200, и каждый рыцарь-бакалавр — по 100 месс»¹⁰. Также им вменялось в обязанность не жалеть средств на содержание коллегии каноников^[48] Виндзора. Кроме того, ни один член ордена не мог пройти через Виндзор, не отстояв мессы в часовне Св. Георгия. Присутствие на ежегодном празднике в честь этого святого было обязательным для всех без исключения.

Кстати говоря, в статуте ордена ни слова не было сказано о необходимости участия в турнирах — как, например, было сделано в правилах кастильского ордена Ленты. Рыцари Подвязки не давали необдуманных клятв вроде обета никогда не отступать в бою — как клялись члены французского ордена Звезды. Вполне вероятно, что именно такой взвешенный подход к обязанностям рыцарей если не определил, то уж точно способствовал долголетию братства, которое существует до сих пор и в полной мере сохраняет свой престиж.

Учреждение ордена Подвязки состоялось 23 апреля и сопровождалось пышной церемонией. Вот как описывал её современник: «В день святого Георгия король устроил большой праздник в Виндзорском замке. Он учредил там часовню с двенадцатью священниками и основал странноприимный дом, где бедные рыцари, которым не хватало собственных средств, могли бы получить достаточное содержание для служения Господу — из даров учредителей. Возле короля стояли другие поручители этого странноприимного дома... Все они были одеты, как и король, в сюрко красновато-коричневого цвета, усыпанные подвязками тёмно-синего цвета, а также носили подобные же подвязки на правой ноге, и голубые мантии с гербом святого Георгия на плечах. Так одетые, они выслушали мессу с непокрытыми головами, которую служили епископы Кентерберийский, Уинчестерский и Эксетерский. А затем они все вместе сели за стол для пира в честь святого мученика, по имени которого они, собственно, и назвали это наиблагороднейшее братство — *sancti Georgii de la gartiere*»¹¹.

Когда орден был полностью сформирован, а все его члены назначены, принц Уэльский за свой счёт приказал изготовить орденские знаки отличия. В его счетах записано: «Двадцать четыре подвязки, изготовленные для принца и купленные в тот же день — рыцарям братства Подвязки»¹².

В истории создания ордена Подвязки до сих пор остаётся много неясностей. Принято считать, что он был основан в 1348 году, но по поводу этой датировки до сих пор ломаются копья. Разные хроники указывали разные годы, а Фруассар так вообще путал время основания ордена с попыткой создания Эдуардом III некоего подобия артуровского Круглого стола в 1344 году. Не известны точно обстоятельства, связанные с появлением братства на свет. И, наконец, совершенно не ясно, почему в качестве символа была выбрана именно подвязка.

Одним из первых высказал свою точку зрения на событие, ставшее толчком для создания ордена, монах бенедиктинского аббатства Клуни Мондоно Бельвалети в своём трактате, написанном в 1463 году. Он напрямую связал его название с предметом женского туалета: «И существуют многие, кто утверждает, что этот орден имеет своё происхождение от особы женского пола»¹³.

Эту гипотезу развил и снабдил конкретными подробностями только Полидор Вергилий^[49] — в 1534 году, то есть, без малого два столетия спустя! Он подвёл под неё нешуточную теоретическую базу, возведённую на принципах эволюции от скромного к величественному: «Распространённая легенда гласит, что Эдуард поднял с пола подвязку, которая ослабла и упала с ноги королевы или любовницы, как иногда случается. Некоторые из знатных мужей заметили это и начали шутить по сему поводу, а он [король] сказал им, что пройдёт немного времени, и подвязку, подобную этой, они будут высоко чтить. И спустя недолгое время он основал орден и дал ему это название, чтобы показать, что его звать судила о нём неверно. Такова распространённая молва. Но английские авторы, стыдливые и суеверные, возможно, боялись подвергнуться обвинению в оскорблении величества за подобное недостойное описание, и предпочли умолчать об этом. Как будто никогда не бывало, что из неприметного и скромного впоследствии выросло нечто величественное. Например, существовало ли что-либо, [ранее] почитаемое многими людьми столь же неприглядным и презираемым, как обритая голова? А ныне она является исключительным признаком, по которому мы отличаем голову священника от головы непосвящённого»¹⁴.

Считавший себя серьёзным историком Вергилий сомневался в достоверности легенд о короле Артуре и точно так же не был убеждён в правдивости рассказанной им самим истории о подвязке. Он называл её *fata vulgi*, или «распространёнными слухами». Тем не менее эта же версия всплыла вновь у Кэмдена и Сэлдена^[50] в конце XVI и начале XVII века.

Они внесли от себя в легенду дополнительную интригу, назвав любовницу короля по имени. Якобы, ею была Джоанна Прекрасная Дева Кента, графиня Солсберийская по титулу своего мужа Уильяма Монтекьюта, ставшая впоследствии супругой Эдуарда Вудстокского, принца Уэльского. История в величайшей степени неправдоподобная, хотя попытки обвинить короля в изнасиловании графини Солсберийской — неважно, какой конкретно — предпринимались неоднократно. Жан ле Бель, к примеру, заявлял, что подобное произошло в 1342 году, причём он имел в виду не Джоанну, а Кэтрин Грандисон, мать вышеупомянутого Уильяма де Монтекьюта, графа Солсберийского: «Любовь к этой даме так заполнила его сердце, что он не мог противостоять и противиться ей, он не мог изгнать её. И, наконец, столь велика была над ним власть любви, что он совершил поступок, который сам же заклеил бы и отверг. Когда завоевать благородную даму ему не помогли мольбы, он сделал это силой»¹⁵.

За Жаном ле Белем сомнительную байку повторил Фруассар, предусмотрительно убрав из неё, правда, прямой намёк на изнасилование: «Затем он покинул даму, сказав: “Моя дорогая дама, да хранит вас Господь до моего возвращения. Я умоляю вас подумать, и ответить мне по-другому”. “О, мой сир, — ответила дама. — Отец наш преславный наставит вас на путь истинный и убережёт от неприглядных и бесчестных мыслей. А я же и ныне, и всегда готова смиренно служить вам к чести вашей и моей”. Король удалился в изумлении и замешательстве, и отправился со своей армией преследовать скоттов»¹⁶.

Во второй половине XVII века историк Элайес Эшмол откровенно назвал эту историю байкой, справедливо напомнив об аналогичных легендах, ходивших по поводу основания бургундского ордена Золотого Руна и малоизвестного савойского ордена Цепи. Во всех трёх случаях романтические истории не имели абсолютно никаких документальных подтверждений. Эшмол пошёл дальше и предположил, что девиз ордена Подвязки — *Honi soit qui mal y pense* — представляет собой недвусмысленное отражение претензий Эдуарда III на французский трон, а вовсе не оправдание леди, потерявшей по неосторожности часть своего туалета или — в других интерпретациях — даже честь. «Позор тому, кто думает об этом плохо» — ответ на попытки дискредитации французских амбиций английского короля.

В защиту этой версии говорит и то, что само слово *Garter*, давшее имя ордену, использовалось в средневековой Англии крайне редко. Точнее

сказать, в письменных источниках оно промелькнуло лишь единожды — у некоего Уолтера Биббесурта в его поэме «Трактат», служившей тогда своего рода учебником французского языка для английской молодёжи¹⁷. И там было указано, что оно обозначало вовсе не интимную часть дамского одеяния, а предмет, который предназначался для поддержания шоссов у модников-оруженосцев. Раз уж об этом зашла речь, то даже форма геральдической подвязки крайне необычна: это не полоска ткани или шёлка, а ремешок с пряжкой и отверстиями. Честно говоря, его изображение, которое сейчас легко увидеть на гербе Великобритании, напоминает скорее пояс — один из важнейших символов, использовавшихся во время церемонии посвящения в рыцари.

Вопросов много, ответов на них не меньше, и каждый может выбрать тот, который ему больше по душе. Но, как бы то ни было, орден с этим названием, с этой эмблемой и с этой легендой стал одним из самых знаменитых рыцарских орденов в мировой истории.

*

Страшная эпидемия, поразившая Европу в конце 1340-х годов, не была, естественно, карой господней за греховность двора Эдуарда III, как уверяли хронисты. Нравы и развлечения знати в других странах и в другие времена были ничуть не более пуританскими. Вирус чумы проник в начале октября 1347 года в Сицилию и быстро распространился по всей Италии, выкашивая до половины жителей больших городов. Зимой 1348 года чума добралась до портов Южной Франции — Нарбонна, Марселя и Монпелье. К июню она захватила Руан и Париж. В июле сестра Эдуарда Вудстокского Джоанна, которая направлялась в Испанию для вступления в брак с Педро Жестокий, сыном короля Кастилии Альфонсо XI, умерла от этой страшной болезни в Бордо.

В Англию вирус чумы попал где-то в середине лета на судне, которое бросило якорь в Мелкомб-Реджис, что в графстве Дорсет. Именно в этом порту был зарегистрирован первый случай заболевания. Оттуда Чёрная Смерть, как стали позже называть эпидемию, распространилась сначала по всей Уэст-Кантри^[51], в августе достигла Бристоля, а в начале 1349 года добралась до Лондона. Средневековые врачи ничего не знали о причинах заболевания, которое протекало в трёх различных формах — бубонной, септической и лёгочной. Практически все предпринимаемые ими

профилактические меры были ошибочными и, следовательно, бесполезными. Единственным более-менее дельным казался совет максимально ограничить круг общения, поскольку инкубационный период болезни был весьма коротким.

После первого же известия о появлении больных в Лондоне король объявил перерыв в работе Парламента, созванного в январе 1349 года. Он приказал закрыть все порты, чтобы остров не потерял своё население, в панике выбиравшее между бегством и смертью. Знать разъехалась по глухим уголкам страны в свои загородные поместья. Вдали от людских скоплений, в отсутствии грызунов, на которых размножались блохи — разносчики чумной палочки, состоятельные англичане в большинстве своём избежали опасности заражения. Так, ни один из 26 рыцарей ордена Подвязки от чумы в первую волну эпидемии не умер.

Эдуард Вудстокский провёл большую часть лета вместе с отцом в отдалённых манорах на западе и юге страны. Однако полностью отгородиться от окружающего мира он не мог. Осенью 1349 года принц отправился в Херефорд, чтобы присутствовать на церемонии переноса мощей святого Томаса Канталупа в новую раку. Несмотря на то, что епископ Херефордский в страхе перед чумой запретил любые скопления народа — в том числе, постановку пьес на площадях и интермедий в городских церквях — при переносе мощей собралась огромная толпа, которую никто не разгонял. Более того, по окончании обряда родственник святого Николас Кантилуп устроил за свой счёт для всех роскошный праздник.

Когда эпидемия утихла, основной заботой Эдуарда Вудстокского и его совета стала борьба с последствиями моровой язвы. Как и у всех других землевладельцев Англии, доходы принца резко упали из-за общего расстройтва сельского хозяйства и торговли. К примеру, поступления из Корнуолла за 1350—51 годы составили всего три пятых от сумм, приходивших оттуда в 1347 году. В качестве стимулирующей меры принц решил на время полностью прекратить взимание арендной платы, чтобы арендаторы не отказывались от своих держаний. В этом поступке благотворительности не было ни на малую долю. Эдуард Вудстокский мыслил достаточно практично и понимал, что пострадавшим от безжалостной пандемии платить просто-напросто нечем. Бездумное применение силы уничтожило бы их, а новых арендаторов в тех условиях найти было невозможно. Поэтому принц принял строжайшие меры для обуздания слишком ретивых сборщиков налогов:

«Приказ Джону Дейбернауну, стюарду и шерифу Корнуолла. Есть

информация, что слуга архидиакона Корнуоллского учинил много притеснений и вымогательств подданным и арендаторам принца в тех землях, заботясь не столько о спасении и исправлении их душ, сколько о взимании и получении крупных сумм денег под предлогом этого спасения. Так что упомянутые арендаторы не только не могут теперь держать свои земли, но и исполнять то, чем они обязаны принцу. Предупредить и осудить упомянутого слугу под страхом наказания, прекратить указанные вымогательства и притеснения, иначе принц, получив новые жалобы, получит основание предпринять против него и его хозяина такие меры, которые заставят их обоих пожалеть о содеянном»¹⁸.

Эдуард Вудстокский готов был идти и на более серьёзные послабления своим подданным, оказавшимся в отчаянном положении. Поступления от оловянных рудников составляли значительную часть доходов принца, поэтому любое их сокращение немедленно и ощутимо ударяло его по карману. Тем не менее — если он находил это оправданным и разумным, то не останавливался даже перед действиями, наносившими некоторый ущерб его собственным интересам:

«До принца дошло, что некоторые люди указанного графства [Корнуолл] скрывают часть своего олова в то время, когда оно должно быть проштамповано — это должно влечь за собой его изъятие. Тем не менее, принимая во внимание нынешние тяжёлые времена и бедность упомянутых людей, он желает в данном случае проявить к ним милосердие. Он приказывает контролёру, стюарду и сборщику налогов взять со всех бедных людей, каковые утаили это олово и сильно пострадали бы из-за его изъятия, приемлемые штрафы, какие те могут себе позволить, принимая в расчёт количество скрытого олова и их состояние»¹⁹.

*

Военные действия во Франции несколько поутихли после заключения перемирия, а также из-за эпидемии чумы, но совсем не прекратились. Более того, англичане чуть было не потеряли Кале — свой важнейший плацдарм на южном берегу Ла-Манша — в результате возникшего там заговора. Одним из командиров гарнизона крепости тогда служил некий Аймерико из Павии. Этот ломбардский наёмник принимал участие в обороне города на стороне французов, но после окончания осады перешёл на службу к Эдуарду III. Именно к нему обратился с заманчивым

предложением французский капитан Жоффруа де Шарни. Он посулил Аймерико солидное вознаграждение за то, чтобы тот впустил в город небольшой отряд французов. Ломбардец согласился и назвал де Шарни цену: своё предательство он оценил в огромную сумму — 20 тысяч экю. Однако вскоре Аймерико то ли раскаялся в измене, то ли решил сыграть в беспроигрышную игру и при любом исходе оставить себе путь к отступлению. Так или иначе, но хитрый ломбардец написал послание королю Англии, в котором раскрыл все детали согласованного с французами плана.

Тревожная новость застала Эдуарда Вудстокского в Херефорде, где он проводил сочельник. Получив письмо отца, принц поспешил в Лондон, приказав своим вассалам срочно собирать войска. Уже через неделю вместе с королём он отплыл из Дувра в сопровождении небольшой армии. Несмотря на то, что сборы проходили в крайней спешке, два Эдуарда прибыли в Кале буквально накануне того дня, когда должно было совершиться предательство.

Они решили устроить засаду. Вокруг подъёмной решётки и ворот главного входа в замок разместились рыцари, спрятанные за фальшивой стеной, казавшейся частью оригинальных укреплений. Несущие деревянные балки подъёмного моста были подпилены так, чтобы выдержать рыцаря в полном вооружении, но сломаться от падения огромного камня, специально установленного на башне ещё за одной ложной стеной. Рыцарь, стоявший у камня, должен был сбросить его, как только в замок войдёт достаточно французов. То, что в город с армией прибыли лично принц и его отец, держалось в строжайшем секрете.

В ночь на 1 января 1350 года Жоффруа де Шарни подошёл к Кале с юго-запада во главе 1500 латников и 4000 пехотинцев, которыми он командовал вместе с известными капитанами пограничья — Эташем, графом де Рибмоном, Шарлем, сеньором де Монморанси, Ударом де Рента, сеньором д'Эмбри, и Робером де Фиенном по прозвищу Моро. Перед рассветом Жоффруа де Шарни выстроил своих людей на мокром песке между крепостью и морем. Всё вроде бы шло согласно договорённости: ворота открылись, подъёмный мост опустился, решётка поднялась. Навстречу французам вышел сам Аймерико и получил часть обещанной суммы в качестве аванса. Пятнадцать разведчиков прошли до конца моста и не обнаружили никакого подвоха. Тогда к воротам двинулся штурмовой отряд. Но как только он вошёл в замок, на подъёмный мост обрушился камень, решётка упала, на стенах взревели трубы. Рыцари выскочили из своих укрытий и атаковали врага, оказавшегося в ловушке между

внутренними и наружными стенами.

Основная часть армии, ожидавшая на берегу сигнала к общему штурму, никак не ожидала такого развития событий. Раздались крики: «Измена! Измена!» Солдаты и даже некоторые командиры, охваченные паникой, ударились в бегство. Эдуард III со своим отрядом и частью гарнизона вышел из южных ворот города, чтобы перехватить бегущих французов. Между тем опытный военачальник де Шарни сумел сплотить вокруг себя оставшихся солдат и выстроить их в боевом порядке. Их оказалось чуть менее половины от первоначального количества. Принц Уэльский, пройдя через северные ворота, атаковал остатки армии де Шарни: «Из этого войска были взяты в плен сир Жоффруа де Шарни с сыном и свирепый воин Удар де Рента, который когда-то служил при дворе господина короля жезлоносцем, но затем стал рыцарем и наёмником французского тирана»²⁰.

Англичане захватили также Эсташа де Рибмона и ещё около тридцати рыцарей. Более 200 французских латников были убиты стрелами или в рукопашной схватке. Граф де Рибмон временно получил свободу — его отправили в Париж, чтобы он сообщил Филиппу VI о разгроме, постигшем французов под Кале. Позже де Рибмон, верный своему обещанию, вернулся в Англию. С ним прибыл Жоффруа де Шарни, тяжело раненый в бою и некоторое время остававшийся в Кале.

Вечером после битвы победители устроили пир в ознаменование очередного успеха английского оружия. Согласно рыцарственному обычаю, на праздник были приглашены знатные пленники. Почётная обязанность подать первую перемену блюд традиционно возлагалась на самого благородного и знатного из присутствующих. Неудивительно, что эта честь выпала на долю Эдуарда Вудстокского. Исполнив свою церемониальную роль, он вернулся за королевский стол, и празднование победы пошло своим чередом.

Принц задержался в Кале ненадолго, и вскоре отплыл назад в Англию. Аймерико из Павии получил от Эдуарда III в награду ежегодный пенсион в 160 фунтов, что было по тем временам значительной суммой. Но наслаждаться безоблачной жизнью ему посчастливилось недолго: через год или два он был захвачен в плен французами. Его страшно пытали, а затем повесили, обезглавили и четвертовали.

По возвращении домой Эдуард Вудстокский был уверен, что долго оставаться в бездействии ему не придётся и что вскоре он примет участие в очередной военной кампании. В придворных кругах ходили упорные слухи о грядущей экспедиции в Северную Францию: опасность возобновления полномасштабной войны по-прежнему висела в воздухе, иногда реализуясь в локальных столкновениях. В предчувствии этого Бартоломею Бергерш-старший даже испросил отсрочку на два года от исполнения принесённого им обета совершить паломничество к гробу Господню.

Принц был уверен, что ему предстоит отправиться либо на север Франции, либо в Бретань, где продолжалась вялотекущая война за герцогскую корону. Однако как записано в Книге притчей Соломоновых: «Много замыслов в сердце человека, но состоится только определённое Господом»^[52]. К концу весны угроза проявилась совсем с другой стороны. Ещё зимой 1349 года Альфонсо XI, выполняя условия франко-кастильского договора, снарядил большой флот, целью которого было разорение английского побережья и нарушение коммуникаций между Англией и её войсками, находившимися в Гаскони и Бретани. Военственные настроения испанцев не остались тайной для англичан — в мае началось снаряжение флота, который должен был устранить опасность, нависшую над торговым судоходством. Смерть обоих королей — Альфонсо XI в марте и Филиппа VI в августе 1350 года — никак не отразилась на действиях кастильской эскадры, которая находилась в автономном плавании. Правда, она преуспела лишь в пиратских налётах — напала на гасконский караван, следовавший в Англию с грузом вина, а также захватила и утопила десяток торговых кораблей.

Адмирал кастильского флота Карлос де ла Серда^[53] не хотел возвращаться домой с такими сомнительными достижениями. Он лелеял надежду на финальный аккорд — успешный набег на один из неприятельских портов, для чего и направил свои корабли к берегам Англии. Однако англичане каким-то образом были прекрасно информированы о перемещениях кастильцев и вовремя предпринимали ответные шаги. Для средневековья это был редчайший случай по успешному отслеживанию врага в море: флоты тогда с трудом могли вести разведку, поскольку полностью зависели от ветра, погодных условий и количества провианта на борту.

Эдуард Вудстокский получил королевский приказ явиться с вооружённым отрядом к месту сбора 23 июля, но на борт своего корабля в порту Уинчелси вступил только в конце августа — ровно за один день до

появления врага на горизонте. Английские корабли отплыли навстречу неприятелю. Помимо принца Уэльского в походе участвовало большинство великих лордов Англии — графы Ланкастерский, Нортхэмптонский, Уорикский, Солсберийский, Эранделский, Хантингдонский и Глостерский. Их сопровождали лучшие рыцари.

Морские сражения в те времена мало чем отличались от сухопутных: предварительная перестрелка лучников и арбалетчиков, затем атака, во время которой корабли пытались таранить или другим образом поразить суда противника. Их манёвренность оставляла желать лучшего, и сражение превращалось, как правило, в медленное кружение пары кораблей друг вокруг друга. При удачном стечении обстоятельств они сходились борт о борт, после чего на палубах начиналась жестокая рукопашная схватка, ибо пути для отступления у проигравшей стороны не было.

Бой под Уинчелси начался между пятью и шестью часами вечера 29 августа 1350 года. Высокие испанские корабли нависали над английскими судами, и солдатам Карлоса де ла Серды было очень удобно обстреливать неприятеля сверху. Однако лучники в очередной раз доказали свою эффективность и преимущество перед арбалетчиками. Они вынудили кастильцев спрятаться за бортами и прекратить убийственную стрельбу. Каждый испанец, хоть на секунду показавшийся из-за укрытия, тут же получал стрелу. Тем не менее высота вражеских кораблей была серьёзным препятствием для английских абордажных команд, а камни и болты, даже вслепую выпущенные кастильцами из метательных орудий и арбалетов, наносили англичанам значительный ущерб.

Фруассар утверждал, что принцу пришлось очертя голову броситься на захват испанского судна, поскольку его собственное от полученных повреждений едва удерживалось на плаву и вот-вот могло пойти ко дну. Во главе своих воинов он ворвался на палубу вражеского корабля и после кровавой схватки захватил его. Жестокая битва кипела повсюду — гордые кастильцы отказывались сдаваться в плен, предпочитая умирать с оружием в руках. К вечеру большая часть неприятельского флота была захвачена англичанами, скрыться под покровом темноты удалось лишь небольшому количеству судов.

*

До наступления ночи английские корабли успели встать на якорь недалеко от берега. Команды остались на борту и готовились к

возобновлению боя на следующее утро. Однако когда трубы протрубили сигнал к подъёму, и принц вышел на палубу, то он увидел, что Ла-Манш чист до самого горизонта, и на водной глади нет никаких следов противника. Основательно потрёпанные, английские суда вернулись в Уинчелси. В порту принц вскочил на коня и поскакал напрямиком в аббатство Бэтл, где его дожидалась королева Филиппа. Этот бенедиктинский монастырь с самого своего основания был связан с войной. По приказу папы Александра II его заложили на месте знаменитой битвы при Хестингсе, решившей в 1066 году судьбу Англии и положившей конец правлению саксонской династии. Аббатство должно было стать символом покаяния за массовое убийство англосаксов во время нормандского завоевания.

Единого мнения о том, кто вышел победителем в морской битве при Уинчелси, у современников не было. Фламандские хронисты, к примеру, вовсе не были уверены в том, что в сражении верх одержали англичане. Да и в других континентальных странах ходили по этому поводу весьма противоречивые слухи. Что можно сказать с уверенностью — кастильский флот не был уничтожен и по-прежнему представлял собой грозную силу. Это признавал даже король Эдуард III. В письме от 8 сентября он предупреждал моряков Байонны о скором нападении кастильцев и приказывал вооружиться против них. А очередной винный караван из Бордо в октябре отправился в сопровождении сильного конвоя военных кораблей.

Но пропагандистская шумиха в Англии по итогам битвы при Уинчелси была поднята невероятная. Парламент в начале 1351 года преподнёс королю Эдуарду III титул «Короля моря». По всей стране распевали баллады, посвящённые сражению и моментально обретавшие популярность как среди простолюдинов, так и среди знати:

Поведать я вам собираюсь простыми словами
О том, как жестоко судьба обошлась с храбрецами:
Погибли, хоть славными были известны делами,
Морское усеяли дно иссечёнными в битве телами.
И кормом для рыб они стали, поддавшись гордыне —
Луна убывала, когда они сгнули в водных глубинах²¹.

Документы, имеющие непосредственное отношение к этой битве, проливают свет на крайне неприглядную сторону средневековой войны.

Они помогают понять, почему английские войска так увлекались грабежами и насилием, даже если командиры строго-настрого запрещали солдатам терроризировать местное население. Дело в том, что в армию охотно вербовались преступники, которые надеялись заслужить в бою прощение за свои грехи. Отряд принца Уэльского также не был свободен от подобных откровенных мерзавцев: «Питеру де Тэптону из Честерфилда за добрую службу в сражении на море с испанцами в отряде принца Уэльского по королевскому ходатайству — прощение за убийство Джона, сына Джона Бэйта из Ньюболда, погибшего до 7 сентября, в котором он [Тэптон] обвинялся и за которое привлекался, как и по прочим связанным обвинениям»²².

И если этого убийцу нет оснований считать законченным негодяем, поскольку обстоятельства преступления могли быть разными, то в отношении второго солдата, также помилованного после битвы, никаких оговорок быть не может — он был отъявленным висельником:

«Александр, сыну Ричарда де Уоркли, за добрую службу в недавнем сражении на море с испанцами в отряде Эдуарда, принца Уэльского, по королевскому ходатайству — прощение за изнасилование Кэтрин, дочери Генри Бойрома; а также за изнасилование Марджери, дочери Уильяма Джарденсона де Дадсбери; а также за укрывательство уголовного преступника Джона Фрера, сына Джона де Палметрейста; и за нападение на Генри де Этертона и его слуг в Чолбенте; а также за вырубку парка Джона де Эштона под Лаймом в Эштоне; а также за разрушение ворот, домов и дверей у упомянутых Генри, Марджери, Генри и Джона, и у Джона де Траффорда из Ньюкрофта; за всё насилие, причинённое этим персонам, за убийство лошадей и других животных у упомянутого Джона де Траффорда; а также за прочие убийства, тяжкие преступления и посягательства, совершенные им в распре с семействами Траффордов и Рэдклиффов в Ливерпуле до 8 сентября в год царствования короля нашего двадцать четвёртый, в которых он обвинялся и за которые привлекался, как и по прочим связанным обвинениям»²³.

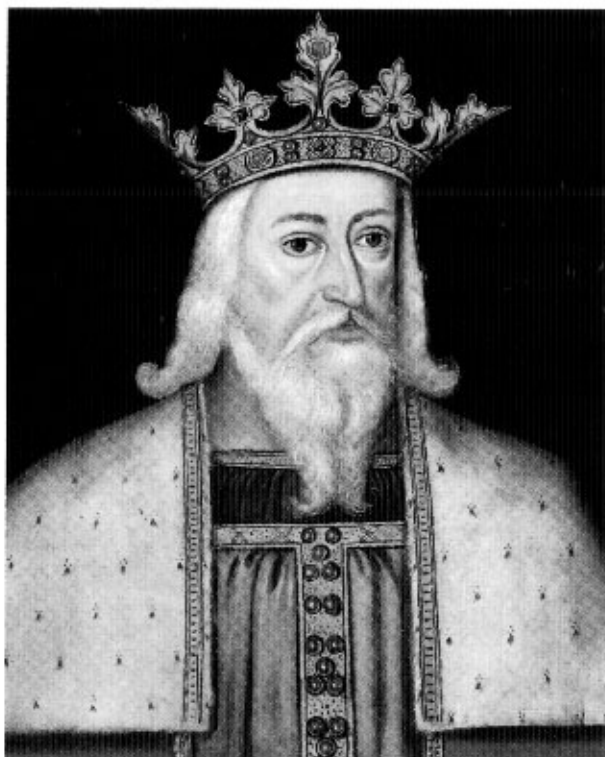
Преступный сброд не составлял большинства в армии, но его было достаточно. Подобные персонажи служили не только в отряде Эдуарда Вудстокского — помилования для таких людей после сражения при Уинчелси потребовали также графы Ланкастерский и Уорикский, сэр Джон Лайл, сэр Рейнолд де Кобэм и другие английские капитаны.

Но было бы несправедливо считать, что награды получили только насильники и убийцы. Нет, за проявленную в бою доблесть принц охотно

отличал и честных воинов, что хорошо видно по битве при Креси. И в этот раз он пожаловал ежегодный пенсион в 100 марок сэру Стивену Косингтону за его верную службу в нескольких кампаниях.

Эдуард Вудстокский, принц Уэльский. Картина Б. Бернелла, 1820 г.

Эдуард III
Виндзорский,
король Англии

Королева Филиппа
Геннегауская

Лондонский
Тауэр

Генри Гросмонтский,
герцог
Ланкастерский,
рыцарь ордена
Подвязки —
английский
политический
деятель
и военачальник

Кентерберийский собор

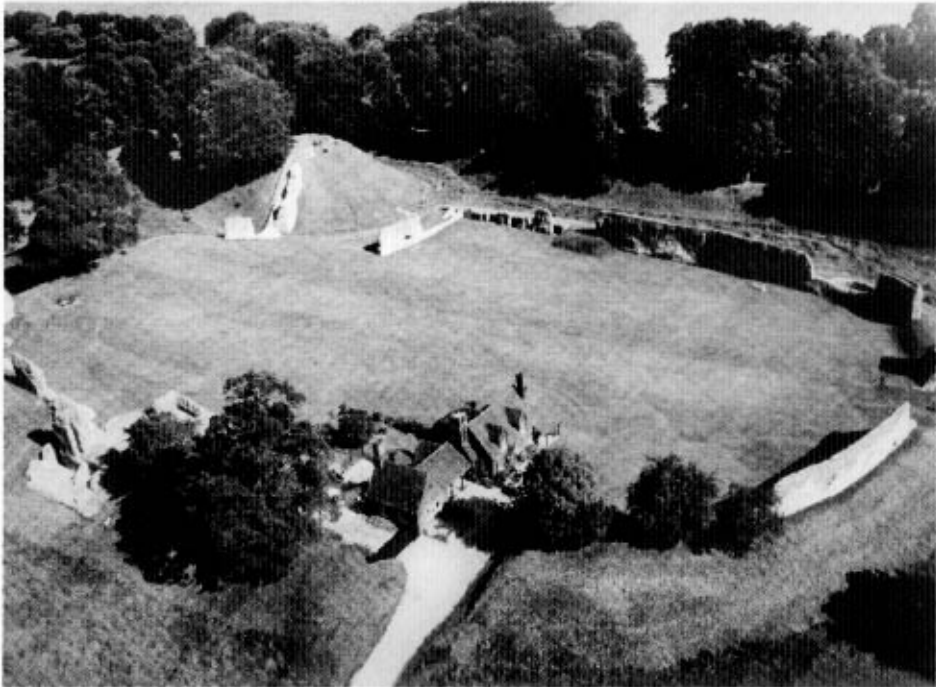
Ноттингемский замок

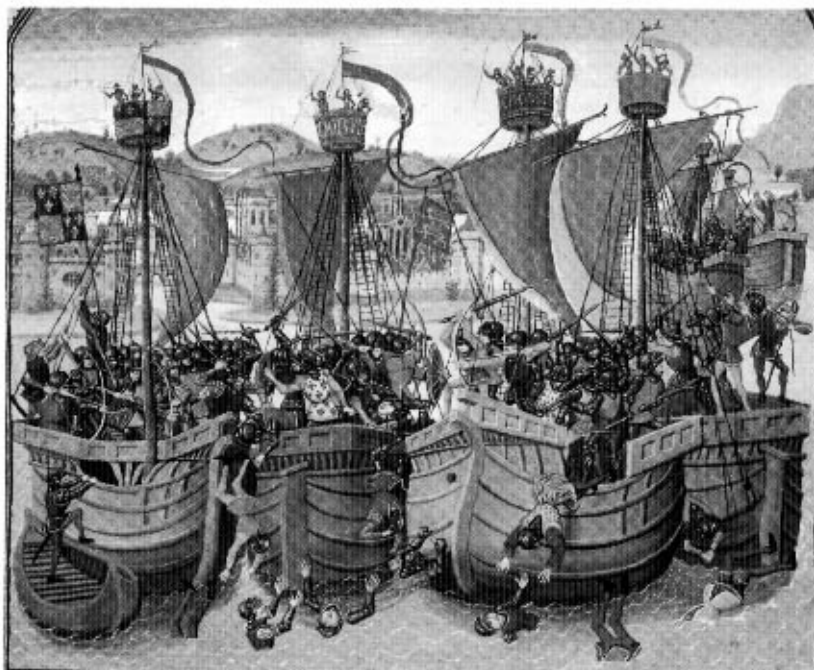

Замок Карнарвон в Уэльсе — одна из крепостей Эдуарда III

Руины замка Беркестед, любимой резиденции принца

Битва при Слейсе. Миниатюра из «Хроник» Жана Фруассара, XV в.

Осада Кана. Миниатюра из «Хроник» Жана Фруассара, XV в.

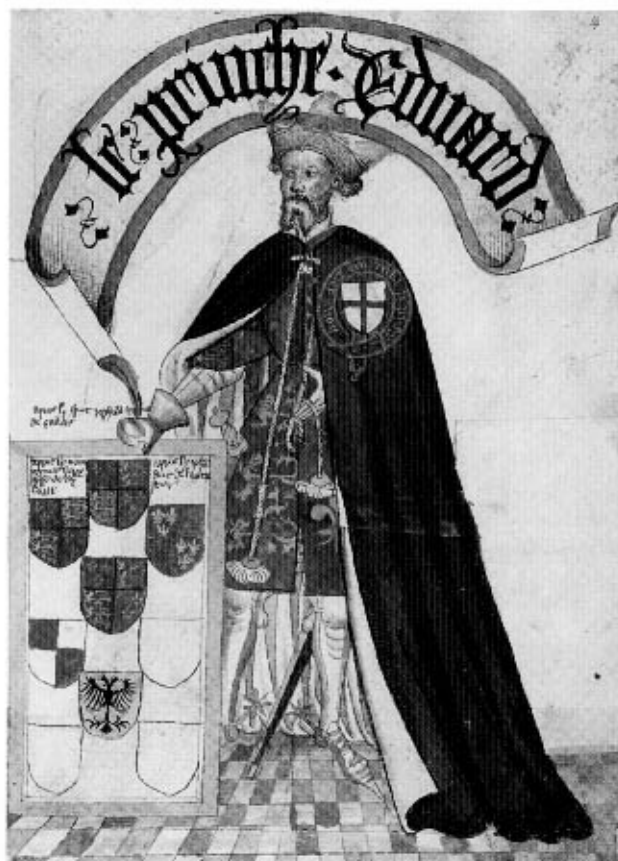
Черный Принц у тела убитого Иоганна Богемского на поле битвы при Креси. Картина Дж. Рассела, 1888 г.

Битва при Креси. Миниатюра из «Хроник» Жана Фруассара, XV в.

Эдуард III назначает
принца наместником
Аквитании.
Миниатюра
из манускрипта Cotton
MS Nero D VI, 1390 г.

Эдуард Вудстокский,
рыцарь ордена
Подвязки.
Миниатюра
из «Книги ордена
Подвязки» Уильяма
Брюге, XV в.

Битва при Пуатье.
Миниатюра
из «Хроник» Жана
Фруассара, XV в.

Принц Эдуард
берет в плен
короля Франции
Жана II на поле
битвы при Пуатье.
Гравюра
из «Картин
английской
истории», 1868 г.

Сер Джон Чанлос,
рыцарь ордена
Подвязки — лучший
друг Эдуарда
Вудстокского

Супруга Эдуарда
Вудстокского
Джоанна с первенцем
Эдуардом в образе
Богоматери.
Уилтонский диптих,
XIV в.

Победа при Нахере, одержанная Эдуардом Вудстокским в ходе кастильской экспедиции. Миниатюра из «Хроник» Жана Фруассара, XV в.

Король Кастилии Педро Жестокий

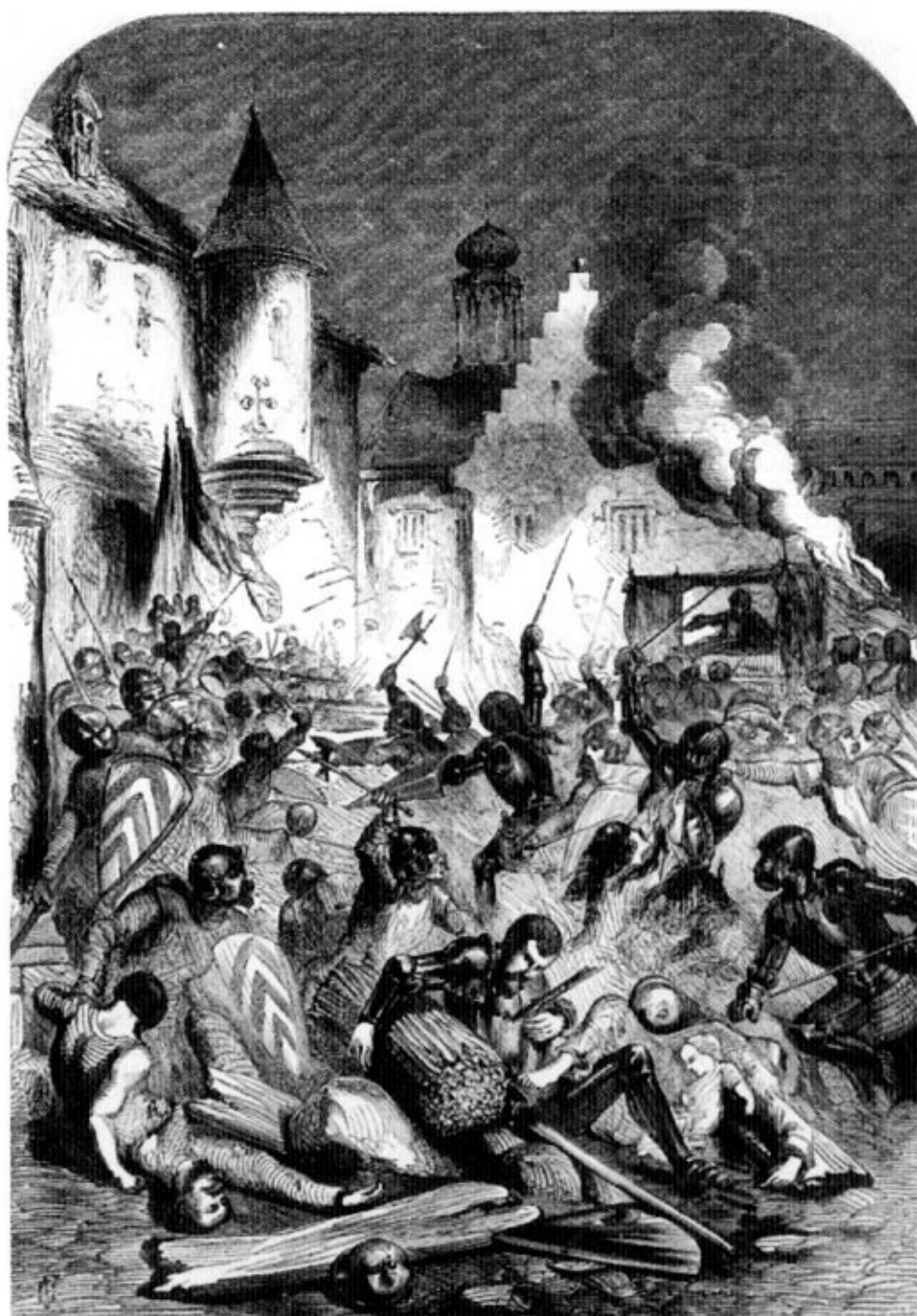

Замок Кар'Со в Ла-Роде — аквитанская цитадель принца Эдуарда

Осада Лиможа.

Миниатюра из «Собрания хроник Англии» Жана де Ваврена, XV в.

Взятие Лиможа войсками принца Эдуарда.
Гравюра из «Cassell's Illustrated History of England», 1909 г.

Павильон (золотая монета)
Эдуарда Вудстокского,
наместника Аквитании

Король Англии Ричард II,
сын Эдуарда Вудстокского

Бриллиантовая
брошь в виде
бейджа (эмблемы)
принца Эдуарда

Надгробие Эдуарда
Вудстокского
в Кентерберийском
соборе

Памятник Черному Принцу в Лидсе

После серии блестящих побед над французами и испанцами престиж английского короля в Европе вознёсся на небывалую высоту. Но его старший сын и наследник ни в чём не уступал владыке Англии. Эдуард Вудстокский не грелся в лучах отцовской славы, он сам был увенчан лаврами. На их суд рыцари христианского мира представляли свои обиды и ссоры. Например, осенью 1350 года в Лондон прибыли киприот Джованни Висконти и француз Тома де ла Марш, которого современники небезосновательно считали внебрачным сыном Филиппа VI и Беатрисы де ла Берруэр. Висконти обвинял де ла Марша в измене — дескать, за золото тот предал христианское войско туркам. Спор должен был решиться в судебном поединке, который состоялся в Вестминстере 4 октября перед лицом судей — Эдуарда III и Эдуарда Вудстокского. Бойцы вышли на бой в полном вооружении, только в шлемах без забрал. Эта деталь и решила исход противоборства: сначала они схватились верхом, а затем спешенными и уже без оружия. Тома ударил противника в лицо латной перчаткой, имевшей на сочленении острый шип. Киприот вскричал от невыносимой боли, и поединок был остановлен.

Судьи присудили победу Тома де ла Маршу, который таким образом был оправдан и признан невиновным. Висконти стал пленником французского принца, но тот немедленно, прямо на ристалище передал киприота Эдуарду Вудстокскому. В свою очередь, принц даровал побеждённому свободу, а победителя наградил двумя серебряными чашами: «Приказ контролёрам счетов сэра Уильяма ле Нортуэлла, клерка принца и казначея двора. Выплатить упомянутому сэру Уильяму по его счёту за две серебряных чаши одной формы (одна весом 71 шиллинг 8 пенсов, другая — 72 шиллинга 4 пенса), с эмалированным дном и с гербом принца, которые принц подарил бастарду Франции»²⁴.

6 декабря года Эдуард Вудстокский в сопровождении королевы Филиппы и Роберта де Аффорда графа Саффолкского отправился на рыцарский турнир в Норидж. Горожане принимали всех троих за свой счёт, продемонстрировав тем самым неподдельное уважение к прибывшим, и в особенности к принцу Уэльскому, который к тому времени стал живым символом побед английского оружия.

Затем Эдуард покинул королевский двор и нелюбимый Лондон. Он редко навещал родителей — разве что по праздникам или по настоятельной необходимости. Так, в феврале 1351 года принц присутствовал на сессии

Парламента, во время которой его троюродный дядя Генри Гросмонтский, граф Ланкастерский, был возведён в герцогское достоинство.

Пользуясь некоторым затишьем в англо-французском конфликте, Эдуард Вудстокский озаботился вопросами управления своими обширными владениями. Он чётко разделял слуг-администраторов и солдат в военном отряде, поэтому руководствовался при подборе гражданского персонала иными принципами. Головорезов и преступников можно было скрепя сердце терпеть в армии, особенно если они отличались бесстрашием и неплохо владели оружием. Но такого рода люди совершенно не подходили на должности управляющих или сборщиков налогов. Эдуард Вудстокский гневно писал своему беспутному вассалу:

«Принц — сэру Джону Тревиньяну. Хотя мы недавно нанмали вас для войны, однако с тех пор и мы, и наш совет были достоверно проинформированы людьми, которым мы верим и на которых мы полагаемся, что ваше поведение было и остаётся столь возмутительным и оскорбительным для нас, для наших подданных, для слуг и арендаторов, а также для ваших соседей в Корнуолле, что это никоим образом не приличествует и не подходит человеку вашего ранга. Так что нам посоветовали не держать подобной персоны в нашем окружении. Мы доводим до вашего сведения, что, несмотря на все письма, посланные нами вам прежде, несмотря на наши беседы и договоры касательно вашей службы у нас, вы должны готовиться к службе в другом месте, где вам только будет угодно. Ибо мы не возьмём вас на службу ни под каким видом, и не будем держать вас в нашем окружении, пока нас не известят об улучшении вашего подведения и образа жизни.

Такое же письмо написано сэру Джону д'Эранделу-сыну на основании информации от сэра Дж. де У»²⁵.

Эдуард Вудстокский задумал провести своего рода инвентаризацию земельной собственности. Его крайне возмутило то, что крупные вассалы в течение долгого времени пренебрегали своими обязанностями: большинство тех, кто имел лены в графствах Чешир, Девон и Корнуолл, до сих пор не принесли ему вассальную присягу. Сначала они пользовались его малолетством, затем — занятостью на военной службе. Принц строжайше уведомил всех, что желал бы непременно получить оммаж прежде, чем снова отправится за границу. Он писал своему стюарду Роберту Элфорду: «Значительное число рыцарских ленов, связанных с замками, манорами, титулами и землями, которые Эдуард, принц Уэльский, герцог Корнуоллский и граф Честерский, держит по королевскому праву наследования, а также благодаря королевскому дару, было незаконно

захвачено в разных местах и утаено другими способами»²⁶.

Элфорд получил приказ расследовать все подобные случаи. Сам Эдуард Вудстокский планировал длительную поездку по графству Чешир и Северному Уэльсу для наведения там порядка, но вынужден был отложить путешествие. Король приказал готовиться к экспедиции на континент и уже отдал распоряжение о реквизиции кораблей для перевозки войск. По всем английским городам и крупным поселениям зачитывалась прокламация, в которой заявлялось о скором вторжении французов, а также перечислялись меры, которые необходимо предпринять перед лицом неизбежной опасности.

Естественно, что Эдуард Вудстокский не мог оставаться в стороне, когда вся Англия собиралась на войну. Однако по разным причинам планы похода остались лишь планами, и принц с сожалением распустил латников, отряды лучников и пехотинцев, а также вернул владельцам повозки, собранные для обоза.

*

Рождество 1351 года Эдуард Вудстокский встретил в своём любимом Беркемстедском замке вместе с младшим братом, которого незадолго до этого поручили его заботам, — Джону Гонтскому, носившему титул графа Ричмондского, исполнилось одиннадцать лет. Помимо него, у принца было ещё два брата — тринадцатилетний Лайонел Антверпенский и десятилетний Эдмунд Лэнглийский — а также сёстры Изабель, Мэри и Маргарет. Четверо детей Эдуарда III и Филиппы Геннегауской умерли в младенчестве, а дочь Джоанна, как уже говорилось, скончалась от чумы в Бордо. Из всего многочисленного семейства на воспитание к принцу попал только Джон Гонтский, получивший своё прозвище по месту рождения в городе Гент. Мальчик рос весьма сообразительным, предприимчивым и смелым. Старший брат не только следил за его обучением, но и покрывал часть расходов на содержание. В счетах принца, в частности, указывалось:

«Обеспечить Волфарда Гистелса, пажа графа Ричмондского, брата принца, а также Николаса, пажа принца, а также Мака, пажа упомянутого графа, плащами, шляпами, полотном, тканью, шосссами, ботинками, сапогами и шпорами согласно их потребностям. Купить ткань на плащи и шляпы для Сиго и Накока, сарацинских детей, и доставить указанную одежду — как и ткани на плащи и шляпы для упомянутых Волфарда, Николаса и Мака — Гильо де Стреттону, йомену принца и его

гардеробщику, чтобы тот изготовил указанные предметы одежды»²⁷.

Немалые суммы тратил Эдуард Вудстокский на самого Джона Гонтского, в том числе на его парадные одежды и на экипировку: «Уплачено Ламбекину, шорнику из Германии, за разные сёдла, уздечки и прочую сбрую, как позолоченную, так и нет, приобретённую у него в разное время между 1 марта 27 года правления Эдуарда III и 20 мая 29 года правления Эдуарда III, для принца и графа Ричмондского — 119 фунтов 20 шиллингов»²⁸.

Весной 1352 года Эдуард Вудстокский со своим подопечным перебрался в Уолингфорд, а в июне поселился поближе к Лондону в Байфлите, расположенном в графстве Сарри на расстоянии всего 30 километров от столицы. Он продолжал наводить порядок в своих владениях, где из-за его прежнего небрежения делами феодальная вольница расцвела пышным цветом. Что особенно удручало принца, так это участвовавшие распри между знатными родами — в частности, кровавое соперничество Уорксли, Траффордов и Рэдклиффов. Два года он откладывал давно назревшую поездку в графство Чешир, но зимой 1353 года понял, что долее медлить нельзя. К такому решению его подтолкнуло убийство бейлифа Хью Хэмсона из Нортуйча.

Как человек глубоко набожный, Эдуард Вудстокский сначала отправился в паломничество к мощам святого Ричарда Чичестерского. Рака святого епископа находилась в древнем кафедральном соборе Святой Троицы города Чичестер. До нашего времени она не сохранилась, поскольку была уничтожена по приказу доброго короля Генри VIII два века спустя. В июне принц приказал Джону Барнэму, своему чичестерскому камергеру, привести в порядок манор Шотуик, расположенный в 10 километрах от Честера. Там принц намеревался остановиться со своей свитой.

Цель поездки была объявлена публично: слишком часто-де слух Эдуарда Вудстокского тревожили скорбные вопли, а также жалобы на несправедливость, произвол и злодеяния, которые никто не мог урегулировать должным образом в его отсутствие. Поэтому принц приказал создать комиссию *о́йе и термине*^[54] на то время, пока он будет находиться в графстве.

В конце июня Эдуард Вудстокский отправился в Чешир, держа путь на северо-восток страны. Он быстро добрался до Тэмуорта, где заночевал 1 августа. Оставшиеся до Честера 110 километров он преодолел за четыре дня. Эдуард ехал в сопровождении небольшой свиты — брать с собой

сильный воинский отряд он счёл лишним. Никаких серьёзных беспорядков в графстве не было, и скорое начало деятельности комиссии у местных жителей никаких всплесков недовольства не вызвало. Напротив, людей так напугал приезд самого принца и малоприятная перспектива держать ответ за прошлые проступки, что они не стали дожидаться первого заседания, которое должно было состояться 19 августа. Представители графства предстали перед судьями и умоляли их об отмене комиссии. В качестве одного из аргументов они использовали заявление, что введение практики *ойе и термине* в Чешире стало бы нарушением древних законов и обычаев палатината. Такое утверждение было весьма спорным и, естественно, вряд ли могло повлиять на Эдуарда. Однако представители согласились в качестве штрафа (или отступного) выплатить огромную сумму в 5000 марок — только чтобы избавиться от работы ужасной комиссии. Этот аргумент нашёл отклик у принца, и 18 августа судьи получили приказ отменить заседание, а все дела передать на рассмотрение обычных судов. На следующий день он также отменил заседание комиссии по нарушениям пользования лесными угодьями.

На практике, однако, это означало всего лишь то, что к обоюдному удовлетворению были улажены только имущественные злоупотребления. Что касалось уголовных преступлений, то принц и его советники совершенно не собирались позволить виновным избежать кары. Специальные выездные судьи занялись исключительно случаями убийств, изнасилований, воровства, грабежей, поджогов и вымогательств. За неделю они вынесли приговоры по 130 делам. Параллельно Эдуард Вудстокский, помня слова Платона о том, что рыба начинает портиться с головы, провёл жёсткую чистку административного аппарата графства. В результате свои должности потеряли шериф, констебль замка Честер, мировые приставы и даже заместитель судьи Северного Уэльса и Честера, на место которого был назначен доверенный советник принца Джон Делвз.

В середине августа Эдуард Вудстокский сделал небольшой перерыв в делах и отправился поохотиться в окрестностях Шотуика, изрядно потоптав конями принадлежавшие местному судье поля, где рос овёс. В качестве компенсации за потраву принц приказал выдать пострадавшему четыре шиллинга восемь пенсов. На праздник Успения Эдуард дал в Честере роскошный обед для местной знати. Впрочем, ему и тут не удалось отвлечься от дел, поскольку большую часть времени, проведённого на пиру, он выслушивал жалобы и принимал прошения своих арендаторов.

В сентябре принц всё ещё оставался в Чешире, продолжая разбираться с запущенными проблемами графства. Помимо всего прочего, он приказал

провести детальную ревизию традиционных пожертвований городским монастырям и больницам, сделанных в прошлые годы, а также внести новые, из доходов от выездной сессии. Между прочим, полученная в результате поездки принца в Чешир прибыль оказалась весьма значительной: доходы от графства, составлявшие до этого примерно 1500 фунтов ежегодно, повысились в 1353-м почти до 4000 фунтов, да и в последующие годы держались примерно на том же уровне.

Впрочем, как ни важны были для Эдуарда денежные поступления из Чешира, свою инспекционную поездку он не только по финансовым соображениям. На первом месте у принца и его советников стояла задача восстановить нормальное функционирование административной и судебной властей в графстве так, чтобы они могли работать в автономном режиме без сбоев и пробуксовок.

*

Ещё месяц понадобился Эдуарду Вудстокскому, чтобы уладить все дела к полному своему удовлетворению, и только 24 октября 1353 года он покинул Честер. Путь его лежал в Вестминстер, где принц должен был присутствовать на важной церемонии: Уильям Монтекьют, граф Солсберийский, приносил королю оммаж за лордство Денби. Казалось бы, при чём тут Эдуард Вудстокский? Но законы вассалитета были не только достаточно запутанными — они требовали точного соблюдения всех необходимых процедур, иначе могли возникнуть неразрешимые казусы. Так вот, Денби располагалось на территории княжества Уэльс — естественно, без одобрения и согласия принца Уэльского оно не могло быть передано во владение Монтекьюту.

Рождество 1353 года Эдуард Вудстокский отпраздновал в принадлежавшем ему маноре около старинного городка Соннинг на берегу Темзы, петлявшей среди лесов и полей Беркшира. Городок был славен лишь собором Святого Андрея, в котором сохранилась уникальная резьба англосаксонских времён. Оттуда принц 31 декабря отправился на турнир в Элтем. Ныне это юго-восточный район Лондона, но в те времена столица не разрослась ещё до таких огромных размеров. Тогда тут располагалась загородная королевская резиденция — Элтемский дворец. Этот просторный и красивый дом пятьдесят лет назад подарил деду принца королю Эдуарду II епископ Даремский.

Поскольку поездка в Честер оказалась весьма прибыльной, то Эдуард

Вудстокский мог порадовать своих верных друзей сэра Джона Чандоса и сэра Джеймса Одли, также прибывших на турнир, новыми доспехами: «Приказ сэру Питеру де Лейси, генеральному казначею принца в Лондоне, выплатить Ричарду де Хейлу, оружейнику в Лондоне, 6 фунтов 13 шиллингов 4 пенса, следуемых за две пары доспешных пластин в чёрном бархате, которые принц получил от него 31 декабря на 27 год царствования Эдуарда III для турнира в Элтеме и передал затем бакалавру сэру Джеймсу д'Одли и сэру Джону Чандосу; а также 20 шиллингов за покрытие пары пластин для самого принца красным бархатом для указанного турнира, каковые пластины он и доставил в тот же день Джеффри Хеймлину, хранителю доспехов принца»²⁹.

Турнир оказался жарким. Известные воины, принимавшие в нём участие, всю демонстрировали своё умение владеть оружием, невзирая на лица и титулы соперников. Эдуард Вудстокский никому не уступал ни в доблести, ни в рыцарском искусстве. Он наносил удары и принимал их — в результате доспех его коня был так сильно повреждён, что потребовал немедленного ремонта. В Лондон был срочно отправлен гонец: «Приказ сэру Питеру де Лейси, клерку и генеральному казначею принца в Лондоне, или же его заместителю. Со всей возможной поспешностью и в соответствии с инструкциями, данными кузнецом принца Роджером, обеспечить доставку четырёх [доспешных] частей, которые принц приобрёл для своих дестриэ для последующих турниров. Доставить их Роджеру, как только они будут изготовлены»³⁰.

Впрочем, принц мог бы и не торопиться, поскольку следующего турнира ему пришлось дожидаться больше года. По странной прихоти короля на этот период рыцарские состязания оказались под запретом в Йоркшире, Лондоне, Херефорде и Хантингдоне. Подобная строгая мера в Англии не была чем-то из ряда вон выходящим, но обычно её вводили в смутные времена. Так, очень часто проведение турниров запрещал Эдуард II, опасавшийся заговоров со стороны собственных баронов. Почему к подобным ограничениям прибег Эдуард III, совершенно непонятно — шла вялотекущая война с Францией, и правитель по идее должен был наоборот поощрять воинские игры у всех сословий королевства.

*

Начало 1354 года Эдуард Вудстокский провёл в Беркемстеде. Здесь он

неожиданно для себя получил письмо от Шарля Злого, короля Наварры, с которым до тех пор не поддерживал никаких контактов. Собственно, тайные мотивы Шарля принц понял, ещё не дочитав до конца послание — тот крайне нуждался в поддержке Эдуарда III. Наваррец принимал непосредственное участие в убийстве Карлоса де ла Серда и, естественно, опасался мести как со стороны сторонников покойного коннетабля, так и со стороны Жана II Доброго, короля Франции, любимцем которого был испанец. Шарль весьма самонадеянно просил английского короля срочно отправить латников и лучников в крепость Кале и замок Гин, чтобы они были готовы по первому зову прийти к нему на помощь. Король Наварры не был уверен в том, что сможет убедить Эдуарда III в целесообразности таких действий, и счёл нелишним отправить одновременно второе письмо — наследнику престола. Вероятно, он надеялся, что если английский король будет колебаться, то его воинственный сын однозначно выступит за обострение отношений с Францией. Однако пронырливый политикан просчитался — оба Эдуарда одинаково скептически отнеслись к его предложениям, и никаких войск на континент послано не было.

В марте принц вновь направился в Соннинг — без особой цели, просто потому, что ему нравился этот старинный городок. Сделав порядочный крюк, 28 апреля он добрался до Вестминстера, где заседал Парламент. Слушая краем уха, как лорды зачитывают свои бесконечные петиции, Эдуард Вудстокский обдумывал новый план. Очевидный успех миссии в Чешире натолкнул его на мысль навести таким же образом порядок в Корнуолле. Не откладывая дела в долгий ящик, принц в мае послал туда гонца с приказом отремонтировать дома, где он собирался остановиться сам и разместить свиту.

Эдуард планировал отбыть в путешествие в начале июля, но смог выбраться из столицы только во второй половине месяца — как и в Чешир годом ранее, что было воспринято им как доброе предзнаменование. В конце июля принц был в Глостере, 11 августа миновал городок Чадли в Девоне и спустя семь дней въехал в Лонстон. На мосту через реку Тамар в двух с половиной километрах от города его встретил Джон Келлигрей, облачённый в церемониальный серый плащ. Этот дворянин держал от него земли, за что нёс особую повинность. В обязанности Келлигрея входило сопровождение герцога Корнуоллского в течение сорока дней повсюду, даже по самым отдалённым уголкам, всякий раз, когда тому взбрело бы в голову посетить Корнуолл.

Вернуть герцогство в русло законности и порядка оказалось куда более сложной задачей, чем справиться с мошенниками и лиходеями в Чешире.

Принцу пришлось применять закон по всей строгости против тех, кто самовольно охотился в его парках, безбоязненно грабил в гаванях стоящие на якоре корабли или уклонялся от выплат налога на олово. Последние особенно беспокоили Эдуарда: львиная доля доходов поступала именно от оловянных рудников или торговли оловянными изделиями, так как в остальном Корнуолл был относительно бедным уголком Англии. Кое-что дополнительно приносили портовые сборы, но вот сельское хозяйство не давало практически ничего.

Досталось от принца нерадивым служащим, подраспустившимся в отсутствие своего сеньора. Потерял свою должность корнуоллский управляющий Джон Кендал — правда, вскоре был в ней восстановлен. Джон Дэбернаун, занимавший пост шерифа с 1350 года, был безжалостно уволен. Формально его сменил сэр Джон Салли, который не смог вовремя прибыть в Корнуолл. Принц не собирался попусту терять время и 18 августа назначил шерифом Роберта Элфорда. Другие обязанности Дэбернауна, который являлся одновременно хранителем ленов Девона и Корнуолла, были выведены из компетенции шерифа и отданы Джону Скирбеку. Сам же Дэбернаун получил приказ в кратчайшие сроки взыскать все недоимки, накопившиеся за время его службы.

Впервые оказавшись на этой древней земле, гордившейся своими кельтскими традициями и крайне настороженно относившейся ко всему английскому, Эдуард Вудстокский пожелал первым делом осмотреть имевшиеся здесь цитадели. Он провёл много времени в Рестормелском замке, возведённом сразу после нормандского завоевания, а в 1337 году перестроенном Эдмундом, графом Корнуоллским. Замок окружали мощные стены, в главной башне размещались большой зал, три жилых палаты, столько же погребов и часовня с образом Пресвятой Марии, выполненным из алебастра. Крыша была покрыта свинцовыми листами, во многих местах разошедшимися и с трудом защищавшими внутренние помещения от дождей. Полуразрушенные ворота производили гнетущее впечатление. В плачевном состоянии находились почти все замковые сооружения — кухня, пекарня, конюшни и водопровод. Эдуард Вудстокский приказал произвести кое-какой ремонт там, где он настоятельно требовался, чтобы замок окончательно не превратился в руины. Именно здесь, в обветшалом Рестормелском замке он принимал присягу феодальной верности от своих корнуоллских вассалов.

На обратном пути к столице принц на несколько дней воспользовался гостеприимством Джона Грандисона, епископа Эксетерского, и остановился в его дворце, чтобы уладить несколько важных дел в

Девоншире, где у него имелось несколько маноров. В свои поместья под Лондоном он вернулся в начале сентября. Немного передохнув, принц отправился в паломничество к храму Богородицы в Уолсингеме, чтобы отблагодарить Пресвятую Деву за помощь, оказанную при умиротворении Корнуолла. По возвращении он отпраздновал Рождество в Беркемстеде вместе с бабушкой — вдовствующей королевой Изабеллой, когда-то носившей гордое прозвище Французская Волчица.

В феврале Эдуард Вудстокский участвовал в турнире, который состоялся в Вудстоке — первом после прошлогоднего Элтемского. В этом замке его мать Филиппа Геннегауская произвела на свет ещё одного сына — Томаса, и турнир был приурочен к истечению 40-дневного срока с момента родов, во время которого роженица считалась нечистой. Оставив Вудсток в распоряжении Филиппы, принц уехал в Лондон и несколько месяцев провёл в своём городском доме Палтни-Инн, никуда надолго не выезжая и занимаясь в основном рутинными делами.

*

Череда перемирий между Англией и Францией тянулась аж с 1347 года, однако локальные военные действия, как уже было сказано, надолго не затихали. В Гаскони французы постепенно восстанавливали контроль над городами Сентонжа и Пуату, англичане время от времени переходили в контратаки. Борьба велась в основном руками наёмников-рутьеров вроде Пьера Морена, который согласно полученному от французов патенту получал годовую ренту с любых земель или городов, захваченных им у противника. Не брезговали разбоем и английские гарнизоны, добывая таким способом себе пропитание и богатство.

В 1351 году Генри Гросмонтский, герцог Ланкастерский, и сэр Уолтер Мэнни провели несколько рейдов, целью которых были Этабль и Сент-Омер. Однако серьёзных успехов они не добились, а попытки взять Булонь были отбиты её защитниками. Зато линкольнширский авантюрист Джон Данкастер захватил 6 января 1352 года расположенный неподалёку от Кале замок Гин и продал его королю Эдуарду III.

В Бретани английскими войсками командовали сэр Уолтер Бентли и Роберт Ноллз. В августе 1352 года они нанесли в битве при Мороне серьёзное поражение французской армии маршала Ги де Неля, сеньора де Мелло, и д'Оффемона. Это сражение стало боевым крещением для рыцарей ордена Звезды ^[55], недавно созданного королём Жаном II Добрым в пику

английскому братству Подвязки. Клятва, которую давали рыцари при вступлении, содержала между прочим пункт, согласно которому они ни в какой ситуации не имели права поворачиваться спиной к врагу. Результат столь неумного обета оказался ожидаемым: 89 орденских рыцарей, включая Алёна VII, виконта де Рогана, и самого Ги де Неля, а также 500 латников пали в бою.

Параллельно всё это время велись вялые и нерезультативные переговоры между враждующими сторонами, для которых даже было организовано некое подобие постоянной конференции под председательством кардинала Ги Булонского. Она проходила в палатках, разбитых в чистом поле неподалёку от Кале.

В самой Англии отношение к полноценному возобновлению военных действий было неоднозначным. Так, члены Парламента в 1354 году приветствовали предложение о заключении вечного мира с Францией криками «Да! Да!» Однако по стране активно велась интенсивная агитация в пользу продолжения войны, и циркулировали пропагандистские поэмы:

Король, ты сражался как лев, а теперь будто мира желаешь:
В бою лишь победу возьмёшь, в перемирии всё потеряешь.
Язык перемирия лжив, только воинов с толку сбивает.
Отринь же лукавство, и слава отчизны опять воссияет³¹.

Судя по всему, сторонников возобновления военных действий в Англии было всё-таки больше, и в их число входили многие знаменитые рыцари, и первым из них по праву считался Эдуард Вудстокский, принц Уэльский. В предвкушении грядущих боёв он продолжал обновлять свой боевой арсенал: «Да будет записано, что 19 марта Роберту де Ноллзу было выдано долговое обязательство, скреплённое малой печатью принца, на сумму 400 марок в английских деньгах с погашением к грядущему Рождеству — в качестве возмещения 2000 французских флоринов, потраченных на приобретение щита, именуемого “Йоханнес”, каковые принц получил от него займы»³².

И вот 31 октября 1354 года Эдуард III отрядил герцога Ланкастерского и графа Эранделского послами в Авиньон, чтобы они в очередной раз огласили там условия, на которых английская сторона соглашалась подписать мирный договор. Главным из условий было, получение навечно суверенных прав на герцогство Аквитанское в его границах до начала «войны Сен-Сардо». Это расценивалось как компенсация за отказ от

претензий на корону Франции. Кроме того, под руку английского короля должны были отойти герцогство Нормандское и графство Понтье, Анже и Анжу, Пуатье и Пуату, Ле-Ман и Мэн, Тур и Турень, Ангулем и Ангумуа, Каор и Керси, Лимож и Лимузен. То есть, Эдуард III желал получить ни много ни мало всю западную Францию к югу от Нормандии за исключением Бретани, а также сохранить за собой Кале. Но и этим требования англичан не исчерпывались: они оставляли за собой право требовать любые земли, бывшие когда-то частью владений английских королей.

Французское посольство, прибывшее в Авиньон примерно в середине января 1355 года, возглавляли канцлер Пьер де ла Форэ и Пьер I, герцог де Бурбон. Они пункт за пунктом отвергали все претензии англичан, заявляя, что Аквитания, как и любая другая провинция, не может получить полный суверенитет: король Франции не имеет власти расчленять то самое королевство, которое он поклялся хранить и беречь в целостности во время церемонии коронации. В ответ на это глава английской делегации герцог Ланкастерский вернулся на исходные позиции, в жёсткой форме потребовал для Эдуарда III корону Франции и объявил о немедленном и полном отказе от любых вассальных обязательств за занимаемые англичанами территории.

К концу февраля все формы дипломатического урегулирования были исчерпаны. Единственное, чего удалось добиться, так это продления перемирия ещё на три месяца — до 24 июня 1355 года. Затем Ланкастер со своей свитой покинул Авиньон и 28 марта вернулся в Англию. Принц был срочно вызван на королевский совет, куда явились также Жан де Грайи, капталь де Бюш, а также сеньоры Леспар и Мюсидан, прибывшие из Франции. Они приехали для того, чтобы принести королю поздравления по поводу рождения сына Томаса, а заодно обсудить ситуацию в Гиени. Члены совета приступили в детальной разработке планов на лето. План кампании почти в точности копировал сценарии 1346 года. Одна армия направлялась в Нормандию, где должна была получить поддержку от Шарля Злого, вторая выдвигалась в Гиень.

Командовать войсками с общего согласия были назначены принц Уэльский и герцог Ланкастерский. Однако к всеобщему удивлению в Нормандию король отправил Генри Гросмонтского, а в Гиень — Эдуарда Вудстокского: Ланкастер знал Аквитанию как свои пять пальцев в отличие от принца, который там ни разу не был. Но у Эдуарда III уже тогда, видимо, зрели далеко идущие планы по поводу сына и наследника.

Сам же принц, засидевшийся в Англии, всей душой рвался в поход и

подгонял своих слуг, торопясь побыстрее собрать войска и припасы:

«Так как Жан, который называет себя королём Франции, нарушил договор, подписанный в Кале между королём [Эдуардом III] и французами, то по сему поводу вновь вспыхнула война. Принц молил короля позволить ему отбыть как можно скорее, ибо хотел стать первым, кто пересечёт море, и король ему это дозволил. Принц должен быть в Плимуте на восьмой день после летнего солнцестояния^[56] с 800 латниками, чтобы отбыть в гасконские земли. Посему он отправляет приказ Роберту Элфорду, стюарду и шерифу Корнуолла, Джону Кендалу, здешнему казначею, Джону Скёрбику и начальнику порта Томасу — задержать все вина, которые они смогут обнаружить в городах Плимут, Дартмут, Фои и в прочих городах морского побережья Корнуолла и Девоншира, задержать 300 четвертей^[57] овса и 100 четвертей пшеницы вплоть до прибытия должностных лиц принца в эти места...»³³

Глава вторая

НАМЕСТНИК АКВИТАНИИ

Аквитания, которая занимала в планах кампании 1355 года центральное место, и куда собирался отплыть принц Уэльский, служила камнем преткновения в англо-французских отношениях уже очень давно. Хотя претензии Эдуарда III простирались по максимуму на всё королевство Французское, именно реституция Аквитании на условии полной и безусловной независимости оставалась крайним минимумом, на который он мог бы согласиться для полного урегулирования конфликта.

Эту страну тогда называли по-разному: Аквитания, Гиень, Гасконь. В обиходе все три названия означали в принципе одно и то же, но в более строгом понимании их территории не были тождественны. Так, Гиень занимала северную и центральную часть Аквитании, Гасконь — южную. Английской короне эти земли принесла Алиенора, герцогиня Аквитанская *suo jure*^[58], когда вышла в 1152 году замуж за короля Генри II Короткая Мантя. Аквитания отличалась ярко выраженным своеобразием языка, который тут назывался *langue d'oc* — то есть, окситанский язык или язык «ок». Жители остальных территорий Франции говорили на *langue d'oll* — северофранцузском или языке «ойл». Так на севере и юге произносили в старину слово «да» — в современном французском *oui*.

Единой социальной модели тогда не существовало — она была представлена двумя разновидностями. Первая имела распространение на территории Северной Франции, Фландрии и Бургундии, а вторая доминировала от севера Испании до Бордо, а затем через Прованс к Северной Италии. Традиции, менталитет и образ жизни аквитанцев был равно непонятен и англичанам, и французам, что не могло не вызывать постоянных трений между местными сеньорами и верховной властью, кому бы она ни принадлежала.

Стремление окситанских феодалов максимально дистанцироваться от Парижа не способствовало установлению тесных связей между Аквитанией и Францией, а два века английского правления ещё больше углубили их взаимный антагонизм. Южане откровенно предпочитали власть Англии. Их вполне устраивало, что островитяне в силу чисто географических причин менее строго контролировали жизнь удалённой провинции и оставляли решение многих вопросов на усмотрение местной

знати.

Английский король, носивший титул герцога Аквитанского, был непосредственным господином этих земель, в то время как французский король являлся их верховным сюзереном. Англия была основным рынком для сбыта вина, на производстве и продаже которого во многом держалась экономика региона, в особенности районов вокруг Бордо. Другим оплотом английского господства являлась Байонна — крупнейший морской порт и экономический центр Гаскони. Её морякам требовалась твёрдая поддержка Англии в их ожесточённом противостоянии кастильским и нормандским мореходам.

Неудивительно, что зародыш очередной войны образовался именно тут, в этом сложном клубке переплетённых интересов. Французы сделали первый шаг, захватив города Ла-Реоль, Бур и Блай. Они предприняли несколько безуспешных попыток блокады Бордо, от которых в 1340 году пришлось отказаться. Однако город сильно пострадал, многие виноградники в его окрестностях были уничтожены. В течение следующих четырёх лет король Франции пытался закрепить достигнутый успех, даруя земли тем аквитанским дворянам, которые были готовы перейти на его сторону. В марте 1344 года Филипп VI в качестве ответа на претензии, выдвинутые Эдуардом III на французскую корону, возвёл своего старшего сына и наследника Жана в титул герцога Гиеньского. Летом того же года новоявленный герцог даже сумел получить оммаж от многих дворян региона.

Эдуард III, руки которого были связаны войной во Фландрии, возложил заботы по обороне герцогства на местных чиновников. В июле 1338 года командование военными действиями приняли на себя сенешаль Гаскони сэр Оливер Ингэм и наместник Бернар-Эз IV, сир д'Альбре. Сеньоры д'Альбре издавна были верной опорой Англии. При Эдуарде I ведение переговоров об англо-кастильском союзе было поручено Аманье VII, входившему в королевский совет — деду нынешнего сира д'Альбре. Бернар-Эз продолжал политику своего предшественника, несмотря на попытки короля Богемии переманить его на сторону Филиппа VI, обещавшего за отступничество огромные суммы. Сир д'Альбре мог позволить себе проигнорировать авансы короля Франции, ибо сравниться по богатству с ним мог разве что капталь де Бюш. Жан де Грайи, унаследовавший этот титул в 1343 году, также был признанным лидером английской партии — его семья служила владыкам Англии в течение нескольких поколений.

Более мелкие сеньоры области Бордо — де Помье, де Леспар, де

Лангуаран и многие другие — также были настроены проанглийски. Но по мере удаления от побережья и, соответственно, приближения к французским границам, сторонников Англии становилось всё меньше. В частности, из области Ажене к ним можно было отнести единственного знатного сеньора — Арно де Дюрфора. Англофильские устремления местной знати поддерживались щедрыми субсидиями, и французам трудно было что-то этому противопоставить. Поэтому они торжествовали недолго: их наступление было остановлено ещё до лета 1344 года, а Сен-Магер и Блай отбиты назад.

Новая экспедиция, предпринятая французами в 1345 году, вновь сместила границы английского влияния к Бордо и Медоку. Однако Генри Гросмонтский, тогда ещё граф Дербийский, предпринял успешное контр наступление, которое кардинально изменило ситуацию: неприятельские войска под командованием новоявленного Жана Гиеньского не смогли ему противостоять. В битве при Обероше армия под командованием Бертрана I, графа де Л'Иль-Журдана, потерпела обидное поражение от значительно уступавших ей по численности англичан, а сам полководец был взят в плен. После этого многие колебавшиеся в своих симпатиях сеньоры вспомнили о клятве верности, данной королю Эдуарду III. В конце 1345 года английской армии сдался Эгийон, а в 1346 году Генри Гросмонтский провёл глубокий рейд по территориям Сентонжа и Пуату и оставил там сильные гарнизоны.

После того, как границы английских владений в Аквитании были частично восстановлены, настало время для анализа предшествующих неудач. Стало совершенно ясно, что система обороны провинции никуда не годилась, и её следовало коренным образом переосмыслить. Вместо стационарных немногочисленных пехотных гарнизонов, которым не под силу было контролировать обширные территории, для защиты границ создавались мобильные кавалерийские отряды, нанимаемые по мере надобности. Такие войска показали себя более эффективными, но стоили они весьма недёшево. Финансовая ситуация в Аквитании, жившей до сих пор более-менее по средствам и даже отправлявшей порой излишки в английское казначейство, сильно изменилась к худшему не в последнюю очередь из-за этой реорганизации.

Мало того, что полезное вроде бы дело — разработка новой оборонительной стратегии — обернулась для провинции материальными затруднениями, так ещё и ротация кадров сказалась на её обороноспособности не лучшим образом. Талантливый военачальник Генри Гросмонтский был отозван из Аквитании, а на его место в 1351 году

назначен Ральф, граф Стаффордский. Не то, чтобы он оказался совсем уж неспособным командиром, но достойным противником Жану, графу д'Арманьяку, назначенному королём Жаном II Добрым наместником Лангедока в 1352 году, Стаффорд не стал. В сентябре и октябре 1353 года д'Арманьяк дважды вторгся в Ажене, в январе следующего года провёл несколько атак на юг Керси, осадив замки Бовиль и Фреспеш, затем взял Пор-Сен-Мари на Гаронне. И всё это он проделал с небольшим количеством войск и при ощутимой нехватке денег. Естественно, Эдуард III пришёл к выводу о необходимости сменить своего лейтенанта в юго-западной Франции.

*

В общих чертах таким было положение дел, когда Эдуард Вудстокский спешно готовился отбыть в Аквитанию. На его плечи легла основная тяжесть по организации экспедиции, хотя каждый участник похода должен был явиться к месту сбора с собственной свитой из рыцарей, оруженосцев и лучников. Принц же снарядил и самый большой отряд, составлявший почти половину войска. Всего за море отплывали 1000 латников, 1000 конных лучников и 600 пехотинцев, из которых 300–400 были лучниками. По сравнению с армией, принимавшей участие в битве при Креси и насчитывавшей около 8500 человек, это была весьма скромная рать, но и задача её была несколько иной. Принц вёл с собой в Аквитанию лишь ядро, вокруг которого там должна была собраться армия местных феодалов.

Все шесть магнатов, сопровождавших двадцатипятилетнего полководца, были опытными солдатами и ветеранами битвы при Креси. Правой рукой и главным советником Эдуарда Вудстокского по праву считался Роберт де Афффорд, граф Саффолкский, а маршалом армии был назначен Рейнолд, лорд Кобэм Стербороский. С принцем отправились также Томас Бошан, граф Уорикский, Джон де Вер, граф Оксфордский, Уильям Монтекьют, граф Солсберийский, и Джон, лорд Лайл Ружмонтский. Из этих баронов только лорд Лайл сражался прежде в Аквитании под знамёнами Генри Гросмонтского. Зато в собственной свите принца состояли по меньшей мере три рыцаря, уже воевавших в Гиени — это были сэры Нил Лоринг, сэры Джеймс Одли и сэры Ричард Стаффорд, служившие у того же Генри Гросмонтского. Все перечисленные лорды и рыцари, а также сэры Джон Чандос, сэры Джон Уингфилд и сэры Бартоломью Бергерш-младший, сын давнего соратника принца лорда Бергерша-

старшего, входили в военный совет, осуществлявший руководство кампанией.

Незадолго до срока, назначенного для сбора армии, Эдуард Вудстокский получил официальное назначение: он отправлялся в Аквитанию не просто как командующий экспедицией, но как наместник. В королевской грамоте его права и обязанности перечислялись с поразительной дотошностью:

«Контракт между королём и принцем, свидетельствующий о том, что король назначил принца в качестве своего наместника в Гасконь, куда тот отправится со свитой из 433 латников и 700 лучников (400 конных и 300 пеших), а также с латниками и лучниками графов Уорикского, Саффолкского, Оксфордского и Солсберийского, сэра Джона де Лайла и сэра Рейнолда де Кобэма, которые должны отбыть с принцем в указанные земли. Принц останется в указанных землях как наместник, пока королю сие будет благоугодно. Король выплатил возмещение расходов на кампанию и вознаграждение авансом — ему и людям его свиты за полгода, начиная с того дня, когда он и его люди достигнут моря для отплытия. В конце полугодия будут оплачены следующие расходы и выплачено вознаграждение авансом, ежели король пожелает, чтобы принц оставался и дальше в тех землях.

Более того, принц должен иметь с собой достаточно денег для умиротворения людей в той стране, а также для других целей, которые он сочтёт надлежащими для королевского блага. Он имеет полную власть издавать и скреплять королевской большой печатью ордонансы и действовать, как сочтёт наилучшим для чести и блага короля и страны в герцогстве Гасконь и королевских землях так, как будто король присутствует там собственной персоной, и снимать любых министров, и назначать других на их место. Более того, никакие доходы, ренты, таможенные сборы, чеканка и другая прибыль, идущая королю, не могут быть использованы или потрачены без приказа принца. Также указанные деньги не могут быть переданы какому-либо лорду или другой персоне, но должны быть потрачены исключительно на королевские дела по приказу и под надзором принца...

Принц может жаловать земли, приобретённые во время войны, как он сочтёт наиболее выгодным для короля... Принц должен иметь полную власть заключать и скреплять королевской большой печатью перемирия — длительные или короткие, а также договоры о приостановлении военных действий, как он сочтёт наиболее выгодным для короля, и утверждать их.

Король обязан организовать снабжение Тонне, Тальбура, Субиза и

Рошфора, и если какой-либо из этих четырёх городов будет потерян из-за недостатка припасов, то вины принца в том не будет. Король также заявляет, что если принц или его люди возьмут пленников в тех землях, то принц может поступать с ними по своей воле, кроме единственно главнокомандующего, но и в этом случае король гарантирует соответствующее вознаграждение. Принц получает все выгоды от войны, кроме городов, замков, земель, ренты и оммажей, но и в отношении этого он должен иметь полную власть по комиссии передавать их или отдавать в аренду, как сочтёт наиболее выгодным для короля. Принц также должен иметь полную власть по комиссии приводить под руку короля все земли, города, замки, привилегии, таможи, чеканку монет и прочее, принадлежавшее когда-либо герцогству Гиень, в каковую землю он ныне отбывает, где бы ни счёл он добрым и законным сделать это...

Принц должен иметь власть по комиссии отправлять правосудие над всеми бунтовщиками и непокорными в тех землях, миловать их и дарить им жизнь и избавлять от казни. И все сделки, которые он с ними заключит, король должен соблюдать и твёрдо их придерживаться. Король также соглашается, что если какая-либо власть, соответствующая статьям этого контракта, дарована была какому-либо другому лицу, такой дар отныне не будет иметь силы.

Король также соглашается и обещает, что если случится принцу оказаться в окружении или в осаде столь превосходящих сил, что он самостоятельно не сможет справиться с ними, мощью короля он будет спасён — то есть король спасёт его тем или иным способом. И герцог Ланкастерский, и графы Нортхэмптонский, Эранделский, Ла-Марш^[59] и Стаффордский обещают и заверяют своим честным словом оказывать, независимо от обстоятельств, всю возможную помощь и давать советы по спасению. И если случится так, что принц будет окружён или осаждён врагами так, что его персону окажется в опасности, а помощь не прибудет вовремя, то во спасение себя и своих людей он может заключить перемирие или соглашение о прекращении боевых действий или предпринять какое-либо другое действие, которое он сочтёт наилучшим...»³⁴

Интересно сравнить этот документ с подобным же контрактом, составленным для Генри Гросмонтского точно при таких же обстоятельствах в 1345 году. Принц оставался в Гаскони наместником практически бессрочно — пока королю это будет благоугодно. Генри Гросмонтский же назначался на ограниченный срок в шесть месяцев, который по желанию короля мог продлеваться на следующие шесть

месяцев. По объёму полномочий принцу Уэльскому давалась несоизмеримо большая власть, ибо он мог назначать и увольнять ключевых чиновников администрации и распоряжаться финансами Аквитании по своему усмотрению. Генри Гросмонтский был связан необходимостью координировать все свои действия с коннетаблем Бордо и сенешалем Гаскони, которых он не мог уволить.

Если бы Генри Гросмонтский оказался «в окружении или осаде столь великими силами, что невозможно было бы самостоятельно справиться с ними, мощью короля он будет спасён, король обязан спасти его тем или иным способом»³⁵. И тут принц имел более серьёзные гарантии, поскольку не только король, но и все английские командиры на континенте обязаны были приложить максимум усилий для его вызволения. Что в обоих случаях схоже, так это полномочия по помилованию, захвату и пожалованию земель, заключению перемирий и прекращению боевых действий.

Естественно, все различия в тексте контрактов свидетельствовали не только о том, что жизнь старшего сына по вполне понятным причинам была королю дороже, чем жизнь дальнего родственника. Это, несомненно, так — но и сама экспедиция Эдуарда Вудстокского была изначально задумана и организована значительно серьёзнее и с куда более обширными целями, поэтому принц Уэльский получил полный контроль над аквитанской администрацией.

*

Основная часть армии принца собралась в Плимуте уже к середине июля 1355 года только благодаря его незаурядным организаторским способностям. Рекрутский набор проводился по всей Англии. Продуктовые и винные склады были созданы в главных портах Ла-Манша, а также в эстуариях Дартмута в Девоне и Фои в Корнуолле. Пандусы и загоны для погрузки и перевозки коней заказывались в Хемпшире и других западных графствах. Зелёная и белая ткань для изготовления туник и капюшонов чеширских лучников закупалась у нескольких поставщиков в огромных объёмах.

Сам Эдуард Вудстокский прибыл в Плимут 26 июля и только на месте обнаружил, что королевские чиновники не столь успешно справились со своими делами. Кораблей для транспортировки армии не хватало, хотя для экспедиции были истребованы даже суда из далёкой Байонны. Часть судов

не успели подготовить для плавания — даже флагман «Святой Дух» до сих пор стоял в доках Саутхемптона, где его спешно переоборудовали.

Эдуард досадовал на задержку, так как подозревал, что Генри Гросмонтский благодаря ей выиграет спор о том, кто из них двоих первым высадится во Франции. Действительно, герцог Ланкастерский предпринял попытку покинуть Англию раньше принца и отплыл из лондонских доков Ротерайта 10 июля. Впрочем, противный ветер не дал ему продвинуться дальше Сандвича. Простояв там до 15 августа, он вновь попытался выйти в море, но опять не смог идти против юго-западного ветра, устойчиво дувшего в течение следующих нескольких недель. Из-за погодных условий Ланкастер фактически оказался запертым в Портсмуте до начала сентября, а тут как раз пришла весть о концентрации французских войск именно в том месте побережья, где предполагалась его высадка. Кроме того выяснилось, что Шарль Злой Наваррский примирился с Жаном II Французским. Потеря пусть и ненадёжного, но союзника основательно подорвала английские позиции на севере, и король Эдуард III принял решение вовсе отменить экспедицию Генри Гросмонтского.

Принц Уэльский тем временем по-прежнему находился в Плимуте, ожидая подхода оставшихся судов. Промедление оборачивалось серьёзными потерями для кошелька Эдуарда Вудстокского: армию нужно было снабжать, выплачивать ей содержание независимо от того, сражалась она или бездельничала в порту. Получив от короля более 8000 фунтов в качестве аванса по оплате расходов на экспедицию, он потратил почти в три раза больше — 19 тысяч фунтов на жалование и ещё 3330 фунтов на доставку снаряжения и прочих грузов. Долги принца достигли таких размеров, что ему пришлось просить отца сделать для него исключение из обычного порядка урегулирования наследственных вопросов. Его имущество в случае гибели не сразу отходило короне — вопреки тому, как полагалось по закону:

«Дозволение дано Эдуарду принцу Уэльскому, отправляющемуся ныне в Гасконь на королевскую службу. Если он умрёт во время этого путешествия, его душеприказчики будут удерживать все его замки, маноры, земли и ренты в Англии, Уэльсе и в прочих местах со всеми их доходами и прибылями в течение трёх лет с момента его смерти, чтобы расплатиться с его долгами»³⁶.

Наконец, 9 сентября флот был полностью готов к отплытию. Принц взошёл на борт корабля «Кристофер», шкипером которого служил лично мэр Саутхемптона, — «Святой Дух» подготовить к роли флагмана так и не удалось. Если до отплытия экспедицию преследовали неудачи, то само

плавание прошло без особых осложнений. Уже 20 сентября эскадра в полном составе пришвартовалась к причалам Бордо. На следующий день в соборе Сен-Андре мэр города сэр Томас Рос Доусбийский вслух зачитал королевские грамоты перед собравшимися лордами, сеньорами и лучшими горожанами. В муниципальном архиве о том была сделана подробная запись:

«21 сентября 1355 года в присутствии сеньоров Гиени, каноников, дворян и буржуа Бордо, а также Эдуарда принца Уэльского, мэром была зачитана грамота членам городского управления и жителям города, созванным в церковь Сен-Андре. Эдуард III, отец принца, 10 июля назначил его своим наместником в Гиени и в королевстве Франция. Согласно этой грамоте, на принца Уэльского возлагается следующее: отправлять гражданское и уголовное правосудие; восстанавливать в случае необходимости с помощью силы имущество и права, которые принадлежат королю; собирать войска; сражаться с врагами и бунтовщиками; получать выкуп за пленных; даровать прощение и помилование; конфисковывать земли бунтовщиков и распоряжаться ими в пользу тех, кто этого заслуживает; заключать перемирия; надзирать за королевскими чиновниками и сменять их, если это необходимо; обеспечивать сбор и надлежащее использование государственных доходов и т. д. После зачитания этой грамоты Эдуард пообещал защищать Бордо, уважать городские вольности и обычаи, как это делали его предки. Жители Бордо в свою очередь принесли ему присягу верности»³⁷.

Свою клятву Эдуард Вудстокский произнёс не по-английски и не по-французски, а на гасконском, упомянутом уже «лангедоке». Тем самым он нарочито подчеркнул, что гасконцы в его глазах не являются французами и подданными французского короля. На этом же языке он принял оммажи от присутствовавших сеньоров. Первыми клятвы верности принесли все главные сторонники Англии: Бернар-Эз IV, сир д'Альбре, Пьер де Грайи, виконт де Бенож, Гийом Сан де Леспар, Бертран де Монферран, Аманье д'Альбре де Лангуаран, Гийом-Санш де Помье, Ожье де Монто де Мюсидан, Аманье де Фосса де Мадайян и Арно Гарей де Фосса.

Эдуард Вудстокский выступил перед ними с краткой, но энергичной речью. Он заявил, что хочет с оружием в руках поддержать претензии своего отца на корону Франции, но для этого нуждается в их помощи. Затем принц сделал весьма нестандартный ход. Он неожиданно попросил у собравшихся согласия на введение налога в размере одной пятнадцатой части с имущества, как это принято в Англии. Захваченные врасплох, сеньоры и буржуа не смогли отказать Эдуарду. Впрочем, удалось ли ему

действительно провести эту радикальную реформу в фискальной политике Аквитании — неизвестно. По крайней мере, документальных подтверждений тому нет. Зато достоверно известно обратное — по примеру своих предшественников принц сделал щедрые выплаты местным сеньорам, чтобы укрепить их лояльность.

*

Сразу же по завершении церемонии Эдуард Вудстокский собрал соратников на военный совет. Местные сеньоры, хорошо знакомые с реалиями Аквитании, немедленно указали ему на главную проблему, требующую решения. Серьёзнейшую угрозу английскому владычеству представлял Жан д'Арманьяк — наместник французского короля в Лангедоке, так досаждавший графу Стаффордскому. Он не тратил силы на штурм хорошо укреплённых крепостей, а предпринимал рейды вглубь вражеской территории. Совсем недавно его отряды прошли по окрестностям Базаса и Бордо, уничтожая на своём пути деревеньки, пригороды и виноградники. А в конце августа неутомимый наместник атаковал юг Аквитании и разорил Ланды, окрестности Сен-Севера и Байонны. Подробный перечень тактических успехов графа д'Арманьяка вызвал у принца Уэльского ожидаемую реакцию. Он загорелся желанием помериться силами с достойным противником и потребовал как можно скорее перенести войну на территорию неприятеля — другими словами, организовать набег на родовые владения наместника Лангедока.

С началом кампании действительно следовало поторопиться, поскольку год клонился к закату, дни укорачивались, погода портилась. Две недели шли лихорадочные приготовления, и в понедельник 5 октября армия выступила в поход. Её численность неизвестна, но можно предположить, что помимо прибывших с принцем 2600 англичан к ней присоединилось порядка 4000 гасконцев — если ориентироваться на их численность во время *шевоше*^[60] графа Стаффордского в 1352 году.

Эдуард Вудстокский повёл войско к Гаронне, потом по её южному берегу до Лангона. Долгим марш-броском во вторник армия преодолела 40 километров. В среду принц дал солдатам отдохнуть, выбрав местом остановки Кастеан-Дорт. Маленькому городку очень не повезло — несмотря на то, что он находился на английской территории, валлийцы из отрядов принца умудрились нанести ему значительный ущерб, а попросту говоря, дочиста разграбили. На следующий день армия повернула на юг и

подошла к древнему городу Базас, где снова встала лагерем. Затем войско совершило шестидесятикилометровый переход по пустынной болотистой равнине Ланд и 12 октября 1355 года вышло на границу Аквитании немного севернее Ла-Бастид-д'Арманьяк — недавно возведённого городка, обнесённого крепкими стенами.

Перед вступлением на французскую территорию Эдуард Вудстокский разделил армию на три колонны — точно так же, как это было сделано его отцом в Сен-Ва-ла-Уге во время кампании Креси. Командовать авангардом принц поручил графу Уорикскому и лорду Кобэму. Сам он вёл вторую колонну, с ним находились граф Оксфордский, сэр Бартоломью Бергерш-младший, сэр Джон Лайл, а также капталь де Бюш, Бертран де Монферран и мэр Бордо сэр Томас Рос Доусбийский. Арьергард возглавлял граф Солсберийский. Как и в кампании Креси, такое разделение было необходимо потому, что армии приходилось фактически жить за счёт подножного корма. Кроме того, при подобном построении ущерб наносился более обширной территории, а при атаке на одну из колонн две оставшихся могли быстро прийти ей на помощь.

Перестроение армии заняло два дня. Поскольку Эдуард Вудстокский не надеялся пройти по французской территории без сопротивления, то по традиции несколько оруженосцев были посвящены в рыцари. Баннеры, которые знаменосцы до сих пор несли зачехлёнными, принц приказал распустить в знак начала активных боевых действий.

Земли графа д'Арманьяка в те времена мало отличались от того, что они представляют собой сейчас: это была малонаселённая, хотя и плодородная страна с редкими замками. Невысокие холмы постепенно переходили в предгорья Пиреней. Армия двигалась вперёд, сжигая посевы зерновых, леса, деревеньки, отдельные фермы и дома. Её сопровождала широкая завеса дыма и огня. Три городка были взяты штурмом и сожжены, 13 октября англичанам сдался замок Монклар. На ночлег принц остановился в одноимённом городе, но выспаться после насыщенного событиями дня ему не удалось — вспыхнул пожар, и войскам пришлось срочно покинуть дома. По счастливой случайности жертв среди солдат не было. Но урок Эдуард Вудстокский усвоил и приказал, чтобы его люди спали в палатках, разбитых на открытой местности, что исключало риск сгореть по неосторожности или подвергнуться внезапному нападению неприятеля.

Во время штурма Эстана англо-гасконская армия понесла первую тяжёлую утрату. Друг принца и один из рыцарей-основателей ордена Подвязки Джон лорд Лайл Ружмонтский был ранен арбалетным болтом и

умер на следующий день. После этого Эдуард Вудстокский распорядился дать войскам два дня отдыха. Он возвёл в рыцарское достоинство несколько человек, в том числе своего портного Уильяма Страттона, которому его мирная профессия не мешала быть храбрым воином. Затем армия двинулась дальше, вглубь французских владений, 16 октября остановилась на ночлег у города Ногаро, а на следующий день подошла к бастиде^[61] Плезанс в широкой долине реки Адур. Жители бежали, но гарнизон под командованием Арно-Гилема IV де Монлезёна, графа де Пардьяка, остался защищать укрепление. Принц отправил на штурм отряд под командованием капталя де Бюша и Бертрана де Монферрана. Под их натиском бастида пала.

Воскресенье армия провела возле Плезанса, хотя часть солдат Эдуард послал на захват близлежащего замка Гальякс. В понедельник войска покинули долину Адур, предварительно предав Плезанс огню. Они направились на запад через холмистую местность, пересечённую многочисленными притоками Гаронны. Быстрым маршем англичане и гасконцы преодолели двадцать километров, выйдя почти к самому Бассусу, принадлежавшему архиепископам Ошским. Тогда он не был ещё укреплён: огромная башня, возвышающаяся сегодня над городом, была возведена вскоре после завершения *шевоше* Эдуарда Вудстокского. В виду Бассуса принц посвятил в баннереты своего стюарда сэра Ричарда Стаффорда. Поскольку город не оказывал сопротивления, да к тому же принадлежал священнослужителю, в него вошло лишь несколько человек, в обязанности которых входило снабжение. Таким образом Эдуард спас Бассус от неминуемого разорения.

В среду 21 октября войска форсировали одну за другой четыре реки, оставив по левую руку Монтескую, и подошли к Миранду, где стоял сильный французский гарнизон. Принц провёл ночь в аббатстве Берду к югу от города. Оттуда он написал в Англию епископу Уинчестерскому: «Затем мы проехали через область Арманьяк, разоряя и опустошая местность, что весьма ободрило подданных нашего славнейшего государя [Эдуарда III], которых граф прежде притеснял»³⁸.

Достигнув восточных границ графства, проходивших по реке Жер, армия без остановки двинулась дальше на восток и, покинув владения Жана д'Арманьяка, вторглась в графство Астарак.

Главная цель, поставленная Эдуардом Вудстокским — отомстить наместнику Лангедока, разграбив его земли, — была достигнута. Теперь следовало выманить из Тулузы, как старого лиса из норы, самого Жана д'Арманьяка. Он засел за городскими стенами с большим войском, не рискуя встретиться с противником в чистом поле. Следующие несколько дневных переходов для англо-гасконской армии оказались очень тяжёлыми из-за рельефа местности. Только 23 октября принц вышел к Сесану. Несмотря на его приказ не трогать город, Сесан всё-таки был сожжён. Далее три колонны разошлись веером, чтобы облегчить поиск провианта. На ночлег Эдуард Вудстокский остановился в Вильфранше, а две другие колонны — в небольших городках, расположенных в радиусе трёх километров друг от друга. Видя приближающуюся армию, жители покинули их, бросив склады, полные провизии.

Следующий марш привёл англо-гасконское войско в Саматан, где располагался монастырь миноритов^[62]. Этот город также был пуст, и солдаты сожгли его после того, как провели там ночь. После относительно лёгкого дневного перехода 26 октября принц и его люди вступили в Сен-Лис, расположенный всего в 25 километрах к юго-западу от самой Тулузы. Там Эдуард приказал задержаться на весь следующий день и выслал разведчиков. Его интересовало, не ушёл ли из города Жан д'Арманьяк.

Французский наместник тем временем не собирался менять свою пассивную линию поведения перед лицом английского вторжения. Он заранее принял необходимые меры предосторожности, поскольку понимал, что его набеги на Аквитанию рано или поздно вызовут ответную реакцию. Ещё в начале года д'Арманьяк разослал по региону вокруг Тулузы приказы, в которых требовал от населения создать запасы продовольствия и в случае необходимости отступать в укреплённые города и замки. Все отряды, собранные местными дворянами, должны были носить на одежде отличительный знак в виде белого креста. Наместник нанял на службу генуэзских и ломбардских арбалетчиков. Всё, что могло расшатать дисциплину — всевозможные карнавалы, маскарады и даже рыцарские турниры, — подпало под строжайший запрет.

Граф д'Арманьяк вовсе не стремился встретиться лицом к лицу с английской армией. Единственное, что он мог себе позволить, это неожиданные, дерзкие и стремительные рейды на незащищённые земли Аквитании. В остальном граф полагался на оборонительную тактику, которая весьма напоминала действия короля Филиппа VI в первой части кампании 1346 года: небольшие поселения и земельные угодья бросались на произвол судьбы, а все силы сосредотачивались на обороне

укреплённых городов и замков.

С одной стороны, такое робкое поведение практически наверняка исключало возможность повторения катастрофы, подобной той, что случилась при Креси. Однако оно деморализовало население, ибо дворянство и простолюдины Лангедока чувствовали себя незащищёнными и справедливо считали тактику уклонения от боя позорной. Собственно, именно эти нюансы и стали причиной постоянных споров наместника Жана графа д'Арманьяка и коннетабля Жака де Бурбона, графа де Ла-Марша. Последний настаивал, что необходимо использовать любую возможность, чтобы отрезать врагу путь к отступлению, даже если придётся столкнуться с ним в открытом сражении. Наместник не был столь уверен в боеспособности своей армии, которая состояла из свит местных тулузских дворян, небольшого королевского отряда под командованием коннетабля, спешно набранных в Оверни солдат маршала Жана де Клермона сеньора де Шантийи, некоторого количества итальянских наёмников и неподготовленных ополченцев. Де Клермон стоял в 50 километрах севернее, в Монтобанае, чтобы в случае чего отразить возможную атаку неприятеля вдоль Гаронны.

Эдуард Вудстокский, столкнувшись с избранной засевающим в Тулузе наместником пассивной стратегией, должен был срочно выбрать один из трёх возможных вариантов ответных действий. Он мог вернуться в Бордо, пройдя севернее через местность, которая ещё не была затронута его рейдом, но уже имела время подготовиться к сопротивлению. Он мог осадить хорошо укреплённую Тулузу, где стоял сильный гарнизон. И, наконец, мог атаковать нетронутые области к востоку от Тулузы, которые не ожидали нападения и обещали неплохую добычу.

Два первых пути не устраивали ни принца, ни его капитанов. Армия находилась на марше чуть более двух недель, причём половину времени вообще не участвовала ни в каких, даже пустычных стычках. Для взятия Тулузы армия не имела осадных орудий, а без них под стенами города делать было нечего. Следовательно, Эдуарду оставалось только продолжать *шевоше* — обойти Тулузу и вторгнуться в Центральный Лангедок, богатую область, лишённую сильных укреплений и открытую для грабежа.

*

Приняв очевидное решение, Эдуард Вудстокский поднял армию и приказал двигаться на восток. Войска вышли к Гаронне в тринадцать

километрах к югу от Тулузы — чуть выше места впадения в реку её притока Арьеж. Из-за осенних дождей обе реки были полноводными, а все мосты через них оказались разрушенными. Никто в армии не знал, где может быть брод, а местных проводников найти не удалось. С большим трудом переправу всё-таки отыскали и англо-гасконские отряды форсировали поочередно Гаронну, а затем Арьеж. Марш-бросок принца был стремительным и неожиданным — ничуть не менее впечатляющим, чем летние рейды д'Арманьяка. Без малейшего сопротивления армия ворвалась на земли, никогда прежде не знавшие ярости войны. Всё, что попадалось ей на пути, безжалостно уничтожалось: «В ту ночь принц остановился на ночлег в Фальгарде — небольшом городке, расположенном в миле от Тулузы. После этого не было ни одного дня, когда мы не взяли бы города, крепости или замка, не разграбили бы их и не предали огню»³⁹.

Из Фальгарда Эдуард Вудстокский повёл своих солдат самым прямым путём на Каркассон. 29 октября англичане вступили в Монжискар. Этот лен принадлежал Аманье де Фосса, сеньору де Мадайян, принёсшему вассальную присягу принцу, а посему счастливо избежал общей участи. Оттуда принц двинулся вдоль по долине Эрса, придерживаясь старой римской дороги. В этот же день был сожжён Вильфранш-де-Лораге. 30 октября армия подошла к королевскому городку Авиньонэ и взяла его с боем. Войска устроились на ночлег в пригороде. Когда с утра они покинули город, то оставили за собой обгорелые остовы двадцати ветряных мельниц.

Шестнадцатикилометровый марш-бросок привёл их к Кастельнодари — одному из крупнейших городов этого региона, но укреплённому куда хуже Тулузы. Во время штурма англичане сожгли церковь, два монастыря и два госпиталя. Близлежащую деревню Ма-Сен-Пюэль также предали огню вместе с расположенным там аббатством. Одновременно один из отрядов атаковал Пексьору, лежавшую в восьми километрах к юго-востоку от Кастельнодари, однако её жители откупились от рейдеров за 10 тысяч флоринов. Столь значительная сумма, выплаченная небольшим поселением, однозначно свидетельствует о богатстве региона. В понедельник армия вошла в пределы сеньории Каркассон, ночь принц провёл в маленькой деревушке Альзо.

Город Каркассон, как и Тулуза, был хорошо укреплён. За его стенами находился сильный гарнизон, но всё-таки не целая армия под командованием наместника и коннетабля. Кроме того, под защиту его мощных стен стеклось большое количество беженцев из окрестных городков и деревень, что представляло собой чрезвычайно серьёзную проблему — помощь в обороне они оказать вряд ли могли, а

продовольствие на них расходовалось.

Англичане были впечатлены величественным видом Каркассона. Они невольно сравнивали его с самыми известными городами на своей родине. Восхищенный хронист писал: «И затем вступили [мы] в сеньорию Каркассон, и множество хороших городов взяли, прежде чем подошли к Каркассону и заняли город Каркассон, который был больше, мощнее и красивее, чем Йорк»⁴⁰. Другой хронист, отмечая красоту и размеры города, не побоялся сравнить его со столицей Англии: «Во вторник мы подошли к Каркассону, городу красивому, богатому и хорошо построенному, больше Лондона в пределах стен»⁴¹.

Замок и старый город стояли отдельно от предместий, их окружали двойные стены. Между ними и новым городом протекала река Од, через которую был перекинут каменный мост. Все жители нового города, за исключением монахов, бежали в замок, и англо-гасконская армия без сопротивления вошла в предместья. Солдаты разместились в брошенных домах, где нашли обильные запасы продовольствия, деликатесов и мускатных вин.

Чтобы продемонстрировать свою силу и убедить осаждённых в бессмысленности сопротивления, Эдуард Вудстокский провёл смотр войск прямо на глазах у защитников Каркассона. Перед строем он торжественно посвятил в баннереты несколько человек, в том числе сыновей Бернара-Эза IV д'Альбре и Ральфа, лорда Бассета, а также своего церемониймейстера Роланда Дениза, верно служившего ему ещё в первом походе в 1345 году. Поскольку посвящение в рыцари, как правило, проходило перед битвой, для французов это было недвусмысленным намёком на скорый штурм.

Эдуард дал своим людям два дня на отдых и параллельно вёл переговоры с жителями Каркассона. Они предложили 25 тысяч золотых крон за то, чтобы принц пощадил город и не предавал его огню, однако наотрез отказались принести клятву верности. Эдуард не мог пойти на такую сделку, несмотря на солидный выкуп. Его главной целью было возвращение мятежных подданных под власть отца, поэтому ему требовался значимый прецедент, который можно было бы использовать в пропагандистских целях. Именно поэтому он любой ценой хотел получить официальное признание сюзеренитета своего отца над таким важным центром, как Каркассон.

Переговоры зашли в тупик, а штурмовать старый город и замок принц не решился. Он отдал приказ сжечь новый город, пощадив только религиозные здания, и отступить. Если бы Эдуард Вудстокский знал, что

колодцы цитадели практически пересохли после засушливого лета, то наверняка осадил бы Каркассон. И тогда у защитников не было бы другого выхода, как сдаться.

*

Поскольку принц отказался от мысли захватить Каркассон, а экспедицию сворачивать он не собирался, то следующей его естественной целью стал Нарбонн, расположенный в 50 километрах к востоку. Этот важнейший средиземноморский порт был очень древним — ещё во времена Римской империи он являлся столицей провинции Нарбоннская Галлия. Эдуард Вудстокский надеялся, что защитников города можно застать врасплох, так как они вряд ли ожидали, что неприятель осмелится зайти так глубоко на чужую территорию. Принц не знал, что известия об английском рейде распространились по всему Лангедоку и оборонительные меры были приняты даже в Монпелье и Ниме.

Двухдневным переходом армия дошла до реки Орбье и, форсировав её, двинулись по холмистым полям напрямую к Нарбонну, у которого 8 ноября встала лагерем. Несмотря на то, что жители города были заранее предупреждены об опасности, его полуразрушенные стены не позволяли оказать достойное сопротивление врагу. Нарбонн был взят без особых затруднений, однако затворившийся в замке гарнизон под командованием Эмери VI, виконта де Нарбонна, встретил ворвавшихся в город англичан градом стрел. Обстрел продолжался в течение всей ночи и следующего дня, осаждающие несли ощутимые потери убитыми и ранеными.

Во вторник 10 ноября Эдуард Вудстокский повёл своих воинов на штурм замка, но все приступы были отбиты. Вероятно, принц всё-таки смог бы добиться падения цитадели, но до него дошли известия о том, что граф д'Арманьяк покинул, наконец, Тулузу и идёт на Нарбонн. С ним движутся также отряды коннетабля Жака де Бурбона и маршала Жана де Клермона. Тут ещё в распоряжение англичан прибыли эмиссары, присланные папой, с предложением посредничества. Эдуард Вудстокский отказался от услуг понтифика, о чём приближённый принца сэр Джон Уингфилд подробно сообщил в своём письме епископу Уинчестерскому: «Также знайте, что святой отец отрядил посланников к монсеньору... И тот никоим образом не позволил упомянутым посланникам приблизиться к себе; но [заявил], что ежели они действительно желают переговоров, то им должно обратиться к монсеньору королю, и что сам монсеньор [принц]

ничего не предпримет кроме как по приказу монсеньора короля, и не склонит свой слух ни к каким договорам кроме как по его [короля] приказу»⁴².

Чтобы не оказаться меж двух огней — армией д'Арманьяка и гарнизоном Нарбонна — принц отступил от города на север. Дневной переход в отвратительную погоду 11 ноября привёл армию в Капестан. Разведчики, отправленные к Безье, вернулись с неутешительными известиями: город был хорошо защищён. Войско испытывало нехватку воды — даже коней приходилось поить вином. Эдуард Вудстокский считал, что в ближайшие три дня французы дадут ему бой. Он был так в этом уверен, что согласно обычаю посвятил в рыцари своего церемониймейстера Теодориха ван Дале. От Капестана принц двинулся прямо на д'Арманьяка, де Бурбона и де Клермона, которые стояли, согласно донесениям разведчиков, в Оне. Однако там неприятеля не оказалось, и Эдуард приказал идти дальше. В Увейане местные жители показали, что минувшей ночью здесь действительно были французские войска. Принц продолжил погоню. В Азиле он узнал, что французы намеревались провести там ночь, но так и не появились.

В общем, к 15-го ноября Эдуард Вудстокский окончательно уверился в том, что д'Арманьяк совершенно не собирается атаковать и вообще принимать бой. Тогда принц снова разделил армию на колонны и повёл её к границам Аквитании. По пути он не преминул завернуть к известному доминиканскому монастырю в местечке Пруй, которому сделал щедрое пожертвование в размере 32 фунтов и даже был принят в духовное братство в чине послушника. Набожность командира не мешала его подчинённым заниматься привычными делами. Пока Эдуард Вудстокский общался с монахами, его солдаты сожгли близлежащий городок Фанжо, а также двадцать с лишним ветряных мельниц и деревенок в окрестностях. Они даже напали на большой город Лиму, находившийся в двадцати пяти километрах южнее пути движения главных сил англо-гасконской армии.

Хотя французы демонстрировали явное нежелание испытывать судьбу в сражении, Эдуард Вудстокский также не стремился лезть на рожон и приближаться к Тулузе, куда вновь удалилась вражеская армия. Вместо того, чтобы двинуться по старой римской дороге на Кастельнодари и Монжискар, он предпочёл держаться южнее. Принять такое решение его побудило ещё и вполне рациональное соображение — неразумно следовать назад по своему собственному следу через разорённые менее трёх недель назад области, поскольку там будет невозможно найти припасы для армии. Да и цель рейда всё-таки заключалась в том, чтобы нанести как можно

больше ущерба французским владениям в Лангедоке. Поэтому армия двинулась дальше по нетронутой местности.

*

Выбранный Эдуардом южный путь вывел его к границе графства Фуа, принадлежавшего Гастону Фебу^[63], графу де Фуа и виконту де Беарну. Граф был не только златовласым красавцем, известным музыкантом и писателем, автором «Книги об охоте» и «Книги речей». Он являлся заклятым врагом Жана, графа д'Арманьяка. Отец Гастона считался самым преданным вассалом французского короля в этом регионе, но нынешний владетель графства не унаследовал его политических взглядов. Он стремился стать суверенным владетелем как минимум Беарна и пытался играть на противоречиях между Францией и Англией. Поэтому Гастон всячески уклонялся от участия в военных предприятиях французов и воздерживался от активных действий против англичан.

Естественно, с потенциальным союзником, тем более таким влиятельным, надо было вести себя максимально дружелюбно. Утром 17 ноября Эдуард Вудстокский встретился с графом де Фуа у монастыря Булбонн, где они заключили неформальное соглашение. Гастон Феб обещал не препятствовать своим людям, если они захотят поступить на службу к англичанам, хотя сам формально не становился на сторону Англии. В свою очередь, Эдуард издал приказ, строго запрещающий наносить ущерб любому имуществу графа. В случае крайней необходимости у командиров англо-гасконской армии всё-таки находились действенные рычаги, позволявшие держать солдат в узде. Иначе как войско могло проследовать вдоль границ владений Гастона Феба так, что ни одна из попавшихся на пути крепостей, ни один городок, ни одна деревушка не были сожжены или разграблены?

Приближалась зима, ночи становились всё холоднее, а солдатам частенько приходилось спать под открытым небом. Принц торопился быстрее закончить поход, но армии ещё предстояло повторно форсировать полноводные Арьеж и Гаронну. Через первую реку войско переправилось без особых проблем, и Эдуард повёл его к деревушке Монто, принадлежавшей графу де Фуа. Там он надеялся найти либо паром, либо лодки. Однако жители селения Ноэ, расположенного на противоположном берегу, увели все наличные плавсредства. По счастливой случайности разведчикам удалось найти брод через Гаронну, и армия переправилась по

нему, колонной по одному. Это была крупная удача, поскольку днём позже река вышла из берегов, и переправа в том месте стала невозможной. Вымокшие и злые, солдаты принца при полном сочувствии и попустительстве начальства захватили и разграбили Ноэ.

День для армии выдался нелёгким — она совершила двадцатипятикилометровый переход и форсировала две реки. Эдуард Вудстокский дал ей отдохнуть в течение суток. Тем временем разногласия между командующими французской армией достигли критической точки. Жак де Бурбон столь яростно обвинял д'Арманьяка в потворстве англичанам, что тот не мог более уклоняться от активных действий. В полночь 19 ноября принц получил донесение, что французы покинули Тулузу, обошли англичан и пятью колоннами приближаются к ним с запада. Авангард французов вступил в жестокую схватку с разведывательным отрядом, который вели сэр Бартоломью Бергерш, сэр Джон Чандос и сэр Джеймс Одли. Англичане одержали в стычке полную победу и захватили в плен тридцать двух рыцарей и оруженосцев. Однако генерального сражения после этого так и не произошло — французы поспешно ретировались.

Отряды д'Арманьяка и де Бурбона отошли за реку Сав и расположились лагерем в Ломбесе и Совтере, предварительно разрушив мосты, чтобы не подвергнуться внезапной атаке. Принц был вынужден свернуть на северо-восток и двигаться вдоль берега. По раскисшим от ливня дорогам армия смогла пройти за день всего лишь 15 километров. Утром в воскресенье 22 ноября плотники навели через реку мост, и войско вновь пошло на запад.

Англичане настигли французов у небольшого поселения Оримон и некоторое время преследовали их вдоль долины реки Жимон, пока не дошли до одноимённого города. Окружённый стеной, он стоял на вершине холма, контролируя дорогу из Оша в Тулузу. Казалось, игра в кошки-мышки подошла к концу, поскольку всё свидетельствовало о том, что д'Арманьяк не собирается бежать из Жимона. Перед рассветом 23 ноября Эдуард Вудстокский выстроил свою армию в боевом порядке перед южной окраиной города. Но когда взошло солнце, то стало ясно — неприятельское войско под покровом ночи свернуло лагерь и отступило, в очередной раз обманув надежды принца на генеральное сражение.

Эдуард приказал форсировать речку и продолжить марш за запад. Главными его врагами отныне стали только погода и недостаток припасов. Вопреки всем трудностям 25 ноября армия переправилась через речку Жер южнее города Флёранс. Колонна принца разграбила и сожгла деревушку

Режомон. Весь следующий день войско отдыхало, а разведчики взяли в плен французского латника, отставшего от своего отряда. Тот сообщил, что Жак де Бурбон окончательно рассорился с Жаном д'Арманьяком из-за того, что английской армии не дали генерального сражения. Впрочем, Эдуарда этот вопрос уже мало волновал — до границ Аквитании было рукой подать.

Через две последние реки Баиз и Осс, преграждавшие путь домой, войска переправилась к югу от Кондома в полном беспорядке. После этого штандарты и баннеры были свёрнуты, и рейд закончился. Принц 28 ноября распустил большую часть гасконских отрядов и выплатил им положенное вознаграждение.

*

Эдуард Вудстокский был очень доволен результатами рейда, хотя в чисто военном отношении они казались более чем сомнительными. Ни одного генерального сражения не было дано, никаких новых территорий не присоединено, ни одного замка и города не захвачено. А ведь когда англо-гасконская армия шла к Каркассону, всем казалось, что остановить её невозможно, что она дойдёт до Монпелье и даже до Нима, и к английской Аквитании присоединится весь Лангедок до самых берегов Средиземного моря.

Такому всеобщему убеждению в немалой степени способствовала тактика пассивного сопротивления, избранная Жаном д'Арманьяком. Обладая армией, превосходящей по численности войско Эдуарда, он вроде бы демонстрировал полное бессилие, так и не решившись встретить врага грудью. У современников даже было предположение, что наместник Лангедока вступил в секретный сговор с англичанами⁴³. Впрочем, оно было не только бездоказательным, но и вряд ли истинным — почти наверняка д'Арманьяк сохранял верность королю Франции. Что касается его тактики, то она, возможно, была верной, поскольку французы, скорее всего, потерпели бы поражение в бою, несмотря на численное превосходство.

Со своей стороны, Эдуард Вудстокский также не особенно старался принудить противника к бою. Он изначально ставил перед собой иные цели, которые весьма точно описал епископу Уинчестерскому опытный администратор сэра Джон Уингфилд, неплохо разобравшийся в экономической стороне похода 1355 года:

«И учинил монсеньор *шевоше* против своих врагов в течение полных восьми недель, и не останавливался ни в одном месте более 11 дней. И да

будет вам доподлинно известно, что с тех пор, как началась эта война против короля Франции, не было у того ещё ни таких потерь, ни таких разрушений, как во время этого *шевоше*. Земли и добрые города, разорённые в этом *шевоше*, приносили королю Франции ежегодно больше денег, чем половина его королевства, если не считать доходов от чеканки монет и таможенных сборов в Пуату, что я могу подтвердить вам отчётами, обнаруженными в домах сборщиков налогов в разных городах. Так, Каркассон, Лиму и ещё два других города близ Каркассона покрывали королю Франции каждый год содержание 1000 латников, а кроме того приносили 100 тысяч старых крон на военные расходы. И знайте, что согласно обнаруженным отчётам города в окрестностях Тулузы, которые мы разрушили, и города близ Каркассона, равно как Нарбонн и города близ него, предоставляли ежегодно на войну свыше 400 тысяч старых крон помимо вышеуказанной суммы, как нам говорили жители больших городов и другие люди в тех местах, которые были хорошо осведомлены об этом. И если бы по милости Божьей монсеньор имел бы достаточно денег, чтобы вести эту войну во благо короля и ради собственной чести, он бы легко расширил границы и завоевал много земель, ибо враги наши были сильно подавлены»⁴⁴.

Конечно, Уингфилд слегка преувеличил тяжесть ущерба, причинённого рейдом экономике французского королевства, но в целом его мысль верна. Жизненно важная для ведения боевых действий экономическая база Лангедока была основательно подорвана. Войска принца уничтожили более 500 населённых пунктов на территории протяжённостью в 300 километров и шириной в 65 километров. Они разрушили как минимум десяток укреплённых городов, а также жилые и торговые кварталы трёх главных центров южной Франции. В этом согласно большинство историков, не исключая и французских: «Невероятное *шевоше* в Лангедоке Чёрного принца в последние месяцы 1355 года явились для всей провинции беспрецедентной катастрофой»⁴⁵.

Помимо того, что с разорённых земель в течение нескольких лет невозможно было собирать налоги в королевскую казну, огромные суммы пришлось затратить на восстановление разрушенных укреплений и строительство новых по всему Лангедоку. Возведение городских стен спешно началось в Нарбонне, Авиньонэ, Фанжо, Кастельнодари, Монжискаре, Альзо, Лиму и Карбоне — эти города и местечки получили от короля Жана II значительные льготы и привилегии, без которых они не смогли бы подняться из руин. На взыскание частных долгов займодавцами

из других регионов был введён мораторий, налоговые сборы отсрочены.

Смелое решение Эдуарда Вудстокского продолжить рейд за Тулузу позволило экспедиции добиться большего успеха, чем смог достичь в 1349 году Генри Гросмонтский, который тоже дошёл до Тулузы, но затем повернул обратно. Как следствие, региону был нанесён достаточно поверхностный экономический ущерб, и общий эффект от похода оказался слабым. Принц Уэльский же причинил наибольшие разрушения как раз землям за Тулузой. Кроме того, в рейде многие соратники Эдуарда Вудстокского сумели значительно поправить своё материальное положение и разбогатеть на выкупах, полученных с пленных. Об объёме награбленного можно судить хотя бы по тому, что для перевозки трофеев понадобилась почти тысяча телег.

Финансовый аспект был первой целью принца, но существовал и второй, не менее важный. Эдуард Вудстокский хотел запугать подданных Жана II Доброго так, чтобы они были готовы изменить своей присяге. Англичане шествовали по французской территории, не встречая серьёзного сопротивления, а сильная армия противника под началом наместника и самых старших военачальников избегала встреч с ними, что выглядело как банальная трусость. Принц нанёс сильнейший удар самолюбию французов — как знати, так и простолюдинов. Паника моментально распространилась по всему югу страны. В Монпелье сами же горожане с перепуга уничтожили все предместья, учёные мужи из его знаменитого университета бежали в Авиньон, за ними устремились и многие жители.

Конечно, *шевоше* сложно назвать истинно рыцарским деянием. Если в мирное время Эдуард Вудстокский был неизменно вежлив и куртуазен, то в походе он руководствовался в первую очередь законами войны и сугубо практическими соображениями, какими бы они ни казались жестокими. Впрочем, в его поступках присутствовала некая доля гуманизма, который вряд ли можно отнести на счёт мягкосердия такого профессионального воина, как принц. Скорее, это вызывалось его несомненной и искренней набожностью.

Итак, своих целей Эдуард добился. Однако как часть задуманного королём Эдуардом III широкого наступления на Францию *шевоше* пропало втуне. Нормандская кампания была отменена ещё прежде, чем принц отплыл из Англии. В Бретани не удалось добиться никаких успехов. Сам король высадился было в Кале, но тотчас поспешил обратно, ибо до него дошли известия о том, что шотландцы захватили ключевой опорный пункт на северной границе — замок Берик, после чего все помыслы короля Эдуарда III были направлены главным образом на возвращение утраченных

позиций.

*

Рейд закончился, но лорды со свитами были наняты как минимум на полгода, так что срок службы ещё не истёк. У Эдуарда Вудстокского были мысли, чем их занять, и 2 декабря 1355 года он собрал своих капитанов в Ла-Реоле — городе, стоявшем на невысоком правом берегу Гаронны в 60 километрах выше Бордо по течению реки и с давних пор выполнявшем роль форпоста столицы. Принц принял своих военачальников в старинном замке Кат’Со, который был заложен Луи VIII Французским, а достроен Генри II Английским в далёком XII веке. Среди приглашённых помимо англичан было несколько гасконцев, ставших по прихоти судьбы и сообразно собственным наклонностям профессиональными воинами — Жан де Грайи, капталь де Бюш, Ожье де Монто, сир де Мюсидан, и Эли де Помье. После того, как план зимней кампании был разработан, а детали обсуждены, принц вернулся в Бордо, избрав в качестве своей резиденции архиепископский дворец.

На Рождество пышных торжеств не проводилось — в казначейство Эдуарда Вудстокского поступили лишь обычные счета за специи, свечи, сахар. Несколько расходных статей, впрочем, было посвящено развлечениям, но и там фигурировали весьма скромные суммы — в частности, за новые литавры для менестреля Ханкина.

Сразу после Рождества отряды графа Уорикского, лордов Кобэма и Ботетура, а также сэра Джеймса Одли собрались в Ла-Реоле. Оттуда они, согласно выработанной диспозиции, выдвинулись по направлению к долине реки Лот. Англичане взяли Тоннанс — один из немногих значимых французских городов в регионе, захватили мост и укреплённый монастырь в Клераке. У Эгийона войска разделились, и Томас Бошан, граф Уорикский, повернул назад, поскольку окрестности Марманда всё ещё находились под контролем французов. Он основательно разорил их, взял города Ле-Мад’Ажене и Мирабо в Керси. Рейнолд, лорд Кобэм, Джон, лорд Ботетур, и сэр Джеймс Одли тем временем продолжали идти вдоль Гаронны сначала на юг, затем на восток. Они захватили 17 замков и пять укреплённых городов, в том числе Пор-Сен-Мари — важный речной порт, крупнейший в регионе после Ажена. Его защищал отряд численностью в 300 человек, но командир гарнизона сдал крепость без боя, открыв перед англичанами также и ворота всех вспомогательных фортов. Возмущению короля Жана II

не было предела — он обвинил его в измене и, возможно, вполне справедливо.

Англичане оставили в Пор-Сен-Мари сильный гарнизон и сожгли местность до самых стен Ажена, традиционно позаботившись об уничтожении ветряных мельниц. Затем они взяли штурмом Кастельсаграт, причём во время приступа был убит командир защитников бастард де Л'Иль, и после этого захватили Брассак. Два последних города Чандос и Одли сделали своими базами, откуда совершали набеги на окрестности Ажена со своими 300 латниками, 300 пехотинцами и 150 лучниками. Эти вылазки продолжались по крайней мере до марта 1356 года регулярно, несмотря на присутствие в Муассаке французского отряда в 300 мечей и 300 арбалетчиков под командованием маршала Жана I Ле Менгра, прозванного Бусико и вошедшего в историю именно под этим именем.

Третий отряд, самый большой по численности, вели графы Саффолкский, Оксфордский и Солсберийский, а также сиры де Помье и де Мюсидан. Он состоял из 500 латников, 200 пехотинцев и 300 лучников и двинулся из района Рокамадура вверх по долине реки Дордонь. Умело используя фактор внезапности, англичане вторглись в Тюреннуа, вызвав сильнейший хаос в этом богатом, но слабо защищённом регионе. Они заняли Суйяк и после непродолжительной осады — бенедиктинский монастырь Больё-сюр-Дордонь. Укрепив это знаменитое аббатство, англичане сделали его своей оперативной базой, откуда терроризировали земли виконтства Тюреннуа, а также предпринимали рейды вглубь соседних провинций.

В конце января 1356 года капталь де Бюш, доведя свой отряд до численности в 600 человек за счёт местных гарнизонов, из Сентонжа атаковал Перигё. В результате ночного штурма он захватил плохо укреплённый город, после чего передал его сиру де Мюсидану. Граф де Перигор, чрезвычайно обеспокоенный потерей столицы, подключил к переговорам в качестве посредников брата, кардинала де Талейрана-Перигора, и даже самого папу Иннокентия VI^[64]. Граф предлагал солидный выкуп за то, чтобы город оставили в покое, однако Эдуард Вудстокский отверг это предложение по той же причине, что и мольбы жителей Каркассона полуголом ранее. Да и ответ принца был составлен в весьма похожих выражениях:

«И так государь принц ответил, что государь король Англии, отец его, милостью Божьей достаточно богат и снабдил его в изобилии золотом и серебром для его потребностей. Поэтому не желает он принимать золота и серебра по такому соглашению. Но он будет делать то, для чего пришёл —

то есть, карать, наказывать и вести войну против всех жителей герцогства Аквитанского, которые бунтовали против упомянутого государя короля, отца его, чтобы всей своей силой вернуть их к былой полной верности и удерживать их в покорности своим правосудием»⁴⁶.

Покаангло-гасконские войска бесчинствовали в Лангедоке, французские командиры сидели в буквальном смысле сложа руки. Сэр Джон Уингфилд в письме сэру Ричарду Стаффорду Клифтонскому, временно вернувшемуся в Англию, ядовито писал: «Сир Жан д'Арманьяк и сенешаль Ажене заперлись в городе Ажен, не решаясь приподнять голову над бруствером, как и все их люди»⁴⁷. Огромная армия, которую король Жан II обещал отправить на помощь своему наместнику, в Лангедоке так и не появилась. Местные отряды, собранные минувшей осенью для противостояния принцу во время его *шевоше*, были расформированы, а на сбор новых не хватало ни времени, ни денег. Графу д'Арманьяку в поисках финансов пришлось отбыть сначала в Безье, где он вёл переговоры с послами Арагона, а затем к папе в Авиньон. В его отсутствие командующим в регионе остался Жан Бусико — бесспорно, способный и отважный маршал. Но он не осмеливался покинуть Муассак, имея под своим началом всего 600 солдат.

*

За первые два месяца 1356 года влияние Парижа на юго-западе страны было подорвано чуть ли не сильнее, чем во время осеннего *шевоше*. Территориальные приобретения, сделанные войсками принца, правда, и теперь не впечатляли — к концу января англичанам сдалось всего пять укрепленных городов и 17 замков. За февраль к ним прибавилось ещё с полдюжины опорных пунктов в Перигё. Но, что очень важно, все они были сосредоточены в стратегически важных районах — на границах Аквитании.

До середины марта Эдуард Вудстокский руководил действиями своих капитанов из Либурна — города, выросшего вокруг бастиды, которая была возведена в месте слияния Иля и Дордони одним из английских сенешалей Гаскони веком ранее. С принцем практически безотлучно находились гасконские сеньоры Бернар-Эз IV д'Альбре и Жан де Помье. В конце месяца Эдуард вернулся в Бордо, где отпраздновал Пасху. Там он начал планировать летнюю кампанию. Его переписка с Англией в этот период

была весьма интенсивной. Прежде всего, принц позаботился о пополнении запасов оружия, послав своим слугам соответствующий приказ:

«Приказ мастеру Джону де Бранэму, клерку принца и камергеру Честера. Принц, испытывая в Гаскони крайнюю потребность в луках, стрелах и тетивах, уже посылал Роберта Пипота Брукфордского в Англию с целью покупки для его нужд 1000 луков, 2000 связок стрел и 400 гроссов^[65] тетив, но король тогда приказал задержать и забрать для собственной надобности все стрелы, которые можно было где-либо найти. И нынче принц посылает Роберта в Честер задержать и забрать все стрелы, которые он сможет найти там у стрелоделов, и задержать самих стрелоделов, чтобы они продолжали заниматься своим ремеслом на благо принца, покуда его нужды не будут удовлетворены. Оказывать содействие упомянутому Роберту в этом деле и выплачивать стрелоделам время от времени суммы, которые помогут, по его мнению, поощрить их к работе»⁴⁸.

На этот раз король Эдуард III не собирался чинить препятствий сыну — напротив, он был заинтересован в том, чтобы кампания в Аквитании повторила успех осеннего *шевоше*, о чём он не замедлил уведомить принца. Во исполнение воли отца Эдуард Вудстокский отправил в Англию ещё один приказ:

«Поскольку король предписал, чтобы 300 лучников немедленно были посланы принцу в Гасконь в составе отряда сэра Ричарда де Стаффорда, и при этом пожелал, чтобы 200 из них были набраны в графстве Чешир, а остальные в прочих местах, приказываю: проследить, чтобы 200 конных лучников, лучших из всех, которых только можно найти, были отобраны, испытаны и снаряжены со всей возможной поспешностью в указанном графстве. Назначить двух подходящих людей из того же графства их командирами с тем, чтобы они прибыли в Плимут всенепременно на грядущее Вербное воскресенье и были готовы отплыть с сэром Ричардом. Обеспечить им одежду, как прежде одевались лучники принца из этих земель. И выплатить им вознаграждение со дня, когда они покинули графство, до их прибытия в Плимут — а именно, по 12 пенсов в день каждому из командиров и по 6 пенсов в день каждому из лучников»⁴⁹.

Не успели ещё Джон Делвз, заместитель судьи Честера, и мастер де Бранэм, камергер графства, которым было адресовано послание принца, приступить к исполнению приказа, как получили новые указания от своего господина: «В соответствии с новым ордонансом короля о том, что принц по его большой нужде должен получить 300 лучников в дополнение к тем, что уже упоминались в предыдущем приказе, снарядить в общей

сложности 500 лучников, назначить им командиров. Они должны прибыть в Плимут как указано, одетыми как указано. Выплатить им вознаграждение за восемь дней с того дня, когда они покинули графство»⁵⁰.

Таким образом, 17 апреля в Плимуте собралось 600 лучников, 500 из которых были родом из Чешира, составивших отряд сэра Ричарда Стаффорда. Но в порту они застряли надолго — из-за постоянно возникавших проблем клерку принца Роберту Брамptonу удалось их отправить только в начале лета. Сэр Ричард и его люди прибыли в Бордо 19 июня 1356 года.

Глава третья

КАМПАНИЯ ПУАТЬЕ

В ожидании подкреплений Эдуард Вудстокский вовсе не собирался ослаблять давление на французские земли. В апреле 1356 года он послал англо-гасконский отряд под командованием сира де Мюсидана в глубокий рейд по Керси. Мюсидан осадил небольшой укрепленный городок Фон, где стоял французский королевский гарнизон, и в начале июня взял его штурмом. Затем отряд подошёл к мощной крепости Кардайяк, расположенной в нескольких километрах севернее. Французы попытались снять осаду Кардайяка вскоре после её начала, но посланные на деблокаду крепости войска были разбиты и бежали. Затем город пал.

Местная знать провинции и представители городов собрались на совет в Фижаке — крупном торговом центре региона, от которого отряд Мюсидана остановился буквально в нескольких километрах. Они продемонстрировали свою отвагу и воинственность, решив не отсиживаться по крепостям, а дать неприятелю суровый отпор. В середине июня армия, собранная в основном из необученных горожан и сельских жителей, выступила против рейдеров. Разношерстное и недисциплинированное французское войско было легко уничтожено — кто не пал в бою, тот оказался в плену.

Короткий, но разрушительный рейд сира де Мюсидана стал сигналом к началу серии грабительских вылазок на приграничные территории. Два сына сира д'Альбре обосновались в захваченном Фоне, превратив его в свою оперативную базу. Оттуда они совершали набеги на долины Лота и Аверона. Соседний Руэрг был повергнут в полнейший хаос: небольшие вооружённые отряды, не разошедшиеся по домам после роспуска англо-гасконских армий, беспрепятственно разбойничали по всей провинции. Они даже захватили укрепленную деревню Клерво, расположенную в каких-то 13 километрах от провинциальной столицы Родеза. Хотя англичане удерживали её менее месяца, этот инцидент страшно напугал жителей Родеза, которые наняли в гарнизон 200 латников — весьма недешёвое удовольствие. По распоряжению городских властей были усилены караулы, ускорено возведение укреплений, а ночами улицы патрулировались вооружёнными патрулями с факелами. В течение двух недель после захвата Клерво отряды рутьеров тревожили Нажак, Мийо, Сен-Африк и даже Совтер.

К северу от Дордони, в Тюреннуа и Южном Лимузене, англо-гасконские гарнизоны множились как грибы, закрепляясь в полуразрушенных замках, заброшенных монастырях и деревнях. Всякая власть в графстве Пуату, дарованном в апреле королём Франции в качестве апанажа юному принцу Жану^[66], фактически перестала существовать. Южная часть графства почти полностью контролировалась гасконскими гарнизонами. Мощный замок Лузиньян был окружён со всех сторон английскими заставами. Цитадель самого Пуатье не ремонтировалась со времён рейда Генри Ланкастера в 1346 году, и теперь брешь в стенах спешно закладывались брёвнами. Но это мало помогло: в июле рутьеры появились перед самыми воротами города. Англичанам удалось захватить множество товаров и пленников, включая самого мэра, которому пришлось заплатить солидный выкуп.

В итоге подавляющее большинство общин, расположенных в приграничных провинциях, замкнулось на своих проблемах и заботилось лишь о собственном спасении. Ни о какой мало-мальской консолидации сил не могло идти и речи. Работа сборщиков налогов и рекрутинговых комиссаров на значительной территории юго-запада Франции была полностью парализована.

До сих пор Эдуард Вудстокский осуществлял лишь общую координацию набегов, лично в них не участвуя. В ожидании прибытия сэра Ричарда Стаффорда он отправился в паломничество к базилике Нотр-Дам-де-ла-Фан-де-Тер в городе Сулак, расположенном на реке Жиронде, которой пожертвовал 50 шиллингов — перед грядущим походом принц счёл за благо обратиться мыслями к Господу. Затем он с интересом осмотрел городок, который помимо базилики был известен как место высадки паломников, прибывающих из Англии и направляющихся отсюда в длинный путь до Сантьяго-де-Компостела. Именно здесь они возносили благодарность Богу за благополучное завершение морского этапа своего путешествия.

Когда, наконец, прибыл сэр Ричард Стаффорд с подкреплениями, началась активная подготовка к кампании. Принц покинул Бордо 6 июля и перенёс свою штаб-квартиру сначала в Ла-Реоль, а затем в Бержерак, где к концу месяца собралась его армия. Эдуард выбрал этот город в качестве пункта отправления экспедиции не случайно — он хотел запутать неприятеля. Бержерак находился в центре контролируемых англичанами земель, и оттуда с равным успехом можно было идти или на юго-восток, в Керси и Берри, на юг к Тулузе или на север — в Пуату.

Принц разделил прибывшие войска на две части. Армию

численностью 2000–3000 человек под командованием сенешаля Джона Чиверстона, Бернара д'Альбре и мэра Бордо Томаса Роса он оставил для защиты границ Аквитании от ожидаемого нападения графа д'Арманьяка. Другая, насчитывавшая 6000–7000 солдат, во главе с самим Эдуардом Вудстокским готовилась выступить в поход, цели которого он сам описал весьма точно:

«Знайте, что после того, как мы уведомили короля, нашего грознейшего господина и отца, о цели похода против врагов в этих частях Франции, мы выступили в путь через земли Перигора и Лимузена в направлении Буржа, где ожидали встретить королевского сына графа де Пуатье. Главной причиной нашего похода в эти земли было то, что мы надеялись получить там новости о вышеупомянутом короле, нашем господине и отце, а именно о его передвижениях. И учитывая, что мы не обнаружили там упомянутого графа, как и сколь-либо большого войска, то повернули к Луаре и приказали нашим людям ехать вперёд и разведать, можем ли мы найти где-либо переправу»⁵¹.

То есть принц собирался координировать свои действия с армией под командованием самого Эдуарда III, которая должна была прибыть в Северную Францию. Также в его задачи входило по возможности вовлечь в сражение и разгромить войска графа де Пуатье, с которым находились Жан де Клермон, Жан Бусико и французские сенешали Пуату, Сентонжа и Тулузы.

*

Итак, 4 августа Эдуард Вудстокский вышел из Бержерака и уже 6 августа вступил в Перигё. Армия стояла там два дня, время от времени развлекаясь мародёрством. С высоты кафедры собора Сен-Фрон епископ Перигорский сурово клеймил грабителей, но это нисколько не трогало солдат, продолжавших свои бесчинства.

Отсюда принц решил двигаться на Рошешуар, но не по главной дороге, а просёлками — по лесистой и холмистой местности через Брантом и Кенсак. 13 августа армия подошла к приорству Ла-Перюз, расположенному на берегу реки Вьенны возле городка Конфолан. Англичане двигались крайне осторожно, опасаясь засад противника. Впереди, во главе отряда разведчиков шли Чандос и Одли. На каждом привале в обязательном порядке выставлялось боевое охранение.

Утром 14 августа армия форсировала Вьенну, и Эдуард Вудстокский

приказал развернуть штандарты. Запылали деревеньки, которым не посчастливилось оказаться на пути марширующих войск. Большая часть дня была потрачена на штурм аббатства Летер, где укрепился сильный отряд противника. Башня из серого гранита, возведённая ещё в XII веке и вздымавшаяся на высоту 36 метров, представляла собой превосходную крепость. Однако в конечном итоге принц заставил её гарнизон сдаться.

Следующий день пришёлся на праздник, и войско отдыхало. 16 августа длинным маршем англичане подошли к Беллаку. По странному стечению обстоятельств, из-за курьёзов феодального права город принадлежал графине Пемброкской^[67], вдове английского лорда, а потому Беллак был пощаждён. На следующий день начался штурм Ле-Дора. Некоторое время французам удавалось сдерживать атакующих, но в конце концов город пал. За его агонией бессильно наблюдали со стен неприступного замка гарнизон и случайно оказавшаяся там жена коннетабля Жака де Бурбона.

Королевский сын Жан, граф де Пуатье, на которого охотился принц Уэльский, засел в Бурже с небольшой армией, спешно набранной в провинциях Берри, Бурбоннэ и Овернь. Его разведчики внимательно следили за передвижениями противника и незамедлительно докладывали обо всём графу. Узнав о падении Ле-Дора, он 18 августа оставил Бурж, переправился через Луару и отошёл на запад, обосновавшись в укреплённом городе Десиз.

Англо-гасконские войска продолжали двигаться к Буржу. 19 августа они сожгли Люссак-лез-Эглиз, а 20 августа взяли Сен-Бенуа-дю-Со. Из казны расположенного там бенедиктинского приорства было реквизировано 14 тысяч экю — можно сказать, что монастырь легко отделался. К Аржантону армия подошла 21 августа, форсировав реку Крёз по неохранявшейся переправе. На следующий день, пока основные силы отдыхали, Эдуард Вудстокский выделил отряд для захвата близлежащего замка. 23 августа армия приблизилась к Шатору, и принц привычно разделил её на три колонны. Арьергард остановился в Сен-Море, центр — в самом Шатору, а авангард выдвинулся в Деоль. Никаких сведений о местонахождении неприятеля разведчики по-прежнему не приносили, и Эдуард решил дать армии ещё один день отдыха. Затем он приказал атаковать Иссудан, который был разрушен во время штурма столь основательно, что эта территория оставалась непригодной для жизни ещё много лет спустя.

Пока принц шёл к Буржу, Эдуард III так и не сумел переправиться через Ла-Манш. Первоначальный план пришлось изменить, и теперь

войско принца должно было двигаться на соединение с герцогом Ланкастерским. Тот находился в Бретани, откуда прислал гонцов с предложением назначить randevu в Турени в начале сентября.

Эдуард Вудстокский двинулся на север к Люри-сюр-Арнон, оставляя Бурж по правую руку. 26 августа войска армия подошла к реке Шер. Большой гасконский отряд под командованием капталя де Бюша форсировал её у Вьерзона и разорил как сам город, брошенный жителями, так и его окрестности в радиусе 30 километров. Следом в Вьерзон вошли основные силы во главе с принцем. Эдуард послал сильный отряд под командованием Чандоса и Одли на разведку. Вместо того, чтобы выяснить, где возможна переправа через Луару, они 28 августа взяли штурмом и сожгли Обиньи, что на реке Нер. Уходя из города, англичане столкнулись с небольшим французским отрядом примерно в 80 латников под командованием Филиппа де Шамбли, прозванного Серый Барашек (*Gris Moutori*). Имея подавляющее преимущество, Чандос и Одли разгромили неприятеля, захватив в плен 18 латников.

Полноводная после дождливого лета Луара оказалась слишком широкой и глубокой, чтобы форсировать её вброд, а все мосты между Туром и Блуа, как выяснилось, были разрушены. Поэтому английская армия двинулась вдоль по клину, образованному долинами Луары и Шера и сходящемуся к Туру, стоявшему прямо в его вершине. Около Вильфраншасюр-Шер передовые отряды натолкнулись на французов. Англичанам удалось захватить восьмерых пленных, которые рассказали, что основные силы под командованием Жана Бусико и Амори де Краона^[68] находятся в Роморантене. Эдуард не захотел оставлять у себя в тылу неприятельские войска и повернул на север. Не пройдя и 10 километров, его армия оказалась у стен Роморантена, над которыми возвышался каменный замок постройки XI или XII века. Хотя у гарнизона не было времени запастись провизией, сопротивление французских рыцарей было весьма упорным. Город удалось захватить на второй день, но защитники отступили в замок. На третий день мастера, следовавшие с войском принца, построили три осадных башни, а ещё через два дня осаждавшие, наконец, изловчились поджечь цитадель. Французы сдались, и в третий раз за пять лет Жан Бусико стал пленником англичан.

Весь день 4 сентября войско отдыхало, солдаты приводили в порядок свою амуницию. В этот момент до принца дошло неприятное известие: король Жан II с армией стоит под Орлеаном и собирается преследовать англичан. Правда, граф де Пуатье ещё не присоединился к войску отца —

как и другой королевский сын граф д'Анжу^[69], который находился в Туре. Эдуард приказал продолжать движение на запад, и 7 сентября его войско подошло к предместьям Тура. Принц хотел оторваться от армии Жана II, попытаться выманить из городских укреплений графа д'Анжу и маршала де Клермона, разгромить их, переправиться через Луару и соединиться с герцогом Ланкастерским. Эдуард ожидал, что герцог со дня на день появится на северном берегу, а однажды ему даже показалось, что вдали видны походные костры отрядов Генри Гросмонтского.

Принц расположился лагерем в Монлуи-сюр-Луар, не доходя 10 километров до Тура. В то время Тур был небольшим провинциальным городком с населением около 12 тысяч человек. Его главное предназначение состояло в защите большого моста, через который пролегла старая римская дорога из Буржа на запад — в Анжу и Мэн. Город растянулся вдоль южного берега Луары на полтора километра. На восточном конце располагался старый епископский квартал, выстроенный вокруг королевского замка и незаконченного собора, на западном — знаменитое аббатство Святого Мартина Турского. Оба квартала защищали древние и весьма ветхие стены, а строительство третьей стены, которая должна была их соединить, было начато всего пару лет назад.

Узнав о приближении вражеской армии, горожане собрали всё самое ценное из того, что они могли унести на себе, бросили дома и укрылись в епископском квартале. Маршал де Клермон и граф д'Анжу приказали спешно копать рвы и сооружать временные укрепления в особенно уязвимых местах оборонительной линии города. В свою очередь, Эдуард Вудстокский направил отряд в 1500 человек под командованием Бартоломью Бергерша-младшего с приказом сжечь пригороды Тура. Однако спокойная безветренная погода сменилась грозами, и Бергершу не удалось нанести серьёзного ущерба предместьям. Французские войска также не поддались на провокации и не покинули пределов городских стен.

*

Армии короля Жана II и его сына графа де Пуатье соединились 10 сентября 1356 года. Объединённое войско пересекло Луару в Блуа и двинулось по левому берегу реки к Амбуазу. Когда оно вошло в Амбуаз, то оказалось всего в пятнадцати километрах от лагеря Эдуарда Вудстокского. Принц узнал о приближении неприятеля рано утром 11 сентября. Опасаясь оказаться между армиями де Клермона и короля как между молотом и

наковальной, он временно оставил мысль о встрече с герцогом Ланкастерским и приказал спешно уходить на юг. Англо-гасконская армия в тот же день снялась с лагеря, форсировала реки Шер и Эндр и вошла в Монбазон.

Там, в большой каменной крепости, откуда прекрасно просматривались и город, и переправа, принц на следующее утро принял кардинала Эли де Талейрана-Перигора, прибывшего в расположение англичан в сопровождении папского легата Никколо Капоччи и большой свиты светских и церковных сановников. Посланники папы явились хлопотать о мире. Но при всём влиянии, которым обладал кардинал де Перигор в Авиньоне, а возможно, и в Париже, выбор именно его на роль главы посольства вряд ли был удачным. Ведь ещё в 1343 году Парламент заклеил гордого и высокомерного прелата как самого большого врага короля Эдуарда III среди всех кардиналов папской курии. Общины обвинили его в том, что именно он постоянно противодействовал английским планам.

Принц отказался вести с переговоры с Эли де Талейраном, сославшись на отсутствие у него полномочий. Он так и отписал мэру и олдерменам Лондона: «В это время кардинал де Перигор прибыл к нам в Монбазон, что в трёх лигах от Тура, где говорил с нами о делах, касаемых перемирия и мира. Во время встречи мы ответили ему, что не имеем власти заключать мир и не будем вступать в переговоры без приказа и пожелания короля, нашего дражайшего господина и отца. Что касается перемирия, то у нас тогда было убеждение, что было бы лучше для нас его заключить, поскольку мы пребывали в полной уверенности, что король [Франции] жаждет сразиться с нами»⁵². На самом деле, принц лукавил. Всеми необходимыми полномочиями для заключения мира он был наделён королевской хартией. Другое дело, что это совершенно не входило в его планы.

Пока Эдуард Вудстокский терял время на встречи с папскими посланниками, к театру военных действий прибыл ещё один участник — старший сын французского короля дофин Шарль^[70]. Он привёл в Тур тысячу нормандских латников, значительно усилив сосредоточившиеся там войска. Жан II выступил из Амбуаза по дороге на Пуатье, обходя армию принца с востока. Чтобы не попасть в клещи, Эдуард Вудстокский поспешил покинуть Монбазон. Следующим вечером 13 сентября, после сорокакилометрового марша, англичане вошли в Декарт. Однако к тому времени французы находились уже в Лоше — в 30 километрах к северо-

востоку.

Следующие три дня ситуация по-прежнему оставалась критической для англо-гасконской армии. Принц 14 сентября прошёл 20 километров к югу до Шательро, в то время как французы вступили в только что покинутый англичанами Декарт. Король Жан II был неплохо информирован о передвижениях противника, и решил обогнать вражескую армию, отрезав ей путь к отступлению. Эдуард Вудстокский невольно помог ему воплотить рискованный план в жизнь, поскольку задержался в Шательро на целых три дня. Он ожидал известий от герцога Ланкастерского, чья помощь в этот момент была бы неоценимой. Однако герцог столкнулся на своём пути с теми же препятствиями, что и принц несколько ранее: все переправы через Луару и с запада от Тура были либо разрушены, либо надёжно защищены. Генри Гросмонтский попытался силой пробиться через мост у Пон-де-Се, к югу от Анже. Но ему помешала мощная крепость на острове посреди реки. Ближайшие целые мосты были в Нанте и Сомюре, но они также находились под охраной высоких стен и сильных гарнизонов. Дорога на юго-восток, где герцога Ланкастерского с нетерпением ожидал принц, была полностью блокирована.

Жан II достиг своей цели: пока Эдуард Вудстокский сидел в Шательро, не зная, что предпринять, король 15 сентября вошёл в Шовиньи, расположенный в 30 километрах южнее. Принц узнал про обходной манёвр, предпринятый врагом, поздно вечером в пятницу 16-го. Он предположил, что французы пойдут на запад в Пуатье, чтобы перекрыть ему путь в Аквитанию, и решил атаковать их на марше. Эдуард приказал ночью переправить обоз, сопровождавший армию, через Вьенну и на следующий день рано утром выступить на перехват французов.

Рано утром 17 сентября англо-гасконская армия быстро двинулась на юг, с ходу форсировав ещё одну речку Клён. Однако несмотря на всю спешку, она всё-таки опоздала: Жан II с большим отрядом уже прошёл в Пуатье. Правда, его армия растянулась на марше, и он потерял из вида неприятеля. В свою очередь, Эдуард Вудстокский тоже не представлял себе, где точно находится враг. Обе армии фактически шли вслепую, и через какое-то время французский арьергард численностью 700 человек, состоявший в основном из бургундцев и шампанцев, наткнулся на колонну гасконцев, выходящую из леса возле фермы под названием Ла-Шаботри, в семи километрах от Пуатье. Позже принц так описал возникшую неразбериху:

«И тут мы решили поспешить к нему по дороге, вдоль которой он должен был идти, чтобы дать ему бой. Однако его баталии прошли прежде,

чем мы прибыли на место, где надеялись его встретить. Мы застали только часть его людей — около 700 латников, которых атаковали. Были взяты в плен графы д'Осер и де Жуани, Жан, сьер де Шатийон, а также много других было взято в плен и много убито как с их, так и с нашей стороны. И затем наши люди преследовали их до самого Шовиньи, три полных лиги отсюда. Поэтому мы были вынуждены в тот день разбить лагерь как можно ближе к тому месту, чтобы собрать наших людей»⁵³.

*

Рано утром в воскресенье 18 сентября принц отдал армии приказ сняться с лагеря ещё до восхода солнца. Она двинулась на запад мимо бенедиктинского аббатства Нуайе с его грозными стенами и высокой башней. Вскоре разведчики обнаружили французскую армию, стоявшую в боевом порядке на равнине между Пуатье и деревенькой Савиньи-Левеско, где располагалась загородная резиденция епископов Пуатевинских. К Жану II за это время подтянулась большая часть его войска, включая те отряды, которые находились в Туре. Разведчики насчитали в её рядах 87 баннеров, хотя на деле численность французской армии не соответствовала их числу — вряд ли там собралось намного больше, чем 8000 латников и 3000 пехотинцев. Но в любом случае, у Эдуарда Вудстокского людей было гораздо меньше.

Воины принца начали занимать позиции на краю большого леса, принадлежавшего аббатству Нуайе и называвшегося Борно. В этот момент в расположение английской армии вновь прибыл кардинал де Талейран-Перигор, ещё раз предложивший начать переговоры о заключении перемирия. Дальнейшее развитие событий весьма лаконично и точно описал сам Эдуард:

«И явился упомянутый кардинал, очень настоятельно прося о небольшой передышке — так, чтобы можно было назначить доверенных лиц с обеих сторон, и с их помощью попытаться добиться понимания и доброго мира. И сделал он это, чтобы всё можно было привести к доброму концу. После чего мы собрали совет и удовлетворили его просьбу. Были назначены доверенные люди с одной стороны и с другой, чтобы договориться по этому поводу. Но переговоры не дали результата. И тогда упомянутый кардинал пожелал получить перемирие, чтобы настоять на своём и отложить битву; на такое перемирие мы не согласились. И просили французы, чтобы рыцари в равном числе с одной стороны и с другой

сразились, а битва не состоялась. Таким образом, был растрочен весь этот день, а баталии с той и с другой стороны стояли всю ночь, каждая на своём месте»⁵⁴.

Существуют более подробные, но куда менее достоверные описания того, что происходило в этот суматошный, но бесплодный день. Кардинал, якобы, произнёс длинную и эмоциональную речь. Он упирал на то, что многие воины лишатся жизней, если сражение всё-таки начнётся, и что большая часть жертв окажется именно в армии принца. Кардинал умолял не гневить Господа гордыней и самоуверенностью, заклинал принца именем Христа и Пресвятой Богородицы согласиться на краткое перемирие для проведения переговоров. Он обещал лично приложить все силы, чтобы найти достойный выход из того положения, в котором оказался принц.

В конце концов, Эдуард Вудстокский согласился заключить перемирие на один день — тем более что этот день пришёлся на воскресенье. Одиннадцать благородных дворян — шесть с французской стороны и пять с английской — были избраны в качестве переговорщиков. В число французских представителей входили де Клермон, де Шарни и архиепископ Санский^[71]. Англичан представляли графы Уорикский и Саффолкский, лорд Бартоломью де Бергерш-младший, сэры Джон Чандос и сэры Джеймс Одли, которые передали противной стороне предложения Эдуарда Вудстокского. Фруассар позже писал, что они включали в себя следующие пункты: «Принц предлагал сдать королю Франции все города и замки, захваченные им во время экспедиции, освободить без выкупа всех пленников и дать клятву, что в течение семи лет он не поднимет оружия против короля Франции»⁵⁵.

Французская версия того, что требовали представители Жана II от Эдуарда за возможность уйти без боя, несколько иная. Согласно ей, принцу выставлялись более мягкие условия: «Он [кардинал де Талейран-Перигор] сказал, что принцу стоит обратиться к королю Франции с предложением отдать земли, которые он захватил, и выплатить штраф за ущерб, нанесённый его королевству. И так установился бы между ними крепкий и твёрдый мир»⁵⁶.

В результате долгих переговоров выборными были согласованы следующие предложения по заключению перемирия. Все земли, захваченные англичанами и гасконцами в королевстве Франция в течение последних трёх лет, должны быть освобождены. Принц выплачивает денежное возмещение ущерба от рейдов в 200 тысяч ноблей и обручается с дочерью короля Франции, которая в качестве приданого принесёт ему

герцогство Ангулемское.

Действительно ли обсуждались такие пункты — неизвестно, сомнительно, да в конечном счёте и не важно. Королевский совет не одобрил инициатив своих собственных представителей, хотя между его членами не наблюдалось единодушия. Часть приближённых Жана II настаивала, что англичан можно усмирить только силой и сейчас для этого представляется удобный случай — враг пойман в ловушку, у него нет никакой возможности спастись. Король согласился с ними и потребовал от принца полной капитуляции. За взаимными препирательствами прошёл день, и соглашения достигнуто не было. От безнадёжности Жоффруа де Шарни предложил решить исход боя поединком ста лучших рыцарей из обеих армий — своего рода повторение знаменитой Битвы тридцати, произошедшей в Бретани в 1351 году. Эту бесперспективную идею отверг уже глава английских представителей граф Уорикский, поставив крест на возможности достижения какого-либо компромисса.

Рано утром в понедельник 19 сентября кардинал де Талейран-Перигор вновь появился в английском лагере. На этот раз он предложил заключить годовое перемирие. Однако Эдуард Вудстокский был готов прекратить военные действия только до весны. Это не устраивало французов, тем более, что король Жан уже твёрдо решил дать неприятелю бой.

Впоследствии обе стороны заявляли, что задержка сыграла на руку противнику: англичане утверждали, что французы воспользовались передышкой и подтянули подкрепления, отставшие во время быстрого марша к Пуатье. Французы жаловались, что отсрочка позволила англичанам укрепить свои позиции. Если оценивать события беспристрастно, то правы были и те, и другие. В некоторых хрониках, в частности, есть сообщения, что 1500 латников и множество пеших солдат подошло в расположение французской армии в воскресенье, а в понедельник — ещё несколько групп по 500 человек. Конечно, численность отрядов могла быть преувеличена, но сам факт, что отставшие нагоняли основную армию, что постепенно подтягивалось местное ополчение — всё это не вызывает особых сомнений.

*

Англичане, насколько можно судить по дошедшим до нас противоречивым описаниям, заняли позиции на возвышенности у северо-западной оконечности леса Нуайе. От французов их отделяли

виноградники и живые изгороди. Левый фланг упирался в болотистую местность, круто понижавшуюся к долине реки Миоссон. Позиции располагались поперёк двух дорог, которые вели к бродам. Армия была разделена на три баталии. Графы Уорикский и Оксфордский командовали левой. В неё входило много гасконцев, в том числе отряд капталя де Бюша. Вторая баталия стояла на правом фланге, её возглавляли графы Солсберийский и Саффолкский. Принц и его советники Бергерш, Одли, Чандос и Кобэм командовали центром, немного отодвинутым в тыл. Точно определить численность англо-гасконских сил невозможно — остаётся только делать более-менее правдоподобные предположения:

«Нынешние исследователи считают, что численность англо-гасконской армии находилась в пределах от 6000 до 8000 человек, которые делились примерно так: от 3000 до 4000 латников, от 2500 до 3000 лучников, до 1000 пехотинцев разного рода... Современники все сходились на том, что французская армия была гораздо больше, чем англо-гасконская. В её составе могло находиться 8000 латников, 2000 арбалетчиков и значительное число легковооружённых и плохо обученных пехотинцев — возможно, общим числом до 15–16 тысяч»⁵⁷. Некоторые, впрочем, заявляют, что французов было всего 11 тысяч, в том числе 3000 пехоты⁵⁸. Вероятно, где-то в очерченных границах и лежит истина.

Французы стояли на хребте, возвышавшемся всё над той же речкой Миоссон, в полукилометре к северо-западу от неприятеля — на тех самых позициях, которые заняли в предыдущий день. Они были выстроены на относительно открытой местности в три баталии, расположенные одна задругой. Каждая представляла собой сильный центральный отряд и более слабые крылья. Передней баталией командовали дофин Шарль и Уильям Дуглас. Королевскому брату Филиппу, герцогу Орлеанскому^[72] была поручена вторая баталия. Сам король с орифламмой находился в последней вместе с Жоффруа де Шарни и двумя тысячами отборных латников.

Проблема французов заключалась в том, что им предстояло штурмовать выгодную и тщательно укреплённую позицию, которую нельзя было ни окружить, ни обойти с фланга. По фронту между живых изгородей и виноградников места для атаки было не так много, что в значительной степени нивелировало численное преимущество французской армии. Не добавляло шансов на успех и отсутствие согласия по поводу тактики у главных военных советников короля — маршалов Арнуля д'Одреема^[73], Жана де Клермона и шотландского рыцаря Уильяма Дугласа. Впрочем, последний сумел настоять хотя бы на том, чтобы латники шли в пешем

строю во избежание повторения катастрофы при Креси. Тогда стрелы лучников, поражавшие коней и всадников, привели к тяжелейшим потерям. Он апеллировал к своему опыту англо-шотландских войн и сумел убедить королевский совет в своей правоте.

Итак, французы решили отказаться от массивной кавалерийской атаки. Они оставили лишь небольшой отряд из 500 конных латников, в задачи которого входило добраться в самом начале сражения до английских лучников и смять их строй. Командование этим отрядом было поручено маршалам де Клермону и д'Одреему, что оказалось роковым решением. Остальная часть армии спешила, коней отослали в тыл. Латникам предстояло подняться по склону пешком, воспользовавшись замешательством, которое должна была вызвать резня, учинённая кавалерией среди вражеских стрелков.

Войска Эдуарда Вудстокского были истощены. Они провели беспокойную ночь, им не хватало воды и провизии. Похоже, что принц и его капитаны искали возможность отступить. Иначе сложно объяснить странный манёвр, предпринятый баталией графа Уорикского. Она стояла на левом фланге боевых позиций, затем вдруг вместе с обозом двинулась прочь от поля боя и пересекла Миоссон по броду Ге-де-л'Ом. Сам принц позже писал: «Было решено, что мы должны обойти их с фланга таким образом, что если бы они захотели биться или напасть на нас в месте, которое не очень нам выгодно, мы успели бы первыми. Что и было исполнено»⁵⁹.

Это объяснение, похоже, Эдуард выдумал позже: покидать хорошо укрепленные позиции для не очень внятного отвлекающего манёвра не было никакого смысла и тем более незачем было тащить с собой обоз. Принц знал, что французская армия спешила, и надеялся осторожно отступить, прикрывшись арьергардом от небольших конных отрядов, пока противник был не в состоянии преследовать его крупными силами.

Одновременно он выслал небольшой отряд под командованием Эсташа д'Абришикура навстречу неприятелю — то ли на разведку, то ли с целью отвлечь внимание от перемещений графа Уорикского. Однако в завязавшейся стычке д'Абришикур попал в плен, что крайне огорчило принца.

*

Отвлекающий манёвр провалился, а французские разведчики

обнаружили начавшееся движение англичан в сторону Миоссона. Оба маршала сразу же предположили, что это отступление. Между ними тут же вспыхнул яростный спор, в котором они не стеснялись в выражениях: «И сказал маршал де Клермон королю, что было бы сумасшествием атаковать англичан там, где они стоят, и что нужно перекрыть им подвоз провианта; и когда у них закончится пища, они покинут это место. И тогда сказал ему маршал Одреем: “Маршал де Клермон, мы должны напасть на них”. И ответил маршал де Клермон сему Одреему: “Вы никогда не будете столь смелы, чтобы поставить морду своего коня у крупа моего”»⁶⁰.

Затем, демонстрируя свою храбрость, они бросились на неприятеля. Арнуль д’Одреем атаковал баталию графа Уорикского. Оставив обоз на южном берегу Миоссона, англичане и гасконцы развернулись и пересекли реку в обратном направлении. Лучники засыпали атакующую кавалерию, в то время как солдаты графа Оксфордского атаковали французов с фланга. В рядах атакующих началась паника, кони скидывали и топтали копытами седоков. Маршал д’Одреем был захвачен в плен, многие из его людей погибли. Уильям Дуглас, также оказавшийся тут, был тяжело ранен, его с большим трудом удалось вынести из боя.

Маршал де Клермон со своей частью кавалерии ринулся в нападение на другое крыло английской армии и атаковал баталию правого фланга. Он попытался подойти к врагу с фланга через брешь в изгороди, но этот манёвр был вовремя замечен и нейтрализован графом Солсберийским, который спешно отправил лучников к изгороди и зарослям боярышника. Под их прикрытием стрелки нанесли страшный урон наступающей кавалерии. Тех, кто сумел прорваться через изгородь, встретили латники с топорами и мечами, а также пехота с алебардами и копьями. Результат этой атаки был ещё трагичнее, чем у Арнуля д’Одреема — отряд понёс тяжелейшие потери, сам Жан де Клермон был убит.

Хуже такого начала сражения сложно что-то придумать. Перед маршалами ставилась весьма точная цель, которая являлась ключом ко всему французскому плану сражения. Кавалерия должна была действовать как таран, прорваться через все препятствия, защищавшие английских лучников, рассеять их или хотя бы на время связать боем, чтобы обеспечить безопасный подход пешим воинам. Эту задачу маршалы не выполнили, оставив фланги английской армии, где были сосредоточены отряды стрелков, фактически нетронутыми. Напротив, разбитыми оказались они сами.

Французская армия не знала о гибельном финале рейда де Клермона и д’Одреема, а разработанная советом тактика требовала, чтобы пешие

отряды выступили к неприятельским позициям как можно скорее после кавалерийской атаки, чтобы воспользоваться замешательством английских лучников. Поэтому первая баталия — латники под командованием восемнадцатилетнего дофина Шарля — двинулась вперёд широким фронтом, не дождавшись подтверждения того, что первый натиск на фланги врага увенчался успехом. Лучники смогли вызвать некоторое замешательство в их рядах, многие были убиты или ранены, но большей части удалось достичь изгороди, за которой располагались позиции англичан. Поднимаясь по склону холма, латники порядком выдохлись, в то время как их противник оставался относительно свежим, ибо стоял на месте.

Солдаты графа Уорикского успели вернуться от брода Ге-де-л'Ом и заняли своё прежнее место на левом фланге. Они стояли теперь рядом с баталией Эдуарда Вудстокского под защитой канав, изгородей, а также искусственных укреплений, сооружённых англичанами за то время, пока тянулись бесплодные переговоры. Воскресные приготовления принца заставляли наступающие войска продираться через несколько узких брешей в живой изгороди или по тропинкам в зарослях кустарника.

Добравшиеся до боевых порядков англичан и гасконцев французы вступили в ожесточённую рукопашную схватку. Над полем боя гремели, заглушая друг друга, боевые кличи: «Сент-Джордж! Сен-Дени!». Сам Эдуард Вудстокский бился в центре своей баталии, окружённый друзьями и телохранителями. Плечом к плечу с принцем сражались лорд Бергерш, сэр Джон Чандос, сэр Нил Лоринг, сэр Джеймс Одли, сэр Уильям Трасселл и Алан Чейни. Над ними развевался личный штандарт Эдуарда, который держал в руках знаменосец принца Уолтер Вудленд. Этот знак, отмечавший позицию командующего, притягивал к себе вражеских солдат как магнит. Схватка продолжалась около двух часов, пока не стало очевидно, что прорвать английский фронт французам не удастся. Они начали отступать, понеся большие потери. Бой постепенно затухал: англичане не поддались соблазну преследовать отходящего неприятеля, так как понимали, что это не последняя атака, и у врага ещё много сил. Лишь горячий сэр Морис Баркли, влекомый азартом сражения, бросился в погоню и тут же попал в плен.

Отступавшая баталия вернулась к исходным позициям без командира: рыцари, которым было поручено защищать дофина, то ли по приказу короля, то ли по собственной инициативе ускакали с ним в направлении Шовиньи. С одной стороны, удаление наследника трона с поля боя могло показаться мудрой предосторожностью, однако это действие не очень-то

соответствовало рыцарским идеалам, да и военной целесообразности — момент был выбран не самый удачный. Исчезновение дофина нанесло сильный удар по боевому духу французов: вторая баталия во главе с герцогом Орлеанским вместо того, чтобы в свою очередь идти в атаку на врага, в панике отступила. Причины такого странного поведения герцога неясны. Официально после битвы было объявлено, что он-де получил приказ об отступлении от короля. Однако поверил этому объяснению только придворный хронист из Сен-Дени. А в более поздних работах приводилась другая, малоуважительная причина: «Затем король спешился, как и все, кто был в его баталии. Но когда остальная французская армия увидела это, то все подумали, что король убит, и побежали. И первым отступил герцог Орлеанский, брат короля, а потом сыновья короля — а именно, его старший сын Шарль, герцог Нормандский, Луи, герцог Анжуйский^[74], и Жан, граф де Пуатье, с войсками, оставив королевскую баталию, против которой принц Уэльский обратил всю свою военную мощь, и таким образом неожиданно получил победу»⁶¹.

Впрочем, не только потомки осуждали поведение французских принцев. Современник событий Маттео Виллани, продолжая хронику брата, также не пожалел для них резких слов: «У дофина Вьеннского и герцога Орлеанского было свыше пяти тысяч всадников, в то время как у короля в его баталии было шесть тысяч. Они всё ещё находились в первых двух линиях, эти негодяи и трусы, имея в два раза больше отдохнувших рыцарей и баронов, чем их враги, уставшие после двух схваток и страшившиеся продолжения боя. Ещё можно было выиграть битву, но у них не было мужества противостоять неприятелю. Они позорно бросили короля, который был с ними на поле боя, и других французских баронов. Вместо того, чтобы вернуться и сражаться рядом с королём, даже не преследуемые врагом они бежали с поля боя в Париж, бросив своего отца и братьев в тяжёлой битве. Они заслужили не чести, а суровой кары, если над ними ещё властно правосудие»⁶².

В оправдание этого необъяснимого манёвра приводятся такие аргументы, как нежелание гордых французских рыцарей сражаться пешими, или говорится о сложности поддержания эффективной коммуникации между частями армии. Так или иначе, но король Жан II со своей третьей баталией двинулся на позиции англо-гасконской армии без поддержки сыновей. Некоторое замешательство, возникшее в рядах французов из-за отступления герцога Орлеанского, дало англичанам небольшую передышку и позволило перегруппироваться. Однако они были

утомлены схваткой, а наступавшие на них войска были свежими.

При виде приближающегося врага Эдуард Вудстокский приказал капталю де Бюшу взять 60 латников и 100 конных лучников, зайти французам в тыл и развернуть штандарт с крестом святого Георгия в знак того, что он достиг намеченной позиции. В ожидании сигнала англичане сдерживали атакующую королевскую баталию, которой удалось дойти до их фронта без больших потерь. Но как только капталь завершил свой манёвр, обогнув левый фланг неприятеля с северо-востока, взревели трубы, и латники принца во главе с сэром Джеймсом Одли ринулись в атаку, остановив наступление. Одновременно в тыл французам ударил отряд капталь де Бюша.

После долгого и яростного боя французы были отброшены к реке. Если верить более поздней традиции, битва закончилась на Александровом поле между Миоссоном и деревушкой Ле-Борд. Здесь во второй половине дня телохранители короля были окончательно разбиты. Именно тут пал Жоффруа де Шарни, до последнего защищавший короля. Сам Жан II сдался либо Дени де Морбеку, рыцарю из Артуа, либо Бернару де Труа, гасконскому рыцарю. Похоже, что в суматохе битвы де Морбек потерял своего пленника, который был вторично пленён де Труа. Чьи притязания имели под собой больше оснований, принц так и не смог решить, поэтому ежегодным пенсионом были вознаграждены оба рыцаря. Среди пленников оказались также четырнадцатилетний принц Филипп^[75] и множество знатных дворян.

*

Англичане и гасконцы преследовали бегущих французов до самых ворот Пуатье. Затем по традиции победители обосновались на ночь в лагере побеждённых. В нём было найдено большое количество драгоценностей — так, Эдуард Вудстокский впоследствии приобрёл для себя за восемь фунтов 12 шиллингов шесть пенсов серебряный корабль или неф, предназначенный для украшения стола короля Жана II, а также его корону и знаки отличия рыцаря ордена Звезды. Кроме того, англичанам досталось много провианта, от недостатка которого они страдали последнее время. Принц устроил пир для своих приближённых и пленных французских дворян:

«Когда наступил вечер, принц Уэльский дал обед в своей палатке для короля Франции, его сына монсеньора Филиппа, монсеньора Жака де

Бурбона и большого числа графов и баронов Франции, попавших в плен. За столом, стоявшим на возвышении и богато накрытым, сидели король Жан, монсеньор Жак де Бурбон, монсеньор Жан д'Артуа, граф де Танкарвиль, граф д'Этамп, граф де Даммартен, граф де Гравиль и сеньор де Партенэ. Прочие сеньоры, бароны и шевалье разместились за другими столами. Сам принц прислуживал за королевским столом, выказывая большое смирение, и не садился за него, несмотря на все просьбы короля. Он говорил, что недостойн такой чести, что не подобает ему сидеть за одним столом со столь великим принцем и с таким доблестным мужем, каковым тот проявил себя в минувший день»⁶³.

Фруассар, как всегда, ради красного словца весьма вольно обошёлся с истиной. Принц Уэльский был в меру куртуазен, а также искренне почитал отвагу в бою. Однако он вряд ли опустил бы до столь карикатурного унижения, которое нарисовал хронист. Естественно, по заведённому порядку Эдуард поначалу мог сам поднести первое блюдо пленному королю, но затем ему по статусу положено было сесть за стол рядом с ним и принять участие в пире.

Тем временем на поле боя начался поиск раненых и погибших. В тяжёлом состоянии был найден сэр Джеймс Одди, во время последней атаки сбитый с коня. Его немедленно перенесли в лагерь, а Эдуард Вудстокский, переживая за друга, покинул ужин и своего высокорожденного пленника, и поспешил проведать друга. Он хотел лично убедиться, что о нём позаботятся должным образом. Потери англичан оказались намного меньше, чем у французов, хотя точное количество убитых и раненых в армии принца невозможно назвать даже приблизительно. Достоверно известно лишь то, что погиб сэр Роберт Брэдстон, состоявший в свите принца с 1344 года, и пало около 40 латников.

Список потерь французской стороны также далеко не полон, но выглядит куда внушительнее. Около восьмидесяти знатных рыцарей и дворян и сорок оруженосцев были похоронены в доминиканском монастыре Пуатье. Перечень погибших открывали недавно назначенный коннетаблем Готье VI де Бриенн, герцог Афинский, великий камергер Пьер I, герцог де Бурбон, маршал Жан де Клермон сеньор де Шантийи, а также доблестный Жоффруа де Шарни сеньор де Лире, чьё тело впоследствии было перезахоронено в Париже. Среди убитых опознали местных сеньоров, в том числе Жана, виконта де Рошешуара, Ги VII, сеньора де Ларошфуко, и Рено V, сира де Понса, с сыном.

В плен, помимо короля и его младшего сына, попали маршал Арнуль

д'Одреем, Жак де Бурбон, граф де Ла-Марш, Гийом де Мелён, архиепископ Санский, Бернар, граф де Вантадур, Жан д'Артуа, граф д'Э, Гишар д'Англь^[76]. Всего на поле боя, по словам хронистов, осталось лежать до 2500 одних только французских латников, а в плен попало от 1974 до 3000 воинов, включая тринадцать графов, пятерых виконтов, двадцать одного баннерета и 1400 рыцарей. Как обычно, надо иметь в виду, что эти числа наверняка сильно преувеличены.

Переоценить значение победы, одержанной Эдуардом Вудстокским, сложно. Власть Парижа над Пуату серьёзно ослабла. Часть местных сеньоров перешла на сторону англичан — например, Гишар д'Англь, который впоследствии превратился в одного из самых верных и деятельных сторонников принца. Боевой дух французов был катастрофически низок, повсюду слышался недовольный ропот против знати, которая по всеобщему убеждению предала своего короля. Анонимный парижский священник, автор «Плача о битве при Пуатье», обвинял сеньоров не только в гордыне и любви к роскоши, но также в сговоре с англичанами и обмане маршалов армии с целью продлить войну, приносящую им ощутимый доход. Все свои надежды по возрождению славы утерянной Франции он возлагал на дофина, носившего также титул герцога Нормандского, которого он предателем не считал:

Не бегством, что закончилось бесславным пленом, —
Но подлой запятнала знать себя изменой.
Отныне обратилась её гордость тленом,
Утратила она и честь свою, и цену.
Господь поможет герцогу создать союзы
С мужами, коим святы преданности узы.
Избавит эта сила нас от скорби груза,
И в блеске славы короля узрят французы!⁶⁴

Ещё более резко высказался о поведении знати в битве при Пуатье бенедиктинский монах Франциско де Монтебеллуна в своём трактате «Трагическая повесть о жалком состоянии королевства Французского»:

«Теперь из-за вас, вырождающиеся французские солдаты, мы выставлены на посмешище перед всеми, и пересуды звучат о нас ежедневно. Ибо как не посмеяться над французами, которые за время долгого мира привыкли быть столь сильными, насмехающимися надо всеми, и которые теперь пали столь низко, что в самом центре королевства

позволили пленить своего короля, храбро сражавшегося за мир и свободу своего королевства? Как же не издеваться над французами, позволившими небольшой горстке врагов увести короля из самого сердца королевства в плен на край света?»⁶⁵

Уж если поражение так проняло смиренного монаха, то можно себе представить, что творилось на душе у остального населения Франции.

*

Французам было нанесено тяжелейшее и унижительнейшее поражение. Ничего сверхъестественного в этом не было — побеждает тот, кто делает меньше ошибок. В данном случае в полном соответствии с этим правилом победителем оказался Эдуард Вудстокский. Безрассудные атаки д'Одреема и де Клермона привели к нарушению генерального плана и к потере двух отрядов кавалерии и двух маршалов в самом начале сражения. Численное преимущество французов было практически сведено на нет тем, что в атаках каждый раз участвовала лишь небольшая часть их войска. У англо-гасконской армии было время, чтобы укрепить позиции, а французам пришлось атаковать с ходу, хотя лучники оказались не столь эффективны против спешенных латников, как против конных. Сыграла свою роль и более высокая дисциплинированность оборонявшихся. Так, имея в ближайшем тылу осёдланных коней, они раз за разом удерживались от преследования отступающего врага, что наверняка погубило бы их.

Королю Жану II не удалось наладить эффективную координацию действий и обеспечить надёжную связь между частями армии. На это наложились неготовность дворян беспрекословно подчиняться приказам. Вступление в бой первой баталии без подтверждения успешного завершения первого этапа было бессмысленным и опасным. А уход с поля сражения второй баталии, какими бы причинами он не объяснялся, замечателен с любой точки зрения — как дисциплины, так и рыцарской чести.

Оперативное управление большими отрядами в бою представляло собой большую проблему в средние века. Приказы передавались сигналами труб, гонцами, или же криком. И то, и другое и третье расслышать в пылу схватки, да ещё через шлем было непросто. Столь же затруднительным для воина в бою могла стать расшифровка сигналов, подаваемых штандартами. Тем не менее, Эдуарду Вудстокскому и его командирам удалось справиться с этой задачей. Они находились в чуть более выгодном положении,

поскольку большую часть времени стояли на месте, но сохранили способность импровизировать в разгар сражения и добиться понимания приказов, порой неожиданных, своими войсками.

Конечно, весомый вклад в победу помимо принца внесли его советники. Однако и у французского короля не было недостатка в опытных командирах — тем не менее для них всё обернулось весьма печально. Так что нет никаких оснований умалять заслуги Эдуарда Вудстокского в победе, которой увенчалось первое крупное сражение, где он в полном объёме нёс бремя главнокомандующего.

Впрочем, сам принц имел право скромничать сколько душе угодно. Так, почти всё письмо, написанное им 22 октября 1356 года мэру, олдерменам и горожанам Лондона, он заполнил подробным отчётом о действиях армии в дни, предшествовавшие битве, а также описаниями долгих и бесплодных переговоров с кардиналом де Талейраном-Перигором. Самому сражению он уделил всего несколько строк: «Битва состоялась в канун дня святого Матфея, и враг, хвала Господу, был разбит, а король и его сын были взяты в плен, как и множество прочих взяты в плен или убиты. И когда наш возлюбленный друг бакалавр сэр Нил Лоринг, наш камергер, доставит вам эти письма, то, будучи полностью в курсе всех событий, он расскажет более полно обо всём, что мы тут написать не смогли, но вы хотели бы узнать»⁶⁶.

Другими словами, Эдуард намекал, что победу над превосходящими по численности силами неприятеля ему удалось одержать благодаря Божьей помощи. Ещё более прямо он высказал эту мысль в письме Реджинальду Брайану епископу Вустерскому: «Ваше преосвященство и возлюбленный наш друг! Мы благодарим вас за то, что вы, как мы слышали, неустанно молились Господу за наш успех и за успех наших дел. И мы все уверены, что благодаря вашему благочестию и молитвам Господь поддерживал нас во всех наших начинаниях»⁶⁷.

На следующий день после битвы принц приказал перенести лагерь к деревне Рош-Премари-Андилье, расположенной в пяти километрах к юго-западу от поля битвы. Здесь армия выстроилась для марша, огромная добыча из разграбленного французского стана была погружена в обозные телеги, к пленникам приставлена надёжная охрана. Эдуард Вудстокский отправил гонцов: Томаса Реда с изложением своих дальнейших планов к герцогу Ланкастерскому, а Джеффри Хеймлину с накидкой и шлемом короля Жана II в качестве убедительного свидетельства одержанной победы — в Лондон.

Получив послание сына, Эдуард III постарался, чтобы хорошие новости распространились по стране как можно шире. Он писал представителям высшего духовенства с тем, чтобы они распространили его слова по приходам:

«Девятнадцатого дня минувшего месяца сентября около города Пуатье встретил его [принца Уэльского] Жан де Валуа, не по праву захвативший то королевство, с очень большой армией. И там обе армии вступили в сражение, и началась упорная битва. Но небесное правосудие не пустило случиться несправедливости, и упомянутый Жан попал в руки нашего упомянутого сына, и был пленён, как и множество других знатных и могущественных мужей с ним, а также латников и простых солдат. А нашим людям ущерб нанесён был невеликий»⁶⁸.

Армия направилась в Бордо достаточно бодрым темпом, проходя примерно по 30 километров в день. Принц повёл её через Куе и Рюффек. Форсировав Шаранту у Вертея 24 сентября и обойдя Ангулем через Мутон и Ла-Рошфуко, она продолжила движение на юго-запад к Вильбуа-Лавалетту, Сен-Олею и Сен-Антуан-сюр-Л'Илю. 30 сентября войска вошли в Сен-Эмильон, а 2 октября — в Бордо. Правда, Эдуард Вудстокский и король Жан II задержались в Либурне, где ожидали, когда в городе для них будет подготовлена достойная резиденция. И две недели спустя они торжественно вступили в столицу Аквитании. Толпы горожан собрались посмотреть на доблестного принца и его высокородного пленника.

*

Эдуард Вудстокский и пленённый им Жан II провели зиму в Бордо. Они жили в надёжно охраняемом дворце архиепископа — огромном обветшалом особняке, зажатом между нефом нового собора и древней городской стеной. С пленником обращались соответственно его высочайшему статусу, и заключение было совсем не строгим. Короля повсюду сопровождали личные слуги, его бывшие министры, советники и товарищи по оружию, также попавшие в плен при Пуатье. Такой блестящей свиты, пожалуй, у него не было и в Париже. Граф д'Арманьяк, которому въезд в Бордо был по понятным причинам заказан, тем не менее получил разрешение прислать мебель для обустройства королевских апартаментов и серебряное блюдо для монаршей трапезы. Таким образом, у Жана II фактически сформировался собственный двор, хотя управлять Францией из дворца архиепископа Бордоского он, естественно, не мог.

Военных действий в ближайшее время Эдуард вести не собирался, поскольку у него было по горло проблем с высокородным пленником. Пока участники кампании Пуатье развлекались, тратили добытое ими добро и предвкушали скорое возвращение домой, принц погряз в дипломатической переписке. Гонцы беспрерывно сновали из Бордо в Лондон и обратно, доставляя в столицу отчёты о тяжелейших дебатах по поводу перемирия, и возвращаясь в Аквитанию с инструкциями. Переговорщики постоянно сталкивались с серьёзными противоречиями, которые надо было оперативно разрешать. Например, неясно было, в каком статусе следовало рассматривать французского короля — по большому счёту, в глазах англичан он был лишь де-факто правителем Франции, а не её монархом. С другой стороны, как мы помним, принц не получал полномочий иметь дело с главнокомандующим вражеской армии. Эдуарду III пришлось срочно присылать ему грамоту с дополнительными разъяснениями:

«Также сына нашего мы сейчас делаем, назначаем и утверждаем управляющим, распорядителем и нашим специальным представителем. Той же [грамотой] даём и предоставляем ему полную и неограниченную власть, полномочия и специальный мандат для переговоров за нас и от нашего имени с вышеуказанным нашим врагом Францией и её представителем или представителями или с любыми другими лицами»⁶⁹.

Сильно мешало конструктивному течению переговоров и то, что представителем папы снова оказался кардинал де Талейран-Перигор, скомпрометированный в глазах как французов, так и англичан в битве при Пуатье. Первые не могли простить ему попыток заключить перемирие перед сражением, ибо именно постоянные проволочки позволили принцу хорошо подготовиться к обороне. Вторые выдвигали куда гораздо более серьёзные обвинения: после того, как кардинал-мироотворец покинул, наконец, поле боя, часть его людей осталась там и сражалась на французской стороне. Перигору пришлось добиваться аудиенции у принца и представлять доказательства своей невиновности — впрочем, ему это вполне удалось.

Хотя Эдуард Вудстокский и получил от отца полный карт-бланш, он был достаточно опытным политиком, чтобы не выпускать Жана II за выкуп и не принимать любое другое решение о судьбе короля по своему личному усмотрению. Напротив, принц послал в Лондон своего камергера Лоринга не просто в качестве гонца. Он поручил сэру Нилу узнать у Эдуарда III, каким именно образом тот предполагает воспользоваться сложившейся невероятно выгодной для Англии ситуацией. Но английский король, в свою очередь, с ответом не торопился, поскольку совершенно явно находился в

замешательстве. Известие о пленении самого короля Франции было настолько ошеломляющим, что королевский совет заседал в Вестминстере днём и ночью, но так и не пришёл к какому-то определённомu решению. В результате сэр Нил Лоринг задержался в Лондоне до конца декабря и в конце концов вернулся в Бордо с весьма туманными указаниями, которые язык не поворачивается назвать инструкциями.

Через две недели после Рождества в Сентонже собралась представительная конференция. Французские уполномоченные остановились в Мирамбо — последнем замке в этой области, остававшемся в их руках. Англичане расположились в Блае. Эдуард Вудстокский личного участия в переговорах не принимал, возложив их ведение на двух опытных клерков. Первым был Уильям Линн, декан Чичестера, специально прибывший из Лондона. Вторым — коннетабль Бордо Джон Стретли, закончивший в своё время юридический колледж Оксфорда и в течение долгого времени находившийся на королевской службе. Кроме того, английскую сторону представляли члены военного совета принца — графы Уорикский и Саффолкский, лорды Кобэм и Бергерш, Стаффорд, Чандос и Лоринг, а также три гасконских сеньора, тесно связанные с англичанами: Жан де Грайи, капталь де Бюш, Гийом-Санш, сир де Помье, и Бертран де Монферран. Помимо двух опытнейших клерков опыт по части межгосударственных переговоров был разве что у графа Саффолкского: на этом поприще Роберт де Аффорд подвизался уже около двадцати лет и мог считаться знатоком дипломатии — в частности, он принимал активное участие в переговорах 1347 и 1350 годов, проходивших в Кале. С французской стороны в конференции принимали участие кардинал Пьер де ла Форе, Гийом де Мелён, архиепископ Санский, и семеро пленников — Жак де Бурбон, Жан и Шарль д'Артуа, графы де Танкарвиль и де Вантадур, д'Одреем и Бусико, — а также бывшие королевские министры Симон Бюси и Робер де Лорис.

Папские посредники наивно полагали, что переговоры будут мирными, доброжелательными и конструктивными, однако на деле ни Англия, ни Франция не стремились к установлению прочного мира. Собственно, всю работу конференции мог свести на нет единственный вопрос о полномочиях. Ведь если для англичан статус самого короля Франции был спорным, то какой вес могли иметь слова временного главы государства дофина Шарля, который выступал лишь в качестве королевского наместника? При этом его реальная власть и влияние представлялись весьма шаткими даже французам.

В среде французского дворянства ходили слухи, что переговорщики

обсуждали некий конкретный проект мирного договора. И он, дескать, был отвергнут Эдуардом III, поскольку содержал огромное количество пунктов, по которым прийти к общему знаменателю было попросту нереально. Так или иначе, но результатом этой конференции, длившейся два месяца, стало лишь куцее перемирие, подписанное 23 марта 1357 года в Бордо. Оно должно было продолжаться до Пасхи 1359 года, и касалось не только Англии и Франции, но и всех союзников обеих сторон. Что касается условий договора, то они практически совпадали с условиями перемирия, заключавшегося на 1347—55 годы.

После ратификации сторонами мирного соглашения Эдуард Вудстокский послал письменный приказ герцогу Ланкастерскому оставить в покое город Ренн в Бретани, осаду которого тот вёл в союзе с наваррцами. Однако устные инструкции принца, по всей видимости, были прямо противоположными, поскольку Генри Гросмонтский и не подумал отвести войска от городских стен. Более того, он прямо заявил, что действует в интересах Жана де Монфора, претендента на герцогство Бретонское, а это чисто феодальная распря, не имеющая никакого отношения к межгосударственным делам.

Надо сказать, что достаточно вялая осада Ренна интересна только лишь одним аспектом. Именно тут впервые заявил о себе бретонец Бертран дю Геклен^[77], ставший впоследствии коннетаблем Франции несмотря на захудалость его рода. Этот дю Геклен был единственным французским командующим, славу которого его соотечественники пытались, пусть и не очень обоснованно, приравнять к славе Эдуарда Вудстокского. Ну а тогда никому ещё не известный бретонец с непривлекательной внешностью командовал полупартизанскими-полубандитскими формированиями, находившими убежище в лесах и болотах Восточной Бретани. Он организовывал диверсии в тылу войск герцога Ланкастерского, нападал на продовольственные обозы и устраивал засады на небольшие английские отряды.

*

После фактического провала переговоров стало ясно, что Жана II придётся переправлять в Англию. Эдуард Вудстокский начал готовиться в дорогу. Однако отъезд короля в Лондон вызвал резкие возражения у двух сеньоров, взявших его в плен на поле боя. Они стремились сохранить столь важную персону под своим контролем и требовали оставить короля в

Гаскони, обещая надёжно его охранять. Принцу пришлось выплатить Дени де Морбеку и Бернару де Труа 100 тысяч флоринов, чтобы уладить спор. Впрочем, велико подозрение, что вся эта история — лишь очередной домысел романтического Фруассара. Ведь все права на пленника согласно королевской грамоте принадлежали даже не наместнику Аквитании, каковым являлся принц Уэльский, а самому Эдуарду III. И не французским сеньорам было тягаться с одним из самых могущественных европейских государей.

Три недели спустя, 11 апреля 1357 года, Эдуард Вудстокский в сопровождении короля Франции взшёл на борт корабля «Санта Мария», который немедленно взял курс на Англию. Путешествие выдалось нелёгким, и они в полной мере испытали на себе враждебность стихий. В конце концов корабль 5 мая благополучно достиг девонского порта Плимут. Оттуда принц с пышным кортежем двинулся по дороге на Лондон, особо не мешкая, но и не отказывая ни в чём ни себе, ни пленнику. По несколько дней они задерживались в Шерборне и Солсбери, издавляя для своих трапез деликатесы и сладости:

«Приказ сэру Питеру де Лейси, клерку и хранителю большого гардероба принца. Купить со всей возможной поспешностью четыре фунта королевских сладостей (драже), четыре фунта белых цукатов, четыре фунта мадриана^[78], четыре фунта белого сахара в лепёшках, два фунта красного сахара в лепёшках, четыре фунта белых засахаренных анисовых семян, четыре фунта больших цукатов, и передать их гонцу, чтобы тот доставил всё туда, где принц находится. Также приобрести лошадь для этой доставки»⁷⁰.

До Лондона Эдуард Вудстокский, король Жан II с сыном Филиппом и другие знатные пленники, захваченные при Пуатье, добрались только 24 мая. Таким образом, дорога длиной в 350 км из Корнуолла до столицы заняла у них почти три недели. Уже на подходе к Лондону им пришлось пройти через испытание сомнительным королевским чувством юмора: Эдуард III забавы ради устроил имитацию засады, в которой участвовало 500 человек, одетых в зелёное и вооружённых мечами и луками. Они неожиданно появились из придорожного леса, изображая грабителей. На вопрос испуганного французского короля, что это за люди, раскусивший отцовскую шутку принц не растерялся и ответил, что это — английские лесники, живущие в простоте на природе, и что таковы их обычаи и повседневная одежда.

В лондонском предместье Кеннингтон на правом берегу Темзы кортеж

Эдуарда и Жана II встретил мэр Лондона Генри Пикард во главе представительной делегации городских олдерменов. Путешественников торжественно провели через Лондонский мост, причём впереди шествовали члены городских гильдий, одетые в гильдейские цвета. Столица Англии по размерам тогда была примерно в два раза меньше Парижа, а количество её жителей составляло, вероятно, около четверти от населения французской столицы. События последних двадцати военных лет заметно отразились на городе: налоги и ограничения по торговым операциям тяжким бременем легли на его жителей. Помимо этих сборов они одолжили Эдуарду III почти 140 тысяч фунтов — в том числе 60 тысяч фунтов на кампанию в Нидерландах 1338—40 годов, а также 40 тысяч фунтов на осаду Кале. Но столица постепенно справлялась с военным шоком и начинала понемногу оживать. Именно тут оседала большая часть награбленной военной добычи. Значительно оживилась торговля предметами роскоши. Поставщики оружия и продовольствия вздували цены каждый раз, как только появлялись слухи о подготовке новой экспедиции.

Если хлеба хватало пока ещё не всем, то зрелищ было хоть отбавляй. Лондон служил местом сбора военных отрядов, готовившихся к отправлению на континент. Из лондонского порта отплывали во Францию флоты. По улицам устраивались шествия, которыми городские власти отмечали громкие победы английского оружия. Лондонцы видели пленного Дэвида II Брюса, короля Шотландии, следовавшего в сопровождении охраны в Тауэр. И вот у зевак появился очередной повод высыпать на улицы, по которым вели другого короля.

Когда принц с сопровождающими вступил в город, пленники были поражены размахом торжеств, устроенных в честь победителя в битве при Пуатье. Фонтаны били вином, в каждом окне были вывешены доспехи или луки. Жители выстроились вдоль улиц и заполнили примыкающие к ним переулки, чтобы не упустить ни одной детали грандиозного шествия. В Чипсайде две красивые девушки сидели в подобии птичьей клетки, подвешенной у лавки золотых дел мастера, откуда разбрасывали листики золотой и серебряной фольги поверх голов кавалькады из тысячи всадников, проезжавших мимо них по трое в ряд.

Из собора Святого Павла навстречу принцу вышел Майкл Нортборо, занимавший тогда должность епископа Лондонского, а прежде сопровождавший Эдуарда III в кампании Креси и при осаде Кале в качестве его клерка и хрониста. За епископом следовали остальные городские священнослужители рангом пониже. От собора процессия свернула на

улицы Ладгейт и Флит-стрит и к вечеру добралась до Вестминстера. Король Жан II в мрачном настроении и мрачном одеянии — на нём были чёрные одежды, отороченные горностаем — проследовал в Савойский дворец, который был отведён ему для жилья. Хозяином этого дома был герцог Ланкастерский, который в то время находился в Бретани.

*

После возвращения с блестящей победой, Эдуард Вудстокский сложил с себя полномочия наместника Аквитании. В Англии нескончаемой чередой следовали торжества и праздники. Это напоминало англичанам беззаботные времена легендарного короля Артура, как они изображались в рыцарских романах:

Так много дам и молодых девиц —
Игривых и прекрасных чаровниц
Блистало средь охотников в полях,
На танцах, на турнирах, на пирах.
Артура эра, вновь прельстивши нас,
В четыре года вихрем пронеслась⁷¹.

Как подобает хорошему господину и верному другу, Эдуард Вудстокский, не скупясь, отблагодарил своих соратников за службу в кампании Пуатье. Самый крупный дар достался сэру Джеймсу Одли, который получил годовую ренту в 400 фунтов — огромную по тем временам сумму. Подобная щедрость могла объясняться тем, что принц весьма высоко ценил вклад в победу сэра Джеймса, возглавившего решающую атаку латников. Тогда Одли был тяжело ранен, однако продолжал сражаться, пока окончательно не выбился из сил. Отважному рыцарю было не до захвата пленных ради выкупа, поэтому он вышел из боя с честью, но не с прибылью, и Эдуард Вудстокский исправил эту вопиющую несправедливость. Помимо ренты, принц приказал выплатить сэру Джеймсу 600 золотых крон из доходов города Марманд в Гаскони.

Столько же в качестве единовременной выплаты, причём из того же источника, получил и сэр Джон Чандос. Однако пожалованная ему рента была гораздо меньше — всего 40 фунтов ежегодно из доходов маноров Кирктон в Линкольншире и Дрейкло в графстве Чешир. Принц не забыл и

других своих компаньонов: камергер сэр Нил Лоринг получил годовой пенсией в 83 фунта 6 шиллингов 8 пенсов, бывший стюард сэр Ричард Стаффорд — дар в 500 марок, старший конюший сэр Болдуин Ботетур — манор Ньюпорт, 100 фунтов и ренту в 40 фунтов, стюард сэр Эдмунд Уонси — ренту в 20 фунтов. Щедрые награды достались рыцарям Эдуарда Вудстокского — знаменосцу сэру Уильяму Шанку, гонцу сэру Роджеру Котсфорду, дипломату и будущему маршалу сэру Стивену Косингтону, будущему стюарду Аквитании знаменитому сэру Томасу Фелтону, сэру Джону Салли.

Не были обойдены вниманием и придворные принца, и среди них — Теодорих Ван Дале, получивший рыцарские шпоры во время экспедиции, Ричард Панчердаун, перешедший на службу к принцу от сэра Джона Чандоса, врач Уильям Блэкуотер и даже пекарь Ричард Доксейе. Привратник Уильям Ленч, потерявший в битве при Пуатье глаз, был награждён доходом с паромной переправы в Солташе, что около Плимута. Гасконским сеньорам, которых в кампании участвовало значительно меньше, чем англичан, Эдуард Вудстокский также сделал пожалования — в основном земли или доходы в Аквитании. Так, капталю де Бюшу достались город и замок Коньяк, сиру де Помье, сеньору де Леспару и сеньору де Тарта — подарки и пенсии. Кроме того, принц выкупил часть их военной добычи.

Собственный доход Эдуарда Вудстокского от экспедиции подсчитать непросто, так как теоретически он имел право на половинную долю всех выкупов, следуемых рыцарям его свиты. Кроме того, у него были и собственные пленные, которых он выкупил у воинов — например, принц Филипп, граф де Сансер^[79] и сеньор де Краон. Их Эдуард в свою очередь передал королю за 20 тысяч фунтов.

В тот год в столице Англии собралось невероятное количество представителей высшего европейского дворянства. Кроме уже перечисленных французов, в Лондоне находились их пленные соотечественники: Пьер, герцог де Бурбон, Жан д'Артуа, граф д'Э, Жан де Нуайе, граф де Жуаньи и маршал Арнуль д'Од্রেом. Компанию им составляли Дэвид II Брюс, король Шотландии, и шотландские лорды, попавшие в руки англичан в 1346 году после поражения в битве при Невиллз-Кроссе.

Неудивительно, что при таком скоплении знати в стране началась череда великолепных турниров, открывшаяся осенью 1357 года празднеством в Смитфилде, где присутствовали все три короля. После Рождества, в самом начале января было организовано необычное

состязание — ночной турнир в Бристолле. Ещё раз на ристалище, теперь уже в Лондоне, англичане вышли вместе со своими французскими и шотландскими пленниками.

Но самый грандиозный турнир был устроен 23 апреля в Виндзоре — в честь праздника ордена Подвязки. О своём участии заявили несколько сотен рыцарей, среди которых в первых рядах оказались наследник трона Эдуард, принц Уэльский, и его братья — Лайонел Антверпенский, граф Ольстерский, Джон Гонтский, граф Ричмондский и Эдмунд Лэнглийский, пока ещё не получивший титула. Охранные грамоты на три недели выдавались всем иностранцам, которые хотели сражаться на турнире: в Англию прибыли герцоги Брабантский и Люксембургский, опытные бойцы из Германии и Фландрии, а также многие гасконские сподвижники Эдуарда.

На возвышении, задрапированном золотой тканью, восседали король Эдуард III и королева Филиппа. Рядом расположились король Франции и другие почётные гости. Распорядителем турнира был назначен Роджер Мортимер, восстановленный в родовом титуле графа Марчского. Зрители восторгались дамами, разодетыми в яркие наряды, усыпанные драгоценными камнями, и рыцарями на боевых конях в ослепительных доспехах, украшенных гербами. Среди знатных транжир принц оказался далеко не на последнем месте. Он заплатил не менее 100 фунтов герольдам и менестрелям, дарил доспехи и детали конской упряжи своим друзьям: «Также, подаренные лорду Монферрану седло для турнира, снаряжение для него же и два копья. Также, сэру Бартоломью де Бергершу седло для турнира и щит для него же. Также, сэру Роберту де Невиллу два стальных реребреса^[80] для турнира в Виндзоре. Также, на празднике в Виндзоре подарены графу Солсберийскому шлем с чехлом, украшенным серебром, и ремень для него, украшенный серебром и позолотой»⁷².

Затем состоялся турнир, посвящённый браку Джона Гонтского и Бланки, дочери и наследницы Генри Гросмонтского, герцога Ланкастерского. Сам виновник торжества с рыцарями своей свиты устраивал поединки на всём протяжении своего пути от Редингского аббатства, где он обвенчался с молодой женой, до столицы. Финал, если так можно выразиться, состоялся в Смитфилде. Недоумение и даже возмущение у присутствовавших вызвали мэр и лондонские олдермены, как заправские бойцы вызывавшие на честный поединок всех желающих помериться с ними силами. Правда, негодование благородных рыцарей сменилось хохотом, когда они узнали в зачинщиках турнира переодетых

короля, принца Уэльского, трёх его братьев, а также 19 других знатных дворян, одним из которых был Бартоломью де Бергерш.

И вновь Эдуард Вудстокский продемонстрировал свою знаменитую щедрость по отношению к друзьям и придворным, о чём казначеем скрупулёзно была сделана соответствующая запись в расходной книге: «Также, подаренная по приказу принца герцогу Ланкастерскому, вернувшемуся из Нормандии, пара латных пластин. Также, одолженная сэру Джону Гистелсу по приказу принца для турнира в Смитфилде на 33 году правления Эдуарда III пара латных пластин и стальная бармица, которые он не вернул. Также, на турнире в Смитфилде на свадьбу графа Ричмондского подаренный сэру Бартоломью Бергершу щит. Также, подаренный лорду де Ла Варру и переданный через сэра Джеймса Дадли подбородник»⁷³.

*

Как ни приятно было Эдуарду Вудстокскому после трудов гулять и веселиться, особенно имея для этого весьма уважительные причины, однако пришла пора возвращаться к делам. Не то, чтобы в его отсутствие английские владения плохо управлялись, но никакой, даже самый лучший слуга не заменит рачительного хозяина.

Оставшуюся часть года принц провёл, объезжая свои земли. В августе он опять нагрязнул в Чешир, где вновь возникли проблемы с отправлением правосудия. В частности, внимание Эдуарда привлекло злостное нарушение законов о лесах. В результате проведённого расследования на виновных было наложено два очень крупных штрафа: лесникам из Уиррела и Деламера пришлось заплатить по 1000 и 2000 фунтов соответственно за посягательство на права принца, связанные с лесными владениями.

Пользуясь случаем, Эдуард Вудстокский заглянул в Вейлское королевское аббатство, расположенное в Деламерском лесу недалеко от городка Уайтгейт. Оно было построено по грандиозному плану, одобренному ещё его прадедом королём Эдуардом I в 1277 году. Пять лет назад принц обнаружил, что церковь аббатства до сих пор стоит без крыши, а строительство некоторых монастырских зданий вообще не начиналось. Тогда он пожертвовал аббату 500 марок из средств, полученных от штрафа, наложенного на жителей Чешира. Теперь Эдуарду пришлось раскошелиться ещё на 500 марок. Позднее он выплатил ещё 860 фунтов великому архитектору Уильяму Хелпстону за возведение оставшейся части

церкви и за фундаменты.

Надо сказать, что затраты того стоили. План строительства по-прежнему выглядел весьма амбициозно: Хелпстон обязался возвести в восточном конце аббатства комплекс из нескольких часовен по образцу кафедрального собора Толедо в Кастилии, а церковь Вэйла должна была стать крупнейшей цистерцианской церковью в королевстве и второй по величине во всём ордене цистерцианцев. Впрочем, её строительство постоянно сталкивалось с какими-то проблемами. Сначала долго откладывалось начало работ. Затем, когда Хелпстон всё же приступил к её возведению, разразилась катастрофа: 19 октября 1360 года поднялся сильнейший ветер, поваливший колонны нефа, которые рабочие не успели ещё полностью закрепить, так как не был построен верхний свод. В общем, церковь так никогда и не была окончательно достроена, а во время тюдоровской кампании по секуляризации монастырей^[81] в 1539 году её полностью разрушили.

В конце августа Эдуард Вудстокский всё ещё занимался делами в графстве Чешир, когда гонец доставил печальное сообщение — скончалась его бабка Изабелла Французская Волчица. Последние двадцать лет она была отстранена от участия в большой политике и в основном жила в своих владениях, главным из которых был замок Райзинг в Норфолке. Занималась вдовствующая королева главным образом богоугодными делами. Личные убеждения и склонности Эдуарда заставляли его держать скорее сторону отца, в своё время жёстко лишившего Изабеллу власти и казнившего её любовника Роджера Мортимера, графа Марчского. Впрочем, обладая характером независимым и самостоятельным, принц отнюдь не избегал общения с бабкой и во время своих регулярных паломничеств в Уолсингем навещал её, благо Райзинг находился оттуда всего в 35 километрах. Кроме того, он неоднократно принимал её в своём маноре Беркемстед — хотя бы в 1354 и 1355 годах.

После кончины Изабеллы, согласно составленному 20 лет назад «Акту о возврате», владения Эдуарда Вудстокского пополнились замком Райзинг, манором Чайлзмор в Уорикшире. Ему также отошли 100 фунтов ежегодного дохода от Ковентри и четвёртая часть таможенных сборов порта Кингс-Линн. Такое пополнение бюджета было для Эдуарда Вудстокского совсем не лишним, поэтому он постарался уладить все формальности как можно быстрее. В права наследства принц вступил уже 28 августа 1358 года, спустя всего неделю после смерти бабки.

В начале сентября принц покинул Честер и отправился в Лондон на похороны Изабеллы, посетив по пути своё новое владение Чайлзмор —

благо оно находилось прямо по дороге. Изабелла была погребена 27 ноября в церкви францисканского аббатства в Ньюгейте рядом с Элеонорой Прованской и Маргаритой Французской — жёнами королей Генри III и Эдуарда I.

Глава четвёртая

РЕЙМССКАЯ КАМПАНИЯ

Между тем каша, которую заварил Эдуард Вудстокский своими подвигами во время удачного *шевоше* по французским территориям — разгромом неприятельской армии при Пуатье и пленением самого короля Франции — настоятельно требовала юридического оформления. Англичанам необходимо было воспользоваться моментом и постараться извлечь для себя максимальную выгоду, пока фортуна повернулась к ним лицом. Сам виновник того, что Англия восторжествовала над исконным врагом, в процессе переговоров практически не участвовал, за исключением тех редких моментов, когда ему приходилось выполнять чисто представительские функции. В остальное время он занимался исключительно обустройством своих владений.

В конце июня 1357 года Эли де Талейран-Перигор и Никколо Капоччи, эта неразлучная парочка кардиналов из папской дипломатической когорты, прибыла в Англию, чтобы продолжить обсуждение условий договора, прерванное в Бордо подписанием промежуточного соглашения о перемирии. У стен Лондона 3 июля их встретили Эдуард Вудстокский и Саймон Ислипский, архиепископ Кентерберийский, которые с почётом сопроводили легатов в апартаменты, отведённые для их проживания. В честь посланников папы Иннокентия VI в Вестминстере был устроен большой праздник.

Переговоры затягивались, поскольку Эдуард III твёрдо отстаивал своё право на французскую корону, а папские послы готовы были обсуждать разве что реституцию земель «всех его предков». При таком несовпадении позиций никто не ожидал быстрых результатов. Тем не менее к маю 1358 года удалось кое-как согласовать пункты генерального договора о мире и условия освобождения короля Жана II. Полного текста соглашения до наших дней не дошло, однако из уцелевшей копии проекта и свидетельств хроник следует, что Эдуард III потребовал полного восстановления английских доменов в Аквитании, Турени, Анжу, Нормандии и Понтье. За короля назначался выкуп в четыре миллиона флоринов, из которых 600 тысяч необходимо было внести в английскую казну до освобождения пленника. Перемирие, согласованное в Бордо, продлевалось до 24 июня 1359 года.

Сумма выкупа была колоссальной, и даже для богатого Французского

королевства собрать её представлялось нелёгкой задачей. Тем не менее, после празднования дня святого Георгия в Виндзоре король Жан II официально согласился со всеми условиями договора в присутствии Эдуарда III, принца Уэльского, лорда верховного канцлера Англии Уильяма Эддингтона и главных королевских советников.

Документ был доставлен в Париж временно отпущенными из плена под честное слово, архиепископом Санским, графом де Танкарвилем, Шарлем де Три^[82] и маршалом д'Одреемом. Однако созванные дофином Генеральные Штаты отвергли договор, заявив, что его подписание неприемлемо и невозможно. Отказ выполнять условия соглашения не стал неожиданностью. Конечно, Эдуард III назначил непомерно высокую, можно сказать, нереальную сумму выкупа. Но он полагал, что дофину открытый разрыв с Англией был совершенно не нужен и что тот будет тянуть время в ожидании более благоприятного стечения обстоятельств. Францию сотрясали крестьянские волнения, её грабили и жгли никому не подчинявшиеся банды рутьеров, именовавшие себя «вольными отрядами». Ко всем этим бедам добавился побег из заключения Шарля Наваррского, арестованного в 1356 году за участие в заговоре против Жана II. Он тотчас же вернулся к своему любимому занятию — плетению интриг. Наваррец выдвинул, ни много ни мало, собственные претензии на французскую корону. А в ноябре 1358 года Этьен Марсель, прево Парижа, предпринял попытку сдать ему столицу и почти преуспел в своих планах.

Англичане, хотя и выступали в союзе с Шарлем Злым против Франции, также не особо ему доверяли, считая, что своё слово он лучше всего держит, когда находится под крепким замком. В полной мере разделял это убеждение и Эдуард Вудстокский, который поддерживал вполне дружественные отношения с младшими братьями наваррца — Филиппом, графом де Лонгвиль, и Луи д'Эвре, графом де Бомон-ле-Роже. Тем не менее принц с помощью всех доступных дипломатических уловок открещивался от их требований убедить отца, что освобождение Шарля Злого должно быть одним из условий мира с Францией.

*

Эдуарда III такое ускоренное развитие событий несколько не обрадовало, хотя он и предполагал нечто подобное: уже в декабре 1358 года Англия начала готовиться к экспедиции во Францию. Но военные приготовления были далеки от завершения, хотя и велись к тому моменту в

течение шести месяцев. Только в июне рекрутские мероприятия развернулись в полную силу.

Когда дело касалось войны, принца Уэльского подстёгивать не требовалось. 1 марта 1359 года он отдал приказ 300 лучникам из Чешира прибыть в Сандвич к 1 августа, а чуть позже велел снарядить ещё 50 лучников из Северного Уэльса. В конце июня Эдуард Вудстокский скорректировал свои планы: «И такое же письмо, *mutatis mutandis*^[83], к камергеру Северного Уэльса. Он должен предупредить рыцарей и оруженосцев и 400 лучников из графства Честер, и 50 валлийцев (10 из которых должны быть лучниками и 40 — копейщиками), которые собираются с принцем на войну, что им следует быть в готовности прийти к принцу, когда тот их призовет, и быть с ним всенепременно в Нортборне возле Сандвича на грядущее Успение. Также в обязанность камергеру Честера вменяется позаботиться об одежде для упомянутых лучников и заготовить 1000 связок стрел и 3000 тетив, как было приказано ранее»⁷⁴.

Остальные английские магнаты никак не поспевали за принцем, и король в очередной раз отложил сбор войска до 1 сентября. Это вызвало недовольство Эдуарда Вудстокского, поскольку из-за такого промедления он нёс ненужные расходы, причём немалые — нанятым воинам нужно было платить независимо от того, участвовали они в кампании или нет. А экспедиция 1359 года была примечательна тем, что полностью финансировалась из собственных средств короля и крупнейших магнатов. Никакого дополнительного налогообложения в стране не вводилось. Восьми рыцарям и 17 оруженосцам принц авансом заплатил за полгода вперёд, считая их службу с 1 августа — 136 фунтов 16 шиллингов и четыре пенса. Ещё 30 фунтов он выдал собственным оруженосцам. Однако этим его издержки не исчерпывались:

«Приказ мастеру Джону де Бранэму, клерку принца и камергеру Честера. Выплатить следующие суммы нижеперечисленным бакалаврам принца, которых принц нанял для войны в течение года, начиная с дня святого Петра в оковах, в качестве жалования за полгода... Что касается платы упомянутым рыцарям и их оруженосцам, точно так же, как и упомянутым оруженосцам принца, то принц приказывает, чтобы за семидневный переход в Нортборн каждому из рыцарей было выплачено по два шиллинга в день, и каждому из оруженосцев — по 12 пенсов в день...»⁷⁵

Кроме того, Эдуарду Вудстокскому пришлось нести множество других расходов — на приобретение экипировки, коней, оружия, провианта, на

фрахт кораблей и пр. Не удивительно, что он влез в крупные долги, о чём свидетельствовала выданная им расписка на 20 000 марок.

Эдуард также занял ещё 1000 фунтов у лондонских купцов и 2000 фунтов у богатейшего магната Ричарда ФицАлана, графа Эранделского.

Из этих денег были выплачены в том числе и личные долги принца, с которыми он считал необходимым расплатиться перед отбытием. Значительная их часть не имела никакого отношения к воинским забавам. Так, Эдуард распорядился выдать жалование своему придворному живописцу — 387 фунтов, и вышивальщику — 340 фунтов. Недоброжелатели упорно пытались и до сих пор пытаются изобразить принца человеком грубым и малообразованным по сравнению с людьми из его близкого окружения, весьма сведущими в литературе, — в первую очередь с тем же другом детства Саймоном Бёрли, чьё богатое по тем временам собрание книг насчитывало 21 том. Они укоряли Эдуарда тем, что в его библиотеке отсутствовали даже рыцарские романы, которые так ценились монархами и представителями высшей знати.

Действительно, как и отец, Эдуард Вудстокский был равнодушен к литературе. После смерти бабки, королевы Изабеллы, он не стал претендовать на её коллекцию фолиантов, которая отошла тётке принца Джоанне, королеве Шотландии. Коллекция включала в себя три романа о короле Артуре, три романа из цикла о Карле Великом, один роман о Троянской войне, генеалогический сборник и две богослужбные книги. Но если книги Эдуарда не трогали, то он любил живопись, архитектуру и не жалел затрат на музыкантов:

«Четыре трубы из позолоченного серебра с эмалью, изготовленные для менестрелей, присланные графом д'Э из французских земель и купленные в тот же день для четырёх менестрелей принца в качестве подарка. Волынки и барабан, купленные в тот же день; доставлены менестрелям в качестве подарка»⁷⁶.

*

Король Эдуард III не делал секрета из главной цели экспедиции: армия собиралась идти на Реймс — город, в соборе которого традиционно короновались короли Франции. Там должны были реализоваться его права на французский трон. Он желал совершить помазание святым елеем по священному обряду, которому следовало большинство монархов, начиная с XI века. После серии громких побед, одержанных англичанами, Эдуард III

и сам всерьёз поверил в то, что воплощение его политических претензий в жизнь совершенно реально, и он сможет объединить под своей властью два могущественных королевства, в течение нескольких столетий связанных неразрывно между собой и кровным родством, и непримиримой враждой.

Англичане вели подготовку к экспедиции, не скрываясь, ибо были уверены, что противник ничего не сможет им противопоставить. Однако дофин Шарль всё же попытался принять оборонительные меры. В конце осени Гоше де Шатийон, капитан Реймса и внук знаменитого коннетабля Франции, закончил работы по укреплению города, а также заполнил склады оружием и провиантом.

Эдуард Вудстокский прибыл в Сандвич в середине сентября. Туда же подтянулись его боевые соратники, рыцари свиты: сэр Джон Чандос, лорды Бергерш и Ботетур. Сэра Джеймса Одди среди них не было — он присоединится к принцу позже, уже во время кампании. Войско Эдуарда состояло на тот момент из семи баннеретов, 136 рыцарей, 443 оруженосцев и 900 конных лучников⁷⁷. Кроме принца в экспедиции участвовали практически все знаменитые английские капитаны — герцог Ланкастерский, графы Нортхэмптонский, Стаффордский, Уорикский и сэр Уолтер Мэнни.

Кампания готовилась тщательнейшим образом. В составе армии через Ла-Манш переправлялись двести минёров, плотников, кузнецов, стрелоделов и прочих ремесленников. На суда грузились походные кузницы и печи, ручные мельницы, кожаные лодки для ловли речной рыбы, заготовки для подков, строительная известь, гвозди, верёвки. Для королевской охоты везли собак и соколов. Провиант включал в себя вино, масло, зерно, сушёные овощи, засоленное мясо и рыбу. Только на жалование воинам казна потратила 130 тысяч фунтов, не говоря уже о расходах на транспортировку, вооружение и прочее.

Судов для перевозки армии с обозом как всегда не хватило. Войска доставлялись на континент по частям. Сначала 1 октября отплыл герцог Ланкастерский с авангардом. Он должен был немедленно по прибытии в Кале принять на службу большой отряд наёмников Фридриха III Сурового, маркграфа Майсенского, прибывший в этот порт с надеждой подзаработать и в отсутствие нанимателей опустошавший склады с провизией, приготовленные для главных сил. Включив немцев в свою армию, герцог Ланкастерский выступил в пробный рейд на Аррас, а оттуда повернул к Сомме. Сколь-нибудь стоящих французских сил на своём пути он не обнаружил. Генри Гросмонтский попытался взять штурмом Бре-сюр-Сомм, чтобы форсировать реку, но потерпел неудачу, так как город оказал упорное

сопротивление, а сам он был атакован с тыла отрядом под командованием французского наместника Пикардии. Ничуть не смущённый этим, Ланкастер двинулся вдоль северного берега Соммы и переправился у Серизи. Здесь его нагнал курьер с королевским приказом возвращаться. Герцог повторно форсировал Сомму, прошёл через Абвиль, свернул к северу около Креси и вернулся в Кале через Монтрей.

Следующим на континент во второй декаде октября отправился Роджер Мортимер. Он разорил побережье Ла-Манша до самого Этапля, который сжёг перед тем, как присоединиться к возвращавшемуся герцогу Ланкастерскому.

Основные силы покинули Англию 27 октября 1359 года. Уже на следующий день Эдуард Вудстокский высадился в Кале, а 4 ноября он выступил в поход. Английская армия вышла из города тремя колоннами. Одной из них командовал принц Уэльский, второй — король, а третья была образована из войск, вернувшихся из рейда с Ланкастером и Марчем. На этот раз колонны разошлись гораздо дальше друг от друга, чем во время кампании Креси. Принц вёл свою колонну самым западным путём на Эден, примерно по тому маршруту, которым только что возвратился герцог Ланкастерский. Восточнее от него шли войска Генри Гросмонтского. Эдуард III двигался ещё дальше — через Артуа и Камбрези, вдоль границы Франции с Фландрией, Брабантом и Геннегау.

От Эдена принц повернул на юго-восток и, форсировав Сомму, направился к Нелю и Аму, расположенным в верховьях реки. Здесь 26 ноября он впервые с самого начала кампании столкнулся с каким-то подобием активного сопротивления. Небольшой французский отряд попытался застать врасплох солдат графа Стаффордского, атаковав ночью его лагерь. Однако лихой набег под покровом темноты успехом не увенчался — французы были разбиты, а несколько рыцарей и сам командир отряда попали в плен. По некоторым свидетельствам этим командиром был сам мэтр арбалетчиков дофина Будуан де Ланс, сир д'Анкен — то есть один из высших офицеров французской армии.

В 50 километрах к северо-западу от Реймса колонна принца соединилась с остальными войсками. Состоялся военный совет, который продолжался 29 и 30 ноября. Капитаны обсуждали детали того, как им вести осаду города. Самое большое внимание уделялось организации связи между отрядами и координации их действий. Принц получил приказ обойти Реймс с северо-востока. Таким образом, его маршрут пролегал сначала к Ретелю, где по данным шпионов находился мост через Эну. Однако выполнить приказ короля оказалось не так просто — чтобы

помешать переправе, французы сожгли мост. Поэтому принц решил переправиться у Шато-Порсьена, не доходя 10 километров до Ретеля. Он с боем форсировал реку и 4 декабря встал лагерем у стен Реймса там, где это было предписано разработанным военным планом.

*

Ели бы не Гоше де Шатийон, то Реймс совершенно точно не смог бы устоять перед англичанами. Город раздирали споры за власть между архиепископом и влиятельными горожанами. Стены северного участка у ворот Порт-де-Марс были низкими и ветхими, да к тому же около них был разбит сад, мешавший обороне, который архиепископ решительно отказывался вырубать.

Прибыв в Реймс, де Шатийон приказал возвести мощную стену с высокими башнями между архиепископским собором и Порт-де-Марс. Трое из восьми ворот он приказал замуровать, а разводные мосты около них демонтировать. Подходы к городу Гоше защитил дополнительными рвами. Все строения, располагавшиеся неподалёку от стен, были разрушены независимо от того, кто ими владел. Телеги и вьючные животные подверглись безжалостной реквизиции, в том числе и лошади из личной конюшни архиепископа. В окрестных селениях конфисковывались припасы для пополнения городских запасов.

Гоше сосредоточил в городе большое количество артиллерии, закупленной в Париже, Сен-Кантене и Руане, а главный артиллерист был нанят в Вердене. На главных перекрёстках он приказал сложить цепи, чтобы блокировать врага, если он проникнет за стены. Горожане были разбиты на отряды по десять и пятьдесят человек и расписаны по дневным и ночным караулам. Не избежал всеобщей повинности даже каноник Реймского собора Гийом де Машо — знаменитый поэт и композитор, ключевая фигура французского *Ars Nova*, прославившийся своей четырёхголосной полифонической «Мессой Нотр-Дам». Ему, достигшему к тому времени весьма преклонного возраста, также пришлось натянуть кольчугу и нести вахту у городских ворот.

Англичане подошли к Реймсу и окружили его. Принц переместился с северо-восточных окраин города на юго-западные и обосновался в деревушке Виль-Доманж. Полевую руку от него, на холмах Сен-Тъери разбили свой лагерь герцог Ланкастерский и граф Нортхэмптонский. Король Эдуард III расположился слева от позиций сына, сделав местом

своего пребывания бенедиктинский монастырь Сен-Баль, стоявший на самой высокой точке холмов Монтань-де-Реймс. Графы Уорикский и Марчский выставили заслоны с востока от города — у Бетани и между Сернэ-ле-Реймсом и Сен-Леонаром.

Вскоре английские войска двинулись на штурм города:

«Эдуард король Англии и его сын принц Уэльский, осадив Реймс, установили осадные орудия с запасом камней, чтобы взять город... Англичане построились в четыре баталии, три из которых атаковали, а четвёртая охраняла лагерь и палатки, и всем трём баталиям было приказано атаковать. Первой командовал принц Уэльский, второй — герцог Ланкастерский, третьей — граф де Ришмон^[84], монсеньор Томас Холанд и монсеньор Одди. У короля Англии, который наблюдал за ходом битвы, был отряд латников.

Жители Реймса и сеньоры, присоединившиеся к ним для защиты города от англичан, построили укрепления, чтобы сражаться против деревянных осадных башен. Англичане начали нападение утром, и принц Уэльский атаковал со стороны Парижа. Это была мощная атака, потому что с ним шло более двух тысяч лучников, которые стреляли столь часто и столь густо, что никто не осмеливался поднять голову над стеной. Однако у латников, защищавших Реймс, были крепкие бацинеты с забралами, и они смогли устоять против стрел. Они переждали град камней с английской стороны и продолжали яростно защищаться.

Принц заставил захваченных им местных крестьян принести деревья и брёвна и завалить двадцать саженей рва, после чего продолжал штурм весь день. Знатные сеньоры, которые были в городе, сделали вылазку против короля Англии. Они подобрались к упомянутым деревьям и брёвнам через тайный ход и подожгли указанное дерево, которое в результате загорелось. Лучники принца весьма желали взять Реймс, и были тяжело удручены. Эдуард король Англии прорвался через ряды сражающихся и спас своих людей, дав им мужество отразить атаку. И он не окончил штурма до наступления темноты. И весь зимний сезон король Англии продолжал осаждать город Реймс»⁷⁸.

В течение следующих сорока дней англичане не предпринимали повторных штурмов. Вместо этого Эдуард III сосредоточился на дипломатических усилиях, пытаясь переговорами убедить горожан признать его власть над Реймсом. Он надеялся, что симпатизирующий англичанам архиепископ Жан де Краон откроет им городские ворота.

Рождество командиры английской армии отметили в деревне Верзи,

расположенной рядом с королевским лагерем. Затем капитаны стали задавать пиры по очереди, приглашая к себе остальных. Осада Реймса была не очень обременительной для англичан и не слишком строгой для французов. Гораздо больше, чем сам город, страдали его окрестности. Так, 20 декабря принц послал своих людей под командованием Бартоломью де Бергерша взять Кормиси, что находился в 15 километрах к северо-западу от Реймса. Англичане ночью перелезли через стены и захватили город. Однако хорошо укрепленный замок, где засел усиленный гарнизон, держался до 6 января 1360 года, пока Бергерш не подвёл под стены мину и не взорвал их. В образовавшийся пролом хлынули штурмующие. Гарнизон отступил в главную башню замка, но его вынудили сдаться. Два дня спустя башня была разрушена, а город предан огню.

Второй отряд, отданный принцем Уэльским под начало герцога Ланкастерского, Джона Гонтского и сэра Джона Чандоса, атаковал города к востоку от Реймса. Хорошо укрепленный Сернэ-ан-Дормуа был взят 30 декабря. Несмотря на двойной ров, крепкие стены и башни, а также сильный гарнизон, замок сдался уже после первого штурма, после чего город был сожжён. Затем рейдеры подошли к расположенным неподалёку городам Отри и Манр, где к ним присоединился Эташ д'Абришикур. Оба города не оказали никакого сопротивления, но всё равно были сожжены.

Впрочем, фортуна не всегда благоволила англичанам — порой и они несли потери. Так, во время одного из рейдов к французам в плен попали Уильям Кингстон из свиты принца и придворный Лайонела Антверпенского — великий поэт Джеффри Чосер, прозванный отцом английской литературы. Впрочем, томиться в заключении им пришлось недолго. Король Эдуард III выкупил за 16 фунтов Чосера, а принц Уэльский за ту же сумму — Кингстона:

«Приказ сэру Питеру де Лейси, генеральному казначею и пр., возместить бакалавру принца сэру Джону де Уингфилду 24 марки, которые он по приказу принца заплатил в качестве выкупа за Уильяма де Кингстона, йомена двора принца, взятого в плен людьми города Реймс в Шампани во время последней экспедиции во Францию»⁷⁹.

*

С каждой неделей, проведённой английской армией под стенами Реймса, становилось всё понятнее, что осаду города рано или поздно придётся снимать. От архиепископа и его людей не было ни помощи, ни

каких-либо известий. Несмотря на удачные рейды по окрестностям, боевой дух английской армии падал. Оптимистичному настрою не способствовала и хмурая, зябкая дождливая погода. Запасы провизии заканчивались.

Чтобы прокормить себя, войско должно было постоянно находиться в движении. И вот 11 января 1360 года Эдуард III смирился с неизбежностью, приказав армии сниматься с лагеря и выступить на юг. Она вновь разделилась на три колонны, которые дошли до реки Марна и направились вниз по её течению. Около Шалона к колонне принца Уэльского присоединились отряды сэра Джеймса Одли и капталя де Бюша. Город англичане не тронули, обойдя его стороной.

Переправляться через Марну армия собралась в Поньи. Однако ей пришлось ждать целую неделю, пока не был отремонтирован мост. Перебравшись на западный берег, войско опять разделилось на три колонны, которые двигались с интервалом в несколько километров до самой Сены. Герцог Ланкастерский форсировал реку у Пон-сюр-Сена и направился на юго-запад к Сансу. Принц Уэльский вслед за отцом переправился у Мери, откуда повёл свою колонну на юго-восток к Труа, затем к югу, пока не прибыл к аббатству Понтињи. Из стен этой цистерцианской обители вышло много известных политических и церковных деятелей. Среди них было и два архиепископа Кентерберийских — святой Томас Бекет и Стивен Лэнгтон. Здесь же скончался по пути на конклав в Рим ещё один примас Англии — учёный, философ и теолог святой Эдмунд Рич из Эбингдона. Перед его ракой принц с благоговением преклонил колени, а войска получили строгий приказ воздержаться от любых грабежей в окрестностях знаменитого монастыря, столь тесно связанного с английской историей.

Конского корма колонне Эдуарда Вудстокского катастрофически не хватало, поэтому он приказал повернуть на запад, обогнул с севера Осер и остановился в Эглени. Этот район не пострадал от рейдеров, и продовольствия здесь было в достатке как для людей, так и для лошадей. Однако вокруг стояло множество замков и крепостей, чьи гарнизоны частенько отваживались на вылазки, чем очень стесняли людей принца. Несколько его рыцарей и оруженосцев было убито ночью во сне. Подвергались внезапным нападениям команды фуражиров, хотя не всегда удача оказывалась на стороне атакующих:

«Пять английских оруженосцев из армии вышеупомянутого принца — без доспехов за исключением бацинетов и щитов, лишь у одного была кольчуга, — а также с ними три лучника находились на мукомольной мельнице около Реженси — крепости, удерживаемой англичанами недалеко

от Осера. Пятьдесят латников под пенноном сеньора де Ангеста атаковали их, но пятеро разгромили пятидесятерых, захватив одиннадцать пленников. Потом даже сами французы из других гарнизонов с насмешкой называли это подвигом пятидесяти против пяти»⁸⁰.

Хотя Эдуарду сильно досаждали вылазки, подобные той, на какую отважились люди Жана сеньора де Ангеста и де Даванкура по прозвищу Зануда, он оставался в окрестностях Осера в течение всего следующего месяца. В это время его отец расположился в Гийоне — городе на самой границе с Бургундией, — и не спеша торговался с бургундцами относительно выкупа за то, что герцогство не будет разорено. Только 10 марта договор был подписан прибывшими в Гийон представителями бургундской знати от лица несовершеннолетнего герцога Филиппа Руврского.

В лагерь Эдуард Вудстокский около Эглени таким образом пришли три новости: одна хорошая и две плохих. Хорошим известием стало то, что за избавление от грабежей и поджогов Бургундия согласилась выплатить англичанам 200 тысяч мутондоров^[85], причём до Пасхи 1361 года в три этапа. В обмен на это англичане брали на себя обязательство вернуть замок Флавиньи и три года соблюдать перемирие с герцогством. В числе условий договора присутствовал также очень интересный пункт: если Эдуард III в течение этого срока объявлял о своей коронации короной Франции, а герцог Бургундский, как один из двенадцати пэров, возражал бы против этого, то договор аннулировался, и англичане имели право вновь открыть военные действия.

Впрочем, говоря по совести, принц Уэльский не счёл эту новость однозначно хорошей. Пусть часть полученного выкупа в конце концов и осела в его казне в качестве погашения расходов на экспедицию, он полагал сумму вознаграждения явно недостаточной компенсацией за провал Реймской кампании. Деньги не имели в глазах Эдуарда Вудстокского той же ценности, что победа в бою или достижение поставленной цели.

Что касается новостей очевидно печальных, то принца сильно расстроила гибель друга его детства Роджера Мортимера, графа Марчского, около Руврэ, к югу от Гийона — он был убит 26 февраля 1360 года, возможно, во время фуражировки. Второе известие касалось Англии: в начале марта французский десант совершил нападение на Уинчелси и нанёс большой ущерб городу. Неприятель был изгнан, но правивший в отсутствие короля совет решил во избежание дальнейших неожиданностей перевести пленного Жана II в замок Беркемстед, принадлежавший Эдуарду,

на что у него испрашивалось дозволение. Принц немедленно продиктовал ответ:

«Приказ сэру Джону Клею, клерку и генеральному казначею принца в Беркемстеде. Во исполнение решения королевского совета в Англии о том, чтобы французский король на некоторое время оставался в Беркемстедском замке принца для безопасности его персоны, — передать ключи и помещения в замке тем, кто доставит его туда»⁸¹.

*

Трезво взвесив свои шансы на коронацию в Реймсе, которые стремились к нулю, Эдуард III решил заставить дофина хотя бы ратифицировать мирный договор. Он выступил на Париж, и отряды принца Уэльского присоединились к основным силам. Армия опять выстроилась в три колонны и медленно двинулась на север к столице Франции, опустошая на своём пути все окрестности.

Уже под самым Парижем, проходя через Турнель в окрестностях Фонтенбло, Эдуард Вудстокский наткнулся на бастиду, гарнизон которой был укомплектован известными рыцарями и всячески демонстрировал желание вступить в бой. Принц окружил её, установил осадные орудия и после трёх или четырёх дней блокады вынудил гарнизон сдаться. В плен попали в числе прочих сеньоры де Бувиль и д'Эгревиль, мессирсы де Агенье, Жан де Бар, Гийом дю Плесси и Жан Брак, а также 40 латников и множество простых солдат. Конечно, эта победа не изменила кардинально положения дел, но хотя бы позволила принцу отвести душу.

Тридцатого марта Эдуард подошёл к Парижу с юга и разместил своих солдат между Корбеем и Лонжюмо. Эдуард III встал лагерем в Шантлу. Естественно, у короля даже мысли не возникало о штурме — после провала осады провинциального Реймса где уж тут думать о взятии столицы? Однако войско, стоящее у ворот Парижа, было весьма серьёзным аргументом в дипломатическом торге.

Как всегда, принц не рвался принимать участие в переговорах. Прежде всего, это не позволялось его положением наследника трона — ведь по своему статусу он был равен дофину Шарлю, а тот до личного участия в обсуждении договора не снизошёл. Но главное, что деятельному и отважному военачальнику, в общем-то, претило заниматься юридической казуистикой. Поэтому на конференции, открывшейся 3 апреля в Лонжюмо, англичан представляли герцог Ланкастерский, графы Нортхэмптонский и

Уорикский, сэр Джон Чандос и Уолтер лорд Мэнни. Все они обладали немалым опытом ведения переговоров. От французов прибыли коннетабль Робер де Фиенн, маршал Бусико, сеньор де Гарансьер, сеньор де Винье и монсеньор Симон де Бюси. К обсуждению присоединились также посланники папы Иннокентия VI — магистр ордена доминиканцев доктор Симон де Лангр, декан Чичестерского собора Уильям Линн, аббат Клюни Андруан де ла Рош и наместник дофина во Вьеннуа Юг Женевский, сеньор д'Антон. Как бы то ни было, принц не много потерял, отказавшись участвовать в переговорах, поскольку закончились они быстро и безрезультатно. Итог весьма чётко подвела французская сторона: «Переговоры закончились абсолютно ничем из-за чрезмерных требований неприятеля»⁸².

Раз мирные инициативы своей роли не сыграли, англичане обратились к своей обычной тактике запугивания. Войска Эдуарда III с энтузиазмом принялись разорять окрестности Парижа. Они сожгли деревни Монлери и Лонжюмо, вынудив жителей бежать под защиту городских стен. Со своей стороны, дофин предпринял нестандартный ход, который вряд ли принёс ему любовь местного населения: он приказал сжечь предместья Сен-Жермен, Нотр-Дам-де-Шан и Сен-Марсо, чтобы англичане не смогли использовать их в качестве прикрытия для нападения на город. Впрочем, некоторые современники полагали, что это всё-таки было делом рук англичан — а конкретно, принца Уэльского и герцога Ланкастерского⁸³.

Париж не был готов к длительной осаде — хотя боевой дух горожан был достаточно высок, но припасов не хватало, особенно с учётом сбежавшихся в город жителей предместий, окрестных городков и деревень. С другой стороны, и английская армия не могла долго поддерживать блокаду. Поэтому Эдуард III попытался выманить дофина в чистое поле и дать ему бой на открытой местности. Однако Шарль не клюнул на манёвры неприятеля, и сторонам опять пришлось садиться за стол переговоров. 10 апреля работа конференции с участием тех же представителей возобновилась, но вновь закончилась провалом из-за непримиримых позиций англичан и французов.

Эдуарду III ничего не оставалось, кроме как отступить. Но перед отходом он сделал последнюю попытку навязать дофину сражение. Рано утром 12 апреля король выстроил армию у стен Парижа. Сам он командовал центром, герцог Ланкастерский — авангардом, а Эдуард Вудстокский — арьергардом. По традиции 30 оруженосцев, в том числе несколько человек из свиты принца, были посвящены в рыцари. В

очередной раз стало ясно, что дофин по-прежнему не собирался принимать вызов и выводить войска из города. Тогда воины, только что получившие рыцарские шпоры, отправились в набег на предместья. Там у них завязалась мимолётная стычка с примерно равным количеством французских рыцарей, во время которой сэра Ричард Баскервилл-младший, сын сподвижника принца, сражавшегося с ним плечом к плечу при Креси и Пуатье, был сбит с коня. Он отважно защищался, пока к нему не подоспела подмога.

После этого столкновения армия отступила на юго-запад в сторону Шартра. На первый день был запланирован долгий переход, увозящий солдат подальше от разорённых областей. Температура ещё больше упала, пошёл мокрый снег и град. Гибли лошади, ослабленные бескормицей, поэтому пришлось бросить большую часть обоза. Король колебался в выборе дальнейшего пути, поэтому войска сначала свернули на юг к Шатодану, а потом на восток к Орлеану. Там в английский лагерь приехал Андруан де ла Рош, аббат Ключни. На этот раз англичане были покладистее: их армия находилась во Франции уже в течение семи месяцев, а добилась при этом весьма неубедительных результатов, хотя была многочисленной и возглавлялась опытнейшими командирами.

*

Тактика дофина удерживать только большие города вынуждала противника предпринимать масштабные осады. А удержать город с запасами продовольствия было куда легче, чем снабжать большую армию, расположенную у его стен. Взятие относительно небольшой крепости Кале потребовало почти годовой блокады, а Реймс вообще не удалось склонить к сдаче. Успешный захват можно было совершить только с помощью предательства или удачного штурма.

Все эти соображения склоняли англичан к мирным переговорам. Одни хронисты считали, что заключить мир предложил герцог Ланкастерский, другие — что это сделал принц Уэльский. Однако, зная неприязненное отношение Эдуарда Вудстокского ко всякого рода конференциям и переговорам, с большой долей вероятности можно предположить, что герольд Чандос, вероятно, просто польстил своему герою:

Врага не вынудив на смертный бой,
Для рейда путь они нашли иной —

На Шартр. Совет решил войны не длить,
И клятвой мирный договор скрепить.
Но мир был заключён лишь потому,
Что благородный принц склонил к нему
Благоразумием своих речей
Обоих благородных королей⁸⁴.

Встреча состоялась 1 мая в Бретињи — небольшой деревушке в окрестностях Шартра, куда переместилась английская армия. Дофин отправил на конференцию 16 своих представителей во главе с Жаном де Дорманом, епископом Бовеским, в то время как английскую делегацию из 22 человек возглавил Генри Гросмонтский, герцог Ланкастерский. Трёх легатов, как водится, прислал папа. Несмотря на явные неудачи в ходе кампании, англичане занимали, тем не менее, сильную позицию на переговорах. Поэтому они упорно настаивали на своей версии мирного соглашения.

Договор был согласован в общих чертах к концу следующей недели, и его условия носили совершенно практический характер. Поскольку Эдуард III не смог отстоять свои претензии на французскую корону, несмотря на проведённую ради этого большую кампанию, то он отказался от них, а также от Бретани, Анжу, Нормандии, Мэна и Турени. Со своей стороны, французы также были не в состоянии освободить от англичан Аквитанию, поэтому она осталась во владении Эдуарда III, которому на условиях полного суверенитета отходили Гасконь, Пуату, Сентонж, Ангума, Перигор, Лимузен, Керси, Руэрг и некоторые территории в западных Пиренеях. Кроме того, на севере за ним оставалось графство Понтье, а также города Монтрей и Кале. Выкуп за короля Жана II был установлен в размере трёх, а не четырёх миллионов флоринов, которые французам следовало выплатить в течение шести лет.

Как только соглашение было готово, английские войска двинулись на север. В Ле-Нёбуре, лежащем в долине Сены, Эдуард Вудстокский покинул армию. Основные силы проследовали под командованием Ланкастера, Мэнни и Стаффорда в Кале для погрузки на суда, а король с сыновьями отправился в Онфлёр. Принц же имел особое, весьма важное поручение: 15 мая в Лувье, в соборе Нотр-Дам он подписал предварительное соглашение, уже ратифицированное дофином. Затем Эдуард догнал отца, и вечером 18 мая они вместе высадились в Рае. Оттуда принц с королём помчались в Лондон, одним духом преодолев сто километров, разделяющих эти города.

Скачка действительно была бешеной: «Выплачено 20 мая того же года Уильяму де Меркшейлу, бывшему йомену сэра Болдуина Ботетура, рыцаря, в качестве дара от принца за коня, загнанного принцем в жестокой скачке от моря до Лондона после высадки, — 40 шиллингов»⁸⁵.

Зачем нужно было так торопиться — непонятно. Ведь король Жан II одобрил договор только 22 мая, а сам Эдуард III торжественно поклялся соблюдать условия мира лишь 14 июня. Но как бы то ни было, в честь завершения конфликта французский король, освобождённый из Беркемстеда, дал роскошный обед в Лондонском Тауэре. На обеде присутствовали Эдуард III, принц Эдуард, их придворные и большинство пленников, всё ещё остававшихся к тому времени в Англии.

*

После возвращения из Франции Эдуард Вудстокский почти не отходил от Жана II. По приказу отца он был одновременно и опекуном, и тюремщиком, и наперсником венценосного пленника — немудрено, что в столь тесном общении они сдружились. В конце июня принц и король вместе отправились из Лондона в Кале по Старой кентской дороге. По пути кортеж завернул в Кентербери, где Жан II пожертвовал на раку святого Томаса Бекета драгоценный камень ценой в 25 фунтов. Принц и король оставили Кентербери 5 июля и продолжили своё путешествие в Дувр, не выказывая, однако, особой поспешности — проехали через парк, принадлежавший архиепископу Кентерберийскому, и развлеклись охотой. Прибыв к месту назначения, они также не стали торопиться на поджидавший их корабль, а вместо этого принц закатил в честь французского короля богатый пир в Дуврском замке. И лишь 7 июля Жан II отплыл в Кале, где должен был оставаться до тех пор, пока не будет внесён первый взнос в счёт выкупа в размере 600 тысяч экю.

Как и следовало ожидать, конкретные шаги по реализации договора согласовать оказалось весьма непросто. В начале августа дофин прибыл в Сент-Омер, чтобы организовать сбор средств на выкуп, к концу месяца он переехал в Булонь. 24 августа Эдуард Вудстокский в сопровождении герцога Ланкастерского и других магнатов, которым было поручено вести переговоры, отправился в Кале. Формально он возглавлял английскую делегацию, за что получил от короля возмещение расходов в размере 200 фунтов и ежедневное вознаграждение в 20 фунтов. Однако ведущая роль наверняка принадлежала опытному дипломату Генри Гросмонтскому. Им

помогали Стивен Косингтон, Майлз Стэплтон и сэр Нил Лоринг, которые не раз исполняли посольские функции как во Франции, так и в Нормандии.

Ожидалось, что конференция не затянется надолго, поскольку все главные вопросы были уже урегулированы. Принц планировал 6 сентября вернуться на родину, однако в ходе переговоров возникли столь серьёзные проблемы, что о скором возвращении в Англию пришлось забыть. Эдуард Вудстокский вынужден был постоянно беспокоить отца, послав к нему сначала 9 сентября Уильяма де Рока, затем 13 сентября сэра Николаса Ловейна и, наконец, 6 октября своего доверенного придворного сэра Уильяма Бёртона. В конце концов стало понятно, что без личного присутствия Эдуарда III договориться с французами не получится, и 9 октября король отплыл из Сандвича, чтобы присоединиться к принцу в Кале.

Самый сложный вопрос, собственно, заключался в точном определении того времени, когда оба монарха взаимно откажутся от своих прежних претензий, когда будут переданы территории и выведены гарнизоны из тех крепостей, которые переходят к противной стороне. Эдуард III проявлял патологическую подозрительность по отношению к французам и небезосновательно опасался, что они не станут выполнять договор, как только Жан II обретёт свободу. Поэтому он отказался дезавуировать собственные претензии до тех пор, пока фактически не вступит во владение отходящими ему территориями. Французы со своей стороны, резонно заявляли — раз Эдуард не отказывается от своих претензий, то и они откладывают признание его суверенитета над уступленными провинциями. Кроме того, их сильно беспокоила деятельность английских, гасконских и наваррских вольных отрядов. Считалось, что они сложат оружие, когда короли договорятся о мире, однако этого не произошло, и вооружённые банды рутьеров продолжали терроризировать Францию.

В конце концов, после долгих споров и дискуссий был составлен список более чем из восьмидесяти населённых пунктов, откуда Эдуард III обязался вывести английские гарнизоны до начала февраля 1361 года. На это время в качестве гарантии Жан II сохранял контроль над наименее значимыми территориями из тех, которые ему пришлось уступить: графством Понтье, графством Монфор-Л'Амори, Сентонжем и Ангумау. Они должны были перейти под власть английского короля в начале марта, и тут уже гарантией служила отправка в Кале в качестве заложников большого числа представителей местной знати от каждой из провинций.

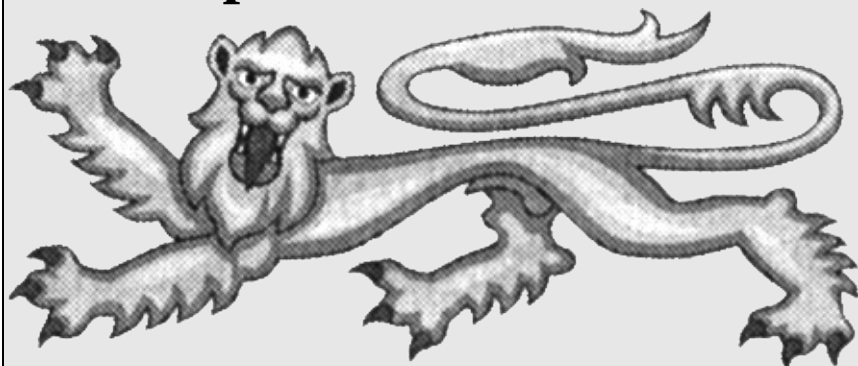
Отдельное соглашение определяло освобождение пленных. Сыновей

Жана II — графов д'Анжу и де Пуатье, равно как и его брата герцога Орлеанского, следовало выпустить после выплаты второй части выкупа и передачи основных территорий на юго-западе. Пятая часть оставшихся заложников подлежала освобождению после передачи Англии всех оговорённых территорий. Затем в течение четырёх лет по выплате очередной доли выкупа на родину равными партиями отпускались остальные.

Спорные вопросы были с грехом пополам улажены, и 12 октября Жан II устроил пир, на котором почётными гостями были король Англии, принц Уэльский и герцог Ланкастерский. 24 октября в Кале оба монарха торжественно поклялись соблюдать условия договора, и в начале следующего дня принц проводил пленника до Булони, где французский король в церкви Святой Марии повторил свою клятву — как свободный человек. Принц Уэльский и дофин также поклялись соблюдать договор.

Эдуард Вудстокский вернулся в Кале к вечеру 26 октября, но надолго там не задержался — 3 ноября он уже въезжал в ворота Лондона. Долгожданный мир был заключён. Однако Эдуарду III в скором времени суждено было заплатить высокую цену за свою чрезмерную подозрительность и осторожность. Те сложности, которыми он обставил исполнение достаточно простого по сути соглашения, в конце концов привели к его расторжению.

Часть третья

ТЯЖКОЕ БРЕМЯ ВЛАСТИ

Глава первая

ЖЕНИТЬБА ПО ЛЮБВИ

После окончания экспедиции 1359—60 годов и заключения мира в Бретињи Эдуард Вудстокский традиционно самоустранился от активного участия в государственных делах — в мирной жизни ему с избытком хватало забот, связанных с управлением собственными владениями. При этом он, естественно, оставался членом королевского совета и вторым человеком в стране по влиянию благодаря своему высокому титулу, воинской славе и любви, которую к нему испытывали все слои английского общества. Поэтому принц при всём своём желании не имел права пропускать особо важные мероприятия, вроде открывшейся 24 января 1361 года сессии Парламента в Вестминстере. Впрочем, тут ему удалось совместить неприятное с полезным — он умудрился в перерыве между заседаниями принять оммаж от нескольких крупных арендаторов, оказавшихся в столице по своим делам.

Весной в Англию накрыла ещё одна волна эпидемии чумы. Среди жертв болезни, которую хронисты нарекли Второй моровой язвой, оказался прославленный дипломат и военачальник Генри Гросмонтский, герцог Ланкастерский, скончавшийся 23 марта. Три недели спустя состоялись его пышные похороны в коллегиальной церкви Ньюарка, им же основанной. Эдуард Вудстокский присутствовал на похоронах, как и все члены королевской семьи, и принял участие в ритуале, накрыв гроб соратника двумя полотнами золотой парчи.

От страшной болезни умерло несколько рыцарей ордена Подвязки: в октябре скончались сэр Рейнолд де Кобэм и сэр Уильям ФицУарин. На ежегодном орденском празднике 23 апреля Эдуард заметил ещё одно пустующее место — Томас Холанд, муж прелестной Джоанны по прозвищу Прекрасная Дева Кента, скончался в минувшем декабре в Нормандии, хотя и не от чумы.

Эпидемия столь яростно свирепствовала в Лондоне, что с 10 мая все публичные заседания были отложены сначала на шесть недель, а затем до Михайлова дня. Лето принц провёл подальше от столицы, поскольку в Лондоне риск заразиться был крайне велик. Он жил то в своих манорах Уолтэм и Байфлит, то в Кеннингтоне, где всего несколько лет назад закончились работы по реконструкции. Перестройку Эдуард Вудстокский затеял ещё в 40-х годах, однако спустя десять лет он понял, что общая

планировка дворца ему категорически не нравится. Поэтому после 1353 года большая часть зданий, в том числе и недавно построенных, была разобрана и снова переделана под руководством великого мастера Генри Йевеле. Для самого принца архитектор создал новый зал с палатами и гардеробом, вписанный в общий комплекс. Его длина составляла почти 27 метров, а ширина — 15 метров. Зал был облицован серо-зелёным райгейтским камнем^[86] и украшен статуями, полы покрыты изразцами, как в замке Райзинг — с гербами принца. Он отапливался несколькими каминами, а крыша была сложена из плитки. Личные апартаменты Эдуарда располагались под прямым углом к залу, и лишь немного уступали ему по размерам и пышности отделки. В отдельно стоящих полукаменных-полубревенчатых зданиях размещались кухня и помещения для слуг. К югу и западу от главного комплекса принц приказал разбить большой сад, где помимо прочего высадили виноград.

Пока Эдуард Вудстокский обустроивал свои владения и наслаждался жизнью в выстроенной полностью по его вкусу резиденции, Эдуард III вынашивал планы по передаче своему воинственному сыну управление Аквитанией. Собственно, эта мысль не покидала короля с тех пор, как он отправил его за море наместником. Принц должен был прибыть в Аквитанию до конца 1361 года — коннетаблю Бордо в октябре было выделено 9350 фунтов на содержание свиты принца, а некоему Конраду Даффлену в ноябре заплачено 20 фунтов в качестве компенсации расходов по организации переезда в Гиень. В патентных грамотах, датированных 15 февраля 1362 года, Эдуард Вудстокский уже именовался принцем Аквитанским и Уэльским. Сэр Джон Чандос, исполнявший обязанности наместника, в своих донесениях в Лондон писал об Аквитании как о княжестве, а не герцогстве — то есть наместник доподлинно знал о планах короля сделать эту землю феодальным леном принца.

Однако сроки отплытия Эдуарда в его новые владения всё время откладывались, и виной тому была очень важная причина. В июне 1361 года наследнику английского престола исполнился 31 год, а он всё ещё не был женат, несмотря на многочисленные матримониальные прожекты. По воле отца они сопровождали его жизнь буквально с пелёнок, но всегда оставались при этом строго в рамках дипломатических манёвров. Эдуард Вудстокский вёл жизнь типичного холостяка в окружении верных друзей, управлял своими владениями, проводил время в воинских походах, рыцарских забавах и пирах. Аскетом он отнюдь не был, и имел вполне традиционные наклонности — в отличие, скажем, от того, что молва приписывала его деду Эдуарду II. От некоей Эдит Уиллсфорд у него рос

десятилетний незаконнорождённый сын Роджер Кларендон. Хотя принц официально его так и не признал, это не помешало впоследствии королю Генри IV, вопреки всем законам захватившему трон Англии, казнить бастарда в 1402 году в Тайберне по обвинению в государственной измене. Узурпатору явно не давало покоя родство Роджера с прославленной старшей династической линией.

Те, кто не был близко знаком с Эдуардом Вудстокским, могли подумать, что он покорно ждёт, когда отец подберёт ему достойную пару. В те времена практически все браки в семьях правителей и знати заключались не по любви, а строго из соображений политической целесообразности: они служили цементом, скреплявшим союзы между странами. Принц действительно до определённого момента не придавал большого значения женитьбе и обвенчался бы согласно воле отца. Однако его равнодушие как рукой сняло, когда он понял, что встретил свою настоящую любовь.

По общему мнению, его избранница Джоанна Прекрасная Дева Кента считалась одной из самых красивых женщин в Англии. Она происходила из знатной семьи, гордившейся родством с королевской фамилией. Её отцом был Эдмунд, граф Кентский, сын Эдуарда I. От него Джоанна унаследовала громкие титулы графини Кентской, баронессы Вудсток и баронессы Уэйк. Красавица воспитывалась при дворе королевы Филиппы Геннегауской и когда ей исполнилось пятнадцать или шестнадцать лет, сочеталась браком с сэром Томасом Холандом. На брачную церемонию было приглашено лишь очень ограниченное количество гостей, а сам факт свадьбы по непонятным причинам держался в строгом секрете. Поэтому, когда сэр Томас отбыл по королевскому приказу в Кале, никто не просветил Уильяма Монтекьюта, графа Солсберийского, сделавшего предложение Джоанне, что она уже замужем. Более того, семья юной красавицы оказала на девушку сильнейшее давление, вынудив её молчать о первом браке. В итоге граф, ничего не подозревая, женился на Прекрасной Деве Кента.

Когда Томас Холанд вернулся в Англию, он не стал мириться с потерей жены и немедленно обратился к папе с просьбой рассмотреть это запутанное дело. Папа назначил своим представителем кардинала Робера Адемара, который пришёл к выводу, что претензии сэра Томаса вполне обоснованны. Папской буллой брак Джоанны с графом Солсберийским был расторгнут. Шум вокруг расследования, связанного с этими двумя браками, поднялся изрядный, и даже Эдуард Вудстокский захотел внимательнее рассмотреть его виновницу. Тут-то он и влюбился в Джоанну. Не имея возможности стать её мужем, принц постарался сдружиться с семьёй

Холандов, что ему прекрасно удалось: он даже стал крёстным отцом их сыновей Томаса и Джона.

Сорокапятилетний Холанд неожиданно скончался в 1360 году, после чего богатая вдова стала завидной партией для любого, даже самого знатного дворянина христианского мира. Эдуард Вудстокский не стал медлить. Дождавшись окончания траура, он решительно бросился на штурм прекрасной крепости и добился согласия Джоанны. Весной состоялась их помолвка, а в начале лета оруженосец принца Николас Бонд отбыл в Авиньон, чтобы получить у папы необходимое разрешение на брак. Диспенсация^[87] была необходима, поскольку Дева Кента приходилась Эдуарду Вудстокскому двоюродной тёткой, а кроме того, он был крёстным её детей и состоял, таким образом, с ней в духовном родстве.

Николас Бонд не встретил никаких трудностей при выполнении своей миссии. Иннокентий VI, как и все прочие авиньонские папы, выступал на стороне французов, а брак принца лишал англичан по крайней мере одного опасного дипломатического оружия. Тем не менее за удачно выполненное поручение принц вознаградил своего посла: «Николасу Бонду, в качестве дара от принца за его расходы по путешествию в Авиньон по делам принца, пребыванию там и возвращению, 100 фунтов»¹. Эдуард Вудстокский также распорядился в благодарность папе построить в Нормандской крипте Кентерберийского собора часовни для двух священников с ежегодным содержанием каждого в 40 марок. Ещё он приказал украсить часовню Девы Марии, изобразив на запрестольной перегородке лицо своей любимой Джоанны.

Все необходимые документы, описывавшие историю двух предшествующих браков невесты, вместе с диспенсацией без промедления были направлены Саймону Ислипскому, архиепископу Кентерберийскому. Поскольку брачный договор между принцем Уэльским и графиней Кентской был заключён ещё до получения разрешения от папы, архиепископу пришлось законным образом его расторгнуть и дать молодожёнам полное отпущение грехов, чтобы не возникало никаких препятствий к третьему браку.

Через месяц, 6 октября, состоялась повторная помолвка принца и графини. Брачная церемония была пышной. Её провёл в Виндзоре 10 октября 1361 года архиепископ Кентерберийский, которому ассистировали высшие сановники английской церкви — её канцлер епископ Уинчестерский, вице-канцлер епископ Линкольнский, регент епископ Солсберийский, капеллан епископ Вустерский, а также аббат

Вестминстерский. В числе свидетелей и гостей находились король Эдуард III, королева Филиппа Ееннегауская, братья принца Джон Еонтский и Эдмунд Лэнглийский, его тётка Джоанна Тауэрская, королева Шотландии, сестра Изабель, графы Уорикский и Саффолкский.

По вполне понятным причинам королю Англии не мог радовать выбор сына, не суливший стране абсолютно никаких дипломатических выгод. Однако отец решил не перечить принцу, и на то у него были как минимум две веских причины личного свойства. Во-первых, сам Эдуард III в своё время женился по любви, хотя в том случае политическая необходимость и влечение сердец чудесным образом совпали. Во-вторых, король прекрасно знал твёрдый и непреклонный характер Эдуарда Вудстокского и вовсе не желал ставить под угрозу свои отношения с наследником трона — до сих пор между отцом и сыном царили взаимопонимание, любовь и уважение.

Однако такой брак не мог не вызвать кривотолков. И действительно, некоторые хронисты — понятное дело, в основном французские — пытались всячески его дискредитировать. Одни писали, что принц всё-таки рассорился с отцом, который то ли имел виды на сноху, то ли уже был её любовником, вспоминая при этом историю с девизом ордена Подвязки. Они утверждали, что разгневанный король сослал сына в Аквитанию в качестве наказания за непослушание. Другие осторожно намекали на незаконность брака, имея в виду или предыдущие замужества графини Кентской, или условия диспенсации. Но никаких доказательств того, что между принцем и королём пробежала чёрная кошка, никто из недоброжелателей Эдуарда Вудстокского представить не смог, и все их домыслы выглядели неубедительно.

Впрочем, были и те, кого эта свадьба очень расстроила, причём все они входили в круг самых близких друзей жениха. Первым оказался Уильям Монтекьют, граф Солсберийский, разведённый муж Джоанны, упустивший свой второй шанс. Вторым стал рыцарь свиты принца Бернард Брокас-старший, который давно лелеял мечту жениться на Джоанне. По некоторым сведениям, он даже просил Эдуарда Вудстокского выступить в роли посредника между ним и вдовой.

Непростым был путь Эдуарда и Джоанны друг к другу, но он увенчался в конце концов торжественным свадебным пиром. Затем молодожёны удалились в Беркемстед и оставались там до конца года, вполне довольные своим уединением. Правда, в декабре их навестили король и королева. К этому визиту принц подарил своим слугам новые ливреи, заблаговременно приказав бессменному лондонскому казначею Питеру де Лейси прислать в Беркемстед достаточное количество ткани для

их изготовления. Женившись, Эдуард Вудстокский не видел причин изменять своей привычке к щедрым жестам — тем более, что его доходы заметно увеличились за счёт владений Джоанны Кентской. Он не упускал случая сделать красивый жест и в отношении жены, чтобы порадовать её. В самом начале 1362 года принц одним махом потратил 200 фунтов на драгоценные пуговицы для наряда своей любимой. Позже за выполненные для неё работы 715 фунтов получила вышивальщица.

Эдуард Вудстокский продолжал участвовать в турнирах. В марте и апреле он сражался на поле в Смитфилде, затем в Чипсайде — торговом квартале Лондона. Это последнее состязание привлекло к себе внимание самых широких слоёв английского общества и вызвало резкое осуждение у наиболее набожной части населения. Всё дело в том, что зачинщики турнира появились на поле в образах семи смертных грехов. Хронист Джон из Рединга, монах-францисканец, был твёрдо убеждён: именно сие богопротивное действие привлекло в Лондон большое количество злых духов, которые затем не покидали города до самого конца года².

*

В отличие от злых духов, обосновавшихся, по словам вышеупомянутого Джона из Рединга, в столице, Эдуард Вудстокский со своей молодой женой в конце весны Лондон опять покинул и обосновался в Кеннингтоне, где и провёл всё лето. Оттуда он выбирался нечасто, и всё время по делам: дважды в Питерборо, на неделю в свой манор Буши и несколько раз по необходимости — в столицу. В июле завершились, наконец, долгие приготовления к его инвеституре: в присутствии могущественнейших английских баронов 19 июля 1362 года в Вестминстере он получил патентные грамоты и принёс оммаж королю за своё новое владение — возведённую в ранг княжества Аквитанию:

«По определённым причинам, которых имеется немало, мы, согласно нашим патентным грамотам, отдаём, отказываем и даруем нашему дорогому сыну Эдуарду принцу Уэльскому пожизненно все земли, сеньории, города, городки, замки, крепости, местечки и доходы, которые принадлежали или принадлежат нам в названных частях Гаскони и Аквитании, а также те, что переданы королём Франции, нашим братом, согласно объявленному и утверждённому между им и нами миру. Да носит он титул принца Аквитанского с этого момента и до скончания дней его

жизни»³.

Жалованная грамота на княжество представляла собой подлинное произведение искусства. Она была написана каллиграфом Джоном Фретоном и украшена клерком принца Джоном Карлтоном в восточноанглийском стиле, как приличествовало украшать важные документы. Полномочиями Эдуард Вудстокский, согласно полученным грамотам, наделялся весьма широкими — даже по сравнению с теми, которые он получил при назначении наместником в 1355 году. После пространного вступления, в котором говорилось о том, что король не может лично участвовать во всех делах своих земель, и что первейшая обязанность старшего сына заключается в помощи отцу, Эдуард Вудстокский объявлялся принцем Аквитанским. Затем три отдельные статьи определяли границы княжества, условия его власти и полномочия. Помимо основной патентной грамоты, королевская канцелярия составила подтверждающие документы для жителей Аквитании с требованием повиноваться отныне Эдуарду Вудстокскому и с освобождением их от всех прежних клятв и платежей королю, поскольку они переходят в подданство к принцу.

Лондонский гравёр Джон Хилтофт изготовил для принца малую печать с изображением трёх страусовых перьев — его личной эмблемы, которую он принял в честь погибшего в битве при Креси доблестного Иоганна Слепого, короля Богемии. Впоследствии три белых страусовых пера, перехваченные золотой короной, и голубая лента с девизом *Ich diene* по низу стали официальным знаком принцев Уэльских.

Подготовка к путешествию в Аквитанию началась немедленно после принесения оммажа. Эдуард Вудстокский получил значительную сумму из внесённой королём Жаном II части выкупа — как в качестве возмещения его расходов на минувшую кампанию, так и на организацию переезда в Гиень. Затраты на экспедицию были оценены в 5000 марок, а путешествие на континент, содержание войска, обустройство на новом месте и другие неизбежные издержки — в 15 004 фунта 19 шиллингов 4 пенса. Однако принцу этого показалось мало, и он дополнительно занял у графа Эрделского 1000 фунтов на покрытие текущих расходов.

Отправляясь на континент, Эдуард Вудстокский вовсе не собирался изменять привычному образу жизни. В числе слуг, которых он брал с собой, оказались шестеро менестрелей и его доверенный ювелир: «Соглашение между советом принца и Лайоном-ювелиром, что принц оплатит в разумных пределах расходы последнего, а также содержание двух его лошадей и двух грумов во время путешествия из Лондона в Бордо,

как и переправу лошадей. По прибытии он предоставит ему дом, пригодный для проживания. За это Лайон будет служить принцу и принцессе прежде, чем всем прочим, во всех вопросах, касающихся его ремесла, за разумную плату»⁴. Такой же договор Эдуард Вудстокский заключил с вышивальщиками Гансом из Страсбурга и Дитрихом из Кёльна, которые сопровождали его в Бордо с тремя лошадьми и тремя слугами.

Принц надеялся, что сможет отплыть в Аквитанию не позднее осени 1362 года. И действительно, 25 августа он выехал из Лондона в Корнуолл — сначала в Рестормел, оттуда в Лискард. Затем Эдуард прибыл в Плимптон, где оставался в течение шести недель — то ли в ожидании попутного ветра, то ли завершая неотложные дела. С ним находились Джон Стретли и Джон Херуэлл — бывший и будущий коннетабли Бордо. Когда все сроки, намеченные принцем, прошли, он понял всю безнадёжность своих попыток покинуть Англию до Рождества. Тогда Эдуард Вудстокский назначил своим войскам сбор на весну 1363 года:

«Приказ сэру Джону Делвзу, заместителю судьи Честера, и мастеру Джону де Бранэму, тамошнему камергеру. Поскольку принц твёрдо решил отплыть вскоре за море в Гасконь, отобрать, испытать и снарядить 200 самых лучших и сведущих в своём деле лучников, каких только удастся найти в графстве Честер, и чтобы ни один не уклонился от этого. Они должны быть готовы самое позднее к грядущей Пасхе. Камергеру поручается одеть их в белое и зелёное, как было заведено прежде. При их отбытии к принцу он должен выплатить им месячное содержание авансом»⁵.

Сам Эдуард Вудстокский 18 февраля вернулся в Рестормел, куда по его распоряжению должны были прибыть войска.

*

Фактически отплытие задержалось на более длительный срок, поскольку собрать требуемое количество кораблей никак не удавалось — с этой проблемой так или иначе сталкивалась любая сколько-нибудь значимая экспедиция на континент. Принцу пришлось дважды съездить в Виндзор к отцу, и только после вторичного визита дело сдвинулось с мёртвой точки. Наконец, 9 июня 1363 года принц и принцесса Уэльские в сопровождении Томаса де Бошана графа Уорикского отплыли из порта Плимута.

Новый владыка Аквитании прибыл в Бордо с небольшой армией, состоявшей из 320 лучников, а также 250 латников, в числе которых были три баннерета и 60 рыцарей-бакалавров. Знать и горожане собрались в соборе Сен-Андрэ, где им были продемонстрированы грамоты, запечатанные большими печатями зелёного и белого воска, а также зачитан на окситанском языке королевский указ, объявлявший Аквитанию владением Эдуарда Вудстокского. И владение это было поистине огромным — по площади оно занимало примерно треть всей территории Франции, включало в себя две 24 епископии, объединённых в 2 архиепископии, и 13 сенешальств.

Первым сеньором, принёсшим оммаж новому сюзерену, стал Арно-Аманье д'Альбре, сын верного сторонника англичан Бернара-Эза IV. За ним преклонили колени перед принцем Гийом-Санш, сеньор де Помье и Жерар де Тарта. Затем начали подходить и другие соратники Эдуарда по военной кампании 1355—56 годов. Всего в этой, самой первой церемонии приняли участие 58 рыцарей и оруженосцев. Позже, уже в архиепископском дворце, который вновь стал резиденцией Эдуарда Вудстокского, 15 июля оммаж принесли ещё пятеро рыцарей. Потом пришёл черёд простолюдинов: в соборе Сен-Андрэ принц принял клятвы верности от представителей городов, расположенных по рекам Дордонь и Гаронна, а также от депутатов от Байонны, Дакса и Сен-Совера. До самого конца июля одна за другой в Бордо прибывали делегации из самых отдалённых уголков Аквитании. Последними явились уполномоченные из Бигора — небольшого горного графства со столицей в Тарбе, расположенного на северных склонах Пиренеев в верхнем течении реки Адур.

В начале августа Эдуард Вудстокский отправился в путешествие по своему новому домену — точно так же, как короли Англии по восшествии на трон предпринимали вояжи по главным городам своего королевства. В те времена, когда единственным достаточно «скоростным» транспортным средством были лошади, основная часть населения передвигалась по дорогам пешком — нечасто и недалеко, поскольку работа и хозяйство приковывали к дому. Правитель, если только он не отличался крайним простодушием или не полагался опрометчиво на приближённых и советников, мог составить представление об истинном положении дел в отдалённых уголках своих владений, лишь появившись там собственной персоной.

Итак, 4 августа 1363 года принц прибыл в Бержерак, где принял клятву верности от Остенса де Сен-Коломба, епископа Сарлаского. С 10 по 15

августа он находился в Перигё, где встретился с депутатами из Керси и Руэрга — восточных областей Аквитании. Три дня спустя Эдуард Вудстокский въехал в ворота Ангулемского замка, который приглянулся ему с первого взгляда. Первый средневековый замок на скальном выступе, доминирующем над рекой Шаранта, был воздвигнут в 886 году графом Алдуином, а таким, каким его увидел принц, он стал в конце XIII века, когда Юг XIII де Лузиньян приказал соорудить многоугольную главную башню, названную его именем. С тех пор Ангулемский замок стал одной из любимейших резиденций Эдуарда в Аквитании.

Оттуда путь принца лежал в Коньяк, куда он добрался к 23 августа. Там он подтвердил все старые хартии о вольностях, выданные городу. Больше того, Эдуард согласился оплатить из своих средств ремонт городских укреплений, хотя горожане обязаны были сами поддерживать их в приличном состоянии. Посетив Сентонж и Сент, принц 26 августа прибыл в Сен-Жан-д'Анжели.

Затем Эдуард Вудстокский отправился в Ла-Рошель — самый беспокойный и мятежный из всех городов в его владениях. Однако это был важный порт на атлантическом побережье, через который велась активная торговля вином и солью. Поэтому принцу было необходимо во что бы то ни стало заручиться поддержкой его жителей, пусть даже формальной. Он потребовал клятвы верности от 16 человек, пользовавшихся в городе наибольшим влиянием. Сентябрь и октябрь Эдуард провёл в Пуатье, принимая оммажи от пуатевинских дворян во главе с Гийомом Л'Аршевеком, сеньором де Партене. Нескольким аббатствам вокруг столицы графства были пожалованы средства на ремонт укреплений, подобно тому, как это было сделано в Коньяке.

Рождество 1363 года принц и его свита отметили в Ажене. Там Эдуарду принёс клятву верности известный воин Флоримон де Леспар. Однако ещё более значимой была встреча с Гастоном Фебом, личное знакомство принца с которым состоялось во время *шевоше* 1355 года. Граф де Фуа, весьма своевольный вассал, обладал нравом гордым и независимым, его приходилось всячески обхаживать, не прибегая к откровенному давлению и приказам. На особой церемонии в Ажене 12 января Гастон Феб принёс оммаж, однако когда сэр Джон Чандос задал ему стандартный вопрос, за какие земли он даёт клятву верности, то гасконец гордо заявил — только за виконтства Марсан и Гаводен. И добавил после этого вызывающе, что никогда ещё не приносил никому оммажа за прочие свои беарнские земли.

Поневоле удовольствовавшись таким половинчатым обещанием

верности, в середине февраля Эдуард Вудстокский вернулся в Пуатье, куда продолжали прибывать запоздавшие вассалы. К 4 апреля в общей сложности по Аквитании было принесено 1047 оммажей. Множество хартий и привилегий принц либо подтвердил, либо даровал вновь, желая обеспечить лояльность своих новых подданных. Впрочем, представители высшего духовенства, являвшиеся одновременно светскими сеньорами и принуждённые к принесению клятвы верности, громко выражали своё недовольство. Никто до сих пор не поступал с ними таким образом — Эдуард действовал так, как считалось приемлемо в Англии, но не соответствовало порядкам, принятым в Аквитании и Лангедоке. В защиту прелатов выступил даже папа, который был сильно озабочен тем, чтобы подобный прецедент не стал обычаем. Понтифик вступил с Эдуардом в весьма язвительную переписку, требуя отменить уже принесённые священнослужителями оммажи, однако никаких уступок от принца Аквитанского не добился.

*

В тесный круг советников Эдуарда вошли старые испытанные друзья: должность коннетабля Аквитании занимал сэр Джон Чандос. Сенешалем, председательствовавшим в суде княжества, служил Томас Фелтон. Обязанности канцлера и коннетабля Бордо, отвечавшего за финансовые вопросы, исполнял Джон Херуэлл. Провинциями управляли лояльные принцу наместники примерно с таким же кругом обязанностей, как у шерифов в Англии. Они должны были следить на вверенных их попечению землях за поддержанием законности и порядка, опираясь на местные общины.

Основная трудность, с которой столкнулся Эдуард Вудстокский, заключалась в необходимости укрепить свою власть на новых обширных территориях, которые лишь недавно перешли к англичанам — до заключения мира в Бретиньи в течение нескольких десятилетий они вынуждены были довольствоваться лишь клочком земли вокруг Бордо. Принцу крайне тяжело было восстанавливать порядок и организовывать сбор налогов в регионах, слишком долго не знавших над собой диктата ни французов, ни англичан, и не плативших никому.

При всей огромной политической значимости княжества Аквитанского, оно никогда не славилось своим богатством. Как минимум полтора последних десятилетия Аквитания приносила только убытки,

которые покрывались за счёт английской казны. Ожидать, что в ближайшие годы княжество станет хотя бы самодостаточным, не приходилось. Местная экономика базировалась в основном на производстве вин и в гораздо меньшей степени — на экспорте соли, стали и красителей. Новые территории, приобретённые англичанами по условиям мира в Бретиньи, когда-то были вполне зажиточными, но за десятилетие войн и грабежей обезлюдели. К тому же эпидемии чумы 1348 и 1362 годов нанесли им больше ущерба, чем любому другому региону Франции. Их интеграция в английскую экономическую и политическую систему требовала длительного времени, и для начала следовало устранить все неопределённости, связанные с саботированием французской стороной мирного договора, а также наладить систему налоговых сборов.

Эдуард Вудстокский подозревал, что отец, даровав ему титул принца Аквитанского, преследовал одновременно несколько целей. Помимо понятного и совершенно очевидного желания обезопасить границы своих континентальных владений, король надеялся сложить с себя бремя финансовой поддержки Гиени. Надо сказать, что принц не пришёл в восторг от перспективы покрывать дефицит бюджета за счёт собственных доходов от других доменов, нормальное функционирование которых ему только-только и с большим трудом удалось наладить.

Первым и самым естественным шагом Эдуарда Вудстокского стало установление нового налога, который помог бы ему хотя бы частично заткнуть финансовую брешь, которая грозила изрядно проредить его личные доходы. Принцу удалось без особого сопротивления ввести *фуаж* или подымную подать, причём установить её на очень высокой планке в 25 су или один золотой гиенец^[88] с очага. На большей части территорий, подпавших под юрисдикцию англичан, *фуаж* не вызвал активного противодействия, хотя обнаружилась пара очагов недовольства. Резко воспротивился налогу Жан д'Арманьяк, который не позволил взимать его в графстве Родез, сославшись на древние привилегии этой земли. А город Ажен, хотя и согласился платить, но потребовал отдельную хартию с гарантиями, что подымная подать не станет прецедентом для введения новых налогов.

Эдуард не ленился объезжать свои владения раз за разом, чтобы из первых уст узнавать о причинах недовольства своих подданных и по возможности тут же на месте устранять его источник. С этой целью принц побывал в Лиможе, Перигё и Ла-Реоле. Естественно, в первую очередь его заботили отношения с местным дворянством, духовенством и влиятельными горожанами, а не с тёмной массой простолудинов, на долю

которых выпадали самые тяжёлые страдания. Его задачей было обретение военной и финансовой поддержки высших сословий Аквитании. Их лояльность становилась жизненно необходимой, поскольку политическая ситуация у границ подконтрольной англичанам территории, как и в остальных французских землях, начала коренным образом изменяться. Одной из причин этого стала смерть короля Жана II, в общем и целом разделявшего взгляды обоих Эдуардов на вопросы войны, мира и нерушимости феодальных обязательств. На трон Франции взошёл его старший сын Шарль V. В отличие от отца, он не был столь толерантен по отношению к Англии и не так уважал принципы космополитичности, всё ещё распространённые в рыцарском сословии. Новый король однозначно рассматривал англичан как опаснейших врагов и действовал соответственно, считая, что в борьбе с ними все средства хороши. Шарль V понимал, что прочного мира между двумя королевствами не будет до тех пор, пока одно из них не восторжествует над другим, а становиться марионеткой в руках английских королей он не желал.

Открытому бою Шарль предпочитал дипломатические козни и хитрость, поскольку прекрасно владел этими инструментами. Уже спустя несколько месяцев после его вступления на трон в английских континентальных владениях активизировались сторонники Франции. Вскоре шпионы Эдуарда Вудстокского донесли ему об интригах, которые плели французский король с Гастоном Фебом, графом де Фуа, и Шарлем Злым, королём Наварры. Они пересказали подслушанный разговор, состоявшийся уже после принесения графом оммажа принцу. Гастон Феб рассказывал Шарлю Злому, что секретарь французского короля по секрету сообщил ему о намерениях своего господина объявить войну англичанам, как только будут освобождены последние оставшиеся в Англии заложники. Также граф де Фуа заявил, что Шарль V предложил ему наместничество в Лангедоке, а посему он обдумывает, как передать земли, за которые был принесён оммаж, своему сыну — чтобы не возникло противоречий в феодальных обязательствах, данных двум враждовавшим между собой сюзеренам. Параллельно с откровенным подкупом Гастона Феба король Франции пытался склонить на свою сторону второго видного магната Лангедока Арно-Аманье д'Альбре, а помимо заключения союза с королём Наварры он стремился к альянсу с Кастилией.

Эдуард Вудстокский тоже не спал, и ему также удалось добиться кое-каких успехов на этом сомнительном для воина поприще. Он умудрился заручиться поддержкой Жана д'Арманьяка — того самого, который устраивал рейды на английскую территорию, пытался оказать

сопротивление англо-гасконским *шевоше*, и наотрез отказывался платить подъемную подать после того, как его владения по договору Бретињи попали под юрисдикцию англичан. Принц ссудил ему деньги на выкуп из плена, в котором д'Арманьяк оказался в 1362 году, потерпев поражение в междоусобной войне с Гастоном де Фуа.

Несмотря на то, что Шарль V больше полагался на дипломатические методы, он отнюдь не собирался отказываться от чисто военных предприятий. Более того, король нашёл военачальника, который разделял его взгляды на тактику и стратегию борьбы с англичанами — Бертрана дю Геклена. Если отбросить все преувеличения, которые возникли по большей части из-за пристрастного отношения к дю Геклену его биографов, то этот бретонец действительно провёл к тому времени ряд успешных кампаний против так называемых «вольных отрядов» — банд рутьеров, разорявших Францию в течение последнего десятилетия. Войска под его командованием смогли также нанести в мае 1364 года поражение наваррско-гасконской армии при Кошереле и взять в плен одного из самых деятельных сторонников англичан Жана де Грайи, капталя де Бюша. Кстати, именно это поражение вынудило Шарля Наваррского заключить мирный договор с Шарлем Французским.

Эдуард Вудстокский не обладал подобной свободой манёвров. Условия договора в Бретињи были весьма выгодны именно англичанам, и надлежащим образом выполнять свои обязательства было именно в их интересах. Однако на деле всё обстояло не так просто. Взаимный обмен землями не удалось завершить, даже когда в ноябре 1364 года к принцу от французского короля прибыл Бусико, наделённый полномочиями решать любые спорные вопросы. Переговоры сразу не заладились. Французская сторона начала с жалоб на то, что англичане удерживают ряд владений, с которыми по договору должны расстаться. В ответ представители принца заявили, что все указанные земли будут немедленно переданы Франции, как только она выполнит аналогичные обязательства. Таким образом, взаимное недоверие между сторонами в очередной раз завело ситуацию в тупик.

*

В Аквитании Эдуард Вудстокский держал великолепный двор, о роскоши которого слагались легенды. Впрочем, известны и вполне реальные случаи, ярко характеризовавшие нравы и порядки, царившие

среди ближайшего окружения принца. Когда Жан де Бомануар, маршал Бретани, прибыл ко двору Эдуарда, он вступил в разговор с придворной дамой, которая приходилась родственницей его жене. Та заметила маршалу: «Вы приехали из Бретани с моей кузиной и вашей женой, но она одета не так, как одеваются знатные дамы в Гиени или окрестных землях. Её чепец, разрезы и рукава недостаточно богато отделаны мехом, как ныне принято у нас».

На это Жан де Бомануар, чья гордость была задета бестактным заявлением, ответил: «Она одета не по вашему фасону, поэтому вы думаете, что [в её одеянии] мало меха, и порицаете за это меня. Однако, по правде говоря, у вас нет оснований меня порицать. Ибо я могу нарядить её столь же благородно, сколь одета любая из вас, и столь же богато. У вас чепцы и котты лишь наполовину отделаны горностаем, а я одену её лучше — отделаю её платье, ворот, рукава и котту мехом со всех сторон... Но я привык, что она одевается как порядочная и почтенная француженка. Даже не думайте, что я захочу видеть её одетой как те безнравственные женщины, порочные телом, что сожительствуют с англичанами и прочими, живут с ними как с любовниками. Ибо это именно они первыми ввели моду на меховой подбой и длинные разрезы у котт... Что касается моей жены, она так не оденется. Если же английские принцессы и дамы выбрали такое поведение и моду, они могут следовать ей, если того желают»⁶.

Двор принца притягивал не только щёголей и франтов, но также и воинов, искавших себе надёжных соратников. Так, в начале 1365 года к Эдуарду Вудстокскому заявился Пьер де Лузиньян, король Кипра, который замыслил крестовый поход на египетскую Александрию и пытался вовлечь в него опытных рыцарей. Он предлагал присоединиться к походу сэру Джону Чандосу, сэру Томасу Фелтону, сэру Нилу Лорингу, Ричарду Панчердауну, Саймону Бёрли и Болдуин Фревиллу, но согласия добился только от одного графа Уорикского.

Блестящий двор Эдуарда Вудстокского находился в Бордо, но часто вслед за принцем он переезжал в другие города — и в первую очередь, в любимый им Ангулем. Именно там 27 января 1365 года родился первенец принца и принцессы Уэльских. Счастливые родители дали ему традиционное королевское имя Эдуард. В Англию немедленно отправился сэр Джон Делвз, который доставил королю известие о появлении на свет первого внука по мужской линии. Все тяготы путешествия гонец сносил весьма охотно, поскольку предвкушал неплохое вознаграждение по окончании миссии. И оно последовало незамедлительно: «Джону Делвзу за добрую службу и за то, что он привёз королю приятные новости о

рождении Эдуарда, сына Эдуарда, принца Уэльского, пожалована годовая рента в 40 фунтов из казначейства пожизненно, или же пока король не распорядится по этому поводу по-другому»⁷.

Одновременно оруженосец принца был отправлен также и к королю Шарлю V Французскому, который вознаградил посланника за доставленные новости двумя серебряными позолоченными кубками.

В начале марта младенец был крещён — и снова в Ангулеме. Радость принца по поводу рождения наследника была безмерной. 27 апреля в честь жены, благополучно перенёсшей роды, принц устроил турнир. По своему великолепию он превосходил всё, что видели до этого весьма искушённые в празднествах современники. Очевидец утверждал, что на него съехалось 154 знатных сеньора и 706 рыцарей со свитами. Их 18 тысяч коней на протяжении всего турнира содержались за счёт казны Эдуарда Вудстокского. Двадцать четыре сеньора и двадцать четыре рыцаря составляли свиту принцессы Джоанны. Рыцарские схватки и прочие забавы длились в течение десяти дней, и стоимость одних только свечей составила 400 фунтов.

Впрочем, несколько наивно считать, что Эдуард Вудстокский окружал себя роскошью исключительно потому, что потакал своему безрассудству. Несомненно, он был с детства так воспитан, и меняться не собирался. Но не стоит забывать о том, какое огромное значение в те времена придавалось внешнему антуражу власти:

Лишь форму видим; тот для нас король,
Кто как король себя ведёт^[89].

Той же важной цели — поднятию престижа правителя в глазах его подданных — служила, например, чеканка собственных монет, которая была эффективным способом демонстрации богатства и могущества. Первые монеты, выпущенные принцем в обращение в 1363 году, очень напоминали те, что чеканились по приказу его отца короля Эдуарда III, как лорда Аквитании. Изменен был только девиз, который теперь гласил: *Deus iudex justus fords et pasciens* — «Бог есть судия справедливый, сильный и терпеливый». Но уже в следующем году в денежную систему Аквитании были внесены существенные коррективы. Новая большая золотая монета называлась *павильон*. Она весила 85 гран^[90], на ней был изображён сам принц, стоящий под сенью готического портика, в геральдической короне из роз, с мечом в правой руке и в окружении четырёх страусовых перьев.

Реверс был украшен крестом с геральдическими лилиями и леопардами по углам, а также девизом *Dominus aiuto et protecdo mei et in ipso speravit cor teum* — «Господь моя сила и защита, и сердцем верю в него». Основой для дизайна монеты послужили французские образцы, где на аверсе также изображался король в аналогичной позе. Различие с прототипом состояло в том, что скипетр был заменён на меч, узоры стали сложнее, а сама монета — больше. Три года спустя была выпущена ещё одна золотая монета, уже меньшего веса — *арди д'ор*. Её отчеканили ограниченным тиражом, и она имела хождение по большей части в среде торговцев и знати.

Помимо неоспоримых имиджевых достоинств чеканка собственных монет служила надёжным источником дохода. Несмотря на то, что у средневековых правителей манипуляции с ценой монеты относительно фактической стоимости использованного при её изготовлении металла были обычным способом поправить пошатнувшиеся финансовые дела, Эдуард Вудстокский никогда не прибегал к такому приёму. Все его монеты всегда были полновесными. Кроме того, он умело использовал своё право на чеканку, добиваясь ещё большего уважения со стороны подданных. Так, в сентябре 1365 года он созвал на совет в Перигё представителей городов Аквитании и вместе с ними выяснял, какого именно типа и какого достоинства монеты нужны им. В результате обсуждения как раз и был введён *арди д'ор*, тогда как в чеканку серебряных монет не было внесено никаких изменений.

Если в скупости или излишней бережливости Эдуарда Вудстокского не додумался обвинять никто, то крайне надменное отношение к местной гасконской знати ему в вину ставили очень многие. Но были ли тому сколь-нибудь веские основания? О нём действительно говорили разное, например: «Великих сеньоров этой земли, приходивших к нему, чтобы поговорить с ним, он заставлял ждать четыре или пять дней, прежде чем снизойти до разговора с ними; а затем уже в его присутствии они должны были встать на колени и стоять на коленях четверть дня, пока он не разрешит подняться»⁸.

Пытаясь как можно рельефнее подчеркнуть гордыню принца, хронист впадает в явное преувеличение. Кроме того, подобное поведение в те времена никак не могло служить признаком спеси. Ведь как двести с лишним лет спустя после описываемых событий королева Элизабет I, которую англичане прозвали Глорианой и Доброй королевой Бесс, разговаривала со своим государственным секретарём и членом Тайного совета Уильямом Сесилом лордом Бёрли? Престарелый лорд был ближайшим соратником и доверенным помощником королевы, главой её

тайной службы. Но все заслуги, вместе взятые, не освобождали его от необходимости стоять на коленях во время беседы с добрейшей повелительницей. Впрочем, она шла на значительное нарушение церемониала, позволяя ему — нет, не встать и тем более не присесть — всего лишь подложить под колени подушечку.

Хотя принц Уэльский и Аквитанский не был монархом, однако он являлся наследником трона Англии и полновластным правителем земель, занимавших добрую треть французского королевства. Поэтому подчёркивать своё высокое положение ему было необходимо. А откровения хрониста всё же не стоит принимать буквально.

*

Всё лето 1365 года Эдуард Вудстокский пытался сломить сопротивление упрямого графа де Фуа, который никак не желал приносить ему оммаж за Беарн и отказывался лично прибыть к принцу, постоянно ссылаясь на надуманные обстоятельства. Эдуард же, предупреждённый своими шпионами о двурушничестве Гастона Феба, стремился всё-таки добиться от него клятвы верности, для чего даже послал тому специальную охранную грамоту:

«Охранная грамота, выданная принцем Аквитанским Гастону Фебу. Эдуард, старший сын короля Англии, принц Аквитанский и Уэльский, герцог Корнуоллский и граф Честерский, всем, кому настоящая грамота будет представлена. Знайте, что по важному и неотложному делу мы послали за нашим дражайшим и верным кузеном графом де Фуа, дабы он прибыл к нам в Ангулем или Перигё в грядущем сентябре сего года. Для этого наш упомянутый кузен получил настоящую охранную грамоту на него самого и на всех людей, входящих в его свиту, числом до двухсот всадников со всем их имуществом, вещами и доспехами. Он должен прибыть и проживать безопасно на территории нашего упомянутого княжества Аквитания, а затем вернуться к себе свободно со всеми остальными в течение вышеуказанного месяца. А мы по нашей доброй воле обещаем за нас и всех остальных — тем прибывающим, проживающим и отбывающим не чинить никакого зла и препятствий, но доставлять все возможные удовольствия, кто бы с ним не пришёл»⁹.

Однако вскоре принц получил ответ от графа де Фуа. Тот заявил, что повредил ногу и никак прибыть по требованию Эдуарда не может:

«Моему дражайшему и грознейшему господину монсеньору принцу

Аквитанскому и Уэльскому. Мой дражайший и грознейший господин, я получил ваши дружеские письма и виделся с вашим посланником Тома Флораком. Я получил приказ, который вы прислали со своим посланцем, чтобы я прибыл к вам как можно скорее. Знайте же, мой дражайший господин, что моя нога почти зажила, хвала Господу. И, монсеньор, я прибуду к вам, если Бог даст, в течение месяца сентября в Ангулем или Перигё — где вы будете находиться. И пусть в середине сентября прибудут туда же монсеньор Тома, ваш сенешаль, и монсеньор Жакме д'Одеби^[91]. Если же, как я слышал, господин Жакме болен, а сенешаль занят вашими делами, как передал мне ваш посланник Тома, то пришлите, пожалуйста, мне с одним из этих рыцарей вашу охранную грамоту на срок, достаточный для приезда и возвращения. И пожалуйста, монсеньор, пока я следую к вам, прикажите привести собак Чандоса, а также и всех других, которые у вас есть, ибо я продемонстрирую кое-что из моих умений. Монсеньор, если я что-то могу для вас сделать, то приказывайте мне, ибо я исполню всё, что в моих силах, да защитит вас Святой Дух»¹⁰.

Естественно, что Эдуард Вудстокский не очень-то обрадовался этой велеречивой отписке, поскольку знал из заслуживавших всяческого доверия источников, что граф де Фуа вполне способен путешествовать. Более того, он был рассержен нарочито фамильярным тоном письма и особенно нахальной просьбой касательно того, чтобы высшие сановники Аквитании сэры Томас Фелтон и сэры Джеймс Одли выехали к нему навстречу. Дополнительно к этому принца вывела из себя просьба привести собак Чандоса для демонстрации графских талантов. Впрочем, конкретно по этому поводу Эдуард негодовал зря. Гастон Феб действительно был искуснейшим охотником своего времени и даже написал знаменитую «Книгу охоты», которая позже легла в основу книги «Мастер игры», автором-переводчиком которой стал племянник принца Эдуард, герцог Йоркский^[92].

Но Эдуард Вудстокский вполне ожидаемо вникать в эти нюансы не стал и раздражённо написал в ответ зарвавшемуся сеньору, нарочито делая акцент на титулах и должностях упоминаемых персон:

«Эдуард, старший сын благородного короля Англии, принц Аквитанский нашему дражайшему и верному кузену графу де Фуа — привет. Вы писали нам, что из-за своей болезни не можете прибыть к нам, как обещали нашим рыцарям Жакме д'Одли, сенешалю Аквитании, и Стефану Косингтону, а также мастеру Жану Риво, нашему советнику. Затем вы обещали в ваших письмах и говорили нашему упомянутому сенешалю в

присутствии упомянутого Жакме, что в течение восьми дней после того, как ваша нога будет излечена, придёте к нам в Бордо... или в Ангулем в сентябре. Посему мы выдали наши патентные грамоты и охранные грамоты, чтобы вы могли прибыть к нам в Ангулем или в Перигё, провести там некоторое время и вернуться в течение месяца сентября. Это сказано в наших грамотах, которые мы послали вам с нашим посланником Тома Флораком, и которые были вами получены. Мы даём вам знать, что наше соглашение было и остаётся в силе, если только вы не нарушите сроков, обозначенных в наших указанных письмах и охранной грамоте, чтобы вы могли прибыть, провести тут некоторое время и вернуться в течение указанного месяца сентября без продления охранной грамоты. Явившись к нам и приведя с собой на этот срок столько рыцарей, сколько, как мы знаем, у вас есть... вы сможете вернуться назад в конце этого месяца, чему свидетельством грамоты, которые вы получили от упомянутого Тома... И мы немало удивлены, что вы столь сильно задерживаетесь, поскольку, да будет вам известно, мы имеем донесения от достойных доверия людей, от нашего упомянутого сенешаля и от Жакме — наших рыцарей, — что вы пребывали и пребываете в таком состоянии, что вполне можете ходить и способны отправиться к нам. Дражайший и верный кузен, да хранит вас Господь»¹¹.

Несмотря на все усилия принца, его встреча с графом де Фуа так и не состоялась. Не помогло даже обращение к Шарлю V с требованием отказать упрямому вассалу в покровительстве и принудить его дать клятву верности. Хотя вряд ли французский король сильно усердствовал, чтобы исполнить просьбу Эдуарда Вудстокского, который числился у него основным и самым опасным врагом.

Глава вторая

КАСТИЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Углублявшиеся проблемы на восточных границах Аквитании гармонично дополнялись неприятностями на юго-западных рубежах страны. Сам того не желая, Эдуард Вудстокский оказался на передовом крае борьбы за Кастилию. Это королевство долгое время было настроено весьма враждебно по отношению к Англии. Достаточно вспомнить, что в битве при Уинчелси в 1350 году принц сражался против флота, практически полностью состоявшего из кастильских кораблей под командованием адмирала Карлоса де ла Серды. Но в 1362 году, непосредственно перед пожалованием Эдуарду титула принца Аквитанского, политика Кастилии резко изменилась: её король Педро Жестокий стал ярым сторонником союза с Англией. Договор об англо-кастильском альянсе был подписан на официальной церемонии, прошедшей 22 июня в соборе Святого Павла, чему принц был свидетелем. Тогда, в ознаменование этого события, он подарил испанским представителям Альваро Санчесу де Куэльяру и Диего Санчесу де Терраза серебряные с позолотой кубки и кувшины, а также по отрезу алого сукна. Дружба с Англией позарез нужна была кастильскому королю в качестве противовеса той поддержке, которую оказывала Франция его врагам — королю Педро IV Арагонскому и претенденту на трон бастарду Энрике Трастамарскому^[93].

Заключённый договор напрямую касался принца Аквитанского: по условиям соглашения английские войска, несмотря на заключённый в Бретиньи мир, могли сражаться против французов, если бы те вторглись в пределы Кастилии. Впрочем, вражда между королевствами на Пиренейском полуострове рассматривалась Эдуардом III как местные дразги, не влияющие особо ни на мировую, ни на английскую политику. Ему даже в голову не приходило, что войска одного из этих государств могут угрожать Аквитании, и договор с Кастилией он считал в большей степени формальным. Неудивительно, что никаких дипломатических контактов между Эдуардом Вудстокским и Педро Жестоким не было в течение почти трёх лет.

Немного другие отношения складывались у принца Уэльского с Шарлем Злым, которого он негласно поддерживал, хотя и откровенно

недолюбливал за жадность и склонность к интригам. Особой необходимости пакостить французам у Эдуарда Вудстокского вроде как не было — мирный договор всё ещё худо-бедно, но действовал. Но принц имел несколько причин личного свойства, чтобы не мешать королю Наварры мутить воду — выдвигать претензии на герцогство Бургундское и готовиться воевать за него с самим королём Франции. Во-первых, Эдуард Вудстокский видел в французах врагов, и никакие мирные договоры не могли заслонить для него этот факт. Во-вторых, он был весьма дружен с капталем де Бюшем, который подумывал о женитьбе на сестре Шарля Наваррского и был глубоко втянут в его бургундскую авантюру. В-третьих, ближайший советник принца сэра Джон Чандос носил титул сеньора де Сен-Совер и его владения располагались в самом сердце нормандского домена Шарля Злого.

Во многом исходя из этих соображений, Эдуард Вудстокский согласился встретиться с королём Наварры и даже отправился на встречу с ним в Ажен, хотя в ту зиму стояли такие морозы, каких не могли припомнить даже старожилы. Переговоры прошли с глазу на глаз в январе 1364 года. О чём шла речь, никому не известно, но из последовавших событий можно сделать вывод, что принц пообещал предоставить войскам Шарля свободный проход через своё княжество, а также позволил ему нанимать суда в портах Аквитании и солдат среди её населения. В подтверждение этих предположений в марте 1364 года через Гиень из Наварры прошёл передовой отряд под командованием капталя де Бюша, а затем в августе и основные силы, которые вёл на Ла-Шарите и Шербур брат наваррского короля Луи д'Эвре. Правда, задуманная Шарлем Злым афера успехом не увенчалась и наваррско-гасконская армия под командованием капталя де Бюша 16 мая была разгромлена Бертраном дю Гекленом в битве при Кошереле. После такого триумфа восторженные французы, с охотой поверившие в то, что у них появился, наконец, гениальный полководец, прозвали дю Геклена Орлом Бретани и Чёрным Псом Броселианда.

Однако плод этой победы оказался не так уж и сладок. К тем бандам, которые бродили по Франции со времён *шевоше* принца Уэльского и графа Ланкастерского, присоединились ещё и отряды, сколоченные из остатков разбитой армии, а также наёмники, временно оставшиеся без хозяина, и прочие вооружённые бездельники всех национальностей, не брезговавшие никакими средствами для собственного обогащения. Они грабили, жгли, насиловали, не подчиняясь никому и не особо разбираясь, на чьих землях находились. Если Аквитания не очень страдала от набегов этих так

называемых «вольных отрядов», то Центральная и Южная Франция буквально стонали от их бесчинств.

Французские власти и папские чиновники были готовы на всё, чтобы спровадить беспокойных головорезов куда-нибудь подальше, а в идеале ещё и выполнить их руками какую-нибудь полезную работу. Так родился план организовать из банд рутьеров армию для крестового похода, формально направленного против мавров, которые всё ещё удерживали юг Пиренейского полуострова. Однако на самом деле — и это ни для кого не было секретом — реальной целью являлась Кастилия, а вольные отряды собирались в помощь бастарду Энрике Трастамарскому, который мечтал сбросить с трона своего брата Педро Жестокого.

Командовать рутьерами был поставлен Бертран дю Геклен, сделавший себе имя по иронии судьбы как раз на борьбе против этих самых банд. Организаторы экспедиции планировали потратить на неё 300 тысяч золотых флоринов — по одной трети суммы должны были внести король Арагона, король Франции и папа Урбан V^[94]. Ядро армии составляли сильные отряды бретонских рутьеров под командованием англичан Хью Кал вели и Мэтью Гурнэ, а также геннегаусца Эсташа д'Абришикура. К ним присоединились французские капитаны Жан де Бурбон граф де ла Марш, Пьер II де Вилен принц д'Ивето, прозванный Заикой, и маршал Арнуль д'Одреем.

*

Агенты папы Урбана V, агитировавшие гасконскую знать принять участие в походе, добрались до самого Бордо. Поэтому Эдуард Вудстокский прекрасно представлял себе масштаб французских военных приготовлений и знал, как и все прочие, что главной целью кампании вроде бы выбрана Кастилия. Но он всё же опасался, как бы эта мощная сила в последний момент не двинулась на Аквитанию. На такие мысли его наталкивало явное нежелание французов выполнять условия договора в Бретињи. В июне 1365 года принц затребовал из своих английских владений подкрепления и приказал не мешкать с отправкой солдат:

«Принц, посоветовавшись со своим советом, повелел, чтобы латники, лучники и валлийские пехотинцы, следующие к нему, сели на корабли в портах Корнуолла и Девоншира. Эти корабли задержать специально для транспортировки солдат и их коней и снарядить за счёт принца. Выплатить людям причитающееся вознаграждение за время, проведённое ими в

портах, а именно: четыре шиллинга в день каждому рыцарю, два шиллинга в день каждому оруженосцу, 12 пенсов в день каждому лучнику, шесть пенсов в день каждому валлийцу. Также по их отплытию выдать им трёхнедельное жалование авансом, исходя из тех же расчётов, и выплатить морякам положенное вознаграждение за тот же период. Стюард и казначей должны заключить контракты на суммы, выплаченные казначеем. И поскольку долгое пребывание в бездействии этих людей весьма накладно для принца, они [стюард и казначей] должны работать усерднее, чтобы отплытие состоялось как можно быстрее»¹².

Между тем, отряды Бертрана дю Геклена в конце ноября 1365 года собрались в Монпелье, откуда в конце года двинулись в Арагон. Педро Жестокий, едва услышав об их приближении, моментально вспомнил о договоре с Англией и отправил в Лондон весьма представительное посольство — его возглавил Мартин Лопес де Кордова, великий магистр орденов Алькантары и Калатравы. Королевский совет Эдуарда III отреагировал на мольбы о помощи вяло, ограничившись предупреждением, запрещавшим английским подданным сражаться против короля Кастилии. Оно явно запоздало, ибо три капитана наёмников — сэр Хью Калвели, сэр Николас Дэгуорт и Уильям Элмем — уже двигались в составе армии в Испанию. За слушание совет грозил им и их родственникам суровыми репрессиями, однако никто даже пальцем не пошевелил, чтобы помешать уходящим отрядам — в том числе и принц Уэльский.

События разворачивались быстро: армия дю Геклена вторглась в Кастилию в начале марта, а уже в конце месяца Энрике Трастамарский был коронован в Бургосе. Кастильская знать массово переходила на сторону нового короля, и к началу июня Педро Жестокий был вынужден бежать из своей страны в Португалию. Успешные действия бретонского полководца не на шутку обеспокоили принца Аквитанского. Он предпочёл бы затяжную борьбу двух претендентов, переходящую в войну на истощение. В этом случае Кастилия надолго теряла значение в качестве независимого полюса силы. Но угроза того, что соседская держава получит откровенно профранцузскую ориентацию, во многом способствовала быстрой трансформации формального англо-кастильского альянса в реальный.

В апреле и мае 1366 года, после коронации узурпатора Энрике, принц вёл спешные консультации со своим отцом и его советниками. Камергер сэр Нил Лоринг отбыл в Англию с письмами от Эдуарда Вудстокского, где тот подробно описывал сложившуюся на Пиренеях ситуацию и просил указаний. Эдуард III решил оказать поддержку свергнутому монарху, а собравшийся 4 мая парламент на первой сессии поддержал его намерение

вернуть трон Педро Жестокому военной силой. Ответные письма, содержавшие инструкции, в Аквитанию привёз 8 мая пасынок принца Томас Холанд граф Кентский. Уже 6 июня в английских портах началась реквизиция кораблей для переброски дополнительных войск в Аквитанию, по графствам полетели приказы о найме лучников.

Тут опомнился и сам изгнанник. Не получив ожидаемой помощи в Португалии, он перебрался в Галисию — автономную провинцию на северо-западе его королевства, до сих пор успешно сопротивляющуюся попыткам Кастилии полностью её подчинить. Отсюда в конце июля он отправился в Байонну на личную встречу с Эдуардом Вудстокским, чтобы напомнить тому о договоре. Педро не знал, что решение по этому поводу уже было принято в Лондоне. Без этого трудно сказать, насколько результативен был бы визит беглого монарха к правителю Аквитании: Эдуард относился к нему с большим скепсисом.

За согласием принца Уэльского вернуть своему визави утерянную корону стояла вовсе не абстрактная рыцарственность и желание помочь несправедливо обиженному, как считал Фруассар, но настоятельное требование практической политики. Сильный профранцузский король Кастилии представлял собой серьёзную опасность для Аквитании и для Англии. Так что личные симпатии или антипатии Эдуарда Вудстокского мало что значили — он действовал на основании чётких инструкций, полученных от своего отца и господина. Впрочем, одно другому не мешало. Естественно, принц жаждал взять в руки меч и выступить во главе войска на защиту поправленных феодальных прав. Несомненно, он соскучился по походной жизни, по битвам и славе.

Советники Эдуарда Вудстокского были полностью с ним солидарны — поход в Кастилию необходим. Правда, Фруассар писал, что приближённые принца спорили с ним, выступали категорически против экспедиции, и первым среди них был сэр Джон Чандос. Принц, якобы, дал им суровую отповедь: «Неблагородно и неприемлемо, что бастард держит королевство и наследие, изгнав из королевства и лишив наследия своего брата, короля и наследника этой земли»¹³.

Но кроме слов романтика-хрониста никаких подтверждений разногласиям в совете Аквитании нет. Герольд Чандос рисовал, в частности, совершенно другую картину и заявлял, что его хозяин сэр Джон советовал принцу провести переговоры с Наваррой, поскольку именно её король контролировал пути через Пиренеи, ведущие в Испанию:

«Сеньоры, выслушать хочу от вас

Я предложенья ваши». И тотчас
Поднялся Чандос, а помедлив чуть,
С ним Томас Фелтон встал плечом к плечу.
Мужи, которых принц в свой ввёл совет,
Правдивый дать осмелились ответ:
Успеха в деле не добьётся он,
Пока союз не будет заключён
С Наваррским королём, что закрывал
Для перехода Пора^[95] перевал¹⁴.

*

Переговоры Эдуарда Вудстокского с Шарлем Наваррским по поводу перехода армии через пиренейские перевалы начались в Бордо, откуда в начале августа высокие договаривающиеся стороны переместились в небольшой рыбацкий порт Капбретон. Там к ним присоединилось третье крайне заинтересованное лицо — Педро Жестокий, свергнутый король Кастилии. После долгих дебатов принципиальная договорённость о том, что в январе следующего года войска, идущие на защиту прав дона Педро, будут пропущены через Наварру.

Более детальная проработка договора продолжилась в сентябре 1366 года в Байонне. Помимо известных уже участников Эдуард Вудстокский пригласил присоединиться к конференции также своих советников, Жана д'Арманьяка и избранных гасконских сеньоров. Переговоры были нелёгкими и длились двенадцать дней. Главная проблема состояла в том, что никто не доверял Педро Жестокому, хотя он всеми силами пытался склонить советников на свою сторону и раздавал ценные подарки направо-налево. Тем не менее, часть статей договора всё равно была направлена на предотвращение возможного предательства с его стороны.

Достижению компромисса сильно мешало также участие в предприятии Шарля Наваррского. Поскольку его согласие пропустить армию было жизненно важным для планов Эдуарда Вудстокского, то и цену приходилось платить высокую: Кастилия уступала провинции Гипускоа и Алава, дававшие Наварре выход к морю, а также выплачивала контрибуцию в размере 200 тысяч флоринов. Тут принцу пришлось раскошелиться и внести в счёт их аванс от имени Педро — 10 % от общей суммы.

Цена на услуги самого Эдуарда Вудстокского также была высокой, но в отличие от «гонорара» наваррцу она обуславливалась его затратами: 250 тысяч флоринов для английских воинов и 300 тысяч для гасконцев. Также Аквитания должна была получить графство Бискайя со столицей Бильбао на севере полуострова. С учётом территорий, отходящих к Наварре, это означало, что почти всё кастильское побережье оказывалось в иностранных руках, и военно-морская угроза Англии со стороны Кастилии устранялась навсегда.

Пока же Эдуард Вудстокский вынужден был оплачивать все расходы по набору и содержанию армии, а также по организации самой экспедиции. Самые скромные подсчёты показывали, что это могло вылиться в сумму, составляющую примерно 1 700 000 флоринов. Дон Педро обещал погасить все свои громадные долги после возвращения трона Кастилии. Пока же в качестве залога он отдал принцу лишь драгоценности, за которые удалось выручить 10 500 фунтов, то есть, чуть более 60 тысяч флоринов.

Окончательные документы были подписаны 23 сентября в Либурне. Многие современники, также как и потомки, осуждали Эдуарда Вудстокского за ту чрезмерную цену, которую он выставил Педро Жестокому. Они справедливо указывали, что надеяться на выплаты в таком объёме было весьма наивно. Однако не принц был инициатором экспедиции и не принц диктовал условия. Подробные указания он получил из Лондона. А король Эдуард III в финансовом отношении руководствовался принципом *Vae victis* — «горе побеждённым», — прекрасной иллюстрацией чему служил колоссальный выкуп, запрошенный им за короля Жана II.

Эдуард Вудстокский оказался в очень сложном положении. С одной стороны, он не мог самостоятельно уменьшить размер репараций и территориальных приобретений, согласованных с отцом. Но для их получения ему нужно было установить сильную проанглийскую власть в Кастилии. В то же время, значительная выплата обязательно подорвала бы авторитет той самой власти и расшатала её поддержку. Уступка обширных земель также не способствовала бы укреплению трона Педро Жестокого, поскольку кастильская знать в большинстве своём и без того ненавидела изгнанного короля.

Однако оставить Кастилию в руках французского ставленника Англия себе позволить не могла. Приходилось идти на риск — причём риск исключительно финансовый. В том, что принц Уэльский и Аквитанский способен победить Энрике Трастамарского, не сомневались ни англичане, ни гасконцы. Даже с учётом того, что отношения между невольными

союзниками были, мягко говоря, натянутыми — слишком уж разными по характеру, темпераменту и убеждениям они оказались.

*

Армии Эдуард Вудстокский приказал собраться в конце осени — он ожидал, что как раз к этому сроку прибудет из Англии с подкреплениями его брат Джон Гонтский, получивший после смерти тестя титул герцога Ланкастерского. Этот контингент вместе с собственной свитой принца должен был составить ядро войска. Шарль Наваррский обещал выставить 1000 всадников и 1000 пехотинцев. Педро Жестокий не мог внести своего вклада в формирование армии, поскольку находился слишком далеко от родной Кастилии, где всё ещё оставались верные ему рыцари, и от Галисии, где продолжал сопротивление Фернан де Кастро, граф де Лемос по прозвищу Вся Верность Испании, возглавлявший сторонников дона Педро.

Основную часть экспедиционных сил предстояло нанять в Гаскони из свит местных сеньоров и вольных отрядов. Также принц надеялся привлечь под свои знамёна наёмников из той самой армии, которая под командованием Бертрана дю Геклена только что свергла Педро Жестокого: летом 1366 года Энрике Трастамарский её распустил, ибо финансы не позволяли ему и дальше содержать бездействующие войска. С ним в Кастилии оставался только дю Гекленс 1000 бретонцами, а также Оливье де Мони, сеньор де Ленен, двоюродный племянник Бертрана, с небольшим отрядом. Остальные наёмники сначала попытались вернуться во Францию через Арагон, но не были пропущены через границу. Тогда они пересекли Пиренеи в Наварре, нанеся по пути изрядный ущерб этому королевству.

Слухи о готовящемся вторжении дошли до Энрике Трастамарского, который сделал самый естественный в его положении ход, попытавшись переманить на свою сторону Шарля Наваррского. При посредстве Лопе Фернандеса де Луны, архиепископа Сарагосского, в конце декабря в небольшой деревушке Санта-Крус-де-Кампезо на кастильско-наваррской границе состоялись переговоры двух королей. Шарль Злой, в отличие от соотечественников Эдуарда Вудстокского, не верил в удачу принца и смертельно боялся остаться один на один с соединёнными силами Кастилии и Арагона после поражения англо-гасконских войск. Склонить его к предательству оказалось совсем нетрудно. Он пообещал расторгнуть договор, заключённый в Либурне, и активно противодействовать переходу войск принца через Пиренейские перевалы. За это Энрике пообещал ему

город Логроньо и относительно небольшую сумму в 60 тысяч двойных мараведи.

До начала 1367 года Эдуард Вудстокский находился в Бордо — он ожидал, когда его супруга разрешится от бремени. На Богоявление 6 января Джоанна Прекрасная Дева Кента родила ему второго сына, названного Ричардом. В недалёком будущем этому малышу суждено было стать королём Англии. Архиепископ Бордосский крестил новорождённого в кафедральном соборе, при обряде присутствовали сразу три монарха — изгнанник Педро Кастильский, претендент на трон Майорки Хайме IV и Костандин, король Киликийской Армении. Все они собирались присоединиться к кастильскому походу принца. Невольно напрашивается аллюзия на библейский сюжет с тремя царями — Каспаром, Мельхиором и Балтазаром, — принёсшими дары младенцу Иисусу, тем более, что день памяти трёх царей приходился как раз на Богоявление.

В разгар торжеств по поводу рождения сына Эдуард получил известие об измене Шарля Злого. Его реакция была стремительной. Он знал, что в Кастилии, где-то около наваррской границы, находился со своим отрядом Хью Калвели, освободившийся к тому времени от всех обязательств по отношению к Бертрану дю Геклену. Принц приказал старому вояке вторгнуться в Наварру и своими средствами напомнить Шарлю Злому о тех обязательствах, которые тот принял на себя в Либурне.

С отрядом, в который входило 400 латников и некоторое количество лучников, Калвели переправился через реку Эбро и двинулся напрямик на столицу королевства Памплону, захватывая по пути один город за другим. Перепуганный предатель спешно отправил к принцу Уэльскому своего капитана Мартина Энрикеса де Лакарра, которому поручил всеми возможными способами убедить владыку Аквитании, что его господин даже в мыслях не стремился к искреннему союзу с Энрике Трастамарским и по-прежнему готов открыть перевалы для армии принца.

Сразу после крещения сына Эдуард Вудстокский прибыл в Дакс, где его ждало готовое к походу войско. Оно оказалось ещё более разношёрстным, чем та армия, которую собрал в конце 1365 года Бертран дю Геклен. Брат принца Джон Гонтский привёл из Англии около 800 лучников помимо своей собственной свиты. Значительное количество английских лучников находилось в Гаскони ещё с прошлого лета. Чандос собрал под своё знамя нескольких известных капитанов вольных отрядов — в том числе Бертюка д'Альбре, Сегена де Бадефоля, Гарсио дю Шателя и Ле Бура Камю. Подошли с отрядами Жан д'Арманьяк и капталь де Бюш. Подтянулись наёмники, участвовавшие в кастильском походе дю Геклена

— они уже получили деньги за то, что посадили на трон Энрике Трастамарского, и теперь были не прочь подзаработать на его свержении. Среди этих капитанов были Джон Крессуэл, Робер Брике и Эсташ д'Абришикур.

*

Войско принца, насчитывавшее около 8000 воинов, перед маршем разделилось, как обычно, на три колонны. Авангард выступил 14 февраля 1367 года из Сен-Жан-Пье-де-Пора, расположенного у входа в Ронсевальское ущелье. Именно здесь в далёком 778 году произошла кровавая битва между войском Роланда, маркграфа Бретонского, и басками, в честь которой была сложена знаменитая «Песнь о Роланде». Этот путь в Испанию через перевал Бентарт, расположенный на высоте 1200 метров, был также хорошо известен всем паломникам, которые пробирались через Францию в Сантьяго-де-Компостела. Даже в разгар зимы его редко заносило снегом. На это сильно рассчитывал Эдуард Вудстокский, решивший вести армию через перевал в середине февраля.

Авангардом командовали Джон Гонтский, констебль армии принца сэра Джон Чандос, а также два маршала — Гишар д'Англь и сэра Стивен Косингтон. Труднейший переход, который они совершили, красочно описал герольд Чандоса:

Отец там сына тшетно согривал,
Мороз немилосердно лютовал,
И столь обильно шли и град, и снег,
Что охватил невольню ужас всех¹⁵.

В свите Джона Гонтского состоял монах Ревесбийского аббатства Уолтер из Питерборо, также не чуждый стихосложению. В своей поэме он приравнял марш через Ронсеваль к подвигу Гая Юлия Цезаря. Впрочем, скорее всего, поэт-монах немного напутал, имея в виду куда более известный переход Ганнибала через Альпы:

Как горы Пиренейские Цезарь взял геройски,
Вот так же через перевал в Наварру вторглось войско¹⁶.

Основными силами командовали принц и Педро Жестокий. Они снялись с лагеря 20 февраля, а арьергард под командованием Хайме де Майорки, графа д'Арманьяка и других знатных гасконских сеньоров покинул Сен-Жан-Пье-де-Пор ещё двумя или тремя днями позже. Самый последний отряд, переваливший через Пиренеи, вели капталь де Бюш и Арно-Аманье д'Альбре. В конце февраля армия в полном составе разбила лагерь на равнине перед Памплоной. Там к ней присоединились 300 наваррских копейщиков под командованием того самого Мартина Энрикеса де Лакарра, который недавно приезжал к принцу в качестве посланника Шарля Злого и был весьма расположен к англичанам.

Энрике Трастамарский получил известие об очередной измене короля Наваррского во время сессии кортесов в Бургосе. В качестве весомого доказательства возобновления союза Шарля Злого с англичанами пришла ещё одна новость — о вторжении в Испанию армии под командованием грозного Эдуарда Вудстокского. Сессия была немедленно приостановлена. Со всеми войсками, которые удалось собрать, Энрике двинулся навстречу принцу. Он устроил свою штаб-квартиру недалеко от деревушки Санто-Доминго-де-ла-Кальсада, в дубовом лесу на западном берегу реки Оха. Таким образом он перекрыл прямой путь от Памплоны на Бургос, столицу Кастилии. Выбирая позицию всего лишь в полутора десятках километров от границы с Наваррой, Энрике сильно рисковал. Но на тот момент главной его заботой было не допустить соединения сторонников Педро Жестокого в Кастилии с армией принца.

Поскольку сил у него явно не хватало, Трастамара срочно послал гонцов к Бертрану дю Геклену в Сарагосу и к другим капитанам, которые помогли ему годом ранее захватить трон. Вскоре к Энрике подошли подкрепления — отряды маршала Арнуля д'Одреема, Жана де Нёвиля, а также рутьеров Перрана Савойского, Арно дю Солье по прозвищу Лимузенец и Мальша Мешена. Их соединённые силы насчитывали около 1000 воинов. Прибыл также небольшой отряд арагонских рыцарей, который вёл Альфонсо Старый, граф де Дения, мажордом и двоюродный брат короля Педро IV Арагонского.

Из своего лагеря в Санто-Доминго-де-ла-Кальсада действующий правитель Кастилии послал формальный вызов принцу: «Энрике, милостью Божией король Кастилии и Леона, Толедо, Галисии, Севильи, Кордовы, Мурсии, Хинеса, Алгарви, Альхесираса и сеньор де Молина могущественнейшему принцу Эдуарду, принцу Аквитанскому и Уэльскому — привет. Мы прослышали, что вы собираетесь вторгнуться в наше королевство Кастилия с большим войском вместе с нашим врагом и

противником. По сему поводу мы выражаем своё удивление, ибо считали, что между нами нет никаких недоразумений, а вы были известны нам множеством благородных свершений. Посему дайте знать, где именно вы собираетесь вторгнуться в наше королевство Кастилия, а мы с помощью Господа и наших верных подданных предстанем там пред вами. Мы не замедлим вступить с вами в бой, поскольку нам сообщили, что вы и ваши люди весьма жаждут этого. Мы заявляем вам и всем миру, что не желаем этого, но будем готовы исполнить свои обязанности и защитить наше королевство и наших подданных»¹⁷.

Эдуард Вудстокский не счёл нужным отвечать на это послание, поскольку не имел ни малейшего представления о силах противника и его местоположении, а следовательно, не мог планировать боевые действия. Вместо того, чтобы вступать в бесполезную переписку, он выслал вперёд разведывательный отряд под командованием сенешаля Аквитании сэра Томаса Фелтона, который пересёк границу с Кастилией в начале марта. В городе Логроньо, всё ещё остававшемся в руках сторонников Педро Жестокого, к Фелтону присоединился сэр Хью Калвели. Затем рыцари попытались установить точное местонахождение врага.

*

Началом собственно военной части кампании можно, наверное, считать дезертирство Шарля Злого. В середине марта король Наварры, всеми силами стремясь избежать участия в боевом походе, выкинул такой финт, какого ещё не знало средневековье. Он ни много ни мало инсценировал своё пленение отрядом Оливье де Мони, находившимся на службе Энрике Трастамарского. Какие бы цели ни преследовал этим завзятый интриган, управлять страной из плена он, естественно, не мог, и регентом Наварры стал Мартин Энрикес де Лакарра.

Сделал свои первые шаги и Эдуард Вудстокский. Их наиболее точно можно описать словами известной песни: «Нормальные герои всегда идут в обход». Он не двинулся прямо на Бургос по главной дороге через Логроньо, как того ожидал неприятель, а взял немного севернее и пересёк границу недалеко от Сальватьерры. Причин, заставивших его избрать такой маршрут, могло быть несколько. Прежде всего, принц мог получить от сэра Томаса Фелтона донесение с указанием позиции, занятой войсками Энрике Трастамарского. Поэтому он решил обойти неприятеля через Виторию и Миранду-де-Эбро, и выйти к Бургосу, избежав прямого столкновения.

Вроде бы, логично. Однако в таком случае Эдуард должен был понимать, что неприятель, действующий на своей территории и лучше осведомлённый о происходящем, также переместится севернее и вновь перекроет ему путь.

По второй версии наваррские проводники-предатели намеренно могли повести англо-гасконские войска труднопроходимой дорогой, чтобы измотать их. Эта гипотеза также сомнительна, поскольку при армии находился проанглийски настроенный наваррский рыцарь Мартин де Лакарра, который бы вряд ли оставил без внимания необоснованный выбор кружного маршрута. Наиболее вероятным кажется третье объяснение: прямая дорога через Логроньо пересекала множество рек, сбегавших с горного массива Сьерра-де-ла-Деманда. Весеннее половодье превратило их в превосходные естественные оборонительные рубежи для кастильской армии. Поэтому принц решил обойти эти препятствия севернее, через Виторию и мосты города Миранда-де-Эбро.

Так или иначе, но Эдуард Вудстокский повёл свою армию по гористой и малонаселённой кастильской провинции Алава. Перебравшись через перевал Арруасу, он вышел к Сальватьерре. Городок попытался сопротивляться, но ввиду превосходящих сил противника защитники вскоре сложили оружие и открыли ворота. Единственным раненым в этом бою оказался сэр Ричард Бёрли. В Сальватьерре армия отдыхала шесть дней. Затем она выступила к Витории — столице Алавы. Туда же направлялся и Энрике Трастамарский. Пока англичане добирались до города, кастильцы успели занять позиции юго-западнее — на перевалах, ведущих к Миранде. Об этом принцу доложил Томас Фелтон, следивший за противником и вслед за ним также прибывший к Витории. Стало ясно, что попытка обойти кастильцев не удалась, как не получилось и застать их врасплох. Тогда Эдуард Вудстокский решил дать врагу бой и выстроил армию на равнине к югу от города. Согласно традиции, перед боем он посвятил нескольких человек в рыцари — в их числе были король Педро Жестокий, пасынок принца Томас Холанд, а также Николас Бонд, который четырнадцать лет верой и правдой служил принцу оруженосцем.

Но Энрике Трастамарский боя не принял. Он действовал по рекомендациям Шарля V Французского, который в своих письмах советовал ему применять партизанскую тактику, а не лезть на рожон — разгромить в открытом бою армию, в которой собрался цвет рыцарства, представлялось не самой простой задачей. Этой же точки зрения придерживался и главный советник кастильского узурпатора Бертран дю Геклен. Бретонец был хорошо знаком с опытом Реймской кампании 1359

—60 годов, которую подобного рода тактикой удалось завести в тупик. Энрике Трастамарский засел в замке на вершине Сальдиаран, откуда высылал всадников для нападения на фуражиров и другие мелкие английские отряды.

Фелтон и Калвели устроили своих солдат на отдых отдельно от главных сил. И как раз в ту ночь кастильцы провели два рейда — конные отряды брата Энрике Трастамарского дона Тельо, сеньора де Агилар-де-Кампо, и маршала д'Одреема совершили налёт на эти обособленные английские лагеря. Дон Тельо атаковал людей сэра Хью Калвели, многие из которых были убиты во сне. Сильно пострадал обоз. Однако шум боя насторожил Джона Гонтского, который приказал своим войскам занять боевые позиции. Рейдеры не смогли застать их врасплох, а на помощь уже спешили принц и Чандос. На этом участке кастильцев удалось легко отогнать. Арнуль д'Одреем тем временем напал на отряд сэра Томаса Фелтона, который расположился в Ариньесе, в семи километрах к западу от Витории. Англичан было всего 400 человек — латников и лучников. Они успели занять оборону на холме, где всадникам было труднее их атаковать. Однако неприятель сильно превосходил их по численности, и после ожесточённого сражения англичане были разбиты. Двоюродный дядя командира отряда сэр Уильям Фелтон, сенешаль Пуату, погиб в бою, а сам сэр Томас Фелтон и сэр Ричард Хестингс попали в плен.

*

Принц понял, что пробиться силой через занятые противником перевалы не удастся, и приказал вернуться на ту дорогу, которой пренебрёг с самого начала. Войска развернулись на юго-восток и через холмы Сьерры-де-Кантабрии двинулись к Логроньо. Местность, по которой они шли, не давала противнику возможности устроить засаду или ловушку, но при этом не баловала уютными местами, где удобно было бы разбить лагерь. Добросовестный Уолтер из Питерборо красочно описал одну из ночёвок так:

В долину мы вступили в полном беспорядке
И на ночь в тихой роце поставили палатки.
До самого рассвета стояла стужа злая,
Но строй держало войско, утром выступая¹⁸.

Несмотря на неблагоприятные условия марша, Эдуард Вудстокский без каких-либо особых проблем привёл армию в долину реки Эбро, и 1 апреля она стала лагерем у Логроньо. Энрике Трастамарский, в свою очередь, также оставил Сальдиаран и последовал за принцем, но правее, выдерживая направление строго на юг. Таким образом, он форсировал Эбро у Сан-Висенте и снова оказался между войском Эдуарда Вудстокского и Бургосом. Кастильцы заняли позиции на западном берегу реки Нахерилья, чтобы не дать неприятелю воспользоваться мостом в городке Нахера.

Расположившись в Логроньо, принц решил, наконец, ответить на брошенный ему месяцем ранее вызов, а заодно вывести противника из равновесия. Он начал своё послание в весьма язвительном стиле, тонко пародируя обороты, использовавшиеся Энрике Трастамарским, однако по мере углубления в суть проблемы тон становился всё серьезнее. Принц весьма чётко и строго изложил ситуацию, какой она ему виделась, и с логикой его выводов трудно было спорить. Эдуард вроде бы предлагал решить дело миром, но выставленные им условия были заведомо неприемлемы — на деле формально миролюбивое письмо не оставляло узурпатору другого выбора, кроме как сражаться:

«Эдуард, первородный сын короля Англии, принц Аквитанский и Уэльский, герцог Корнуоллский и граф Честерский благородному и могущественному Энрике графу де Трастамара — привет. Мы получили ваши письма, в которых вы именуете себя королём Кастилии и в которых вы утверждаете, что мы вместе с вашим врагом и противником планируем вторгнуться в королевство Кастилия с сильным войском. Мы находим всё это удивительным. Вы обратились к нам с просьбой сообщить, каким путём мы собираемся войти в ваше королевство Кастилия, ибо вы хотите быть там вперёд нас, с помощью Господа и с помощью своих подданных и друзей. Вы говорили, что не замедлите вступить с нами в бой, и вы заявили, что наши люди весьма жаждут этого. Хотя вы и полагаетесь на помощь Господа, но мы, как и весь прочий мир, знаем — Он не на вашей стороне. Тем не менее вам кажется, что вы должны защищать своё королевство и своих подданных.

Итак, да будет вам известно, что с королём — упомянутым доном Педро — мы связаны не только родством, но также прежними и новыми союзами, и обязаны поддержать его законные требования. Эти договоры были заключены как его предшественниками, королями Кастилии, так и самим доном Педро с предшественниками нашего дражайшего господина и отца, короля Англии, а также с ним самим. Дон Педро изложил перед нами своё дело, и это весьма хорошо известно, что король дон Альфонсо, его

отец, по своему завещанию оставил ему корону Кастилии, как и все остальные королевства и земли, которыми он владел. Кроме того, люди указанных земель принесли дону Педро клятву верности и оммаж в соответствии с обычаями страны, и подчинялись ему, как своему господину и королю. Да вы и сами приносили клятвы за земли и унаследованные владения, которые вы держите в его королевстве.

Несмотря на это, вы явились недавно с большим войском для сопротивления вашему упомянутому господину и королю и изгнали его из большей части его королевства, которое оккупировали силой и без веского повода. В результате мы жалостью были подвигнуты явиться к нему на помощь во имя справедливости и согласно договорам, уже упомянутым. Мы намерены восстановить его в королевстве и во всех законных владениях всеми имеющимися у нас силами. Мы хотим, чтобы Господь и весь мир знали, что мы никогда не желали битвы или кровопролития между христианами, да и теперь мы их не хотим, если этого можно будет избежать, сохранив нашу честь и наследство наших друзей и союзников.

Таким образом, если вы без боя, во имя почитания Господа и во благо христианского мира, вернёте все королевства и земли нашему союзнику королю дону Педро, а также исполните другие обязательства, которыми вы связаны, мы будем весьма рады видеть это. Господь и все люди могут ясно видеть, что мы действуем в этом деле не из гордости или тщеславия, и не по иным причинам, но только исходя из права и справедливости. И мы говорим вам, что если король дон Педро, наш кузен и союзник, в чём-то поступил нечестно с вами или с кем-либо другим из его королевства без серьёзной причины, то мы хотим это исправить. Да, мы будем советовать ему, что в этом случае он должен по праву дать удовлетворение и вам, и им. Точно так же, как если кто-то совершил преступление против него, мы призовём к их прощению, так чтобы против них ничего не предпринималось в связи с этим. И над осуществлением сего мы будем упорно трудиться.

Если же вас ведут жадность или другие пороки, то вы должны остерегаться, чтобы не оскорбить Господа. Если вы откажетесь от этих предложений, то знайте, что мы намерены вторгнуться в королевство Кастилия открыто. Тогда и для вас и всех остальных, кто планирует выступить против нас, действительно было бы лучше оказаться на месте встречи прежде, чем там будем мы»¹⁹.

Обращение в Энрике как к простому графу, ожидаемо взбесило узурпатора, который в тот же день 1 апреля написал ответное письмо в откровенно оскорбительной манере, ибо желание уязвить противника взяло

верх над благовоспитанностью^[96]. И если у Эдуарда Вудстокского были все основания не признавать королевский титул своего противника, то у Энрике таких оснований не было, поскольку происхождение принца никем не ставилось под сомнение и все свои титулы он носил по праву. Помимо далеко не рыцарственного тона послания, узурпатор набрался смелости требовать — не предлагать, а именно требовать — чтобы место для сражения определили выборные от обеих противоборствующих сторон:

«Дон Энрике, милостью Божией король Кастилии и Леона, Толедо, Галисии, Севильи, Кордовы, Алгарве и Альхесираса и сеньор де Молина Эдуарду, принцу Уэльскому, который именуется старшим сыном короля Англии и принцем Аквитанским — привет. Мы получили ваши письма и ознакомились с их содержанием, включая и ответ на наше письмо. Никто не может иметь каких-либо сомнений в том, что это вы в действительности охвачены тщеславием. Но вы должны помнить, что мы, с помощью Господа и наших добрых, преданных и верных подданных, заняли эти земли и готовы защищать указанные королевства и их подданных ото всех, кто собирается силой вторгнуться в их пределы или каким-либо другим образом повредить нашим верным подданным.

Вы можете не испытывать в этом отношении никаких сомнений, а посему отправьте двух или трёх ваших рыцарей, чтобы они встретились с двумя или тремя нашими рыцарями и выбрали место, которое не даст преимущества той или иной стороне. Когда такое место будет выбрано, мы с готовностью защитим наше королевство и интересы наших верных подданных, во славу Господа и всего христианского мира.

Мы желаем, чтобы эти наши письма служили в качестве охранной грамоты для избранных вами двух или трёх рыцарей, а также для их сопровождения — до пятидесяти людей и коней. И послали мы сии письма лишь с этой целью, не для чего более»²⁰.

*

Получив это второе письмо, Эдуард Вудстокский удовлетворённо потёр руки и соизволил ответить на него лишь кратко сформулированным отказом. Его изрядно позабавило, с какой тщательностью Энрике перечислял все многочисленные присвоенные им титулы. Но своей цели принц добился: послание вывело узурпатора из себя и стало последней каплей, заставившей того отказаться от тактики партизанской войны. К

прекращению игры в кошки-мышки Энрике Трастамарского подтолкнуло не только язвительное письмо — такая игра совершенно не соответствовала характеру узурпатора. Кроме того, он начинал опасаться, что выжидательная позиция сыграет против него и вызовет недовольство знати и армии. А Энрике и без того чувствовал себя на троне не слишком уверенно. Один за другим города открывали свои ворота перед посланниками дон Педро. Отряд из 600 всадников, посланный на усмирение мятежного города Агреда, перешёл на сторону неприятеля. Дальнейшее дезертирство стало бы фатальным для Энрике.

Однако французские капитаны, не понаслышке знавшие о военных талантах принца, все как один выступали за продолжение тактики изматывания противника. Интересно, что в их числе был и поумневший маршал д'Одреем, который перед битвой при Пуатье, как мы помним, наоборот поощрял Жана II атаковать врага. Несмотря на такое единодушие своих военных советников, Энрике решил по-своему и вывел армию из Нахеры, чтобы дать бой в чистом поле. Он занял позиции за рекой Яльде, притоком Нахерильи, расположив своё войско по обе стороны от главной дороги.

Авангард армии во главе с Бертраном дю Гекленом и Арнулем д'Одреемом состоял из французских отрядов и рыцарей ордена Ленты, чей баннер держал Педро Лопес де Айяла, канцлер Кастилии. Рыцари ожидали боя спешенными, как латники Эдуарда Вудстокского при Пуатье. Центром командовал Энрике Трастамарский, чьи войска стояли за баталией дю Геклена. На флангах располагались отряды хинетов — лёгкой андалусийской кавалерии. Их возглавляли дон Тельо и Альфонсо, граф де Дения. В чём состояли преимущества кастильской армии? Только в одном — она занимала выгодную позицию, была свежей и хорошо отдохнувшей. Зато минусы казались весьма серьёзными — по большей части, солдаты имели лишь лёгкое вооружение и были плохо обучены, а их стойкость в бою вызывала большие сомнения.

Эдуард Вудстокский также оставил Логроньо. Его армия перешла через Эрбо по большому каменному мосту и 2 апреля 1367 года встала у небольшой деревушки Наваррете, где выстроилась в боевой порядок. Первая баталия состояла в основном из английских и бретонских латников с лучниками на флангах. Ей командовали Джон Гонтский, сэр Джон Чандос и два маршала — Стивен Косингтон и Гишар д'Англь. Вторую баталию, сформированную из гасконцев, возглавлял сам принц. Правым её крылом командовали Арно-Аманье д'Альбре и Жан д'Арманьяк, левым — Жан де Грайи капталь де Бюш. Третья баталия, в отличие от двух первых, была

конной. Её вели Хайме де Майорка и сэр Хью Калвели. Перед строем своей армии принц торжественно посвятил сэра Джона Чандоса в баннереты — эту честь отважный воин заслужил давно.

Противников разделяли 12 километров широкой равнины. Хотя обе стороны готовились к битве в течение нескольких дней, и вся местность кишела разведчиками, Эдуард сумел-таки преподнести кастильцам тактический сюрприз. Поскольку Энрике Трастамарский не делал никаких попыток сдвинуться с места и выжидал, действовать пришлось именно принцу. Но он не пошёл, как ожидали его враги, в лобовую атаку по главной дороге из Логроньо на Нахеру. Ранним утром 3 апреля англо-гасконские войска свернули на север и обогнули крутой хребет, тянувшийся вдоль долины.

Едва вошло солнце, как на левом фланге армии Энрике Трастамарского неожиданно возникли отряды Джона Гонтского и Джона Чандоса. Пока атакующие спешили и выстраивались для атаки, опытный Бертран дю Геклен мгновенно уяснил изменение ситуации и попытался развернуть свои войска фронтом к неприятелю. Это было весьма сложной задачей. Первой линии удалось повернуться к врагу, но во второй линии возникло замешательство, переросшее в смятение. Небольшой отряд лёгкой кавалерии, пользуясь всеобщей неразберихой, перешёл на сторону англичан. Ценой нечеловеческих усилий дю Геклену удалось восстановить порядок и даже повести своих солдат в контратаку, на некоторое время оттеснив англичан. Но тут в сражение вступила вторая баталия под командованием самого принца Уэльского, и сильные отряды гасконцев на её флангах начали охват позиций неприятеля. Дон Тельо, стоявший со своей лёгкой кавалерией как раз на левом крыле, попытался остановить продвижение неприятеля. Однако лучники встретили его всадников тучей стрел, безжалостно поражавших плохо защищённых доспехами людей и коней. Испанские конные отряды понесли тяжёлые потери и бежали с поля боя.

Энрике Трастамарский попытался изменить ход сражения и помочь французам, которым грозил полный разгром. Его подвели кастильские рыцари, которые отказались спешиваться и пошли в атаку на баталию принца в конном строю. Естественно, английские лучники немедленно разъяснили им ошибку, засыпав их стрелами. Узурпатор отважно сражался в самой гуще битвы, однако бой был проигран. Телохранители чуть ли не силой вывели Энрике из гущи сражения. Кругом царил паника. Французы и кастильцы в беспорядке бежали к Нахере, преследуемые конными отрядами Хайме де Майорки и Хью Калвели. Большинство отступавших

попало в смертельную ловушку на берегу реки, поскольку узкий мост через быструю Нахерилью не мог вместить всех обезумевших от страха беглецов, и там началась давка. Англичане и гасконцы продолжали преследовать врагов даже в городе. Множество их попало в плен, множество было убито в домах, где они пытались найти убежище. В Нахере были схвачены главы трёх знаменитых рыцарских орденов: великого магистра ордена Калатравы нашли в погребе, а приор Леона ордена святого Иоанна Иерусалимского и магистр ордена святого Иакова Компостельского сдались случайно наткнувшемуся на них отряду латников.

*

Эдуард Вудстокский стоял на холме под развевающимися штандартами, указывавшими место сбора отрядов. Они возвращались один за другим после погони за бежавшим противником, отягощённые пленниками и трофеями. Как того требовала давняя военная традиция, победители остановились в лагере Энрике Трастамарского и ночевали в тех самых платках, где кастильцы провели предыдущую ночь. На следующее утро 4 апреля герольды отправились на поле боя, чтобы подсчитать павших. Они обнаружили около 5000 тел — погибла половина испанской армии, причём большая часть была уничтожена у реки, на заключительном этапе сражения, когда исход уже не вызывал сомнений. Потери англо-гасконского войска оказались незначительными.

Принц был вполне удовлетворён, ибо он полностью выполнил приказ отца и взятые на себя обязательства. После такого разгрома, какой потерпели сторонники узурпатора, они не имели никакой возможности сопротивляться возвращению на трон Педро Жестокого. В понедельник 5 апреля Эдуард Вудстокский писал своей жене Джоанне в Бордо: «Моя дражайшая, обожаемое сердце, возлюбленная супруга! Мы приветствуем вас от всей души и желаем вам всего наилучшего. Вот новости, которые вам, наше сердце, хотелось бы знать. Подруга наша, мы стояли лагерем в полях вблизи Наваррете 2 апреля, и там получили известие, что Бастард Испанский со всей своей армией расположился в двух лигах от нас у реки Нахера.

На следующий день очень рано утром мы снялись с лагеря, чтобы двинуться на него, и послали вперёд наших разведчиков, чтобы выяснить, в каком состоянии находится армия упомянутого Бастарда. Они донесли нам, что тот занял позицию и выстроил свои войска на удобном месте и ждёт

нас. Поэтому мы в свою очередь выстроились в боевой порядок и сражались так хорошо по воле и милости Божьей, что Бастард и все его люди были побеждены благодаря помощи Господа нашего. От пяти до шести тысяч воинов были убиты, и мы взяли много пленных, чьих имён пока не ведаем. Однако среди них точно находятся брат упомянутого Бастарда дон Санчо, граф де Дения, мессир Бертран Геклен, маршал д'Одреем, мессир Хуан Рамирес, мессир Жан де Нёвиль, ле Краон, ле Бек де Виллен, сеньор Каррильо, магистр ордена святого Иакова, магистр ордена святого Иоанна и различные шателены, чьих имён мы не знаем — до двух тысяч благородных пленников. Что касается самого Бастарда, то мы до сих пор не имеем представления, взят он в плен, убит, или бежал.

И после указанной битвы остановились мы на ночь в лагере упомянутого Бастарда, в его собственных палатках, и там отдохнули лучше, чем где-либо в последние четыре или пять дней. И оставались мы там весь следующий день. В понедельник, то есть, в день, когда пишется это письмо, мы снялись с лагеря и двинулись на Бургос, где мы успешно завершим наш поход с помощью Господа. Вы будете рады узнать, дорогая супруга, что мы, наш брат Ланкастер и все знатные дворяне нашей армии чувствуют себя хорошо, слава Богу, за исключением только мессира Джона Феррерса, который бился яростно»²¹.

С этим письмом в Лондон был отправлен слуга принца Франскин Форрест. Он также должен был доставить в Англию боевого коня Энрике Трастамарского, захваченного в битве при Нахере — в качестве неопровержимого, материального подтверждения очередного триумфа английского оружия.

Эдуарду Вудстокскому следовали два самых крупных выкупа: за лучшего из французских военачальников того времени Бертрана дю Геклена принцу причиталось 100 тысяч кастильских двойных мараведи, или примерно 19 200 фунтов. Альфонсо, графа де Дения, отчаянно бившегося в рядах баталии Энрике Трастамарского, захватили английские оруженосцы Роберт Хоули и Ричард Чемберлен, которые затем передали пленника принцу в обмен на обещание компенсации. Выкуп за Альфонсо был установлен в размере 150 тысяч двойных мараведи.

Когда перед Эдуардом Вудстокским предстал Арнуль д'Одреем, их встреча чуть не кончилась трагедией. Английские и французские обычаи того времени по свидетельству очевидцев были значительно менее жестокими, чем испанские. Англичане и французы после достижения соглашения по сумме выкупа отпускали пленников на свободу под честное слово, в то время как испанцы держали их в строжайшем заключении, а о

сборе необходимых средств предоставляли заботиться родственникам и друзьям. Но маршал не выплатил ещё своего выкупа за прошлое пленение, которое произошло одиннадцать лет назад при Пуатье. По всем писанным и неписанным рыцарским законам до полного погашения долга он не имел права вновь поднимать меч против того, кто взял его в плен. Эдуард Вудстокский угрожал казнить д'Одреема как обыкновенного предателя, но маршалу удалось убедить принца, что никаких правил он не нарушил. Оба они, говорил д'Одреем, сражались за других: маршал — за Энрике, принц — за Педро. То есть, д'Одреем воевал не против принца, а всего лишь против донна Педро, на что имел полное право. Да и сам принц не был главнокомандующим англо-гасконской армии, а только её капитаном. Необычным капитаном, благоразумно оговорился тут маршал, превосходящим своими военными талантами любого другого капитана, но тем не менее, по факту дело обстояло именно так. Эдуард Вудстокский повёл дело так, что заставил восхищаться собой даже испанских хронистов:

«Двенадцати рыцарям принц приказал заслушать и рассудить это дело. Они заявили, что их решение таково: в своих речах маршал был прав, он защищался как рыцарь. И они сказали принцу, что маршал отвечал превосходно, и в соответствии с законом, и признали, что он защитил себя от обвинений, выдвинутых принцем. И принц со всеми рыцарями были весьма рады, что маршал нашёл веские аргументы для оправдания, поскольку он был добрым рыцарем. Доводы, к которым прибег маршал, были крайне важны: после вынесения этого приговора любые подобные претензии, предъявляемые воюющими сторонами друг другу, разрешались подобным же образом»²².

Тут автор заметок Лопес де Айала был абсолютно прав — первым среди тех, кому пошёл на пользу прецедент с Арнулем д'Одреемом, оказался сам Бертран дю Геклен. Ведь сэр Джон Чандос предъявил ему точно такие же претензии, и точно также бретонец избежал суровой кары.

*

В отличие от принца, вполне удовлетворённого исходом боя, Педро Жестокий остался недоволен. Тела Энрике Трастамарского, его главного врага, среди погибших не нашли. Узурпатор бежал сначала в Арагон, потом во Францию, но на тот момент об этом ничего не знали ни шпионы, ни пленники. Не улучшали настроения донна Педро и участвовавшие конфликты

между ним и Эдуардом Вудстокским. Первое серьёзное столкновение произошло из-за пленных. Если принц рассматривал их исключительно в рыцарской парадигме — в качестве достойного способа получения выкупа, то Педро Жестокий видел в них мятежников и политических противников, подлежащих публичному уничтожению.

В полном соответствии со своими представлениями о законности дон Педро незамедлительно предал казни Гомеса Каррильо де Кинтана, камергера Энрике Трастамарского, а с ним ещё трёх знатных кастильцев. Далее ему случилось опознать среди пленных известного военного механика, который год назад переметнулся от него к узурпатору. Педро набросился на несчастного и собственноручно убил его. Гасконский рыцарь, захвативший злосчастливого механика в плен, был в ярости из-за потери выкупа и пожаловался принцу. Только после личного вмешательства Эдуарда спонтанные расправы прекратились. Вторым камнем преткновения стало выполнение условий договора. Педро Жестокий стремился как можно скорее укрепить свои позиции в качестве короля Кастилии, в то время как Эдуард Вудстокский желал получить оговорённую плату и вернуться в Аквитанию. Однако надежды принца на быстрое и успешное завершение столь блестящего в военном отношении похода не сбылись.

Педро Жестокий торжественно вступил в свою столицу Бургос 7 апреля 1367 года. Эдуард и его войско расположились за чертой города. Сам принц остановился в монастыре Лас Уэльгас, где находилась усыпальница кастильских королей. Начались долгие и сложные переговоры по сумме выплат. Только подсчёт долгов короля Кастилии занял почти месяц. Он был определён в 2720 тысяч золотых флоринов — гигантскую сумму, сравнимую по величине с выкупом короля Жана II Доброго. Но при этом была всё-таки небольшая разница между Францией, богатейшей страной Европы, которой оказалось не под силу его собрать, и куда более бедной Кастилией. Педро Жестокий настаивал на том, чтобы в окончательном расчёте была учтена стоимость драгоценных камней, проданных им в Гаскони перед началом похода. Он также наотрез отказывался отдавать кастильские замки в качестве обеспечения выплат на том основании, что это сильно ослабит его власть.

Наконец, все детали были согласованы, и 2 мая состоялась торжественная церемония в Бургосском соборе, на которой стороны обменялись взаимными обязательствами. Ещё один документ был подписан 6 мая в Лас Уэльгасе. Он гласил, что половина суммы должна была выплачена в течение четырёх месяцев, после чего английская армия

оставит Кастилию. К тому времени Эдуард Вудстокский уже полностью перестал доверять своему союзнику. Он приказал английскому отряду занять городские ворота и нести там караул, пока принц находится в Бургосе. На примыкающей к собору площади Эдуард расставил тысячу латников и лучников. Кроме того, его повсюду сопровождали 500 пеших латников.

После подписания обоих документов Педро Жестокий отправился в Толедо, чтобы немедленно начать сбор денег для оплаты услуг англо-гасконской армии. В окрестностях Бургоса сложно было найти провиант, поэтому Эдуард увёл оттуда свои войска в Вальядолид. Летняя жара усилилась, армия страдала от голода и дизентерии. Заболел этой болезнью и сам принц, причём в очень тяжёлой форме.

Король Кастилии, вопреки распространённому мнению, честно пытался собрать требуемые средства. Он влезал в кредиты, поднимал налоги, требовал взносов от местных общин. Так, 20 мая Педро Жестокий из Толедо писал горожанам Мурсии и просил их не только оплатить все текущие налоги, но и авансом внести подати, следуемые с них до конца года. Аналогичные письма он разослал по другим городам. С отдельным посланием дон Педро обратился к одной из еврейских общин Куэнки, в котором просил о кредите. Все вырученные таким образом средства должны были пойти принцу Уэльскому.

Если усилия по сбору денег были, похоже, совершенно искренними, то в вопросе передачи союзникам обещанных по договору земель король Кастилии вёл себя откровенно недобросовестно. Так, он обязан был подписать хартии по передаче Бискайи и Кастро-Урдьялеса принцу, а графства Сория — Чандосу. Формально дон Педро это сделал, и принц добавил ещё один титул к тому пышному букету, которым он уже обладал. Но за подтверждение передачи графства Чандосу кастильское казначейство заломило такую непомерную плату, что тот предпочёл даже не обсуждать вопрос и отказался от дара.

Передача Эдуарду Вудстокскому Бискайи также была хороша только на бумаге. После подписания её дело застопорилось, ибо представители принца не могли добиться какого-либо прогресса от басков, ссылавшихся на свои древние обычаи, которые позволяли им самим выбирать себе правителей. Надо заметить, что так оно и было на самом деле, и при всём желании дон Педро не мог принудить их поменять сюзерена.

Пока шли эти разбирательства, у английской армии кончился провиант. В мае проблема со снабжением встала настолько остро, что принцу пришлось осадить процветающий торговый город Медина-дель-

Кампо для получения продовольствия — совсем как в дни войны.

*

Эдуард Вудстокский с самого начала понимал, что для Педро Жестокого сбор даже первой части выкупа создаст весьма серьёзную проблему. Но он не представлял себе, насколько плохи финансовые дела Кастилии в реальности. Чем дальше, тем яснее становилось, что сполна получить долги вряд ли удастся в ближайшее время. Между тем, провиант закончился уже и в окрестностях Вальядолида. В середине июля принц поднял армию и перевёл её на 200 километров восточнее, в Сорию. Там он простоял месяц, прежде чем решил окончательно покинуть пределы Кастилии. Остаться в этой стране дольше было невозможно. Болезнь Эдуарда прогрессировала, его самочувствие ухудшалось с каждой неделей.

В конце августа принц с войском пересёк кастильско-наваррскую границу. Шарль Злой встретил его со всеми возможными почестями, окружив английского военачальника заботой и вниманием. Хитрец не шутя опасался, что Эдуард Вудстокский припомнит ему предательское поведение во время кампании. Однако больному принцу было не до мести, он стремился быстрее вернуться в Аквитанию. Король Наварры проводил англо-гасконское войско до своих восточных рубежей, и в Сен-Жан-Пье-де-Поре задал в честь Эдуарда грандиозный пир. 29 августа принц распрощался с Шарлем и направился в Байонну. Там он приказал устроить торжества по поводу окончания экспедиции, которые длились пять дней подряд.

В начале сентября 1367 года Эдуард Вудстокский распустил армию и в сопровождении свиты вернулся в Бордо, где его ожидала пышная встреча. На площади около кафедрального собора принца ждали жена Джоанна и старший сын Эдуард. Принц спешил, и они втроём, крепко держась за руки, вошли в архиепископский дворец. Эдуарда чествовали как победителя. И для этого были все основания — поставленную перед ним военную задачу он решил блистательно. Принц нанёс сокрушительное поражение войскам Энрике Трастамарского и Бертрана дю Геклена, вернув трон Педро Жестокому. Что касается дипломатии и экономики — той области, которая относилась к сфере компетентности королевского совета Англии, — здесь успехи оказались намного скромнее. Никаких надежд на Педро, как на сильного и влиятельного союзника, никто всерьёз не возлагал. Его не любили собственные подданные, его не любил принц

Уэльский, ему не доверяли соседи по Пиренейскому полуострову. Наверное, полководческие таланты наследника английского престола можно было использовать куда эффективнее, если бы советники Эдуарда III и сам король в первую голову более рационально относились к финансовым вопросам.

После возвращения в Бордо Эдуард Вудстокский не проявлял более никакого интереса к бывшему союзнику и не думал о его активной поддержке. Соратники принца также были поглощены внутренними делами Аквитании. А вскоре произошло событие, которое окончательно закрыло кастильский вопрос. В марте 1369 года Энрике Трастамарский собственноручно убил Педро Жестокого в Монтъеле, за что совершенно справедливо получил нелестное прозвище Братоубийца. В общем, случилось именно то, от чего в своё время короля Кастилии предостерегал принц Уэльский:

«Достойный родич! Нам кажется, что у вас есть куда более действенный способ удержать своё королевство, чем тот, который вы избрали, когда владели этим королевством и правили им так, что его лишились. Мы бы советовали вам прекратить убийства и попытаться найти способ завоевать симпатии сеньоров, рыцарей и идалго, горожан и народа вашего королевства. В противном случае, если вы будете править так, как и ранее, есть большая опасность, что вы лишитесь своего королевства, своего положения и дойдёте до такого состояния, что ни король Англии, мой государь и отец, ни я при всём нашем желании не будем в состоянии помочь вам»²³.

Это письмо интересно вовсе не демонстрацией прозорливости принца — предсказать судьбу Педро Жестокого было несложно. Но оно наглядно показывает, какие именно качества Эдуард Вудстокский считал недостойными правителя. Принц весьма ёмко и чётко изложил свои представления о том, как надо правильно управлять государством: по его мнению, трон укрепляет не жестокость, хотя и она порой необходима, но главным образом согласие между властью и всеми сословиями.

Что касается отношений Англии и Кастилии, то их возродила только свадьба Джона Гонтского, герцога Ланкастерского, и дочери Педро Жестокого Констанцы, состоявшаяся в 1371 году. Благодаря этому браку Гонт получил право претендовать на корону Кастилии, хотя реализовать его так и не сумел.

Глава третья

ОБОРОНА АКВИТАНИИ

Пока принц отважно сражался в Кастилии, король Франции вынашивал планы по завоеванию Аквитании — или, по крайней мере, нанесению ей максимально возможного территориального ущерба. Поначалу эти планы были достаточно химеричными. Например, всерьёз обсуждался союз с Педро IV Арагонским для захвата Наварры и передачи её территории Арагону. За это Педро IV, в свою очередь, должен был затем помочь разгромить Аквитанию. Несмотря на явный утопизм этого и подобных ему сценариев, они отражали самую суть политики Шарля V: договор, заключённый в Бретињи, король Франции выполнять не желал и только ждал удобного случая для возобновления военных действий против Англии.

Эдуард Вудстокский давно знал от своих шпионов примерные сроки разрыва договора — сразу же после освобождения последних заложников-французов и возвращения их во Францию. Но в августе 1367 года в Эг-Морте было заключено уже куда более реальное соглашение между Энрике Трастамарским и младшим братом французского короля Луи, герцогом Анжуйским. Согласно ему, Энрике должен был участвовать в военных действиях против англичан, как только вернёт себе кастильский трон. Начало кампании было назначено на совершенно конкретную дату — а именно, на март 1368 года.

Вроде бы стандартный международный договор при ближайшем рассмотрении оказывался очень необычным. В отличие от множества других документов того же рода, он содержал откровенно недипломатичные и крайне эмоциональные выпады в адрес английской королевской семьи, и принца Уэльского в частности:

«Некоторые же из принцев, подобно новым Нимродам, угнетатели людей — а именно, Эдуард, нынешний король Англии, и Эдуард, принц Уэльский, Джон, герцог Ланкастерский и Леонский, сыновья короля Англии, а также Шарль, нынешний король Наварры, следуют по стопам падших ангелов в своей самонадеянной гордости и необузданной дерзости. Они вторглись в королевства Франция и Кастилия, развязали ужасную и непрекращающуюся войну в этих землях, опустошая церкви, святилища и другие святые места в упомянутых королевствах, но особенно в королевстве Франция. Подобно детям сатаны, со своими пособниками они

оскверняли, уродовали, опустошали, расхищали [эти страны], уничтожая мужчин и женщин, невинных грудных детей, не щадя дряхлых стариков, девиц и девочек, непорочных монахинь, насилуя замужних и вдов, развращая и совращая, причиняя и учиняя безнаказанно сверх того мучения, беды, голод, жажду, бросая в тюрьмы, связывая и пытая очень многих, а также совершая некоторые другие вещи — бесконечное множество их, — неслыханные, невероятные, которые невозможно описать...»²⁴

Несмотря на грозный тон договора, открытого военного противостояния с непобедимым английским военачальником Шарль V опасался. Он предпочитал действовать более тонко и коварно, исподволь завоёвывая лояльность гасконских сеньоров. Шарль использовал всё более углублявшиеся разногласия между ними и Эдуардом Вудстокским. Проблемы у правителя Аквитании начались сразу после окончания Кастильской экспедиции из-за жадности гасконцев, которые приняли в ней участие вовсе не из каких-то высоких политических или моральных соображений. Нет, их вела вперёд вульгарная алчность, соблазняли обещания богатого вознаграждения. Но поход оказался далеко не таким прибыльным, как они рассчитывали. Эдуард не имел возможности заплатить обещанные суммы сразу, единовременно, а гасконские сеньоры не желали давать ему отсрочку.

К сожалению, среди тех, с кем он рассорился, оказалось трое весьма влиятельных местных магнатов. Это произошло буквально через несколько месяцев после возвращения армии из-за Пиренеев. Традиционно считается, что причиной разрыва стало введение новой подымной подати, однако есть веские причины считать, что налог послужил лишь предлогом для их перехода к открытому неповиновению. Первым из этой троицы стал Жан, граф д'Арманьяк, де Фезансак и де Родез. Тот самый, что в своё время был назначен французским наместником Лангедока, сражался против принца в кампании 1355 года, а после договора в Бретиньи вынужденно стал его вассалом, но крайне несговорчивым. Он отказался разрешить сбор в Руэрге подымной подати в 1364 и 1365 годах, так и не передал формально свои владения под английский сюзеренитет. Хотя д'Арманьяк участвовал в Кастильском походе на стороне англичан и был включён в состав совета принца, это казалось ему слишком малым возмещением за утрату главенствующей роли, которую он играл в регионе, будучи под рукой французского короля. К тому же в кругу друзей Эдуарда Вудстокского он остался чужаком, они так и не приняли его как равного. Принц Уэльский и Аквитанский утверждал, что д'Арманьяк должен возместить ему сумму в

40 тысяч крон, уплаченную в качестве выкупа Гастону Фебу. Граф в свою очередь требовал от принца 200 тысяч крон за службу в Испании, упирая на то, что лишь ему одному не было выплачено вознаграждение, хотя остальные сеньоры его получили в полном объёме.

Вторым оказался Арно-Аманье, сир д'Альбре. Его дед сражался сначала за Эдуарда I, потом против Эдуарда II, а отец три года воевал против Эдуарда III и двадцать лет за него. Арно-Аманье поставлял войска Шарлю V Французскому, но первым принёс оммаж Эдуарду Вудстокскому как принцу Аквитанскому в 1363 году. Так же, как и д'Арманьяк, он был отодвинут в тень старыми сподвижниками принца Чандосом, Фелтоном и Стаффордом и потерял значительную часть своего политического влияния. Однако оно оставалось немалым: роду д'Альбре принадлежали обширные домены в Ландах и низовьях реки Дордонь близ Бордо. Его родичи владели большей частью юго-западных земель Лангедока. Сир д'Альбре требовал не вознаграждения за Кастильскую кампанию, а погашения долга по ежегодному пенсиону в тысячу фунтов, полагававшемуся сеньорам д'Альбре с 1350 года и не выплачивавшемуся в течение десяти последних лет. При поиске причин, толкнувших его на измену, не стоит также скидывать со счетов и тот факт, что Арно-Аманье приходился племянником Жану д'Арманьяку.

Третьим в когорту могущественных противников Эдуарда Вудстокского вступил Аршамбо V Старый, граф де Перигор, но здесь финансовые мотивы не играли заметной роли, о чём речь пойдёт чуть ниже.

*

Эдуард Вудстокский не желал обострять отношения с влиятельными вассалами, но его финансовое положение после Кастильской экспедиции было бедственным. Принц не имел в своём распоряжении ни государственных финансов, ни королевской сокровищницы, как Эдуард III или тот же Шарль V. Всё, чем он располагал — это доходами от собственных владений в Англии и Гаскони. Однако их едва-едва хватало, чтобы сводить концы с концами в мирные времена. По итогам кампании принц получил в общей сложности 52 447 фунтов, включая сюда деньги, вырученные от продажи драгоценностей Педро Жестокого, а также выкупы — 4395 фунтов от графа де Дения, 1458 фунтов от дю Геклена и 1152 фунта от маршала д'Одреема. Это составило примерно пятую часть от общей

суммы в 1700 тысяч флоринов, которая настоятельно требовалась для покрытия затрат на кампанию и выплату жалования войскам. Ему также нужно было оплачивать содержание своего роскошного двора, что требовало никак не менее 30 тысяч фунтов ежегодно.

Постепенно Эдуарду Вудстокскому удавалось разбираться со своими финансовыми обязательствами и изыскивать средства для пополнения казны. Сначала он добился от горожан княжества помощи в размере 14 764 фунтов. Затем в январе 1368 года в Сен-Эмильоне собрались Штаты Гаскони. Им предстояло одобрить закон, разработанный канцлером Аквитании Джоном Херуэллом, епископом Батским и Уэллзским, о подымной подати на срок в пять лет в размере 10 су ежегодно. Общая сумма сборов за этот период должна была составить 27 тысяч фунтов. Предложение подразумевало более низкую ставку годового налога, чем ранее, но сам налог из временного превращался в постоянный. Представители трёх сословий княжества — духовенства, дворянства и горожан — одобрили введение подати, но некоторые сеньоры своего согласия не дали. Самым ярким противником налога вновь оказался граф д'Арманьяк. Удивительно, но с вечным мятежником на этот раз оказался солидарен и друг принца сэр Джон Чандос.

Согласие, вырванное у Штатов, дорого обошлось Эдуарду Вудстокскому. Ему пришлось утвердить Хартию о правах, которая стала ответом на главные жалобы его гасконских подданных. Больше всего их возмущала чрезмерная активность центральной власти. Слуги принца достаточно жёстко пытались навести порядок в тех землях, которые издревле не терпели над собой власти закона и ревниво оберегали местные привилегии. Новая хартия запрещала администрации принца вмешиваться в компетенцию областей, которые пользовались правом «высшего суда» — то есть сами выносили приговоры практически по любым делам. Уполномоченные Эдуарда не могли даже проживать на таких территориях. Приостанавливалось действие охранных грамот, выданных принцем, поскольку они также расценивались как вмешательство в местные дела.

И наиболее важный пункт — подымная подать, как и любые другие налоги, не могла в будущем взиматься в этих областях без согласия тех, кто творил там «высший суд»²⁵. Другими словами, отныне решающий голос при обсуждении вопросов налогообложения принадлежал крупным сеньорам, поскольку у большинства мелких дворян и городов права высшего суда, естественно, не было. То, что принц вынужденно даровал Аквитании подобную хартию, в значительной степени подрывало его прежние усилия по установлению твёрдой центральной власти.

Несомненно, английское право того времени было достаточно запутанным, а в судебной системе имелись серьёзные изъяны. Но, по крайней мере, англичане были убеждены в том, что закон в идеале равен для всех, и отклонения от этого правила порождены злоупотреблениями властью имущих.

Аквитанцы были воспитаны в совершенно иной парадигме, и когда с ними пытались обращаться так же, как с англичанами, давно привыкшими к сильной королевской руке, возникали серьёзнейшие проблемы. Например, Аршамбо, граф де Перигор, в начале 1368 года во главе небольшой армии отправился наказывать за какой-то проступок своего вассала сира де Мюсидана. К удивлению графа, он был арестован сенешалем Эдуарда Вудстокского и заключён в тюрьму за нарушение королевского мира. Перигор воспринял это как страшное унижение, а принц нажил себе ещё одного могущественного врага помимо д'Арманьяка и д'Альбре.

Местные феодалы всеми силами противились введению работоспособной правовой системы в Аквитании, не брезгуя никакими методами. Они засыпали Вестминстер апелляциями на решения Эдуарда Вудстокского, а принц регулярно получал из Англии депеши от недоумевающего короля: «Люди нашей сеньории Аквитания своими ссорами и вечными жалобами постоянно надоедают нашему совету, протестуя против обид и ущерба, идущих от ваших сенешалей, или их помощников, или других лордов, вам подчинённых. Они говорят, что их угнетают вопреки справедливости, правам и обычаям их земли...»²⁶

Далее в послании говорилось о том, что принц и его должностные лица должны приостановить исполнение судебных решений по оспариваемым делам на время рассмотрения жалоб. Однако же, в таком случае большинство из них можно было просто отменить — как правило, дела и сами по себе были достаточно сложными, и участники процессов прилагали все силы, чтобы запутать их ещё больше. Разбирательства сопровождалась незаконным изъятием имущества, применением силы и изощрёнными юридическими манёврами. Так некий Луи де Моваль захватил замок Жюйак в Лимузене. Когда судьи решили дело не в его пользу, он настроил клязу в Вестминстер с требованием пересмотреть дело. Принц пошёл ему навстречу и назначил повторное слушание, хотя было ясно, что де Моваль не прав. Воспользовавшись случаем, смутьян устроил из процесса настоящий хаос — в частности, потребовал, чтобы его представлял адвокат, до этого выступавший за противную сторону.

Второй проблемой, вызывавшей крайнее недовольство аквитанских

сеньоров, было засилье англичан в местной администрации. Учитывая неприятие Эдуардом Вудстокским тех принципов, которыми руководствовались в правовых и управленческих вопросах его аквитанские подданные, он действовал совершенно естественно. Сложно осуждать принца за назначение на ключевые должности доверенных советников и старых соратников. От них он мог ожидать прогнозируемого исполнения своих приказов и поддержания того порядка, который был ему близок. Поэтому большинство сенешалей были англичанами, как Уильям Фелтон в Пуату или Ричард Тотшем в Ангумуа.

При этом Эдуард Вудстокский оценивал своих помощников не только и не столько по национальному признаку. Если он доверял, к примеру, местному сеньору, то без особых колебаний назначал такого человека на ответственный пост. Так, сенешалем Сентонжа был пуатевинец Гишар д'Англъ, президентом суда той же провинции являлся Гийом де Сери, совмещавший эту должность с губернаторством в Беноне, а королевскими прокурорами Сентонжа принц поставил Рено Бушара и Гийома Булара, который одновременно был мэром Ла-Рошели. Несколькими превоствами управлял Пьер де Верни.

*

Вынужденно жёсткая фискальная политика не могла принести Эдуарду Вудстокскому любви подданных, она была наиболее заметным и раздражающим фактором. Однако принц не только черпал из изрядно обмелевшего источника, но и делал всё возможное, чтобы его наполнить — но эту сторону деятельности правителя могло оценить гораздо меньше людей.

В 1368 году королевский совет в Лондоне взялся за упорядочение торговли вином, для чего принял статут о запрете английским купцам вести дела в Бордо, а аквитанским — в Англии. Эдуард Вудстокский приложил немало сил для отмены этого бессмысленного статута, поскольку ему было ясно, что непродуманные меры вместо оживления торговли вином грозят её полностью разрушить.

Принц много сделал для улучшения судоходства — например, по его приказу был построен маяк на рифе Кордуан в эстуарии рек Гаронна и Дордонь, носящем имя Жиронда. На верху 15-метровой башни находилась площадка, где горел костёр. За тем, чтобы путеводный огонь не потухал, следил живший там же, на рифе отшельник. До нашего времени этот маяк

не сохранился, поскольку пришёл в негодность во второй половине XVI века. Кроме того, Эдуард распорядился вычистить русло реки Лот — правого притока Гаронны, чтобы туда могли заходить крупные суда.

Те, кто был в состоянии оценить труды принца на благо Аквитании, относились к нему с явной симпатией — будь они англичане или гасконцы. Уолтер из Питерборо, автор поэмы о Кастильской экспедиции, мимоходом упомянул в своей работе между прочим, что написал также стихотворное произведение, озаглавленное «Theotescop» («Гимн деве Марии»):

Принцу посвятил я гимн хвалебный Теотекоп,
О сражении при Пуатье в нём пелось²⁷.

Клирик и хронист Эмерик де Пейрак, аббат древнего монастыря Сен-Пьер-де-Муассак, оставил нам подробнейшее описание занятой истории, случившейся, вероятно, в 1368 году. Она не только показала, что Эдуард Вудстокский пользовался заслуженным уважением у весьма достойных и влиятельных людей, но и особо подчеркнула его скромность — качество, присущее истинно великим государственным деятелям:

«Во времена упомянутого Урбана V герцогством Аквитанским спокойно, твёрдо и мирно правил Эдуард, принц Аквитанский. И держал он торжественный совет в Глери-гё, на котором присутствовали 22 епископа из указанного герцогства. И была там произнесена проповедь Остенсом епископом Сарласким — великим и знаменитым богословом, рассудительным в делах светских и духовных, богато одарённым мирскими благами. Сей епископ в своей проповеди сравнивал по некоторым поступкам упомянутого принца с Сыном Божьим. На этом основании завистливые люди, желающие навредить его репутации, передали сии речи римской курии без разумных на то причин (если не считать, что они хотели его опорочить), исказив смысл его слов, которые были вполне уместны, если их правильно понимать. Поскольку ожидаемый удар менее страшен, то, желая противостоять этим злонамеренным словам и ложным предположениям, епископ отправился к папскому двору. И поскольку он прибыл туда лично, никто не выступил против него ни публично, ни тайно»²⁸.

Вместо напряжённой борьбы с интриганами епископ спокойно отобедал с папой, а хронист продолжил своё повествование рассказом уже о своём личном разговоре с епископом Сарласким, который произошёл некоторое время спустя:

«Сеньор епископ поведал мне всё это, когда я был монахом в церкви приорства Танерио. И он добавил, что принц отнюдь не был признателен ему за то, что он высказал похвалу ему в лицо — по крайней мере, так сказал епископу один из его друзей. В приватной беседе этот друг якобы спросил у принца: “Что вы думаете о сегодняшней проповеди епископа?” И тот ответил, что епископ проявил себя, несомненно, весьма красноречивым и мудрым, и очень проницательным. Но епископ, должно быть, пошутил, поскольку никого не должно оценивать таким образом в лицо — и менее всего великого принца, который может быть внезапно унижен ударом злой судьбы так, что его прежние великие дела будут забыты, превращены в ничто и совершенно посрамлены. Так сказал мне епископ, восхваляя мудрость упомянутого принца Эдуарда»²⁹.

Вся эта история очень похожа на правдивое изложение реальных событий. Ведь Остене де Сен-Коломб, епископ Сарлаский, был одним из проанглийски настроенных французских прелатов, и даже входил в 1363 году в состав английского посольства к папе. А пессимистичная отповедь принца могла быть вызвана не только его очевидной набожностью и неприятием сравнения с Сыном Божьим, в определённом смысле кощунственного. К тому времени поразившая Эдуарда Вудстокского в Испании болезнь усилилась, и он большую часть времени был прикован к постели.

Принц чувствовал себя очень плохо и собирался вернуться в Англию зимой 1368 года. Однако обострявшееся противостояние Аквитании и Франции помешало ему осуществить эти планы, и принц задержался в Ангулеме намного дольше, чем предполагал.

*

К маю 1368 года обстановка накалилась до опасного предела. Жан, граф д'Арманьяк, который всё ещё состоял — как это ни парадоксально — членом совета принца, в очередной раз отказался дать согласие на сбор подымной подати в своих землях. Он обнаглел настолько, что прислал к Эдуарду Вудстокскому в Ангулем сеньора де Барбазана и сира де Жолана с уведомлением, что его подданные всегда были свободны от подобных повинностей, и таковыми останутся в будущем.

Поначалу принц счёл, что это всего-навсего локальный бунт в Руэрге, благо граф не впервые позволял себе подобные демарши. К концу весны самочувствие правителя Аквитании улучшилось настолько, что он смог

позволить себе небольшое путешествие. Эдуард отправился 23 мая в приорство Бутвиль, расположенное в 30 километрах к западу от его временной резиденции. Он нашёл монастырь в довольно запущенном состоянии и с обычной своей щедростью сделал значительное пожертвование на его восстановление.

Вернувшись в Ангулем, принц приказал сеньору де Севераку взять военный отряд и силой получить с владений д'Арманьяка подымную подать. Мятежный граф поспешил обратиться к королю Эдуарду III с жалобой, в которой он заявлял, что возмущённый отказом принц-де поклялся разорить и опустошить его земли, если проживающие на них люди не заплатят требуемый налог. Ответа из Вестминстера д'Арманьяк так и не дождался. Но он не успокоился и в начале лета подал петицию по вопросу подымной подати в Парижский парламент. Почти наверняка этот шаг граф предварительно обсудил с Шарлем V, когда ездил в Париж на свадьбу своего племянника Арно-Аманье д'Альбре и Маргериты де Бурбон, двоюродной тётки французского короля.

Какое отношение имел судебный орган Французского королевства, каковым в то время являлся парламент, к аквитанским делам? Самое непосредственное. Договор в Бретињи так и не вступил в силу. Некоторые земли всё ещё не были переданы Англии — в частности, спорной территорией оставался Бельвиль в Пуату. Выкуп за Жана II был выплачен лишь частично. Естественно, король Эдуард III не спешил с отречением от своих претензий на корону Франции. Аналогично поступил и Шарль V, который не отказался от власти над Аквитанией. В результате, действующим сюзереном Аквитании по-прежнему формально оставался французский король.

Итак, 30 июня жалоба д'Арманьяка была официально получена королём Франции, и ей был дан ход. Это означало, что Шарль V окончательно решил не считаться с договором. Но перед тем, как публично объявить о денонсации соглашения, он хотел быть уверенным, что получит поддержку крупных магнатов, владения которых находились в Аквитании. Шарль уже заключил союз с д'Арманьяком, обязав того не вести сепаратных переговоров с Эдуардом III и принцем Уэльским и посулив дополнительные земли в Гаскони. Граф также обязался поддерживать французов в войне с Англией.

Французский король переманил на свою сторону Арно-Аманье д'Альбре и Аршамбо, графа де Перигора, которые считали, что принц их обидел. Им были назначены пенсии в размере 98 тысяч и 58 тысяч франков соответственно. Кроме того, Шарль V пообещал возместить

д'Альбре задолженность, не признаваемую принцем — и Арно-Аманье, действительно, получил 10 тысяч франков в августе, затем такую же сумму в ноябре. Но пока эти два сеньора яростно выторговывали себе наиболее выгодные условия — у англичан и французов, кто больше даст — время было упущено, и эффект оказался немного смазанным. Скоординированного общего выступления против принца не получилось: д'Альбре подал свою апелляцию только в сентябре, а граф де Перигор вообще в 1369 году. Тем временем эмиссары французского короля продолжали трудиться не покладая рук, чтобы восстановить против власти англичан как можно больше влиятельных людей на юго-западе страны. Сам Шарль V и его брат Луи д'Анжу писали письма магистратам крупных городов, видным сеньорам, обещая богатые дары, а также защиту от возможной мести принца Уэльского.

Поначалу Эдуард Вудстокский не подозревал об истинных масштабах заговора. Но чем дальше, тем яснее становилось, что каша в Аквитании заваривается серьёзная, и дело тут совсем не в протесте конкретного сеньора против конкретного налога. (Впрочем, на ассамблее гасконских Штатов в Сенте вопрос о подымной подати на всякий случай не поднимался). Французы, ошеломлённые разгромом при Пуатье, на некоторое время потеряли вкус к открытым военным действиям, но под прикрытием мирного договора в Бретиньи постепенно приходили в себя. Принц чувствовал — урок, данный врагу, уже порядком подзабыт, и настала пора его повторить. Однако возможностей для этого у него явно не хватало.

В августе Эдуард Вудстокский начал собирать войска. Он послал письма своим слугам в Чешире и Северном Уэльсе с приказами приступить к набору солдат. Кроме чиновников принца в Англии ему помогали его брат Эдмунд Лэнглийский, граф Кембриджский, и Джон де Хестингс граф Пемброкский. В середине сентября 1368 года они наняли 22 корабля для перевозки 1200 латников и лучников, которых следовало немедленно переправить в Аквитанию.

*

Нервозность, охватившая Аквитанию, передалась в Англию. Чтобы выяснить, что же, в конце концов, происходит на континенте, из Лондона в Париж было отправлено посольство во главе с Джоном, лордом Невиллом Рэбийским, и бывшим коннетаблем Бордо Джоном Стретли. Однако

единственным результатом этой поездки стало некоторое охлаждение отношений между Эдуардом III и его старшим сыном. Велеречивому сеньору д'Альбре удалось заморочить голову некоторым членам посольства и склонить их на свою сторону. Вернувшись в Англию, они представили королю ситуацию во Франции не совсем в выгодном для принца свете. Эдуард III потребовал от сына объяснений.

Эдуард Вудстокский получил королевское послание, находясь не в самой лучшей форме. В начале ноября его сразил новый приступ болезни, и он слёг в постель с «великой меланхолией и болезнью сердца»³⁰. Ему трудно было заниматься государственными делами, поэтому пришлось срочно отзывать из Нормандии сэра Джона Чандоса — одного их самых квалифицированных администраторов и военачальников в окружении принца. В довершение ко всему, от принца дошли известия, что Луи д'Анжу председательствовал на Штатах Лангедока в Тулузе и, запугав делегатов угрозой со стороны врагов Франции, выбил из них значительные субсидии на войну.

Естественно, в таких обстоятельствах принц, всегда испытывавший крайнюю неприязнь к дипломатическим интригам, крайне болезненно отреагировал на письмо отца. Ответ, отосланный им в Лондон, сложно назвать сдержанным: Эдуарда Вудстокского переполняла еле сдерживаемая ярость:

«Высокочтимый сеньор и отец, примите смиренные уверения в моём сердечном расположении к Вашему высочеству^[97] и даруйте мне своё благословение. Высокочтимый сеньор и отец, да будет вам известно, что я получил ваши почтенные письма и ознакомился с требованиями, которые сеньор д'Альбре отправил вашей светлости из Парижа с вашими послами сеньорами де Латимером, де Невиллом и мэтром Джоном Стретли. Мой высокочтимый сеньор, я благодарю Ваше высочество столь смиренно, сколь то возможно, за пересылку мне копий указанных писем и требований, ибо теперь я могу очистить своё имя и подтвердить честно и преданно то, что я уже сообщал ранее Вашему высочеству касательно упомянутого сеньора д'Альбре.

Итак, мой высокочтимый сеньор и отец, ибо я имею честь называть Вашу светлость своим сеньором, и отцом, и государем. То, что я сообщил Вашему высочеству, я должен был сделать, как сын для своего сеньора и отца — честно и преданно, и никоим образом не иначе. И я собираюсь подтвердить и доказать это перед Вашей светлостью, перед моим сюзереном и государем, против упомянутого сеньора д'Альбре всеми

способами, какими рыцарь обязан это сделать, или же так, как Ваша светлость соблаговолит приказать. И если кто-нибудь в Англии хочет оспорить то, что я сообщил Вашему высочеству, я буду готов доказать это, какого бы происхождения и рода он ни был. Для сего я отыщу других такого же происхождения, и уже они докажут от меня и от моего имени — то, что я сообщил Вашему высочеству по указанному поводу верно и правдиво сказано. И, мой высокочтимый сеньор, не желая вызвать недовольства Вашего высочества, я замечу, что поражён: как кто-то в вашем королевстве, кем бы он ни был, может принять на веру сообщения от кого-либо — гонца или иного — желающего меня позорить и бесчестить мою репутацию? Ибо, о высокочтимый сеньор, я никогда не сообщу вам ничего помимо правды, чего я не смог бы отстоять с милостью и помощью Божией против любого другого подданного или вассала в вашем королевстве, какое бы положение он ни занимал — безо всяких исключений. О высокочтимый сеньор, пусть не вызывает вашего недовольства то, что пишу столь бесцеремонно. Ведь это столь сильно задело меня, и мою честь, и репутацию, что мне показалось, мой сеньор, я должен сделать это. Ибо я был бы весьма огорчён, если бы не выполнил своих обязательств по отношению к Вашему высочеству, и я молюсь, чтобы Господь впредь хранил меня от этого.

И, кроме того, благороднейший сеньор, я слышал, что некоторые люди там у вас слишком легко поверили оправданиям сеньора д'Альбре. Но они не правдивы, как теперь ясно видно из сообщения, которое доставил сир Пьер де Кюртон, действительно заслуживающий доверия, как вы сами знаете. Он прибыл ко мне от упомянутого д'Альбре из Парижа, и прямо сказал мне, что тот обратился к королю Франции как к государю и суверену княжества [Аквитания], что упомянутый д'Альбре и просил передать мне. И посему, мой сеньор, мне кажется, что сведения, которые я сообщил вам, действительно доказаны и правдивы, а они ясно и прямо противоречат требованиям и оправданиям, которые ваши гонцы доставили вам от упомянутого сеньора д'Альбре.

Я прошу вас, благороднейший сеньор, ради той малой власти, которая у меня есть для службы вам, принять эти проблемы близко к сердцу. Вы можете передать предъявителю этих писем любые ваши приказы и пожелания для меня, и я всегда готов, о высокочтимый сеньор, выполнить их со всем моим старанием.

Высокочтимый сеньор и отец, пусть Пресвятая Троица хранит и защищает Ваше высочество, и дарует Вам славную победу над Вашими врагами»³¹.

Эмоциональное письмо сына убедило Эдуарда III в том, что его послы поторопились, поверив сиру д'Альбре. Ещё более укрепило его в подозрениях, что французы что-то замышляют, неуклюжее двуличие Шарля V. Стремясь по возможности замаскировать свои истинные намерения, тот в начале 1369 года отправил к королю Англии посольство якобы в попытке найти компромисс по исполнению договора в Бретиньи и согласованных в Кале дополнений. Он писал, что желает всемерно способствовать вступлению всех соглашений в силу в полном объёме. Но одновременно французский король послал принцу Уэльскому и Аквитанскому формальное требование явиться 2 мая в Парижский парламент и держать ответ по обвинениям, изложенным в апелляциях гасконских сеньоров.

Сцена приёма Эдуардом Вудстокским французских посланников подробно и красочно описана Фруассаром, который процитировал и его знаменитый гордый ответ: «Мы охотно прибудем в Париж в назначенный день, поскольку король Франции послал за нами, но мы явимся с бацинетом на голове и в сопровождении 60 тысяч воинов»³². К сожалению, вся эта героическая сцена крайне недостоверна, что не является для работ Фруассара исключением. Во-первых, сразустораживает численность войска, которое принц якобы собирался привести в Париж — столько солдат в его распоряжении никогда не было. Во-вторых, сомнения подтверждаются и тем, что хронист неверно описал путь, которым прибыло посольство. По его словам, оно проследовало из Парижа непосредственно в Бордо. На самом же деле, послов снарядил сенешаль Тулузы, и принца они нашли в Ангулеме, где тот неотлучно находился уже долгое время.

Герольд Чандос избегал опасных подробностей и тем более преувеличений, но в целом соглашался с Фруассаром относительно реакции Эдуарда Вудстокского на вызов в Париж:

Был очень болен принц, когда узнал —
 Ответ держать его король призвал.
 Услышав это, он на ложе сел,
 Лицом от ярости и злости бел.
 «Сеньоры, — молвил, — Честью вам клянусь,
 И, кажется, что я не ошибусь —
 Враги меня считают мертвецом,

Но пожалеть придётся им о том.
Когда бы с ложа встать хватило сил,
За те доносы я б им отплатил,
Где правду под обманом хороня,
Напраслины взводились на меня.
<...>
И если мне Господь здоровье даст,
Свои полки я соберу тотчас.
На голову надвинув бацинет,
За унижение взыщу ответ³³.

Эдуард Вудстокский отлично понял, что столь беспардонный вызов на суд в Париж означал фактическое объявление войны. Кроме того, ему было нанесено рассчитанное оскорбление. Принц не стал сдерживать свой гнев, и обоих гонцов, доставивших в Ангулем послание Шарля V, схватили в Пенн-д'Ажене, когда они возвращались в Тулузу. Гонцы были брошены в тюрьму, и дальнейшая их судьба неизвестна. Скорее всего, несчастных казнили без лишней огласки.

Эдуард Вудстокский не стал состязаться в искусстве составления оскорбительных писем с королём Шарлем V, а обратил свои эпистолярные молнии против изменников, свивших гнездо в Аквитании. Активнее всего против него работали агенты герцога Анжуйского и графа д'Арманьяка в Руэрге, поэтому принц направил послание-инвективу в Мийо, один из региональных центров провинции, а также и в другие крупные города княжества:

«От принца Аквитанского и Уэльского прелатам, баронам и общинам его княжества:

Дорогие и верные, до нас дошла весть, что граф д'Арманьяк идёт против своей верности, клятвы и вассального оммажа, каковые он принёс нашему господину и почтенному отцу, а также нам. Он поклялся на Святом Евангелии быть верным и лояльным нам и определённо никому другому, за исключением разве власти и юрисдикции, исходящей от упомянутого нашего господина и отца. И также, после принесения им оммажа, мы поручили ему начальство над нашим войском. А затем по нашему взаимному согласию упомянутый граф поклялся на Святом Евангелии, что будет нам хорошим и верным советником, что будет участвовать в нашем тайном совете, верно и преданно служа нам во всех наших делах и исполняя всё, что хорошему и верному советнику делать для своего

господина надлежит.

Однако под тем предлогом, что мы или наши слуги наносили и наносим ему некие обиды, он воспылал злобой и применяет свою власть, чтобы смущать и притеснять подданных нашего вышеупомянутого господина и отца, и земли нашего вышеуказанного княжества Аквитания. И делает он это по своей недоброй воле, а не по какой-то справедливой причине, ибо, говоря по правде, мы не наносили ему никаких обид, а напротив, всегда помогали в его делах, не говоря уж об освобождении его персоны, когда он пребывал в тюрьме нашего друга и его кузена графа де Фуа. И мы твёрдо верим, что его поведение никак не согласуется с нашим содействием и помощью.

И вот, чтобы вернее осуществить свои намерения, он призвал нас к французскому двору, восстав против веры и верности, которые он обещал и в которых клялся, как это известно. Тем не менее, для исполнения своих злых намерений он пытается собрать вокруг себя и сплотить всех, кого только возможно, чтобы между нами возникли споры и раздоры. А мир, который был заключён между нашим вышеупомянутым господином и отцом, нами и королевским домом Франции — расстроить, нарушить и начать войну. Этим он нанесёт больше вреда, чем сделал добра за всю свою жизнь, да не попустит этого Господь.

И мы твёрдо заявляем вам — храните веру, верность и послушание, которыми вы обязаны нашему вышеупомянутому господину отцу и нам. Не поддавайтесь ни на чьи преступные и хитрые посулы, ни на пустые обещания вышеупомянутого графа или других его сообщников. Не делайте ничего против веры и верности, которыми вы обязаны нам, не изменяйте своему слову. Вы будете уведомлены и предупреждены, что необходимо защищать и укреплять ваши крепости, а также исполнять всё остальное, что необходимо делать в этом случае. Ибо с надеждой на помощь Господа у нас есть планы и желания применить соответствующие меры против злоумышлений и козней вышеупомянутого графа и всех прочих, кто хочет нанести ущерб подданным нашего вышеупомянутого господина и отца и нам, а посему подвергает опасности добро наше, и всех добрых друзей и сторонников наших. С Божьей помощью у нас хватит возможностей наказать всех, кто будет его поддерживать. Поэтому мы просим и молим, чтобы вы все оставались добрыми, верными и лояльными подданными как нашего грозного господина и отца, так и нашими, что мы и подтверждаем этими письмами.

Подобным же образом мы пишем всем прелатам, дворянам и баронам, во все города нашего княжества, ибо хотим быть уверенными, что все

поставлены в известность о наших правах, а также о необходимости игнорировать злые намерения и хитрости, которые вышеупомянутый граф д'Арманьяк и его сообщники задумывают и предпринимают против нас. Ибо мы думаем и твёрдо придерживаемся того, что милости и дары, которыми мы пожаловали вас и других наших подданных в этом вышеупомянутом княжестве, делались и делаются для общего блага. Бог свидетель, что мы думаем так. Да хранит нас всех Господь!»³⁴

*

Жёсткое послание Эдуарда Вудстокского возымело некоторый эффект, хотя кардинально пресечь профранцузские настроения в восточных регионах Аквитании оно не могло. Но даже то, что в умах населения возникли серьёзные колебания, играло на руку англичанам. В отличие от высокородных сеньоров, простых людей не очень волновало, под рукой какого короля им жить. Главное — кто сможет обеспечить им безопасность от грабежей, насилия и произвола власть имущих. И письмо принца заронило в их души сомнение, что французы смогут защитить их от мести англичан.

Поэтому город Мийо отказался переходить на сторону Шарля V, пока не будут досконально выяснены его законные права на сюзеренитет над Руэргом. Естественно, эта процедура изначально служила лишь поводом как можно дольше не вмешиваться в начавшееся противостояние. Сначала горожане обратились к епископам Лодевскому и Вабрскому. Затем, не удовлетворившись их мнением, они отправились к Беранже II, сеньору де Арпажону, представителю младшей ветви графов де Родез. Ознакомившись с его взглядом на проблему, городские решили послать в Авиньон, чтобы дополнительно проконсультироваться с людьми из папского окружения, наиболее сведущими в вопросах права. Но и на этом поиски истины не кончились. Решено было запросить мнение докторов Болонского университета. Ну а пока продолжались все эти изыскания, в городе как ни в чём ни бывало стоял английский гарнизон.

Не только Мийо занял выжидательную позицию, не желая волей судьбы оказаться на стороне проигравших. В соседнем с Руэргом графстве Керси городок Кажар послал двух членов магистрата за консультацией в Фижак — небольшой город-крепость, известный разве что своими шафрановым и кожевенным производствами. Конечно, никакого авторитетного заключения о том, кому же всё-таки следует хранить

верность, кажарцы у соседей получить не надеялись, но с усердием имитировали поиски истины. Затем они обратились за советом к влиятельному местному сеньору Югу де Кардайяку, а позднее — к Бетону де Кастельно-Кальмону, епископу Каорскому. Хотя оба советчика относились к лагерю сторонников французского короля, жители Кажара не приняли окончательного решения, и удерживали нейтралитет, пока позволяла ситуация.

Попытку спровоцировать в восточных провинциях Аквитании открытые мятежи Эдуарду Вудстокскому удалось пресечь, и тогда французы перешли к прямому военному вторжению. В начале января 1369 года небольшие отряды начали проникать в Руэрг, клином врезавшийся в земли Франции. Это графство всегда было наименее лояльным к англичанам, поскольку находилась под влиянием д'Арманьяков, в то время как у принца сторонников тут насчитывалось немного.

Отряд Луи д'Анжу подошёл с юга к стенам Нажака, одной из пяти бастид Руэрга. Завидев французские войска, жители напали на гарнизон и убили семнадцать солдат, после чего открыли французам ворота. Одновременно Жан д'Арманьяк, старший сын мятежного графа, вторгся в Руэрг с востока — из Жеводана по долине реки Лот. 9 января 1369 года он взял штурмом большую приграничную крепость Ла Рок. Отсюда д'Арманьяк двинулся вглубь графства, сжигая по пути деревни и захватывая пленных.

В то время Руэргом управляли трое назначенных принцем чеширцев. Сенешалем был сэр Томас Уэтенхолл, его заместителем — Дэвид Крэддок, а шателеном Мийо — Джеймс Мэсси. Энергичный администратор с богатым управленческим опытом, Уэтенхолл имел в своём распоряжении всего лишь несколько малочисленных гарнизонов и не мог ничего противопоставить французам. Сэр Томас запёрся в городе Вильфранш, Крэддок укрылся в замке Кастельмари, а Мэсси затворился в цитадели Мийо. Таким образом, три гарнизона удерживали периметр графства. Однако эта осторожная тактика не помогла сохранить контроль над провинцией. Главные силы французской армии численностью примерно 4000 человек выступили с юго-запада из Тулузы и к концу января заняли древний город Альби, когда-то бывший центром самостоятельного виконтства. Командовал войсками Пьер Реймон де Рабастенс сеньор де Кампаньяк, сенешаль Тулузы. В начале февраля 1369 года он вышел из Альби, а 19 февраля Родез, столица графства Руэрг, открыл перед ним свои ворота.

В Керси тактика действий французов была примерно такой же. Отряды

Луи д'Анжу начали входить в эту область из Руэрга в середине января. 16 января в устроенную ими засаду у Монтегю-де-Керси попали войска английского сенешаля. Его взяли в плен вместе с капитаном Монтобана — важного опорного пункта. Большая часть провинции на востоке и юге перешла к французам, на сторону Шарля V переметнулся город Каор, никогда не демонстрировавший, впрочем, особых симпатий к англичанам.

К середине марта 1369 года английское влияние в Руэрге и Керси было основательно подорвано. В первой провинции лояльность принцу сохранили только два укрепленных города — Вильфранш и Мийо, во второй — четыре города. В то же время, документы из французских архивов перечисляют около 900 населённых пунктов, переметнувшихся к Шарлю V. Даже в Пуату, в целом хранившем верность Англии, некоторые влиятельные сеньоры приняли сторону французов — в частности, среди них оказались всегда непримиримо настроенный к англичанам Луи, виконт де Рошешуар, а также более умеренные Ги де Шовиньи, виконт де Брос, и Рено, сир де Понс.

Войска, которые Эдуард Вудстокский вызвал из Англии, желая предупредить дальнейшее негативное развитие ситуации, никак не прибывали. В ожидании подкреплений принц делал всё возможное, чтобы укрепить дух своих сторонников и обеспечить верность колеблющихся гасконских сеньоров. Так, наиболее последовательный его союзник капталь де Бюш получил графство Бигор. А куда менее лояльному Арно-Бернару де Прейсаку, неоднократно перебежавшему от одной стороны на другую, Эдуард даровал право на таможенные сборы с порта Руайан.

Такой была его политика пряника. Что касается кнута, то Хью Калвели с отрядом был отправлен в Ланды и Южную Гасконь с единственной целью — разорять земли трёх главных апеллянтов: графа д'Арманьяка, сира д'Альбре и графа де Перигора.

*

Военные действия в Руэрге и Керси не утихали. Эти два графства с трёх сторон были окружены французскими владениями. Именно поэтому атаки на Аквитанию начались именно здесь — отсечь выступ французам казалось делом более простым, чем вгрызаться вглубь вражеской территории где-то в другом месте. Соответственно, и Эдуард Вудстокский уделял этим двум провинциям особое внимание.

Не успел сэр Джон Чандос вернуться из Нормандии, как принц тут же

отправил его возглавить войска на этом опаснейшем участке. Прибыв в Керси, знаменитый воин сделал своим опорным пунктом Монтобан, где принц некоторое время назад приказал возвести замок. Затем Чандос занял укреплённый город Муассак, стоявший на стратегической позиции около слияния рек Тарн и Гаронна, а также завладел мощной крепостью Сен-Никола-ла-Грав, построенной ещё королём Ричардом I Львиное Сердце и охранявшей то же самое место слияния, но с южного направления. Таким образом, сэр Джон прикрыл путь в Аквитанию по долине Гаронны и в какой-то степени защитил подходы к Монтобану с запада.

Покончив с организацией оборонительного рубежа, Чандос предпринял глубокий рейд на территорию противника — к Тулузе. Он выступил из Монтобана 20 марта и двинулся вдоль долины реки Тарн на юг. Буквально через пару дней после его ухода под стенами города появилась армия Луи д'Анжу, подошедшая из своего лагеря под Альби в Северном Лангедоке. Английским гарнизоном командовал опытный воин сэр Томас Уокфэйр, доблестно сражавшийся ранее в битве при Пуатье. К середине апреля французам удалось только взять штурмом бастиду Реальвиль, но сам город устоял. Узнав о возвращении армии Чандоса, герцог Анжуйский спешно отступил от Монтобана.

За это время принцу удалось собрать в Ангулеме ещё несколько сотен воинов, которых он отправил под командованием сэра Роберта Ноллза, только-только прибывшего из Бретани, по долине реки Лот. В сорока километрах к западу от Каора Ноллз натолкнулся в деревушке Дюравель на французов, которыми командовали Перран Савойский, Малыш Мешен и ещё три капитана-рутьера. Взять деревню штурмом Ноллз не смог и начал планомерную осаду. Вскоре к нему присоединился подошедший с юга Чандос. Судя по всему, англичанам удалось договориться с капитанами противника о сдаче, однако о планах предателей узнал герцог Анжуйский и приказал немедленно их арестовать. В начале мая Чандос и Ноллз, испытывавшие недостаток продовольствия, измотанные непрекращающимися дождями, сняли осаду и ушли на север. Французы поспешили переправить арестованных в Тулузу, и 11 мая 1369 года Луи д'Анжу приказал утопить Перрана Савойского и Малыша Мешена в Гаронне, а остальных трёх капитанов повесить и четвертовать.

Какое-то время сэр Джон Чандос пытался вернуть городки, отпавшие от принца. В основном, их гарнизоны сопротивлялись только для видимости и спешили побыстрее сдаться. Впрочем, с такой же лёгкостью они вновь переходили под руку короля Шарля V, стоило в их окрестностях показаться французскому отряду. 8 мая Джон Чандос вместе с Жаном де

Граи капталем де Бюшем атаквал Каор, однако штурм успехом не увенчался. Так же неудачно окончилась осада Фижака. Реальный результат военных операций, предпринятых Чандосом, оказался невелик, и сэр Джон был вынужден послать гонца в Ангулем к Эдуарду Вудстокскому за новыми инструкциями.

В конце апреля, наконец, прибыло подкрепление из Англии, которым командовали младший брат принца Эдмунд Лэнглийский, граф Кембриджский, и Джон де Хестингс граф Пемброкский. Они отплыли из Саутхемптона в марте, высадились в Бретани и уже оттуда пешим путём добрались до Ангулема. Эдуард Вудстокский отправил прибывшее войско в карательный поход на земли изменившего ему графа де Перигора. Большую часть мая два графа потратили на осаду замка Бурдей, который в конце концов удалось взять штурмом.

К тому времени война между Англией и Францией вновь обрела официальный статус. Эдуард Вудстокский, которому болезнь так и не позволила покинуть ложе, не смог явиться 2 мая в Париж и предстать перед парламентом — ни лично в качестве ответчика, ни во главе войска со шлемом на голове, как он угрожал королю Франции. Тем не менее жалобы гасконских сеньоров было решено выслушать в его отсутствие. В назначенный день собрались советники короля, представители знати, депутаты от французских городов и адвокаты апеллянтов. Естественно, истцы выиграли дело. Неделю спустя, 9 мая король Шарль V и королева Жанна Бурбонская лично появились в парламенте. Монарх недвусмысленно заявил, что за целостность своих владений он будет бороться всеми доступными ему силами и средствами.

В ответ на нарушение Шарлем V условий мира, подписанного в Бретины, Эдуард III вновь провозгласил себя королём Франции и приказал добавить в свой герб *fleur-de-lis* — золотые геральдические лилии французского королевского дома. Эдуард Вудстокский получил из Лондона распоряжение провозгласить по всем уголкам Аквитании, что король Англии берёт под свою руку французские земли по праву завоевания.

*

Когда пали последние бастионы, кое-как сдерживавшие войну, герцог Анжуйский объявил в Лангедоке великий поход на англичан. В конце мая тысяча латников под командованием Жана де Бюэя, уроженца Турени и капитана Анже, а также бретонца Жана де Керлуэ скрытно прошли 80

километров вглубь провинции Пуату и разгромили небольшой отряд, который возглавляли старый друг принца сэр Саймон Бёрли и валлиец сэр Дигори Сей, причём Бёрли попал в плен.

Это досадное поражение вызвало настоящую панику в Ангулеме, ведь Пуату считалось самым верным оплотом англичан в Аквитании. Эдуард Вудстокский немедленно приказал собрать все силы, чтобы защитить северные границы княжества. Наместником провинции принц назначил ещё одного своего старинного друга сэра Джеймса Одли. Под его командование он отдал пуатевинских баронов, которым приказал срочно вернуться из Керси. К началу июня Эдуард сформировал также армии под командованием графов Кембриджского и Пемброкского, в состав которых вошли как английские войска, так и местные отряды, нанятые в Пуату.

Первым вступил в бой Одли. В середине июня 1369 года он выступил из Пуатье на восток и дошёл до реки Крёз. Переправившись на правый берег, сэр Джеймс отогнал французов от города Ле-Блан, который те осаждали. Затем он взял штурмом замок Ле-Судэн, расположенный в 15 км к северо-западу и защищавший подходы по левому берегу Крёза к Ла-Рош-Позе. Далее простирались земли Ги де Шовиньи — одного из немногих пуатевинских дворян, переметнувшихся от принца к королю Шарлю V. Одли вторгся в них, разоряя окрестности, и дошёл до замка Ла-Брос. Захватив цитадель, он приказал повесить 16 бретонцев, составлявших её гарнизон.

Армия графа Кембриджского в конце июня вошла в провинцию Вандея — эту территорию английской администрации никогда не удавалось взять под полный контроль. Сердцем региона являлась крепость Ла-Рош-сюр-Йон, служившая ключом к обороне Пуату со стороны Нанта. Она принадлежала самому герцогу Анжуйскому, а гарнизоном командовал его доверенный слуга Жан Белон. Эдмунд Лэнглийский осадил её, хотя на выручку французам двигалось подкрепление под командованием Амори де Краона, капитана Нижней Нормандии. Подмоги крепость не дождалась и сдалась раньше. Кстати сказать, по возвращении в Анже несчастный Белон был арестован, зашит в мешок и утоплен в Луаре — сей вид расправы весьма почитался его покровителем Луи д'Анжу.

Третья армия графа Пемброкского прошла по нижней Луаре. Она попыталась было взять Сом юр, но была отброшена от города. Тем не менее графу удалось захватить обе переправы через реку, расположенные между Сомюром и Нантом.

Таким образом Эдуард Вудстокский обезопасил границы своих владений по Луаре. Более того, английские и гасконские отряды

перехватили инициативу и сами начали терроризировать соседние провинции Берри и Бурбоннэ. Так, гасконец Бернар де ла Саль, участник Кастильской экспедиции, сколотил со своим братом Ортинго и с Бернардом де Уэстом отряд из 120 латников и 200 лучников. В середине августа они обманом захватили замок Бельперш, стоявший на берегу реки Алье и принадлежавший герцогу де Бурбону. В руки авантюристов попала Изабелла де Валуа, вдовствующая герцогиня де Бурбон, которая в тот момент по несчастливой случайности оказалась в замке. Никакого стратегического значения эти набеги не имели, но они как всегда выполняли несколько более приземлённых задач — сеяли в лагере врага смуту, разрушали экономику и обогащали самих рейдеров.

Ради спасения Пуату Эдуарду Вудстокскому пришлось пожертвовать графствами Керси и Руэрг, защищать которые было практически некому, поскольку большую часть сил пришлось перебросить на север. Сначала из Монтобана был отозван сэр Джон Чандос. Ему на смену пришёл Хью Калвели, вернувшийся из Ланд. Он попытался укрепить город, установив форты на реке Тарн. Но пока Калвели занимался этим, Монтобан открыл ворота французам. Единственным опорным пунктом в области остался Муассак. Калвели удалился в Ажене, за ним бежал и сенешаль Керси сэр Томас Уокфэйр, чья должность к тому времени стала чисто символической.

Потеря Керси повлекла за собой сдачу Руэрга. Для обороны Мийо был очень важен небольшой городок Компер. Однако его жители не испытывали никаких симпатий к англичанам, поскольку с установлением их власти город потерял своё политическое значение и начал хиреть. Горожане перешли на сторону французоз сразу, как только завидели вдали небольшой отряд под командованием одного из местных дворян. Затем к Комперу подтянулась большая армия, собранная герцогом Анжуйским, герцогом Беррийским и графом д'Арманьяком. Она наголову разгромила подошедшие туда же английские войска под командованием сенешаля Руэрга сэра Томаса Уэтенхолла, шателена Мийо Джеймса Мэсси и наёмника Хью Рассела, поскольку имела внушительное превосходство по численности.

Несколькими неделями позже в небольшой стычке был смертельно ранен сенешаль Уэтенхолл. И это было не единственной тяжёлой потерей для Англии. Опасно заболел сэр Джеймс Одли, ближайший соратник принца. Подняться на ноги доблестный рыцарь уже не смог. В конце августа, несмотря на собственное недомогание, Эдуард Вудстокский отправился на похороны боевого товарища в Пуатье и оставался там до сентября, набираясь сил для обратного пути.

В середине лета 1369 года к Эдуарду на помощь должна была прибыть из Англии ещё одна армия под командованием Джона Гонтского. Но резкое осложнение обстановки на севере Франции помешало королю отправить обещанные подкрепления: стремительная оккупация французами графства Понтье заставила Вестминстер срочно пересмотреть планы. Эдуард III опасался, что вслед за графством падёт важнейший опорный пункт англичан Кале, и войско было перенаправлено туда.

В катастрофическом состоянии оказались финансовые дела Аквитании. За последний год доходы княжества составили около 55 тысяч фунтов — то есть почти на 40 % меньше, чем тремя годами ранее, когда сборы в казну достигли рекордных объёмов. Это было неудивительно, поскольку три четверти всех поступлений обеспечили всего два региона из десяти — Пуату и Сентонж. Остальные области, охваченные как минимум политическим хаосом и как максимум войной, дали крайне мало, а восточные провинции Лимузен, Перигор, Ажене, Руэрг и Керси не прислали вообще ничего.

Эдуард Вудстокский прекрасно отдавал себе отчёт, что без поддержки Англии княжество не способно ни прокормить, ни защитить себя. Он обратился к отцу за субсидиями, которые и получил: во-первых, казначейство оплатило отправку войск, прибывших весной из Англии, в сумме 22 500 фунтов, а во-вторых, дополнительно прислало принцу в июне 20 000 фунтов.

Однако ни денег, ни войск по-прежнему не хватало. Поэтому на остаток года Эдуард не планировал никаких масштабных операций по освобождению потерянных территорий. Он по-прежнему оставался в Ангулеме, прикованный к постели, а ряды его соратников, которым он мог доверять, редели с ужасающей скоростью. Летом умерли Уэтенхол и Одли, а в ноябре 1369 года принц лишился ещё двух верных соратников и видных военачальников — скончались Роберт де Афффорд, граф Саффолкский, и Томас де Бошан, граф Уорикский.

В отсутствие прямого руководства со стороны Эдуарда Вудстокского его главные капитаны никак не могли договориться между собой. Сэр Джон Чандос, сменивший Одли на посту сенешаля Пуатье, провёл успешный рейд на земли герцога Анжуйского. Однако во время подготовки этой экспедиции он рассорился с графом Пемброкским, который наотрез отказался сражаться под началом простого баннерета. Граф организовал

собственный набег на Лудёнуа, но потерпел поражение от Жана де Бюэя и был спасён от плена по иронии судьбы тем самым Чандосом, которого он не хотел видеть своим командиром.

К сожалению, дни славного дербиширского рыцаря также были сочтены. Французские войска, базировавшиеся в Ла-Рош-Позе на северо-восточной границе Пуату, захватили большое аббатство Сен-Савен недалеко от Шовиньи. Сэр Джон Чандос, отметив Рождество в Пуатье, решил с небольшим отрядом отбить аббатство в предновогоднюю ночь. Попытка не увенчалась успехом, и Чандос отдал приказ возвращаться. В Шовиньи он остановился на ночлег. Ранним утром следующего дня разведчики донесли, что поблизости находится небольшой отряд французов под командованием Жана де Керлуэ. Чандос ринулся в погоню. На мосту через реку Вьенна в Люссаке-ле-Шато французы попали в клещи. Бой был отчаянным. С одной стороны врага давили сэр Хью Стаффорд и сэр Дигори Сей, с другой — сам Чандос со своими людьми. Во время сражения сэр Джон поскользнулся на мёрзлой земле и упал. Французский оруженосец нанёс ему удар в лицо кинжалом: как многие профессиональные солдаты, англичанин не носил забрала. А так, как он был слеп на один глаз, от удара ему увернуться не удалось. Чандос лежал на земле, в то время как вокруг него кипел бой. Объединившись, английские отряды одержали победу и поспешили перенести раненого в близлежащий замок, где тот умер несколько часов спустя.

Хотя англичане взяли в плен Жана де Керлуэ, это никоим образом не могло компенсировать гибель такого воина, каким был сэр Джон Чандос. Мало того, что он являлся самым опытным капитаном, его считали экспертом в аквитанских делах. Чандос был мудрым политическим советником, он обладал также определёнными дипломатическими талантами и сумел наладить хорошие отношения с французским двором. Больше всех скорбел о его гибели сам принц, поскольку сэр Джон на протяжении более чем тридцати лет был его самым близким и самым верным другом, неизменным спутником в делах войны и мира.

Немалой головной болью обернулась авантюра с Бельпершем — та самая, в ходе которой Бернар де ла Саль, его брат Ортинго и Бернард де Уэст захватили замок герцога де Бурбона вместе с находившейся в нём вдовствующей герцогиней Изабеллой де Валуа. Естественно, её сын Луи де Бурбон решил отбить замок обратно и освободить мать. В конце декабря 1369 года он вместе с маршалом де Сансером установил осаду Бельперша.

Новость о действиях французов вскоре достигла Ангулема. Сам принц идти в поход был не в состоянии, и на помощь гарнизону он послал

Лайонела, герцога Кларенсского, дав ему значительную часть оставшихся в Пуатье войск. Лайонел прибыл на место в конце февраля 1370 года, но снять осаду ему не удалось. В конце концов, осаждённые в замке англичане, прикрываясь герцогиней, прошли через позиции осаждающих, соединились с отрядами герцога и вместе с ними отступили.

Когда Эдуарду Вудстокскому доложили об этом сомнительном манёвре, принц возмутился, сочтя такое поведение не рыцарственным. Впрочем, куртуазное воспитание не подвигло его на освобождение Изабеллы де Бурбон. Она оставалась в плену, хотя и обращались с ней соответственно её высокому происхождению, и два года спустя принц с лёгким сердцем обменял её на друга своего детства Саймона Бёрли.

Глава четвёртая

РАЗОРЕНИЕ ЛИМОЖА

Английские владения на юго-западе Франции продолжали съёживаться как шагреновая кожа. На сторону врага перешли Ажен и Вильнев в долинах Гаронны и Лота. Серьёзную угрозу представляла весьма вероятная потеря Базаса на границах Ланд — город располагался всего лишь в 65 километрах от Бордо, столицы Аквитании. Был утерян контроль над горной частью Перигора и значительными равнинными территориями.

Французы готовились полностью покончить с английским владычеством в Аквитании. Королевский брат Луи, герцог Анжуйский, хвастливо заявлял, что англичане будут изгнаны за Ла-Манш в течение ближайших двух лет. Армия под его командованием собиралась вторгнуться в княжество с юго-востока вдоль Гаронны в направлении на Ла-Реоль и Бержерак. Герцогу Беррийскому, ещё одному королевскому брату, предстояло войти с востока в Лимузен. Оба удара имели своей целью Ангулем, где французы в случае удачного развития кампании надеялись захватить самого принца Уэльского.

Но королю Шарлю V этого показалось мало. План был скорректирован — третья армия под командованием маршала Жана де Мокенши, сира де Бланвиля, прозванного Бланвильским бараном, должна была наступать с севера из крепостей, стоявших по Луаре и Крёзу. Из Кастилии спешно отозвали Бертрана дю Геклена, который был назначен великим коннетаблем Франции вместо смещённого с этого поста Робера де Фиенна. Дю Геклен немедленно явился во Францию с армией в тысячу французов и бретонцев.

Перед лицом таких приготовлений Эдуарду III не удалось проигнорировать просьбы принца о помощи. Впрочем, прислать достаточное количество войск он всё равно не смог, но в конце мая из Англии отплыл сэр Уолтер Хьюитт с войском, содержание которого оплатила казна. Это было всё-таки лучше, чем совсем ничего: «Для Эдуарда, принца Уэльского и Аквитанского, через Уолтера Хьюитта, баннерета, следующего в Гасконь, чтобы остаться там на королевской службе с 200 латниками и 300 лучниками. Сему Уолтеру 8 шиллингов в день, 30 рыцарям по 3 шиллинга в день, 170 латникам 2 шиллинга в день, и 300 лучникам каждому по 12 пенсов в день»³⁵.

Наконец-то до Аквитании добрался и Джон Гонтский. Правда, с ним прибыл лишь небольшой отряд, насчитывавший 310 латников и 500 лучников. Герцог Ланкастерский высадился в Бордо и немедленно выступил в Коньяк, где его ожидал принц. Он был потрясён, увидев своего старшего брата в таком безнадёжном состоянии — семь лет назад, когда они в последний раз виделись в Англии, на здоровье Эдуард не жаловался. Теперь же он лежал в окружении советников и слуг и не мог позволить себе сколь-нибудь длительного путешествия, не говоря уж о военном походе.

Тем временем французы начали приводить в исполнение свой детально разработанный план. В первую неделю июля 1370 года отряд под командованием освобождённого из плена Жана де Керлуэ внезапно захватил город Шательро, чем и удовольствовался. Находившийся там Луи д'Аркур, один из доверенных советников принца, бежал в одной ночной рубашке. Маршал де Сансер превратил город в свою базу и разместил в нём сильный гарнизон. Этим успехи на данном направлении исчерпывались, поскольку профранцузский заговор в столице провинции Пуатье, расположенном всего в 35 километрах от Шательро, провалился. Вопреки хвастливым заявлениям герцога Анжуйского, кампания на Гаронне также не увенчалась громкими победами. Соединённым силам дю Геклена и герцога численностью около 4000 человек удалось взять лишь город Муассак — единственный, что оставался ещё под властью англичан в провинции Керси. На вторую неделю августа они вторглись в Сарла, затем оттуда двинулись на Перигор. Но попытка захватить Бержерак была легко отбита сенешалем Аквитании сэром Томасом Фелтоном.

Третий удар, как и планировалось, нанёс герцог Беррийский, 11 августа покинувший свою штаб-квартиру в Бурже и двинувшийся на Лимож. Он подошёл к городским стенам 21 августа в сопровождении отрядов герцога де Бурбона и его кузена графа де ла Марша. Из Шательро подтянулся также маршал де Сансер. Несмотря на столь внушительный список капитанов, их соединённые силы были невелики — всего около 2000 человек.

Как и многие французские города, Лимож состоял из двух отдельных частей: старого города, над которым доминировало бенедиктинское аббатство Святого Марциала, и нового города, центром которого являлся собор Святого Стефана. Старый город был хорошо укреплён, обнесён мощными двенадцатиметровыми стенами с двумя десятками башен и восемью воротами. Его защищал гарнизон, который не продемонстрировал ни малейшего шага к сдаче. Поэтому герцог Беррийский сосредоточил свои усилия на тех кварталах, где не было размещено английских войск.

Местный сеньор Жан де Мюра де Кро, епископ Лиможский, пользовался полным доверием принца Уэльского и даже был крёстным отцом его старшего сына Эдуарда Ангулемского. От этого прелата принц мог ожидать несколько большей лояльности, чем тот продемонстрировал на деле. Жан де Кро легко поддался на посулы французов и не оказал им никакого сопротивления даже для видимости. Более того, у современников сложилось впечатление, что епископ изменил англичанам с большой готовностью. Одна из позднейших хроник уверяла, что прелат нарочно распространял лживые слухи о смерти принца, чтобы убедить горожан перейти на французскую сторону, поскольку они не спешили отступить от Англии³⁶.

Несмотря на явное недовольство жителей, 24 августа епископ сдал новый город герцогу Беррийскому, который вступил в него ранним утром под приветственные крики группы горожан «Монжуа! Сен-Дени!» В тот же день он покинул Лимож, оставив там небольшой французский гарнизон. По поводу точных размеров отряда до сих пор не существует единого мнения, ибо и у хронистов не было согласия по этому вопросу. Так, певец куртуазности Фруассар утверждал: «Когда герцог Беррийский покидал Лимож, то по просьбе епископа он распорядился оставить в указанном городе мессира Жана де Вильмюра, мессира Юга де ля Роша и Роже де Бофора вместе с сотней латников»³⁷.

Впрочем, свидетельство Фруассара в данном случае весьма сомнительно. Хотя он и заявлял, что старается писать о тех событиях, при которых ему довелось присутствовать, под Лиможем его точно не было — слишком много неточностей допустил хронист при описании осады — в частности, не знал, что город состоял из двух частей. Он также считал, что принц провёл под его стенами месяц или даже более того, в то время как на самом деле сопротивление Лиможа было сломлено менее чем за неделю. И действительно, после смерти в 1369 году королевы Филиппы Геннегауской, в чьей свите Фруассар состоял в Англии, он вернулся в Нидерланды, покинув английскую службу.

Зато, возможно, в войске принца присутствовал герольд Чандос, после гибели своего господина оказавшийся, по всей видимости, при дворе Эдуарда Аквитанского. В своей поэме герольд привёл другие числа:

Три сотни латников оставил он,

И город был надёжно защищён³⁸.

Но стихотворная поэма — весьма ненадёжное свидетельство, ибо всегда допускает возможность некоей коррекции действительности ради красного словца. А из строго документальных свидетельств до нас дошла лишь платёжная ведомость, датированная 22 августа 1370 года. В ней поимённо перечислены пять рыцарей и 87 оруженосцев, входивших в отряд Юга де ла Роша и Роже де Бофора перед взятием Лиможа французами³⁹. Однако это совершенно не означает, что к ним позже не присоединились другие латники. Кроме того, в списке не учтены люди Жана де Вильмюра.

Другими словами, оставленный герцогом отряд насчитывал не более трёх сотен латников, и командовали им три весьма примечательных капитана — Роже де Бофор, брат авиньонского папы Григория XI, его зять Юг, сеньор де ла Рош по прозвищу Непревзойдённый Рыцарь, маршал папского двора, и, наконец, Жан де Вильмюр. В их задачи входила не столько оборона города, сколько усмирение горожан, которые довольно быстро опомнились и начали сожалеть о невольной оказанной собственным бездействием поддержке епископу-предателю.

На сём многообещающая французская кампания была свёрнута и в Лимузене. План по соединению отрядов герцогов Анжуйского и Беррийского в Перигоре отменили, заброшена была и блестящая идея захвата принца в Ангулеме. Герцог Беррийский вернулся в свои владения на севере, Луи д'Анжу отошёл в Тулузу. Причина такой неожиданной остановки наступательных операций банальна — у французов кончились деньги, а дополнительных финансов из Парижа не поступило.

*

Об измене епископа Эдуард Вудстокский узнал ещё до конца августа и пришёл в ярость. Доверенный советник, практически родственник, предал его именно в тот момент, когда принцу как никогда нужна была поддержка всех друзей и вассалов. Эдуард тяжело болел, его княжество со всех сторон подвергалось атакам неприятеля, казна была истощена.

В гневе он поклялся душой своего отца — серьёзная клятва! — что отберёт у французов Лимож и не будет думать ни о чём другом, пока не исполнит обещанного и не заставит город дорого заплатить за поддержку изменника прелата. У карательного рейда была и ещё одна задача —

продемонстрировать всем, колеблющимся в верности сюзерену, силу гнева принца и всю тяжесть последствий нарушения клятвы верности. Эдуард знал, что в большинстве своём горожане Аквитании переходили под руку французов потому, что не верили в возможности англичан защитить их, а уж тем более покарать за предательство.

Неприятельская кампания к тому моменту фактически закончилась, войска были распущены. Армия принца, напротив, стояла в полной боевой готовности. Она могла выступить немедленно, и Эдуард устроил ей смотр. Правда, установить численность англо-гасконского войска представляется не более возможным, чем гарнизона Лиможа. Так, муниципальные архивы этого города сохранили документы, составители которых в паническом ужасе описывали мощнейшую армию: «В Коньяке собрались его люди числом две тысячи пятьсот копий, шесть тысяч лучников и тридцать тысяч пехотинцев»⁴⁰.

Естественно, в реальности таких сил у принца быть не могло — даже в куда более значимой битве при Пуатье в 1356 году под его началом находилось раз в пять меньше солдат. Фруассар оценивал размеры армии гораздо скромнее, хотя, возможно, также их завышал: «Когда прибыла большая часть его людей, их собралось тысяча двести латников, рыцарей и оруженосцев, тысяча лучников и три тысячи пехотинцев»⁴¹.

Вероятнее всего, войско принца состояло из 1200 латников, 1000 пехотинцев и 1000 лучников. Впрочем, это предположение основано лишь на том, что в английских армиях число пехотинцев обычно было сопоставимо с числом лучников, а в распоряжении Эдуарда находилось около тысячи стрелков из его собственной свиты, а также из отрядов Джона Гонтского и Уолтера Хьюитта.

Войско отправилось в поход 7 сентября. Его возглавляли самые знаменитые рыцари Европы — братья принца Джон Гонтский, герцог Ланкастерский, и Эдмунд Лэнглийский, граф Кембриджский, а также Джон де Хестингс, граф Пемброкский, баннерет сэра Уолтера Хьюитта, Жан де Грайи, каптальде Бюш, и Гишар, сеньор д'Англь. Эдуарда Вудстокского несли в паланкине, поскольку он не мог ехать верхом. Это было первое военное предприятие за последние два года, в котором принц участвовал лично.

Сто километров от Ангулема до Лиможа войска, не торопясь, преодолели за неделю. Подойдя к мятежному городу 14 сентября, они разместились в той его части, которая не сдалась неприятелю, и население которой составляло порядка 12 тысяч человек. В захваченных французами

кварталах обитало чуть более одной пятой от этого количества — около 2500 жителей. Несомненно, что за счёт беженцев из окружающих сёл, искавших убежище от англичан, за стенами нового города собралось свыше 3000 человек. Местные дворяне со свитами пополнили ряды небольшого гарнизона, оставленного герцогом Беррийским. Но, несмотря на явное численное превосходство осаждавших, защитники Лиможа не считали заранее себя побеждёнными: «Жан де Вильмюр, Юг де ла Рош и Роже де Бофор успокаивали жителей, заявляя, что они достаточно сильны, чтобы защитить их»⁴².

Уверенность капитанов основывалась не только на том простом факте, что обороняющийся имеет неоспоримое преимущество перед атакующим — в их распоряжении находился солидный артиллерийский арсенал. В свете этих обстоятельств вряд ли можно считать, что принц отправился на лёгкую увеселительную прогулку. Кроме того, по Лимузену бродил с тремястами латников отважный Бертран дю Геклен, великий коннетабль Франции, от которого вполне можно было ожидать внезапного удара в тыл.

Англичане внимательно изучили укрепления и выяснили, что один участок стены возведён не на скальной основе, а на мягком туфе. Эдуард Вудстокский приказал подвести в этом месте под оборонительные сооружения мину. Однако защитники вовремя обнаружили подкоп и подвели контрмину. В тёмном и тесном подземелье завязался жестокий бой, не принёсший существенных преимуществ ни одной из сторон. По некоторым сведениям, сам Джон Гонтский участвовал в этой рукопашной схватке. Он весьма благородно сражался с мессиром Жаном де Вильмюром, возглавлявшим французский отряд, и даже был ранен, хотя повинен в этом был не клинок врага, а упавшая на него опора подземного хода.

Рано утром 19 сентября осаждающие сумели поджечь деревянные подпорки туннеля, в результате чего обрушился значительный участок стены. Англичане и гасконцы кинулись в брешь, но были отброшены и отступили к своему лагерю. Вновь зазвучали трубы, и на штурм пошла вторая волна осаждавших, не давая лиможцам передышки. Атакующие отряды прорвались за стены и взяли ворота, однако защитники сражались за каждый дом, каждую улицу. Принц наблюдал за развернувшимся сражением из своего паланкина. Сопrotивление было быстро подавлено, и лишь позиции возле недостроенного собора Святого Стефана из последних сил удерживались остатками гарнизона и местного ополчения, хотя воинов там собралось немного: «Первый приступ не удался, и [англичане] отошли к своему лагерю. Но спустя короткое время они вновь пошли на штурм и взяли город. В нём находились Роже де Бофор, Жан де Вильмюр и 70

латников»⁴³.

Ланкастер, Кембридж и Пемброк бросили своих солдат в решающую атаку, и последний очаг сопротивления также был уничтожен. Все три французских капитана попали в плен.

*

То, что произошло дальше, в течение многих веков было принято рисовать самыми чёрными красками. Особенный упор делался на бессмысленную жестокость Эдуарда Вудстокского, который не только лично спровоцировал массовую резню, но и отказался её остановить. В первых рядах обличителей принца оказался Фруассар, чья точка зрения затем была некритично растиражирована другими историками, настроенными против Эдуарда:

«Принц, герцог Ланкастерский, граф Кембриджский, граф Пемброкский, мессир Гишар д'Англь и все прочие, и их люди вошли в город. И были они злы, и рассеялись по городу, убивая мужчин, женщин и детей, как им было приказано. Это душераздирающее зрелище, когда мужчины, женщины и дети бросались на колени перед принцем и молили: “Милосердия, благородный сир, милосердия!” Но он был настолько разъярён, что не слушал их. И никто не снизошёл к их мольбам. Они предавали мечу всех, кого находили, или кто попадался им на пути, даже если это были невинные люди. Не знаю, почему у них не было жалости к простым людям, не виновным в измене, но наказанным — и наказанным больше, чем их хозяева, действительно виновные. Даже самый жестокосердный человек, окажись он в Лиможе и помни о Господе, осудил бы это, поскольку более трёх тысяч мужчин, женщин и детей погибли в тот день. Господи, помилуй их души, ибо они были настоящими мучениками»⁴⁴.

Но Фруассар, как уже было сказано, не присутствовал лично при взятии Лиможа, поэтому он руководствовался устоявшимися представлениями о том, что оказавший сопротивление город должен быть отдан на поток и разграбление. Кроме того, хронист явно использовал какие-то источники, враждебные англичанам. Откуда он взял число «три тысячи», остаётся загадкой, но надо заметить, что это не самая пессимистическая оценка последствий штурма. Лиможские манускрипты, ранее сильно преувеличившие мощь армии принца, теперь преувеличили и

потери среди мирных жителей — причём настолько, что эти потери в несколько раз превысили численность населения нового города:

«Принц вошёл в город в сопровождении герцога Ланкастерского, графов Пемброкского, Кембриджского, Гишара д'Англя и других, убивая всех, кого они находили в городе — мужчин и женщин, детей и девиц, невзирая на возраст. Те бросались к их ногам, умоляя принца о милосердии. Но он не желал их слушать; напротив, их убивали прямо перед ним. И они дошли таким образом от дверей Сен-Андре до самых дверей Сен-Этьена, где была учинена грандиозная резня, ибо большинство жителей собралось там в поисках безопасного убежища, но это их не спасло. И было убито там более десяти тысяч, по большей части невинных в мятеже»⁴⁵.

Невозможно не заметить, что текст у Фруассара весьма близок к тексту манускрипта, только он более эмоционален и снабжён приличествующей случаю моралью. Возможно, Фруассар воспользовался при составлении хроники лиможскими архивами, сократив количество жертв, а возможно, оба документа основаны на каком-то общем третьем, не известном нам источнике.

О том, что в Лиможе имела место массовая резня, писал и монах Томас Уолсингем, который в описываемое время заведовал скрипторием Сент-Олбенского аббатства в Англии и, следовательно, также находился очень далеко от места событий:

«Видя их упрямство, принц послал гонцов с сообщением о том, что он прикажет полностью разрушить весь город и уничтожить огнём и мечом всех, кого там найдут, если они немедленно не признают себя его подданными и не сдадут город... И благодаря работе землекопов стены пали, он был взят и практически разрушен, и кто был найден в городе, тот убит. Лишь немногие попали в плен и спасли свои жизни»⁴⁶.

То есть, Уолсингем, хотя и не сказал об этом прямо, также оценивал потери лиможцев в 3000 погибших.

*

Показательно, что большинство очевидцев и даже многие авторы французских хроник не разделяли обличительного пыла Фруассара и Уолсингема, равно как и безымянного автора лиможского манускрипта. Так, «Хроники четырёх первых Валуа» лишь констатировали: «Принц

Уэльский и герцог Ланкастерский энергично, настойчиво и непрерывно атаковали город Лимож, разрушили его укрепления и взяли штурмом. И многие горожане были преданы смерти за то, что они перешли к французам»⁴⁷.

Многие — это, однако, далеко не все. Столь же кратким оказался и герольд Чандос, хотя он высказался достаточно определённо:

Кто гибели счастливо избежал,
Тот после боя к принцу в плен попал⁴⁸.

Автор поэмы, кстати говоря, имел в виду вовсе не население города, а конкретно те три сотни воинов, которые составляли гарнизон. Естественно, его можно обвинить в подтасовке фактов в угоду англичанам. Однако симпатии к принцу вряд ли испытывали нотабли Монпелье. И тем не менее, в муниципальных архивах этого города нет ни слова о зверствах, учинённых Эдуардом Вудстокским после победы: «Далее, в том же году, девятнадцатого сентября город Лимож был взят и уничтожен принцем Уэльским, у которого это заняло не так много времени»⁴⁹.

Положим, Монпелье находится весьма далеко, и до средиземноморского побережья могли дойти лишь отзвуки рассказов о событиях в Лимузене. Но город Юзерш отстоит от Лиможа всего на 60 километров, и монах расположенного там аббатства Святого Петра наверняка был неплохо осведомлён обо всех последствиях осады, хотя и путался в сроках:

«В лето господа нашего 1370-е, накануне дня святого апостола Матфея, город Лимож был захвачен принцем, который осаждал его три недели. И указанный город был сожжён, до основания разрушен, разграблен и полностью опустошён. Монастыри и церкви ограблены и осквернены убийством в них людей; святыне реликвии, образа святых, и распятия разграблены и выломаны. Епископ, аббаты Святого Марциала и Святого Августина, а также священники захвачены в плен»⁵⁰.

Количество жертв снова не уточнялось, но совершенно ясно, что хронист Юзерша не считал его большим. Кстати, предоставим слово и обитателям тех самых аббатств, которые по мнению юзершского монаха тяжко пострадали от рук англичан. Удивительно, но они ничего не сообщали по поводу кровавой бойни в городе. Хроника аббатства Святого Марциала, расположенного непосредственно в самом Лиможе, привела

число убитых: «В год 1370-й, 19 сентября город был взят и разрушен и более 300 человек убито из-за бунта против монсеньора Эдуарда, герцога Аквитанского»⁵¹.

Вот такой будничным комментарий с акцентом на несомненную вину погибших. Не стоит также игнорировать свидетельства, сохранившиеся в архивах Авиньона. Его святейшество являлся одной из самых осведомлённых персон в средневековой Европе, поскольку к нему стекалась информация из самых удалённых уголков христианского мира, причём параллельно по нескольким каналам — и от приходских священников, и от членов монашеских орденов. Но документы в папских архивах говорили только об имущественном ущербе, а не о человеческих жертвах. В частности, биограф Урбана V упоминал исключительно о разрушении Лиможа: «Город тогда полностью уничтожили, разрушили, дома сравнивали с землёй, он превратился в необитаемую пустыню, уцелел лишь собор»⁵².

И, наконец, в очередной раз поставил под сомнение теорию тотального избиения жителей Лиможа французский историк Гилем Пепан. Несколько лет назад он обнаружил в испанских архивах письмо, написанное лично Эдуардом принцем Аквитанским спустя три дня после падения города и адресованное Гастону Фебу, графу де Фуа. Свою находку Пепан представил на конференции Международного средневекового конгресса в Лидсе. В письме принц сообщал, что захватил епископа Лиможского, а также Роже де Бофора, брата папы Григория XI. Кроме того, он извещал графа де Фуа, что его войска взяли в плен 200 французских рыцарей и латников, но ни о каких массовых убийствах не писал⁵³.

*

Таким образом, по совокупности данных из многочисленных, хотя и недостаточно достоверных и подробных источников, можно сделать по крайней мере один вывод. Никакого выходящего за рамки обычаев зверства по отношению к мирному населению Лиможа проявлено не было. Во время штурма и сразу же после него погибло около 100–150 рыцарей и латников гарнизона и местных дворян, нашедших убежище в городе. Под горячую руку штурмующих отрядов также попались две сотни горожан, которые были убиты разгорячёнными битвой воинами.

Кстати, далеко не факт, что несчастные пали жертвой именно англичан

и гасконцев. В материалах Национальных архивов найден протокол судебного спора между двумя лиможскими торговцами Бизе и Баярдом, разбиравшегося в Парижском парламенте 10 июля 1404 года. Адвокат Бизе в процессе заседания рассказал о том, что отец его оппонента Жак Байард пытался 30 лет назад помочь англичанам захватить Лимож: «Отец Баярда, бедный человек и скорняк, в сопровождении других скорняков поднял английское знамя и понёс его к главным воротам, где был схвачен капитаном гарнизона, который затем его обезглавил»⁵⁴.

В том, что недовольная изменой епископа часть горожан могла выступить на стороне осаждавших, нет ничего неправдоподобного — как и в том, что солдаты гарнизона быстро и эффективно расправились с «пятой колонной». Это тем более вероятно, что английская политика на тот момент вообще не подразумевала никаких сверхжестоких мер по отношению к нелояльным подданным. Напротив, гасконские свитки сохранили строгие напутствия, данные принцем спешившему к нему на помощь Джону Гонтскому герцогу Ланкастерскому:

«Для блага и поддержки Эдуарда принца Аквитанского и Уэльского, как и всего населения, он должен заручиться для [сохранения] королевского мира послушанием и расположением жителей Аквитании и других частей королевства Франция. Тем, кто отринул послушание королю и принцу, поддавшись на убеждения врагов короля, или же по собственной воле, и кто ныне хочет вернуться к послушанию принцу, [следует] простить их преступления, даже самые серьёзные, и восстановить их привилегии. Наряду с тем, что порой правильным будет карать за подобные действия, применив королевскую власть, подчас стоит смягчать подобные действия снисходительностью»⁵⁵.

Эдуард Вудстокский пощадил жизни лиможцев, но сполна отыгрался на их имуществе. Обитатели старого города вообще не пострадали от английского карательного рейда, зато мятежные кварталы нижнего города были полностью уничтожены — нетронутыми остались только собор и дома, принадлежавшие проанглийским каноникам. Остальные здания, включая церкви, он приказал стереть с лица земли: каменные строения сломать, деревянные сжечь, а всё движимое имущество вывезти. На лиможцев был наложен тяжелейший штраф в размере 40 тысяч экю. Нанесённый городу ущерб оказался столь значительным, что заново его отстроить удалось только спустя 150 лет. Епископский же дворец простоял заброшенным вплоть до XVI века.

Оставив руины Лиможа в качестве назидания другим изменникам,

Эдуард Вудстокский ушёл в Коньяк, где в начале октября 1370 года распустил свою армию. Урок, данный принцем, намертво впечатался в память несчастных жителей города. Даже после формального перехода под руку французского короля в ноябре 1371 года, они не осмеливались впустить маршала де Сансера и его людей аж до апреля следующего года. Но и после того, как провинция была очищена от английских гарнизонов, а маршал всё-таки вступил в Лимож, горожане не сняли с ворот герб принца Уэльского, а просто-напросто поместили над ним герб Франции.

*

Взятие Лиможа стало последним крупным военным предприятием Эдуарда Вудстокского. Беда, как известно, не приходит одна — и вот судьба нанесла ему несколько тяжёлых ударов подряд. Прежде всего, поход ещё больше подорвал без того слабое здоровье принца. Вторым несчастьем стала смерть его старшего сына и наследника Эдуарда Ангулемского, который скончался от бубонной чумы, пока принц осаждал Лимож. Несмотря на свой юный возраст, мальчик демонстрировал неплохие задатки. Многие считали, что он пойдёт по стопам деда и отца, станет достойным продолжателем их великих дел.

Третья напасть поразила не персонально принца, однако от этого она не стала менее трагичной. До Эдуарда Вудстокского дошла весть о провале экспедиции сэра Роберта Ноллза — широкомасштабного *шевоше* по северной Франции. Английская армия была разгромлена в битве при Понваллене. Само по себе это позорное поражение, может быть, и не влияло так уж серьёзно на расклад сил в войне, но принц рассматривал его в едином комплексе с тяжелейшей борьбой за сохранение Аквитании, которую Англия медленно, но верно проигрывала.

В свете столь драматичного развития ситуации Эдуард Вудстокский не счёл возможным продолжать переговоры по поводу создания альянса с Шарлем Наваррским. Мало того, что цели этого союза была весьма неопределённой, так в условиях договора значились ещё существенные территориальные уступки Шарлю, причём за счёт Аквитании. Именно поэтому для ратификации документа требовалось согласие принца, который наотрез отказался его давать, после чего весь проект благополучно рухнул. Эдуард Вудстокский, скорее всего, и так не стал бы впутываться в интриги, которые плёл Шарль — он в полной мере испытал ненадёжность и лживость короля Наварры во время Кастильской кампании. В результате

королю Эдуарду III ничего не оставалось делать, кроме как направить несостоявшемуся союзнику путаное письмо с нарочито невнятными объяснениями мотивов принца: «По несомненно серьёзным и весомым причинам, которые подвигли его сделать так, он не хотел и не мог, сохраняя свои честь и достоинство, согласиться на указанный договор»⁵⁶.

Если бы дело касалось только проблем военных и административных, пусть даже и сложноразрешимых, принц, несомненно, продолжил бы борьбу с ними со всей присущей ему энергией и талантом. Однако тяжёлая болезнь вынудила его сдаться и последовать совету врачей, давно и настоятельно рекомендовавших ему вернуться в Англию.

После Рождества 1370 года Эдуард Вудстокский в сопровождении жены Джоанны, четырёхлетнего сына Ричарда Бордоского, графа Пемброкского, и большой свиты отплыл из Жиронды. В начале января его корабль вошёл в порт Плимута. Долгое морское путешествие подорвало силы принца, поэтому он не мог немедленно продолжить свой путь по суше до Лондона. Несколько месяцев Эдуард, прикованный к постели, оставался в приорстве Плимптон, пока не восстановился настолько, что смог двинуться дальше.

Узнав о том, что сын приближается к столице, Эдуард III выслал ему навстречу адмирала Гая де Брайана. Принц въехал в Лондон 19 апреля, где его ждал торжественный приём. Придворные, мэр, олдермены и менестрели приветствовали Эдуарда Вудстокского в Саутуарке — лондонском пригороде на правом берегу Темзы. Они преподнесли ему подарок от города — полный сервиз столовой посуды стоимостью 700 фунтов, оплаченный за счёт проведённой среди горожан подписки. В него входило более 270 предметов, в том числе тарелки, чашки, чаши, полоскательницы и солонки. Над этим сервизом работали три лучших ювелира страны. Толпы горожан провожали принца до Савойского дворца — лондонской резиденции его брата Джона Гонтского. Там Эдуард прожил несколько дней, после чего удалился в свой манор Беркемстед.

После восьми лет отсутствия Эдуард Вудстокский вернулся совсем не в ту Англию, которую когда-то покинул. Родина, к сожалению, не стала тем местом, где принц мог бы найти отдохновение от навалившихся на него проблем и бед. Напротив, их ещё и прибавилось. Эдуард III сильно сдал после того, как в августе 1369 года от водянки в Виндзорском замке скончалась его обожаемая жена. Король погрузился в депрессию и полностью подпал под влияние своей любовницы Элис Перрерс. Он практически забросил государственные дела, проводя с ней почти всё время в своих загородных резиденциях.

Поначалу королевские обязанности за него исполнял Джон Гонтский. Однако по возвращении в Англию наследника престола Эдуард III счёл необходимым передать бразды правления ему, а герцог Ланкастерский отправился наместником в Аквитанию. С одной стороны, королевский выбор был логичным и удачным, поскольку принц Уэльский пользовался любовью и авторитетом у всех слоёв населения. С другой стороны, здоровье Эдуарда Вудстокского оставляло желать лучшего, порой он не в состоянии был присутствовать даже на важных мероприятиях. Например, ему пришлось отправить в Мальборо на ежегодную поминальную службу по королеве Филиппе свою жену, поскольку сам он не смог бы перенести даже краткую поездку.

*

Эдуард Вудстокский от имени монарха председательствовал в королевском совете, руководил внутренними и внешними делами государства, вёл переговоры с послами европейских государей и легатами папы. Несмотря на свою телесную немощь, принц по-прежнему был одним из самых активных сторонников войны с Францией. Он активно включился в разработку планов новой экспедиции. Когда прелаты отказались одобрять новый налог на военные цели, принц действовал решительно. Созвав конвокацию Кентерберийской епархии, Эдуард принудил священнослужителей согласиться на субсидию в размере 50 тысяч фунтов. Отвертеться духовенству не удалось, и заем в должной форме был внесён в казну.

В 1372 году военная машина пришла в действие. Граф Пемброкский отплыл с армией в Аквитанию. Король, нашедший в себе силы оторваться от прелестей Элис Перрерс, и принц Уэльский, болезнь которого временно отступила, готовились к высадке с войсками на севере Франции. Но все планы пошли наперекосяк практически с самого начала: кастильская эскадра 22 июня уничтожила флот Пемброка у Ла-Рошели, а сам граф и с ним Гишар д'Англь попали в плен. Пришлось срочно вносить коррективы в разработанную стратегию.

Вторая экспедиция собралась в Сандвиче к середине августа, но её путь лежал не в Северную Францию, а к Ла-Рошели, которую осаждали французские войска. В ней принимал участие весь цвет английского рыцарства — король, принц Уэльский, его братья Джон Гонтский и Эдмунд Лэнглийский. Свои отряды привели соратники принца, а также сыновья

покойных его друзей — Уильям Монтекьют, граф Солсбери Иский, Томас де Бошан, граф Уорикский, Уильям де Афффорд, граф Саффолкский, Эдмунд Мортимер, граф Марчский, Хамфри де Боэн, граф Херефордский.

Принц поднялся на борт флагманского корабля 27 августа. Неблагоприятный ветер никак не желал менять направление, поэтому флоту потребовалось целых три недели, чтобы добраться до Уинчелси. Там экспедицию застало известие о двойном поражении, которое потерпели англичане: доблестный Жан де Грайи, капталь де Бюш, был взят в плен 23 августа в битве при Субизе, а 7 сентября пала Ла-Рошель. Король решил отменить поход и распустить войска к неудовольствию принца, которому несостоявшаяся кампания влетела в копеечку — только на жалованье своим отрядам он потратил 2000 фунтов.

Привыкшая к блестящим победам Англия тяжело переносила череду неудач и обидных поражений от французов. Для реабилитации национального духа ей срочно требовались козлы отпущения, и в стране началась охота на ведьм. Главного «виновника» всех бед назначили быстро — им стал сэр Роберт Ноллз, проваливший в 1370 году кампанию на севере Франции и разгромленный при Понваллене. Королевский совет обвинил его в том, что он не поддерживал должную дисциплину в своих войсках и прервал операцию без приказа короля. В наказание Эдуард III распорядился конфисковать у Ноллза все пожалованные ему владения. Однако Эдуард Вудстокский никогда не выпускал из поля зрения старых друзей и внимательно следил за их судьбой. Он с возмущением опротестовал решение отца и заставил короля уступить. Правда, потерянных земель Ноллзу так и не вернули, но обвинение в измене с него сняли.

В сентябре принц получил приглашение на очередную сессию Парламента, которая открывалась 3 ноября 1372 года: «Эдуарду принцу Аквитанскому и Уэльскому приглашение участвовать в Парламенте, отсроченном как было сказано выше — поскольку он любит короля, блюдет его честь, также как и свою. Королю будет весьма трудно вести [заседания] и направлять их без совета и помощи упомянутого принца»⁵⁷. Крайняя необходимость в присутствии Эдуарда Вудстокского на заседании объяснялась не только тем, что именно на этой сессии он должен был формально отказаться от Аквитании и вернуть княжество короне. В торжественной обстановке лорды заслушали адмирала Гая де Брайана, который на этот раз выступил в качестве представителя принца. Адмирал подробно изложил причины, вынудившие Эдуарда отказаться от владения княжеством. В парламентских свитках появилась следующая запись:

«И позже в этот же день перед королём, принцем, прелатами,

герцогами, графами, баронами и баннеретами, собравшимися в Белой палате, сэр Гай Брайан объявил, что принц, который держал княжество Аквитания по праву королевского пожалования, во время своего пребывания там часто уведомлял короля в передаваемых через своих гонцов письмах, что доходы и прибыль, проистекавшие и получаемые от земель княжества, не могут быть достаточными для поддержания их и управления ими, а также для ведения войн против врагов из Франции, и покрытия прочих необходимых затрат, без большой помощи со стороны короля, его отца. И всё вышеуказанные причины, как и прочие, были представлены королю и его совету. Затем упомянутый принц сам приехал в Англию и объяснил и представил королю и его совету вышеуказанные причины, как и другие, возникшие недавно. И ныне по указанным причинам, равно как и другим веским резонам, упомянутый принц передаёт княжество в руки короля... И упомянутый сэр Гай спросил принца, было ли таковым его желание, и тот ответствовал утвердительно...»⁵⁸

*

Вскоре после закрытия Парламента краткий период ремиссии закончился, и Эдуард Вудстокский вернулся к прежнему малоподвижному образу жизни. Большую часть времени он болел и практически не путешествовал. С королём, королевским советом и главными должностными лицами страны принц поддерживал связь при помощи гонцов, которые непрерывно сновали туда-сюда по всей Англии. Впрочем, иногда он находил в себе силы нарушить своё вынужденное затворничество. По крайней мере принц старался не пропускать ежегодного праздника ордена Подвязки, весьма им почитаемого.

В течение 1373 года Эдуард не принимал участия ни в одной из военных кампаний — ни на море, ни в Бретани. Это, кстати, не лучшим образом сказалось на положении Англии. После того, как принц устранился от командования армиями, дела на континенте шли всё хуже и хуже. Очередной поход его брата Джона Гонтского также закончился неудачей. Денег на войну с Францией не хватало, а тут ещё папа Григорий XI попытался ввести церковный налог для организации крестового похода в Палестину. Подобная инициатива не могла найти и не нашла понимания у могущественной партии сторонников продолжения войны с Францией, которую негласно возглавлял принц Эдуард. Новый сбор основательно

подорвал бы возможности английского духовенства по предоставлению займов на королевские нужды.

Сразу после Пятидесятницы в Вестминстере собрался совет под председательством Эдуарда Вудстокского. В заседании участвовали духовные и светские лорды, доктора богословия, а также юристы канонического и гражданского права — в том числе такие известные персонажи, как Уильям Уиттлси, архиепископ Кентерберийский, бенедиктинский монах и писатель Утред из Болдона, францисканский монах Джон Мардисли и августинец Томас Эшборн. Папские требования вызвали жаркие споры, причём велись они по обычаю того времени в крайне запутанной казуистической форме:

«Он [архиепископ Кентерберийский] заявил: “Он [папа] наш господин, никто не может этого отрицать”. И с этим заявлением согласились все прелаты... Монах из Дарема ответил иносказательно: “Здесь два меча”^[98], намекая на то, что наместник святого Петра обладает как светской, так и духовной властью. Мардисли возразил на это незамедлительно: “Вложи свой меч в ножны”^[99], тем самым показывая, что мечи не обладают подобной силой: и сам Иисус не имел светской власти, и апостолов тому не учил... Августинец поддержал его, заявив, что Пётр узнается по ключам, а Павел — по мечу, и папа несёт ключи Петра перед своей паствой: “Вы, господин принц, должны быть Павлом, несущим меч. Однако так как вы оставили меч Господень, Пётр не узнает Павла. Поднимите меч, и Пётр снова узнает Павла”. И весь день продолжались искусные дискуссии. Архиепископ провозгласил: “Хорошо проходили советы в Англии без монахов”. Принц ответил ему: “Мы призываем их из-за вашей глупости. Ваши советы погубили бы королевство”. На следующий день архиепископ признал, что ему нечего ответить. На это принц заметил: “Отвечай, осёл. Ибо это твоя обязанность наставлять всех нас”. В конце концов, архиепископ заявил: “Мнение большинства состоит в том, что он [папа] не должен быть здесь господином”. И то же подтвердили все прелаты. Монах верно сказал, что он не господин тут»⁵⁹.

Таким образом, с подачи Эдуарда Вудстокского при одобрении богословов право папы на светскую власть в пределах Англии было, наверное, впервые в истории подвергнуто сомнению. По настоянию принца в курию был отослан ответ, гласивший, что требования о сборе налога решено не удовлетворять. Естественно, эту дискуссию хронист выдумал если не всю целиком и полностью, то уж большую её часть точно. Однако гут важны вовсе не конкретные слова или аргументы. Интерес вызывает то,

каким предстал перед нами принц. Он изображён человеком, ставящим интересы и благо королевства превыше всего. К тем, кто не понимал, в чём состоят эти интересы, он был нетерпим до резкости, несмотря на свою общеизвестную набожность. Его уважали и прелаты, и теологи. Даже сам примас всей Англии покорно проглотил оскорбление — настолько непререкаем был авторитет Эдуарда Вудстокского. И самое главное — из слов, вложенных в уста августинского монаха Томаса Эшборна, становится понятно, что принца всерьёз рассматривали как реального лидера, способного разрешить внутренние проблемы Англии, несмотря на его плохое физическое состояние.

*

Но надеждам англичан на то, что Эдуард Вудстокский примет бразды правления королевством, выпавшие из рук его отца, не суждено было сбыться. Принц чувствовал себя всё хуже и хуже. Анонимный летописец аббатства Святой Марии в Йорке писал, что в этот период своей жизни принц участвовал в управлении страной главным образом советом и наказом: «Он всегда поддерживал добрых и верных людей королевства, умоляя их быть послушными его отцу и управлять лояльно, поддерживать, насколько возможно, добрые законы и обычаи во благо королевства и не давать никакой веры негодьям и нарушителям закона»⁶⁰.

Активно заниматься государственными делами по состоянию здоровья принц не мог, управлять своими обширными владениями — тоже. В начале 1374 года он вызвал в Беркемстед приближённых и объявил им о новом составе совета. Во главе его по-прежнему оставался Джон Херуэлл, бывший канцлер Гаскони. Сохранили свои позиции сэр Нил Лоринг и Уильям Спридлингтон. В число советников вошли Обри де Вер, Хью Сёгрейв, Арнолд Сэвидж и Джон Мейнард. На них было возложено решение всех текущих вопросов. Совет получал огромное количество петиций от вассалов Эдуарда Вудстокского, но самые важные из них обязательно обсуждались с принцем, о чём свидетельствуют сохранившиеся многочисленные пометки на документах: «Переговорить об этом с милордом».

С июня 1375 года Эдуард обосновался в Кеннингтоне. На сессию Парламента, собравшегося в апреле 1376 года и получившего название «Доброго», он не поехал. Тем не менее, вера в его могущество была по-прежнему сильна. Например, известный лондонский купец Ричард Лайонс,

один из королевских финансистов, был обвинён Парламентом в халатности, которая привела к оскудению казны. Желая обеспечить себе заступничество принца, он отправил в Кеннингтон бочонок золота. Однако Эдуард отослал деньги назад, присовокупив к этому краткую отповедь, что содержимое бочонка приобретено по его разумению нечестным путём, и по этой причине дар им отвергается: «Никогда же до такой степени не покинет меня благоразумие, если, конечно, не отправить этот дар рыцарям, которые трудились для королевства, что было бы добрым делом»⁶¹.

К началу июня стало очевидно, что дни Эдуарда Вудстокского сочтены. Его перевезли из Кеннингтона в Вестминстер, где большую часть времени он проводил в молитве. Приближалась Троица — праздник, который всегда отмечался принцем с особым благоговением. Эдуард молился, чтобы Господь призвал его к себе именно в этот день. 7 июня в своих апартаментах в Вестминстерском дворце он составил завещание и подтвердил все пожалования и аннуитеты, данные им своим рыцарям, оруженосцам и слугам.

Рассказывая о последних днях жизни Эдуарда Вудстокского, Томас Уолсингем подробнейшим образом описал весьма странный эпизод. Хронист утверждал, что к лежавшему на смертном одре принцу явился с покаянием некий сэр Ричард Стари. В своё время он занимал почётную должность рыцаря охраны короля, но якобы лишился её и был удалён от двора. Причиной опалы стало обвинение в том, что Стари был подкуплен и принёс Эдуарду III ложное известие о том, что общины собираются свергнуть своего монарха, как в своё время свергли его отца. И вот он явился к принцу, чтобы получить его прощение. Однако Эдуард Вудстокский не захотел помиловать предателя даже на пороге смерти. «Господь справедлив, — сказал он, — и воздаст вам по заслугам. Я не желаю, чтобы вы беспокоили меня. Избавьте меня от своего присутствия, чтобы я вас больше не видел»⁶².

Далее Уолсингем рассказал, что только епископу Бангорскому удалось смирить неукротимого Эдуарда, и тот покаялся в своих грехах: «Неожиданно принц воздел руки и возвёл очи горе: «Господи, благодарю тебя! Ты раздаёшь все милости Твои! Тебе возношу молитвы, чтобы Ты простил мне мои грехи, которые я легкомысленно совершил против Твоей воли. А также за все людские страдания, которые я причинил, вольно или невольно, прошу о милости прощения от всего своего сердца»⁶³.

Почему хронист решил представить принца в качестве упрямого мизантропа, обременённого множеством грехов, понять можно. Уолсингем

не испытывал любви к королевской семье. Он был яростным ненавистником лоллардов^[100], к которым благоволил Джон Гонтский, и некоторые идеи которых — например, отрицание светской власти папы — поддерживал Эдуард Вудстокский. Поэтому Уолсингем был одним из немногих английских хронистов, обвинявших принца Уэльского в крайней жестокости при осаде Лиможа. Естественно, он не мог упустить такого удобного случая опорочить его, дискредитируя заодно Ричарда Стари, одного из лидеров лоллардов.

Вся история выглядит весьма сомнительной. Непонятно, почему Стари отправился просить прощение у умирающего Эдуарда Вудстокского, а не у короля, которому он, собственно, изменил. Не добавляет достоверности рассказу Уолсингема и тот факт, что Стари находился в большой милости у вдовы принца Джоанны Кентской и, как ни в чём ни бывало, продолжал нести службу рыцарем охраны у его сына Ричарда II.

*

Эдуард Вудстокский, принц Уэльский, скончался в Вестминстере в три часа пополудни 8 июня — на праздник Троицы, как он сам того хотел. Вест о его смерти вызвала глубокую и, вне всякого сомнения, искреннюю скорбь не только в Англии, но и на всех английских территориях по ту сторону Ла-Манша. В этот день страна не просто потеряла одного из своих величайших полководцев и воинов, но омрачились её надежды на лучшее будущее, которого многие не мыслили без Эдуарда Вудстокского у трона, а затем и на троне.

Хронисты, демонстрируя завидную солидарность, отдавали должное талантам принца. Каноник августинского Лестере кого аббатства Генри Найтон вставил в свою хронику настоящий панегирик принцу-воину: «Эдуард, принц Уэльский, перворождённый сын, удачливый в бою, храбрый среди самых сильных воинов, доблестно сражавшийся во Франции при Креси в войне против Филиппа короля Франции... Он умер прежде своего отца и был похоронен в Кентербери, в Христовой церкви»⁶⁴.

Другой английский хронист, продолжатель популярнейшей исторической работы «Полихроникон», сосредоточил своё внимание на всемирной славе, которую стяжал, по его мнению, принц: «На протяжении его жизни как христианские народы, так и язычники больше всего боялись его военной фортуны, как если бы он был ещё одним Гектором»⁶⁵.

Однако по сути оба они лишь вторили наиболее близким им тезисам из блестящей проповеди Томаса Бринтона, епископа Рочестерского, в которой жизнь и деятельность Эдуарда Вудстокского рассматривалась подробно, со всех сторон. Эту проповедь, явившуюся одним из самых замечательных примеров красноречия того времени, прелат произнёс вскоре после смерти принца Уэльского, отметив прежде всего доблесть Эдуарда, его набожность и щедрость к друзьям и слугам: «Каждый принц должен выделяться среди своих подданных могуществом, мудростью и благостью, подобно тому, как это воплощено в образе Святой Троицы: Бог-Отец являет собой могущество, Бог-Сын — мудрость, и Святой Дух — благость. Но сей лорд принц обладал всеми тремя качествами в превосходной степени.

Его могущество проявлялось в славных победах, за которые он заслужил великую похвалу, ибо в Писании говорится: “Восхвалим могущественных и славных мужей”^[101]. Прежде всего, [славна] его победа при Пуатье, куда французский король воистину привёл такую военную силу, что на десять рыцарей в броне, сражавшихся на своей собственной земле, приходился всего один англичанин. Но Господь поддержал справедливое дело, и французская армия была чудесным образом разбита английской армией, а король взят в плен. И за это деяние принц мог бы также сказать о себе: “Велико имя моё между народами”^[102]. Опять же, своими трудами в Испании он восстановил истинного короля на его престоле после его поражения, свергнув тирана, а также превратил королей Наварры и Майорки без малого в своих подданных, его великая сила и слава были таковы, что Господь мог бы сказать ему, как Давиду: “Я сделал имя твоё как имя великих на земле”^[103].

Его мудрость проявлялась как в образе действий, так и в привычке говорить разумно, поскольку он не просто вещал, подобно нынешним лордам, но был вершителем дел. И он никогда не начинал великой работы, не предполагая довести её до похвальной цели. И снова могу сказать о нём: «Принц должен быть восхваляем народом за свою мудрость».

Его благость проявлялась главным образом в трёх случаях. Там, где владыки этого мира привыкли угнетать и карать своих арендаторов и землевладельцев, этот лорд всегда заботился о своих арендаторах, поддерживая их во многих отношениях. Там, где другие лорды, как правило, выказывали неблагодарность к тем, кто служил им и делил с ними военные труды, этот лорд был щедр к своим слугам, Он сделал их богатыми, а сам обеднел. Там, где земные лорды, не преданные Господу, не проявляли к Нему внимания, разве что напоказ, во время мессы или

службы, этот лорд был столь ревностен в служении Господу, что не позволял своим земным склонностям брать верх.

И поскольку могущество без мудрости подобно мечу в руках безумца, а мудрость без благости зовётся расчётом, то этот лорд заслуживает наивысших похвал, потому что он преуспел и в могуществе, и в мудрости, и в благости, которые воплощены в образе Троицы. И Троицу он почитал превыше всего. Говорят, что он родился на Троицу; и в тот же день он окончил земное существование; и погребённым он предпочёл быть в церкви Святой Троицы. Хвала же ему, память о нём будут жить вечно. «Буду посреди собрания восхвалять Тебя»^[104] — повторяют люди вслед за псалмопевцем»⁶⁶.

А мы согласимся с его преосвященством Томасом Бринтоном, который с поразительной полнотой перечислил все главные достоинства Эдуарда Вудстокского, благодаря которым он на многие годы стал объектом почитания и поклонения целой нации.

*

Немудрено, что по безвременной кончине Эдуарда Вудстокского скорбели его друзья и доверенные слуги — как, скажем, врач принца Джон Ардерн, чувства которого были столь сильны, что он не удержался и поместил небольшой некролог даже в таком, казалось бы, неподходящем для этого месте, как медицинский трактат: «И в тот год, когда наш лорд, сильный и воинственный принц отошёл к Господу, я написал эту небольшую книгу собственноручно, а именно было это в год одна тысяча триста семьдесят шестой. И наш лорд Эдуард принц умер шестого июня^[105] на Троицын день в Вестминстере во время великого Парламента, и да простит ему господь прегрешения, ибо он был истинным цветом рыцарства, и не было ему равных на свете»⁶⁷.

Однако гораздо показательнее, что об этом трагическом событии с печалью отзывались те, кто не имел абсолютно никаких причин благожелательно относиться к Эдуарду Вудстокскому. Так, хронист Уолсингем, несмотря на свою глубокую к нему неприязнь, нашёл в себе мужество признать несомненное величие принца: «Когда он умер, умерла надежда англичан: ибо пока он был жив, они не боялись ни вражеских вторжений, ни яростных битв. Никогда в его присутствии они не сражались плохо, не дезертировали с поля боя. О нём говорили, как и об Александре

Великом: он никогда не атаковал тех, кого не мог победить, никогда не осаждал город, который не мог взять. Свидетельством тому служат битва при Креси, осада Кале, битва при Пуатье, где был взят в плен король Франции, война в Испании, где был обращён в бегство узурпатор Энрике Бастард, а законный король дон Педро восстановлен на троне, и, наконец, осада большого города Лимож и разрушение этого города»⁶⁸.

Даже самые ярые враги сочли своим долгом почтить память героя, отошедшего в мир иной. Французы, которым он нанёс несколько страшных поражений и земли которых он безжалостно разорял, отслужили великолепную заупокойную мессу в Париже. Служба состоялась в часовне Сен-Шапель — отнюдь не заурядной капелле, а вместилище самых почитаемых реликвий. Здесь хранились священные вещи, имеющие прямое отношение к Страстям Христовым, в том числе Терновый венец, обagrённый кровью Спасителя. Церемония проходила в присутствии самого Шарля V Мудрого короля Франции и его приближённых: «В году тысяча триста семьдесят шестом скончался принц Уэльский, старший сын Эдуарда короля Англии. Этот принц был одним из лучших рыцарей в мире... Смерть этого принца вызвала великое горе и печаль у англичан. Король Франции, несмотря на то, что упомянутый принц был его врагом, из-за родственной крови приказал совершить весьма торжественную заупокойную службу»⁶⁹.

В самом начале октября тело Эдуарда Вудстокского доставили из Лондона в Кентербери. Похороны состоялись 5 октября 1376 года в строгом соответствии с порядком, разработанным самим принцем ещё при жизни: «Когда наше тело будут везти через город Кентербери в приорство, два дестриэ, украшенных нашими гербами, и двое воинов, одетых в наши доспехи и в наши шлемы, должны идти перед нашим телом — а именно: один с нашим полным четверочастным военным гербом, а другой с нашим гербом мира с эмблемами в виде страусовых перьев. Также пусть несут четыре баннера тех же цветов. Каждый из несущих указанные баннеры должен иметь на голове шляпу с нашим гербом. Того, кто несёт военный герб, должен сопровождать вооружённый воин с чёрным пенноном со страусовыми перьями»⁷⁰.

Принц упокоился в Кентерберийском соборе, в часовне Троицы недалеко от раки святого Томаса Бекета. Великолепное надгробие было воздвигнуто в середине 1380-х годов заботами короля Ричарда II, сына Эдуарда Вудстокского. Оно прекрасно сохранилось до наших дней, включая скульптурное изображение принца и эпитафию, которая гласит:

И вот, несчастный, я в кромешной мгле
Покоюсь глубоко в сырой земле.
К чему грустить о прежней красоте,
Ведь плоть моя истлела до костей⁷¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

ПРИНЦ, КОТОРОГО НИКОГДА НЕ НАЗЫВАЛ И ЧЁРНЫМ

¹ Le Prince Noir. Poete du Heraut d'Armes Chandos. / fid. par Francisque-Michel. London&Paris, 1883. P. 5.

² History Memorials of Canterbury by Arthur Penrhyn Stanley. L., 1911. P. 154.

³Creighton L. Life of Edward the Black Prince. L., 1877. P. 185.

⁴ Joannis Lelandi antiquarii de rebus Britannicis collectanea / Ed. T. Hearni. Vol. I. Part II. L., 1770. P. 479.

⁵ Ibid. P. 307.

⁶Holinshed R. Holinshed's Chronicles of England, Scotland and Ireland. Vol. II. L., 1907. P. 598.

⁷Шекспир У. Генри V / Пер. Е. Бируковой.

⁸ Eulogium (Historiarum sive Temporis): Chronicon Ab Orbe Condito Usque Ad Annum Domini 1366 / Ed. F.S. Haydon / Vol III. L., 1863. P.215.

⁹ Cronicadi Giovanni Villani. Tото IV. Firenze. 1845. P. 111.

¹⁰Barber R. Edward Prince of Wales and Aquitaine. Woodbridge, 1996. P. 242.

Часть первая

ЧЕСТНАЯ ЮНОСТЬ ВОИНА

¹ The Brut or Chronicles of England / Ed. by F.W.D. Brie / Vol. I. L., 1906. P. 254–55.

² Calendar of the Patent Rolls, 1330—34. L., 1893. P. 74.

³ Register of Edward the Black Prince, Part IV. L., 1933. P. 206.

⁴ Calendar of the Patent Rolls, 1330—34. L., 1893. P. 2.

⁵ Foedera, Conventiones, Literae, et Cujuscunq̄ue Generis Acta Publica (etc). *Comp. T. Rymer* Vol II, Pars II. L., 1821. P. 822.

⁶ Calendar of the Patent Rolls, 1334—38. L., 1895. P. 128.

⁷ Calendar of the Close Rolls, 1333—37. L., 1898. P. 523.

⁸ Calendar of the Patent Rolls, 1334—38. L., 1895. P. 247.

⁹ Calendar of the Close Rolls, 1337—39. L., 1900. P. 67.

¹⁰ Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / Пер. с англ. И. Кашкина и О. Румера. М., 1988.

¹¹ Calendar of the Close Rolls, 1333—37. L., 1898. P. 599.

¹² Foedera, Conventiones, Literae, et Cujuscunq̄ue Generis Acta Publica (etc). *Comp. T. Rymer* Vol II, Pars II. L., 1821. P. 813.

¹³ *Ibid.* P. 1049.

¹⁴ *Ibid.* P. 1051.

¹⁵ Public Record Office SC 1/54/29; *Barber R.* Edward Prince of Wales and Aquitaine. Woodbridge, 1996. PP. 29–30.

¹⁶ *Murimuth A.* Continuatio Chronicarum; *Avesbury R.* De Gestis Mirabilibus Regis Edward i Tertii. L., 1889. P. 304–307.

¹⁷ The Brut or Chronicles of England / Ed. F.W.D. Brie. Vol. Г. L., 1906. P. 293–94.

¹⁸ Calendar of the Patent Rolls, 1338—40. L., 1898. P. 510.

¹⁹ Foedera, Conventiones, Literae, et Cujuscunq̄ue Generis Acta Publica (etc). *Comp. T. Rymer* Vol II, Pars II. L., 1821. P. 1125.

²⁰ *Nicolas N. H.* Royal Navy, from the Earliest Times to the Wars of the French Revolution. Vol. II. L., 1847. P. 61–62, 501–502.

²¹ Calendar of the Patent Rolls, 1340—43. L., 1900. P. 174.

²² *Ibid.* P. 459.

²³ *Murimuth A.* Continuatio Chronicarum; *Avesbury R.* De Gestis Mirabilibus Regis Edwardi Tertii. L., 1889. P. 340–344.

²⁴ Foedera, Conventiones, Literae, et Cujuscunq̄ue Generis Acta Publica (etc). *Comp. T. Rymer* Vol III, Pars 1. L., 1825. P. 32.

²⁵ *Ibid.* P. 35.

²⁶ Calendar of the Patent Rolls, 1345—48. L., 1903. P. 357.

²⁷ Register of Edward the Black Prince, Part IV. L., 1933. P. 69–70.

²⁸ Calendar of the Patent Rolls, 1345–48. L., 1903. P. 131.

²⁹ Green D. The Household and Military Retinue of Edward the Black

Prince. Nottingham, 1998. P. 70.

³⁰ Foedera, Conventiones, Literae, et Cujuscunque Generis Acta Publica (etc). *Comp. T. Rymer* Vol III, Pars I. L., 1825. P. 90.

³¹ *Murimuth A. Continuatio Chronicarum; Avesbury R. De Gestis Mirabilibus Regis Edwardi Tertii.* L., 1889. P. 200–201.

³² *Ibid.* P. 203–204.

³³ *Ibid.* P. 215.

³⁴ *Calendar of the Patent Rolls, 1345—48.* L., 1903. P. 308–309.

³⁵ *Register of Edward the Black Prince, Part I.* L., 1930. P. 13–14.

³⁶ *Eulogium (Historiarum sive Temporis): Chronicon Ab Orbe Condito Usque Ad Annum Domini 1366 / Ed. F.S. Haydon.* Vol III. L., 1863. P. 208–209.

³⁷ *Chronica Monasterii De Melsa / Ed. by E.A. Bond.* Vol. III. L. 1868. P. 57.

³⁸ *Chronique de Jean Le Bel.* Vol. II. Paris, 1905. P. 97.

³⁹ *Cronicadi Giovanni Villani.* Tomo IV. Firenze, 1845. P. 109.

⁴⁰ *Chronique de Jean Le Bel.* Vol. II. Paris, 1905. P. 106.

⁴¹ *Cronica di Giovanni Villani.* Tomo IV. Firenze. 1845. P. 110.

⁴² *Froissart J. Chroniques de J. Froissart / Par S. Luce.* Tome III. Paris, 1872. P. 183.

⁴³ *Arderne J. Treatises of Fistula in Ano, Haemorrhoids and Clysters.* / Ed. by D'Arcy Power. L., 1910. P. XXVII.

⁴⁴ *Wynnere and Wastoure and The Parlement of The Thre Ages / Ed. by W. Ginsberg.* Kalamazoo, Michigan, 1992. 101–120.

⁴⁵ *Eulogium (Historiarum sive Temporis): Chronicon Ab Orbe Condito Usque Ad Annum Domini 1366 / Ed. F.S. Haydon.* Vol III. L., 1863. P. 211.

⁴⁶ *Wrottesley G. Crecy and Calais.* From the Public Records. L., 1898. P. 184–185.

⁴⁷ *Register of Edward the Black Prince, Part I.* L., 1930. P. 14.

⁴⁸ *Register of Edward the Black Prince, Part I.* L., 1930. P. 40.

⁴⁹ *Accounts of the Chamberlains and Other Officers of the County of Checter. 1301–1360/ Ed. by R. Stewart-Brown // The Record Society for the Publication of Original Documents Relating to Lancashire and Cheshire.* Vol. 59. Manchester, 1910. P. 126.

⁵⁰ *Register of Edward the Black Prince. Part E* L., 1930. P. 45.

⁵¹ *Murimuth A. Continuatio Chronicarum; Avesbury R. De Gestis Mirabilibus Regis Edwardi Tertii.* L., 1889. P. 369, 371–372.

- ⁵² Register of Edward the Black Prince. Part I. L., 1930. P. 51.
- ⁵³ Ibid. P. 49–50.
- ⁵⁴ Ibid. P. 50.
- ⁵⁵ Ibid. P. 83.
- ⁵⁶ Ibid. P. 33.
- ⁵⁷ *Murimuth A. Continuatio Chronicarum; Avesbury R. De Gestis Mirabilibus Regis Edwardi Tertii.* L., 1889. P. 386–387.
- ⁵⁸ *Chronique de Jean Le Bel.* Vol. II. Paris, 1905. P. 113.
- ⁵⁹ *Knighton H. Chronicon Henrici Knighton, Vel Cnitthon, Monachi Leycestrensis / Ed. by J. Lumby.* Vol. II. L., 1895. P. 48.
- ⁶² *Cronicadi Giovanni Villani.* Tomo IV. Firenze, 1845. P. 145–146.
- ⁶¹ *Rectis d'un Bourgeois de Valenciennes.* Louvain, 1877. P. 260.
- ⁶² *Cronica di Giovanni Villani.* Tomo IV. Firenze, 1845. P. 146.

Часть вторая

СИЯЮЩАЯ СЛАВА ПОЛКОВОДЦА

- ¹ *Calendar of the Close Rolls, 1346—49.* L., 1905. P. 473.
- ² Ibid. P. 566.
- ³ *Register of Edward the Black Prince, Part IV.* L., 1933. P. 38.
- ⁴ Ibid. P. 76.
- ⁵ *The Agrarian History of England and Wales / Ed. by E. Miller.* Vol. III, 1348–1500. Cambridge, 1991. P. 526.
- ⁶ *Chronica Johannisde Reading et Anonymi Cantuariensis 1346–1367 / Ed. by J. Tait.* Manchester, 1914. P. 88–89.
- ⁷ *Chronica Monasterii De Melsa / Ed. by E.A. Bond.* Vol. III. L., 1868. P. 69.
- ⁸ *Knighton H. Chronicon Henrici Knighton, Vel Cnitthon, Monachi Leycestrensis / Ed. by J. Lumby.* Vol. II. L., 1895. P. 57–58.
- ⁹ *Ashmole E. The Institution, Laws & Ceremonies of the Most Noble Order of the Garter.* L., 1672. Appendix I.
- ¹⁰ Ibidem.
- ¹¹ *Baker G. Chronicon Galfridi Le Baker de Swynebroke.* Oxford, 1889. P.

108–109.

¹² Register of Edward the Black Prince. Part IV. L., 1933. P. 72.

¹³*Belvaleti M.* Tractatus ordinis serenissimi domini regis Anglie vulgariter dicti la Gerretiere. Cologne, 1631. P. 7.

¹⁴*Vergil Polidore.* Polydori Vergilii Vrbinatis Anglicaе Historiae Libri Vigintiseptem. Basel, 1570. P. 378.

¹⁵ Chronique de Jean Le Bel. Vol. II. Paris, 1905. P. 293–94.

¹⁶*Froissart J.* Chroniques de J. Froissart / Par S. Luce. Tome II. Paris, 1870. P. 135.

¹⁷*Owen A.* Le Traité de Walter de Bibbesworth sur la Langue FranQaise. Genève, 1977. P. 58.

¹⁸ Register of Edward the Black Prince. Part II. L., 1931. P. 8.

¹⁹ Ibid. P. 18.

²⁰*Baker G.* Chronicon Galfridi Le Baker de Swynebroke. Oxford, 1889. P. 107.

²¹*Minot L.* The Poems / Ed. by J. Hall. Oxford, 1914. P. 33.

²² Calendar of the Patent Rolls, 1350—54. L., 1907. P. 51.

²³ Ibid. P. 235.

²⁴ Register of Edward the Black Prince, Part IV. L., 1933. P. 146.

²⁵ Ibid. Part II. L., 1931. P. 9–10.

²⁶ Calendar of the Patent Rolls, 1350—54. L., 1907. P. 81.

²⁷ Register of Edward the Black Prince. Part IV. L., 1933. P. 10.

²⁸ Ibid. P. 164.

²⁹ Ibid. P. 124.

³⁰ Ibidem.

³¹ Political Poems and Songs Relating to English History / Ed. by T. Wright. Vol. 1. L., 1859. P. 57.

³² Register of Edward the Black Prince. Part IV. L., 1933. P. 113.

³³ Ibid. Part II. L., 1931. P. 77.

³⁴ Ibid. Part IV. L., 1933. P. 143–145.

³⁵*Fowler K.* Henry of Grosmont, First Duke of Lancaster, 1310–1361/ Thesis for the degree of Ph. D. Leeds, 1961. Appendix A № 1.

³⁶ Calendar of the Patent Rolls, 1354—58. L., 1909. P. 264.

³⁷ Archives Municipales de Bordeaux. Vol V / Public avec H. Barckhausen. Bordeaux, 1890. P. 439.

³⁸*Murimuth A. Continuatio Chronicarum; Avesbury R. De Gestis Mirabilibus Regis Edwardi Tertii. L., 1889. P. 334–437.*

³⁹*Baker G. Chronicon Galfridi Le Baker de Swynebroke. Oxford, 1889. P. 131.*

⁴⁰*Murimuth A. Continuatio Chronicarum; Avesbury R. De Gestis Mirabilibus Regis Edwardi Tertii. L., 1889. P. 440.*

⁴¹*Baker G. Chronicon Galfridi Le Baker de Swynebroke. Oxford, 1889. P. 132.*

⁴²*Murimuth A. Continuatio Chronicarum; Avesbury R. De Gestis Mirabilibus Regis Edwardi Tertii. L., 1889. P. 441–442, 444.*

⁴³*Hewitt H.J. The Black Prince's Expedition of 1355—57. Manchester, 1958. P. 69, 76.*

⁴⁴*Murimuth A. Continuatio Chronicarum; Avesbury R. De Gestis Mirabilibus Regis Edwardi Tertii. L., 1889. P. 442, 445.*

⁴⁵*Lehoux F. Jean de France, due de Berri. Sa vie. Son action politique (1340–1416). Paris, 1966. Tome 1. P. 47.*

⁴⁶*Murimuth A. Continuatio Chronicarum; Avesbury R. De Gestis Mirabilibus Regis Edwardi Tertii. L., 1889. P. 457.*

⁴⁷ *Ibid.* P. 446–448.

⁴⁸ Register of Edward the Black Prince. Part III. L., 1932. P. 223–224.

⁴⁹ *Ibid.* P. 224.

⁵⁰ *Ibidem.*

⁵¹ Memorials of London and London Life / Ed. by H. T. Riley. L., 1868. P. 285–286.

⁵² *Ibid.* P. 286–287.

⁵³ *Ibid.* P. 287.

⁵⁴ *Ibidem.*

⁵⁵*Froissart J. Chroniques de J. Froissart / Par S. Luce. Tome V. Paris, 1874. P. 26.*

⁵⁶ Cronica di Matteo Villani. Tomo II. Firenze, 1846. P. 14.

⁵⁷*Hewitt H.J. The Black Prince Expedition of 1355–1357. Manchester, 1958. P. 114.*

⁵⁸*Sumption J. The Hundred Years War. Vol. II. University of Pennsylvania Press, 2001. P. 235.*

⁵⁹ Memorials of London and London Life / Ed. by H. T. Riley. L., 1868. P. 288.

- ⁶⁰ Chronique des quatre premiers Valois (1327–1393). Paris, 1862. P.51.
- ⁶¹ *Secousse D. -F* Recueil de pieces servant de preuves aux Memoires sur les troubles excites en France par Charles II, dit le Mauvais. Paris, 1755. P. 661.
- ⁶² Cronica di Giovanni Villani. Tomo II. Firenze, 1846. P. 20–21.
- ⁶² Rectisd'un Bourgeois de Valenciennes. Louvain, 1877. P. 260.
- ⁶³ *Froissart J.* Chroniques de J. Froissart / Par S. Luce. Tome V. Paris, 1874. P. 63.
- ⁶⁴ Bibliothefque de l'Ecole des Chartes. Tome 12. 1851. P. 263.
- ⁶⁵ *Barber R.* Edward Prince of Wales and Aquitaine. Woodbridge, 1996. P. 147.
- ⁶⁶ Chronicle of London, from 1089 to 1483. L, 1827. P. 205–06.
- ⁶⁷ Ibidem.
- ⁶⁸ Foedera, Conventiones, Literae, et Cujuscunqne Generis Acta Publica (etc). / Comp. T. Rymer. Vol III, Pars I. L., 1825. P. 341.
- ⁶⁹ Ibid. P. 333.
- ⁷⁰ Register of Edward the Black Prince. Part IV. L., 1933. P. 204–205.
- ⁷¹ Le Prince Noir. Poème du Heraut d'Armes Chandos. / Ed. par Francisque-Michel. London&Paris, 1883. P. 100.
- ⁷² Register of Edward the Black Prince. Part IV. L., 1933. P. 323–324.
- ⁷³ Ibidem.
- ⁷⁴ Ibid. P. 350.
- ⁷⁵ Ibid. P. 357.
- ⁷⁶ Ibid. P. 73.
- ⁷⁷ *Barber R.* Edward Prince of Wales and Aquitaine. Woodbridge, 1996. P. 159.
- ⁷⁸ Chronique des quatre premiers Valois (1327–1393). Paris, 1862. P. 105–06.
- ⁷⁹ Register of Edward the Black Prince. Part IV. L., 1933. P. 377.
- ⁸⁰ *Gray T.* Scalacronica of Sir Thomas Gray. Glasgow, 1907. P. 150.
- ⁸¹ Register of Edward the Black Prince. Part IV. L., 1933. P. 346.
- ⁸² *Lescot R.* Chronique de Richard Lescot, religieux de Saint-Denis (1328–1344). Paris, 1896. P. 144.
- ⁸³ *Gray T.* Scalacronica of Sir Thomas Gray. Glasgow, 1907. P. 157.
- ⁸⁴ Le Prince Noir. Poème du Heraut d'Armes Chandos. / Ed. par Francisque-Michel. London&Paris, 1883. P. 102.

⁸⁵ Register of Edward the Black Prince. Part IV. L., 1933. P. 364.

Часть третья

ТЯЖКОЕ БРЕМЯ ВЛАСТИ

¹ Register of Edward the Black Prince. Part IV. L., 1933. P. 427.

² *Chronica Johannisde Reading et Anonymi Cantuariensis 1346–1367* / Ed. by J. Tait. Manchester, 1914. P. 151.

³ *Foedera, Conventiones, Literae, et Cujuscunque Generis Acta Publica (etc.)*. / Comp. T. Rymer. Vol III, Pars II. L., 1830. P. 668.

⁴ Register of Edward the Black Prince. Part IV. L., 1933. P. 467.

⁵ *Ibid.* Part III. L., 1932. P. 454.

⁶ *The Book of the knight of La Tour-Landry* / Ed. by T. Wright. L., 1868. P. 30, 209.

⁷ *Calendar of the Patent Rolls, 1364—67*. L., 1912. P. 180.

⁸ *The Anonimale Chronicle 1333 to 1381* / Ed. by V.H. Galbraith. Manchester, 1970. P. 56.

⁹ *Archives Historiques de Departement de la Gironde. Tome 6*. Paris& Bordeaux, 1864. P. 370.

¹⁰ *Ibid.* Tome 4, Paris&Bordeaux, 1863. P. 111–112.

¹¹ *Ibid.* Tome 6, Paris&Bordeaux, 1864. P. 370–371.

¹² Register of Edward the Black Prince. Part II. L., 1931. P. 211.

¹³ *Froissart J. Chroniques de J. Froissart. Tome VI*. Paris, 1876. P. 202.

¹⁴ *Le Prince Noir. Poème du Heraut d'Armes Chandos*. / fid. par Francisque-Michel. London&Paris, 1883. P. 128–129.

¹⁵ *Ibid.* P. 155–156.

¹⁶ *Political Poems and Songs Relating to English History* / Ed. by T. Wright. Vol. I. L., 1859. P. 105.

¹⁷ *Delachenal R. Historie de Charles V. Tome III*. Paris, 1916. P. 544.

¹⁸ *Political Poems and Songs Relating to English History* / Ed. by T. Wright. Vol. I. L., 1859. P. 112.

¹⁹ *Delachenal R. Historie de Charles V. Tome III*. Paris, 1916. P. 555–556; *López de Ayala P Cronicas de los Reyes de Castilla. Tomo I*. Madrid, 1875. P.

555.

²⁰ Ibid. P. 556.

²¹ *Prince A. E.* A Letter of Edward the Black Prince Describing the Battle of Ndjera in 1367 // *English Historical Review*. Vol. 41 (1926). P. 415–417.

²² *Lopez de Ayala P.* *Cronicas de los Reyes de Castilla*. Tomo I. Madrid, 1875. P. 559.

²³ Ibid. P. 563.

²⁴ *Delachenal R.* *Historic de Charles V*. Tome III. Paris, 1916. P. 557–558.

²⁵ Archives Municipales de Bordeaux. Vol I / Publie avec H. Barckhausen. Bordeaux, 1867. P. 172–177.

²⁶ *Barber R.* *Edward Prince of Wales and Aquitaine*. Woodbridge, 1996. P. 211–212.

²⁷ *Political Poems and Songs Relating to English History* / Ed. by T. Wright. Vol. I. L., 1859. P. 97.

²⁸ *Baluze E.* *Vitae Paparum Avenionensium*. Tome I. Paris, 1914. P. 411.

²⁹ Ibid. P. 412.

³⁰ *Anglo-Norman Letters and Petitions From all Souls Ms. 182.* / Ed. by M.D. Legge. Oxford, 1941. P. 200.

³¹ *Perroy E.* *Edouard III et les seigneurs gascons en 1368* // *Annales du Midi*, LXI, 1948. P. 95–96.

³² *Froissart J.* *Chroniques de J. Froissart* / Par S. Luce. Tome VII. Paris, 1878. P. 96.

³³ *Le Prince Noir. Poème du Heraut d'Armes Chandos.* / Ed. par Francisque-Michel. London&Paris, 1883. P. 264–266.

³⁴ *Moisant J.* *Le Prince Noir en Aquitaine 1355–1356—1362—1370*. Paris, 1894. P. 208–210.

³⁵ *Devon F.* *Issue Roll of Thomas de Brantingham, Bishop of Exeter, Lord High Treasurer of England*. L., 1835. P. 141.

³⁶ *Barber R.* *Edward Prince of Wales and Aquitaine*. Woodbridge, 1996. P. 224.

³⁷ *Froissart J.* *Chroniques de J. Froissart*. Tome VII. Paris, 1878. P. 242.

³⁸ *Le Prince Noir. Poème du Heraut d'Armes Chandos.* Ed. par Francisque-Michel London&Paris, 1883. P. 276.

³⁹ *Haydu Chastelet P.* *Histoire de Bertrand Du Guesclin, constable de France*. Paris, 1666. P. 330–31.

⁴⁰ *Annales manuscrites de Limoges dites Manuscript de 1683* / fid. par E.

Ruben, F. Achard & P. Ducourtieux. Limoges, 1872. P. 270.

⁴¹*Froissart J. Chroniques de J. Froissart. Tome VII. Paris, 1878. P. 243, 422.*

⁴² *Annales manuscrites de Limoges dites Manuscript de 1683 / Ed. par E. Ruben, F. Achard & P. Ducourtieux. Limoges, 1872. P. 271.*

⁴³ *Chronique Normande du XIV siecle / fid. par A. et E. Moliner. Paris, 1882. P.195.*

⁴⁴*Froissart J. Chroniques de J. Froissart. Tome VII. Paris, 1878. P. 250.*

⁴⁵ *Annales manuscrites de Limoges dites Manuscript de 1683 / fid. par E. Ruben, F. Achard & P. Ducourtieux. Limoges, 1872. P. 272–73.*

⁴⁶*Walsingham T Chronicon Anglie ab anno Domini 1328 usque ad annum 1388 / Ed. E. M. Thompson. L., 1874. P. 67.*

⁴⁷ *Chronique des quatre premiers Valois (1327–1393) / Ed. par M. Simeon Luce. Paris, 1862. P. 210.*

⁴⁸ *Le Prince Noir. Poème du Heraut d'Armes Chandos. / Ed. par Francisque-Michel. London&Paris, 1883. P. 275.*

⁴⁹ *Le Petit Thalamus de Montpellier. Montpellier, 1840. P. 385.*

⁵⁰ *La suite de la chronique d'Uzerche (1320–1373) // Melanges Paul Fabre. Etides d'histoire du Moyen age. Geneve, 1972. P. 415.*

⁵¹ *Chroniques de Saint-Martial de Limoges. Paris, 1874. P. 154.*

⁵² *Vitae paparum Avenionensium / Ed. E. Baluzius. Tome I. Paris, 1914. P. 376.*

⁵³*Pepin G. Was Edward the Black Prince really a nasty piece of work? / BBC History Magazine, July 2014.*

⁵⁴ *Archives Nationales, X/2a/14, ff. 193—4.*

⁵⁵ *TNAC 61/83/72.*

⁵⁶ *Foedera, Conventiones, Literae, et Cujuscunque Generis Acta Publica (etc). / Comp. T. Rymer. Vol III, Pars II. L., 1830. P. 908.*

⁵⁷ *Calendar of the Close Rolls, 1369—74. L., 1911. P. 463.*

⁵⁸ *The Parliament Rolls of Medieval England, 1275–1504 / Ed. C. Given-Wilson etc. Digital Edition. Vol. II. P. 309–310.*

⁵⁹ *Eulogium (Historiarum sive Temporis): Chronicon Ab Orbe Condito Usque Ad Annum Domini 1366 / Ed. F.S. Haydon. Vol. III. L., 1863. P. 337–339.*

⁶⁰ *The Anonimale Chronicle 1333 to 1381 / Ed. by V.H. Galbraith. Manchester, 1970. P. 95.*

⁶¹*Walsingham T.* Chronicon Anglie ab anno Domini 1328 usque ad annum 1388 / Ed. E. M. Thompson. L., 1874. P. 79–80.

⁶² Ibid. P. 90.

⁶³ Ibid. P. 90–91.

⁶⁴*Knighton H.* Chronicon Henrici Knighton, Vel Cnitthon, Monachi Leycestrensis / Ed. by J. Lumby. Vol. II. L., 1895. P. 124.

⁶⁵ Polychronicon Ranulphi Higden monachi Cestrensis / Ed. by J. R. Lumby. Vol. VIII. L., 1882. P. 426–427.

⁶⁶*Brinton T.* The Sermons of Thomas Brinton, Bishop of Rochester / Ed. by M. A. Devlin Vol. II. L., 1954. P. 355–356.

⁶⁷*Arderne J.* Treatises of Fistula in Ano, Haemorrhoids and Clysters. / Ed. by D'Arcy Power. L., 1910. P. XXVII–XXVIII.

⁶⁸*Walsingham T.* Chronicon Anglie ab anno Domini 1328 usque ad annum 1388 / Ed. E. M. Thompson. L., 1874. P. 91.

⁶⁹ Chronique des quatre premiers Valois (1327–1393). Paris, 1862. P. 257.

⁷⁰*Barber R.* Edward Prince of Wales and Aquitaine. Woodbridge, 1996. P. 236–237.

⁷¹ Le Prince Noir. Poème du Heraut d'Armes Chandos. / fid. par Francisque-Michel. London&Paris, 1883. P. 291.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ЭДУАРДА ВУДСТОКСКОГО, ПРИНЦА УЭЛЬСКОГО

1330, 15 июня — рождение Эдуарда, сына короля Англии Эдуарда III и Филиппы Геннегауской в замке Вудсток, Оксфордшир. Возведение новорождённого в титул графа Честерского.

1333, 18 марта — официальная инвеститура в достоинство графа Честерского.

1335, август — переезд Эдуарда Вудстокского с гувернёрами в Ноттингемский замок.

1336, весна — переезд в Лондон, первое посещение рыцарского турнира, начало занятий с новым наставником Уолтером Бёрли.

1337, 9 февраля — возведение Эдуарда Вудстокского в титул герцога Корнуоллского.

Конец года — назначение Эдуарда главой делегации по встрече в Лондоне папских посланников.

1338, 11 июля — первое назначение хранителем Англии на время отсутствия Эдуарда III.

26 июля — председательство в Великом совете в Нортхэмптоне.

1340, 21 февраля — прекращение исполнения обязанностей хранителя Англии.

27 мая — вторичное назначение Эдуарда Вудстокского хранителем Англии.

30 ноября — прекращение исполнения обязанностей хранителя Англии.

1342, октябрь — назначение хранителем Англии в третий раз.

1343, 2 марта — прекращение исполнения обязанностей хранителя Англии.

12 мая — возведение в титул принца Уэльского.

1345, июнь — участие в неудачном походе во Фландрию.

1346, 28 июня — начало кампании Креси.

12 июля — посвящение Эдуарда Вудстокского в рыцари.

24 июля — начало осады Кана.

26 июля — взятие Кана.

26 августа — командование авангардом в битве при Креси.

4 сентября — начало осады Кале.
1347, 4 августа — взятие Кале.
14 октября — возвращение в Англию.
1348, апрель — первое участие в рыцарском турнире.
23 апреля — вступление в орден Подвязки.
Лето — начало эпидемии чумы в Англии.
1350, 1 января — подавление вместе с королём Эдуардом III заговора в Кале.
29 августа — морская битва при Уинчелси.
4 октября — судейство в судебном поединке между Джованни Висконти и Тома де ла Маршем.
1353, июнь — отъезд в инспекционную поездку в Чешир.
24 октября — возвращение в Вестминстер.
1354, июль — отправление в инспекционную поездку в Корнуолл.
Сентябрь — возвращение в Лондон.
1355, июнь — назначение Эдуарда принца Уэльского наместником Аквитании.
9 сентября — отплытие в Бордо.
5 октября — начало *шевоше* по Лангедоку.
28 ноября — окончание рейда, возвращение в Аквитанию.
1356, 4 августа — начало кампании Пуатье, принц с армией вторгается на французские территории.
19 сентября — битва при Пуатье, победа и захват в плен Жана II, короля Франции.
2 октября — возвращение в Бордо.
1357, 5 мая — возвращение в Англию, сложение полномочий наместника Аквитании.
1358, август — вторая инспекционная поездка в Чешир.
Сентябрь — возвращение в Лондон.
1359, 27 октября — начало Реймской кампании.
1360, 1 мая — начало переговоров о мире в Бретиньи.
15 мая — подписание Эдуардом Вудстокским в Лувье перемирия с дофином Шарлем.
18 мая — возвращение в Англию.
24 августа — продолжение мирных переговоров во Франции.
3 ноября — возвращение в Англию.
1361, весна — вторая волна эпидемии чумы в Англии.
10 октября — женитьба на Джоанне Прекрасной Деве Кента.
1362, 19 июля — возведение Эдуарда Вудстокского в достоинство

принца Аквитанского.

1363, 9 июня — отбытие в Аквитанию.

Август — путешествие по Аквитании для встреч с вассалами и принятия от них оммажей.

1364, февраль — возвращение в Пуатье.

1365, 27 января — рождение первенца Эдуарда Ангулемского.

1367, 6 января — рождение второго сына Ричарда Бордоского, впоследствии ставшего королём Англии под именем Ричарда II.

14 февраля — начало Кастильской экспедиции.

3 апреля — победа в битве при Нахере.

7 апреля — восстановление на кастильском троне Педро I Жестокого.

Лето — Эдуард Вудстокский заболел дизентерией в тяжёлой форме.

Сентябрь — возвращение в Бордо.

1369, 2 мая — вызов в Парижский парламент по жалобе гасконских вассалов.

1370, 7 сентября — поход на Лимож.

19 сентября — разорение Лиможа.

1371, январь — возвращение в Англию.

1372, август — участие в неудавшейся экспедиции во Францию.

Ноябрь — возврат титула принца Аквитанского короне.

1376, 8 июня — смерть Эдуарда Вудстокского.

БИБЛИОГРАФИЯ

Accounts of the Chamberlains and Other Officers of the County of Chester. 1301–1360/ Ed. by R. Stewart-Brown //The Record Society for the Publication of Original Documents Relating to Lancashire and Cheshire. Vol. 59. Manchester, 1910.

Anglo-Norman Letters and Petitions From all Souls Ms. 182. / Ed. by M.D. Legge. Oxford, 1941.

Annales manuscrites de Limoges dites Manuscript de 1683 / Ed. par E. Ruben, F. Achard & P. Ducourtieux. Limoges, 1872.

Archives Historiques de Departement de la Gironde. Tome 4. Paris&Bordeaux, 1863.

Archives Historiques de Departement de la Gironde. Tome 6. Paris&Bordeaux, 1864.

Archives Municipales de Bordeaux. Vol. I / Publie avec H. Barckhausen. Bordeaux, 1867.

Archives Municipales de Bordeaux. Vol. V/ Publie avec H. Barckhausen. Bordeaux, 1890.

Archives Nationales, X/2a/14, ff. 193—4.

Ardeme J. Treatises of Fistula in Ano, Haemorrhoids and Clysters. / Ed. by D'Arcy Power. L., 1910.

Ashmole E. The Institution, Laws & Ceremonies of the Most Noble Order of the Garter. L., 1672.

Baker G. Chronicon Galfridi Le Baker de Swynebroke. Oxford, 1889.

Baluze E. Vitae Paparum Avenionensium. Tome I. Paris, 1914.

Barber R. Edward Prince of Wales and Aquitaine. Woodbridge, 1996.

Bibliothfeque de l'École des Chartes. Tome 12. 1851.

Brinton T. The Sermons of Thomas Brinton, Bishop of Rochester/ Ed. by M.A. Devlin. Vol. II. L., 1954.

Calendar of the Close Rolls, 1333—37. L., 1898.

Calendar of the Close Rolls, 1337—39. L., 1900.

Calendar of the Close Rolls, 1346—49. L., 1905.

Calendar of the Close Rolls, 1369—74. L., 1911.

Calendar of the Patent Rolls, 1330—34. L., 1893.

Calendar of the Patent Rolls, 1334—38. L., 1895.

Calendar of the Patent Rolls, 1338—40. L., 1898.

Calendar of the Patent Rolls, 1340—43. L., 1900.

- Calendar of the Patent Rolls, 1345—48. L., 1903.
- Calendar of the Patent Rolls, 1348-50. L., 1905.
- Calendar of the Patent Rolls, 1350—54. L., 1907.
- Calendar of the Patent Rolls, 1354—58. L., 1909.
- Calendar of the Patent Rolls, 1364—67. L., 1912.
- Chronica Johannis de Reading et Anonymi Cantuariensis 1346–1367* / Ed. by J. Tait. Manchester, 1914.
- Chronica Monasterii De Melsa*/Ed. by E.A. Bond. Vol. III. L., 1868.
- Chronicle of London, from 1089 to 1483. L., 1827.
- Chronique de Jean Le Bel. Vol. II. Paris, 1905.
- Chronique des quatre premiers Valois (1327–1393). Paris, 1862.
- Chronique Normande du XIV siècle / Ed. par A. et E. Moliner. Paris, 1882.
- Chroniques de Saint-Martial de Limoges. Paris, 1874.
- Creighton L.* Life of Edward the Black Prince. L., 1877.
- Cronica di Giovanni Villani. Tomo II. Firenze, 1846.
- Cronica di Giovanni Villani. Tomo IV. Firenze, 1845.
- Cronica di Matteo Villani. Tomo II. Firenze, 1846.
- Delachenal R.* Histoire de Charles V. Tome III. Paris, 1916.
- Devon F.* Issue Roll of Thomas de Brantingham, Bishop of Exeter, Lord High Treasurer of England. L., 1835.
- Documents des archives de la chambre des comptes de Navarre (1196–1384). Paris, 1890.
- Eulogium (Historiarum sive Temporis): Chronicon Ab Orbe Condito Usque Ad Annum Domini 1366 / Ed. F.S. Haydon. Vol III. L., 1863.
- Foedera, Conventiones, Literae, et Cujuscunque Generis Acta Publica (etc). / Comp. T. Rymer. Vol II, Pars II. L., 1821.
- Foedera, Conventiones, Literae, et Cujuscunque Generis Acta Publica (etc). / Comp. T. Rymer. Vol III, Pars I–II. L., 1825—30.
- Fowler K.* Henry of Grosmont, First Duke of Lancaster, 1310–1361 / Thesis for the degree of Ph.D. Leeds, 1961.
- French Chronicle of London / Ed. by G.J. Aungier. L., 1844.
- Froissart J.* Chroniques de J. Froissart. Tome III. Paris, 1872.
- Froissart J.* Chroniques de J. Froissart. Tome V. Paris, 1874.
- Froissart J.* Chroniques de J. Froissart. Tome VII. Paris, 1878.
- Gray T.* Scalacronica of Sir Thomas Gray. Glasgow, 1907.
- Green D.* The Battle of Poitiers 1356. Stroud, 2013.
- Green D.* The Black Prince. Stroud, 2001.
- Green D.* The Household and Military Retinue of Edward the Black Prince. Nottingham, 1998.

Flay du Chastelet R. Histoire de Bertrand Du Guesclin, conndtable de France. Paris, 1666.

Hewitt H. J. The Black Prince Expedition of 1355–1357. Manchester, 1958.

Holinshed R. Holinshed’s Chronicles of England, Scotland and Ireland. Vol. II. L., 1907.

Joannis Lelandi antiquarii de rebus Britannicis collectanea / Ed. T. Hearnii. Vol I, Part II. L., 1770.

Knighton H. Chronicon Henrici Knighton, Vel Cnitthon, Monachi Leycestrensis / Ed. by J. Lumby. Vol. II. L., 1895.

La suite de la chronique d’Uzerche (1320–1373) // Melanges Paul Fabre. Etides d’histoire du Moyen age. Genfeve, 1972.

Le Petit Thalamus de Montpellier. Montpellier, 1840.

Le Prince Noir. Poème du Heraut d’Armes Chandos. / Ed. par Francisque-Michel. London&Paris, 1883.

Lehoux F. Jean de France, due de Bern. Sa vie. Son action politique (1340–1416). Tome I. Paris, 1966..

Leroux A. Le Sac de la cite de Limoges et son relevement 1370–1464 // Bulletin de la soci6t6 archeologique et historique du Limousin. Tome LVI. Limoges, 1906.

Lescot R. Chronique de Richard Lescot, religieux de Saint-Denis (1328–1344). Paris, 1896.

Lopez de Ayala R. Cronicas de los Reyes de Castilla. Tomo I. Madrid, 1875. Memorials of London and London Life / Ed. by H. T. Riley. L., 1868.

Minot L. The Poems /Ed. byJ. Hall. Oxford, 1914.

Moisant J. Le Prince Noir en Aquitaine 1355–1356—1362—1370. Paris, 1894.

Murimuth A. Continuatio Chronicarum; *Avesbury R.* De Gestis Mirabilibus Regis Edwardi Tertii. L., 1889.

Nicolas N. H. Royal Navy, from the Earliest Times to the Wars of the French Revolution. Vol. II. L., 1847.

Owen A. Le Traite de Walter de Bibbesworth sur la Langue Fran\$aise. Geneve, 1977.

Pepin G. Was Edward the Black Prince really a nasty piece of work? / BBC History Magazine, July 2014.

Perroy E. Edouard III et les seigneurs gascons en 1368 // Annales du Midi, LXI, 1948.

Political Poems and Songs Relating to English History / Ed. by T. Wright. Vol. I. L., 1859.

Polychronicon Ranulphi higden monachi Cestrensis / Ed. by J. R. Lumby. Vol. VIII. L., 1882.

Prince A. E. A Letter of Edward the Black Prince Describing the Battle of Ndjera in 1367 // English Historical Review. Vol. 41 (1926). Rectisid'un Bourgeois de Valenciennes. Louvain, 1877.

Register of Edward the Black Prince, Part I–IV. L., 1930—33.

Secousse D.-F. Recueil de pieces servant de preuves aux Memoires sur les troubles excites en France par Charles II, dit le Mauvais. Paris, 1755.

Sumption J. The Hundred Years War. Vol. I–III. L., 1999–2012. The Agrarian History of England and Wales / Ed. by E. Miller. Vol. III. 1348–1500. Cambridge, 1991.

The Anonimale Chronicle 1333 to 1381 / Ed. by V. H. Galbraith. Manchester, 1970.

The Book of the Knight of La Tour-Landry / Ed. by T. Wright. L., 1868.

The Brut or Chronicles of England / Ed. by F.W.D. Brie. Vol. I. L., 1906.

The Hundred Years War *Problems in Focus Series* Ed. by K. Fowler. L., 1971.

The Parliament Rolls of Medieval England, 1275–1504 / Ed. C. Given-Wilson *etc.* Digital Edition. Vol. II.

Vergil Polidore. Polydori Vergilii Urbinatis Anglicae Historiae Libri Vigintiseptem. Basel, 1570.

Vitae paparum Avenionensium / Ed. E. Baluzius. Tome E Paris, 1914.

Walsingham T. Chronicon Anglie ab anno Domini 1328 usque ad annum 1388 / Ed. E. M. Thompson. L., 1874.

Wrottesley G. Crecy and Calais. From the Public Records. L., 1898. Wynnere and Wastoure and The Parlement of The Thre Ages / Ed. by W. Ginsberg. Kalamazoo, Michigan, 1992.

notes

Примечания

1

Английский рыцарский роман конца XIV века, одно из самых известных произведений так называемого Артуровского цикла, посвящённого деяниям рыцарей легендарного короля Артура.

Все поэмы, хроники и документы даны в переводе автора.

Генри Йевеле (ок. 1320–1400) — известный английский архитектор, участвовал, в частности, в перестройке Кеннингтона — манора Эдуарда Чёрного Принца; Хью из Сент-Олбенса (ум. 1368) в 1350 году был назначен ответственным за роспись дворцовой часовни Святого Стефана в Виндзоре, носил прозвище Ле Пейнтор — «Художник».

Генри II (Генрих) Короткая Мантия (1133—89) — король Англии (1154—89) из Анжуйской династии. Автор является принципиальным противником устоявшейся традиции «латинизировать» имена европейских монархов — Генрих, Иоанн, Людовик и т. д. — независимо от их реального произношения.

Роджер де Мортимер (1287–1330) — 2-й лорд Мортимер Уигморский, 1-й граф Марчский (с 1328 года); могущественный магнат, чьи владения располагались на границе с Уэльсом, фактический правитель Англии во время малолетства Эдуарда III.

Вильгельм I (ок. 1286–1337) — граф Геннегауский, Авенский, Голландский и Зеландский, влиятельный европейский государь. Был женат на Жанне, сестре Филиппа VI Счастливого, короля Франции, старшую дочь выдал за Людвига IV, императора Священной Римской империи.

Генри (ок. 1281–1345) — 3-й граф Ланкастерский и Лестерский, 1-й лорд Ланкастер, лорд верховный стюард Англии, сын Эдмунда Горбатого, 1-го графа Ланкастерского и Лестерского — влиятельный государственный деятель, способствовавший победе Мортимера и Изабеллы; по некоторым данным, носил прозвище Кривая Шея.

Генри III (Генрих) Уинчестерский (1207—72) — король Англии из Анжуйской династии, прапрадед Эдуарда Вудстокского.

Эдмунд Вудстокский (1301—30) — 1-й граф Кентский, младший сын короля Эдуарда I и дядя короля Эдуарда III.

Уильям Монтекьют или *Монтегю* (1301—44) — 3-й лорд Монтекьют, 1-й граф Солсберийский (с 1337 года), английский дипломат и военачальник, соратник Эдуарда III со времён юности короля.

Рыцарь-баннерет (англ, *knight banneret*) — ранг средневекового рыцаря, позволявший водить в бой отряд под собственным баннером квадратной формы в отличие от простых рыцарей-бакалавров (англ, *knight bachelor*), занимавших более низкую ступень и имевших право лишь на пеннон с треугольными концами; посвящение в баннереты производилось королём или военачальником королевской крови на поле битвы.

Гийом Бастард (ок. 1028—87) — герцог Нормандский; в 1066 году завоевал Англию и стал её королём под именем Уильяма (Вильгельма) I Завоевателя.

Лоуленд (англ. *Lowlands*) — низинная часть Шотландии, занимающая Средне-Шотландскую низменность, восточное побережье и Южно-Шотландскую возвышенность; её население в основном говорит на шотландском языке, родственном английскому. Часто противопоставлялась Хайленду (англ. *Highlands*), занимающему горную часть страны, где говорили на гэльском (кельтском) языке.

Бенедикт XII (1285–1342) — в миру Жак Фурнье, третий по счёту авиньонский папа (с 1334).

Филипп II Огюст (Филипп Август) (1165–1223) — король Франции из династии Капетингов; *Джон (Иоанн) Безземельный* (1166–1216) — король Англии из Анжуйской династии, прапрапрадед Эдуарда Вудстокского.

Пять Портов (англ. *Cinque Ports*) — историческое название военного и торгового союза портовых городов графств Кента и Сассекса, расположенных на побережье Ла-Манша в самом удобном месте пролива для переправы на континент; в их число входили Хестингс, Нью-Ромни, Хайт, Дувр и Сандвич; союз также поддерживали два «древних города», Рай и Уинчелси.

Оммаж (фр. *l'hommage*, англ. *homage*) — церемония, во время которой вассал выражал своё уважение и покорность сеньору, приносил ему вассальную присягу, взамен получая феодальный лен во владение.

Месье (фр. *Monsieur*) — помимо прочего, официальное обращение к старшему из братьев короля Франции.

Примас (англ. *Primate*) — титул епископа, имеющего старшинство перед всеми остальными епископами в какой-либо территориальной церкви и осуществляющего надзор над прочими священниками на подведомственной ему территории; примасом всей Англии называется архиепископ Кентерберийский, примасом Англии — архиепископ Йоркский.

Мэтр арбалетчиков (фр. *Maitre des arbaletriers*) — одна из высших должностей во Франции; мэтр арбалетчиков командовал всеми стрелками (арбалетчиками и лучниками), в его подчинении находились также сапёры, прислуга осадных орудий, плотники и артиллеристы.

Вильгельм V (1299–1361) — граф Юлихский, маркграф Юлихский (с 1336 года), граф Кембриджский в Англии (с 1340 года), герцог Юлихский (с 1356 года); женат на Иоганне, младшей сестре Филиппы Геннегауской, супруги Эдуарда III.

Традиционный нормандский тип средневекового замка «мотт и бейли» представлял собой насыпной земляной холм (фр. *motte*), на вершине которого возводилась башня (англ. *keep*), окружённая частоколом. Вокруг холма шёл ров, через который был перекинут мост. К наружной стороне рва примыкал двор (англ. *bailey*), также защищённый частоколом, где размещались хозяйственные постройки.

Генри I Боклерк (1068–1135) — король Англии (1100—35) из Нормандской династии, четвёртый сын Уильяма I Завоевателя; *Томас Бекет* (ок. 1120–1170) — архиепископ Кентерберийский, убит рыцарями короля Генри II, с которым вступил в конфликт, канонизирован в 1173 году; *Луи (Людовик) VIII Лев* (1187–1226) — король Франции (1223—26).

Главный весовщик казначейства отвечал за взвешивание шерсти, поступавшей в распоряжение короля.

Жан (1294–1345) — граф де Монфор л'Амори, 6-й граф Ричмондский (в Англии), 4-й сын Артюра II, герцога Бретонского; *Шарль де Шатийон-Блуа* (1319—64) — сирде Майенн, де Гизид'Авен, младший брат Луи I, графа де Блуа, женат на Жанне де Пантьевр, племяннице Жана III, герцога Бретонского, и двоюродной сестре Жана, графа де Монфора л'Амори, причислен к лику блаженных.

Лорд верховный стюард (англ. *Lord High Steward*) — церемониальный титул высшего сановника государства, назначавшегося руководить коронацией или председательствовать в суде лордов; не путать с придворной должностью лорда стюарда двора (англ. *Lord Steward of the Household*). Лорд-маршал (англ. *Lord Marshal*) — один из восьми высших сановников государства, первоначально занимался военными делами под руководством лорда верховного констебля и нёс ответственность за проведение государственных церемоний.

Михайлов день — праздник в честь архангелов Михаила, Гавриила и Рафаила, празднуется католиками 29 сентября.

Дестриэ (фр. *destrier*) — высокий, мощный, очень дорогой боевой конь, используемый как для войны, так и для турниров; *курсье* (фр. *coursier*) — менее дорогой и более изящный боевой конь.

Мф. 7:7.

В данном случае — весовая единица, примерно 2 фунта или около 900 граммов.

Соулент — пролив, отделяющий остров Уайт от южного берега Англии; Нидлз (англ. *Needles*, «иглы») — цепь меловых скал, отходящая от самой западной точки острова Уайт и разделяющая бухты Элам-Бей и Скрэтчелз-Бей.

Робер VII Бертран (ум. 1348) — барон де Брикбек, виконт де Роншевиль, сеньор де Фонтене-ле-Мармион и де Маньвиль, маршал Франции до 1344 года. Впрочем, не исключено, что отрядом на Котантене командовал его старший сын Робер VIII Бертран, а сам он мог прибыть позже, для защиты Кана.

Дата (XII) совершенно очевидно ошибочна, поскольку Барфлер был взят 14 июля. Вероятно, её следует читать не как 12-е (XII), а как 15-е (XV) или 17-е (XVII).

Титул князь-епископа Даремского (англ. *Prince bishop of Durham*) означает, что его носитель помимо церковной власти обладал над палатином Дарем властью светской, которая по объёму полномочий равнялась королевской — как Эдуард Вудстокский в графстве Честерском.

Томас де Холанд Бретонский (1314—60) — 2-й лорд Холанд, граф Кентский по праву жены, рыцарь-основатель ордена Подвязки, первый муж Джоанны Прекрасной Девы Кента, впоследствии жены Эдуарда Вудстокского, принца Уэльского и Аквитанского.

Иоганн Слепой (1296–1346) — король Богемии (Чехии) из Люксембургской династии (1310—46), граф Люксембургский, титулярный король Польши, старший сын императора Генриха VII, к описываемому времени был слеп; *Хайме III* (1315–1349) — король Майорки из Арагонской династии, граф де Руссийон и де Серданья, сеньор де Монпелье и д'Омелас, прозван Безрассудным или Неудачником.

Графство Понтье, южная граница которого проходила по Сомме, до конфискации 1337 года принадлежало королям Англии.

Название Белое Пятно или Белая Плита (англ. *White Spot*, фр. *Blanchetaque*) произошло от мелового обнажения речного дна, достаточно твёрдого, чтобы по нему можно было перейти на другой берег.

Public Record Office E 25/19 называет ещё двух германцев — Адама фон Эдерайна и Герхарда фон Вейденторпа.

Баталия (англ, *battle, battaile*) — крупное подразделение средневековой армии; обычно армия состояла из трёх баталий — авангарда, центра и арьергарда, — которые выстраивались либо одна за другой в глубину боевых порядков, либо справа налево.

Фруассар называет в числе командиров также Томаса, лорда Клиффорда. Это явная ошибка, поскольку лорд Томас родился в 1363 году, а другому Томасу де Клиффорду — младшему брату Роджера де Клиффорда, 5-го лорда Клиффорда — было самое большее 12 лет. Точно так же не мог сражаться при Креси и лорд Роджер, которому к тому времени исполнилось только 13 лет.

Карл Люксембургский (1316—78) — граф Люксембургский (с 1346 года), король Богемии, император Священной Римской империи из Люксембургской династии; *Шарль II Великодушный* (1297–1346) — граф д'Алансон, дю Перш и де Шартр, второй сын Шарля, графа де Валуа, брат короля Филиппа VI.

«Wynnere and Wastoure» (*англ.* «Расчётливость и Расточительство») — средневековая английская аллитерационная поэма, написанная в 50-х годах XIV века. В ней рассказывается о столкновении двух армий, одна из которых возглавляется Расчётливостью, вторая — Расточительством; король, разрешающий спор, безошибочно идентифицируется как Эдуард III Английский, а рыцаря специалист по английскому языку и литературе сэра Израэль Голланц отождествляет Эдуардом, принцем Уэльским.

Жоффруа де Шарни (ок. 1300—56) — сеньор де Лире, де Савуази и де Монфор, рыцарь ордена Звезды, писатель и поэт, автор «Книги о рыцарстве», «Книги Шарни» и «Запросов о поединке, турнире и войне»; первый из известных обладателей Туринской плащаницы.

Фоконер (*Fauconer*, от фр. *fauconnier* или англ. *falconer* — сокольничий) — в данном случае, по-видимому, не фамилия, а прозвище по роду занятий.

Таким образом, поздние копии статута называют датой основания ордена 1349 год; интересно, что современник событий Джеффри Бейкер в своей весьма неточной хронике вообще относит это событие к 1350 году.

Здесь явная ошибка, простительная позднему переписчику: Генри Гросмонтский, граф Ланкастерский и Дербийский, получил герцогский титул только в марте 1351 года.

Коллегия каноников (англ. *College of canons*) — орган управления собором, в который входят настоятель (являющийся президентом коллегии), викарный епископ, помощники епископа на жалованье, каноники и архидиаконы епархии.

Полидор Вергилий (ок. 1470–1555) — итальянский учёный, историк, натурализованный англичанин с 1510 года; служил историографом короля Генри VII Тюдора и стал одним из авторов легенды о злодеяниях Ричарда III.

Уильям Кэмден (1551–1623) — английский антиквар, историк, топограф, герольд; *Джон Сэлден* (1584–1654) — английский юрист, исследователь древнего английского права.

Уэст-Кантри (англ. *West Country*) — буквально «Западная страна», неофициальное название юго-западных областей Англии. Обычно в неё включаются исторические графства Корнуолл, Девон, Дорсет и Сомерсет, иногда ещё Глостершир и Уилтшир.

Притч. 19:21.

Карлос (Шарль) де ла Серда (1327—54) — граф д'Ангулем (с 1350 года), коннетабль Франции (с 1350 года), франко-кастильский военачальник, праправнук по прямой линии Альфонсо X, короля Кастилии.

Oyer and terminer (*англ.* — *фр.* — заслушать и решить): в английском праве — комиссия, наделённая полномочиями заслушивать и выносить официальные обвинения по делам об измене, о преступлениях высокой и средней тяжести в графствах, на которые распространялись её полномочия. Часто расследовала мятежи и другие массовые беспорядки.

Орден Звезды (полное название — Орден рыцарей Богоматери Благородного Дома) был учреждён в ноябре 1351 года Жаном II Добрым (1319—64), королём Франции из династии Валуа (1350—64), сыном Филиппа VI.

День летнего солнцестояния, день середины лета (англ. *Midsummer day*), приходится на 24 июня и соответствует Иванову дню.

««Четверть (англ, *quarter*) — мера объёма сыпучих тел, примерно 291 литр.

Suo jure (*лат.* — в своём праве) означает в данном случае то, что Алиенора носила титул не потому, что была замужем за герцогом Аквитанским, а потому, что владела этим леном сама.

Имеется в виду Роджер Мортимер, 2-й граф Марчский, а вовсе не Жак I де Бурбон, граф де да Марш, коннетабль Франции.

Шевоше (от фр. *chevauchee*) — опустошительный рейд вглубь французской территории, целью которого было нанесение максимального экономического ущерба противнику для его деморализации и политического давления.

Бастида (фр. *bastide*) — укреплённый городок или деревня, построенные по королевской хартии.

Минориты — монахи нищенствующего францисканского ордена.

Феб (от др. — греч. — сияющий) — в древнегреческой мифологии прозвище бога Аполлона.

Роже-Бернар де Перигор (ум. 1369) — граф де Перигор; *Эли де Талейран-Перигор* (1301—64) — кардинал-епископ Альбано (с 1348 года), декан Священной коллегии кардиналов (1361—64), младший брат Роже-Бернара, графа де Перигора, покровительствовал наукам и литературе, дружил с Франческо Петраркой; *Иннокентий VI* (1292/95 — 1362) — в миру Этьен Обер, авиньонский папа (с 1352 года).

Гросс (англ. *gross*) — 12 дюжин.

Жан де Берри (1340–1416) — граф де Пуатье (с 1356 года), герцог Беррийский и герцог Оверньский (с 1360 года), граф де Монпансье (с 1401 года), граф д’Овернь и де Булонь (с 1404 года), граф де Ангулем (с 1372 года), граф д’Этамп (с 1399 года), третий сын Жана II Доброго, короля Франции.

Мари де Шатийон (ок. 1303–1377) — вдова Эмера де Валенса, 2-го графа Пемброкского, лорда англо-французского происхождения из пуатевинского рода Лузиньянов.

Амори IV де Краон (1326—73) — сеньор де Краон, де Сент-Мор, де Шантосе, де Ингранд и де Сабле, наследственный сенешаль Анжу и Мэна, капитан Турени, Анжу, Мэна и Нижней Нормандии (после 1356 года), не отличался особой верностью и несколько раз переходил от французов к англичанам и обратно.

Луи д'Анжу (1339—84) — граф д'Анжу и дю Мэн (с 1351 года), герцог Анжуйский (с 1360 года), титулярный король Неаполя (с 1382 года), граф де Прованс и де Форкалькье (с 1381 года), наместник Лангедока (1364), второй сын Жана II Доброго, короля Франции.

Шарль (Карл) де Валуа (1338—80) — дофин (с 1350 года), герцог Нормандский (с 1355 года), впоследствии Шарль V Мудрый, король Франции (1364—80), старший сын короля Жана II Доброго.

Гийом де Мелён (ум. 1376) — архиепископ Санский, третий сын Жана I де Мелёна, графа де Танкарвиля, великого камергера Франции, попавшего в английский плен при осаде Кана.

Уильям Дуглас (ум. 1384) — 1-й граф Дугласский (с 1358 года), сын сэра Арчибалда Дугласа, регента Шотландии, сражался против англичан в Шотландии и Франции; *Филипп де Валуа* (1336—75) — герцог Орлеанский и Туреньский, граф де Валуа, второй из выживших сыновей Филиппа VI, младший брат Жана II Доброго.

Арнуль д'Одреем (1302/07—70) — сир д'Одреем, маршал Франции (с 1351 года), наместник Пуату, Сентонжа, Лимузена, Ангума, Перигора и земель между Луарой и Дордонью (с 1351 года), наместник Нормандии (с 1353 года), Артуа и Пикардии (с 1355 года).

Небольшая ошибка хрониста: графство Анжу получило статус герцогства и пэрства только в 1360 году.

Филипп II Смелый (1342–1404) — герцог Бургундский, граф Фландрский, Бургундский и д'Артуа, четвёртый сын Жана II Доброго.

Жан д'Артуа (1321—87) — граф д'Э, сын Робера д'Артуа, графа де Бомон-ле-Роже, верного союзника Эдуарда III в начале Столетней войны, прозван Безземельным; *Гишар д'Англь* (ум. 1380) — сеньор д'Англь, де Плёмартен, де Шато-Ларше, де Рошфор-сюр-Шарант, сенешаль Сентонжа на службе Франции, затем граф Хантингдонский (с 1377 года), рыцарь ордена Подвязки, маршал Аквитании на службе Англии.

Бертран дю Геклен (ок. 1320—80) — сеньор де ла Мот-Брон, граф де Лонгвиль (с 1364 года), король Гренады и герцог де Молина (с 1366 года), сеньор де Понторсон (с 1376 года), коннетабль Франции (с 1370 года), считается одним из самых талантливых французских полководцев времён Столетней войны.

Мадриан (англ, *madrian, madrean, madriam*) — сладость, вероятно, на основе имбиря.

Жан III(1334–1402/03) — граф де Сансер, сеньор де Шарантон, де Сен-Мишель-сюр-Луар и де Буажибо, камергер короля Шарля VI, сын Жана II, графа де Сансера, погибшего в битве при Креси.

Реребрас (англ, *rerebrace*) — часть доспеха, защищающего верхнюю часть руки, плечо.

Уничтожение монастырей в рамках антикатолической кампании, проведённой в 1536—41 годах королём Генри VIII Тюдором после того, как Парламент провозгласил его главой новой англиканской церкви.

Шарль де Три (ум. после 1394) — граф де Даммартен (с 1360 года), крёстный отец короля Шарля VI, взят в плен в битве при Пуатье графом Солсберийским, имел прозвище «Благородный реформатор».

С соответствующими изменениями (*лат.*).

Имеется в виду Джон Гонтский, граф Ричмондский.

Муто́ндор (фр. *Moutort d'or*, золотой баран) или по-другому аньельдор — французская золотая монета, на аверсе которой изображался пасхальный агнец, несущий знамя; чеканка прекращена в конце Столетней войны из-за обесценивания неполновесных монет.

Райгейтский камень (англ, *reigate stone*) — известковый песчаник, добывавшийся в окрестностях города Райгейт в графстве Сарри и применявшийся для отделки роскошных зданий.

Диспенсация (лат. *dispensation* англ, *dispensation*) — в каноническом праве акт, выводящий конкретный случай из-под прямого действия закона. В данном случае имеется в виду разрешение на брак, нарушающий канонические законы.

Золотой гиенец (фр. *Guyennois d'or*) — англо-гас конская золотая монета XIV века, чеканилась для Аквитании во времена правления короля Эдуарда III Английского.

Из стихотворения Томаса Харди «Предостережение юноше».

90

5,5 грамма.

Имеются в виду Томас Фелтон и Джеймс Одли.

Эдуард Нориджский (ок. 1373–1415) — 2-й герцог Йоркский, старший сын Эдмунда Лэнглийского, 1-го герцога Йоркского; один из немногих знатных англичан, погибший в знаменитой битве при Азенкуре в 1415 году.

Энрике II Трастамарский (1334—79) — король Кастилии и Леона, незаконнорождённый сын Альфонсо XI, короля Кастилии, и Элеоноры де Гусман, прозван Братоубийцей.

Урбан V (1310—70), в миру Гийом де Гримоар — авиньонский папа (с 1362 года), причислен к лику блаженных.

Имеется в виду Сен-Жан-Пье-де-Пор, кантон в Западных Пиренеях.

Педро Лопес де Айала — советник и канцлер Энрике Трастамарского, при публикации переписки удалил все оскорбительные выпады в адрес принца Уэльского, однако они дошли до нас из других источников.

В то время принятым обращением к королю было «Ваше высочество» (англ. *Your Highness*, фр. *Votre hautesse*); до начала XVI века титулование «Ваше величество» (англ. *Your Majesty*) использовалось крайне редко.

Теория двух мечей (лат. *doctrina de duo gladii*) — средневековая политико-теологическая доктрина, обосновывающая тезисы о верховенстве власти папы римского над светскими правителями, о недопустимости вмешательства светских правителей в церковные дела, а также о светской власти папства наряду с духовной.

Мф. 26:52.

Лолларды (англ. *Lollards*) — религиозное течение, возникшее в начале XIV века, представители которого выступали за реформу католической церкви и против некоторых церковных практик; в частности, они ратовали за секуляризацию церковных земель и считали церковь лишним звеном между человеком и Богом.

Сир. 44:1.

Мал. 1:11.

Пар. 17:8.

Пс. 21:23.

Дата указана ошибочно — в 1376 году Троица приходилась на 8 июня.